Жизнь Замѣчательныхъ Людей

М 66/76
195.139.77.73

195, 139, 77, 73

1. Щепкинъ, М. С.
2. Перовъ, В. Г.
3. Кантъ, Имм.
4. Иоаннъ, Грозный.

2007237384

M66/76 [11 вкл]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

801-92
6280-0

М. С. ЩЕПКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СЦЕНИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ СОВРЕМЕННАГО ЕМУ ТЕАТРА

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. А. Ярцева

Съ портретомъ Щепкина, гравированнымъ Константиномъ Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Бол. Подъяч., № 39.
1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцова.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н К Михайловскаго.* Ц 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Микѣшева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *Н. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 гг.) *А М Скабичевскаго.* Цѣна 2 руб.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й, Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э Зауэръ.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца* Изд 2-е Ц 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *Н. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

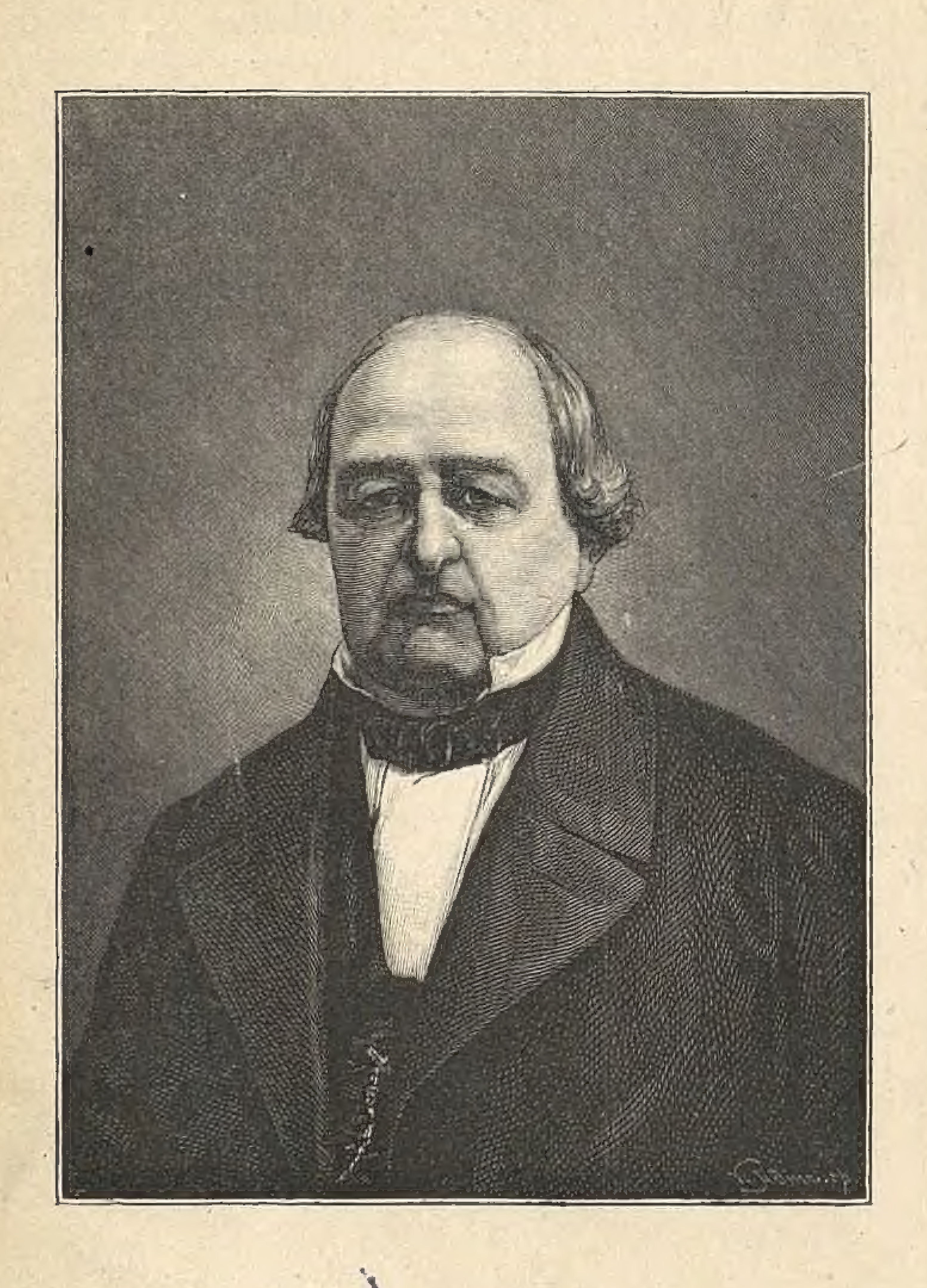
Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ** Съ 2 карт, ц 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт, ц 3 к—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт, ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Дозв. ценз. СПБ, 20 августа 1893 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“ Б. Подьяч., 39

М. С. Щепкинъ.

1

l 1/93

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

М. С. ЩЕПКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СЦЕНИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ КРАТКОЙ БІОГРАФІИ

П. С. МОЧАЛОВА, В. А. КАРАТЫГИНА, А. Е. МАРТЫНОВА и П. М. САДОВСКАГО

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

А. А. Ярцева

Съ портретомъ М. С. Щепкина, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Бол. Подъяч., № 39

1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Іюня 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

Не имѣя возможности приводить здѣсь перечень всѣхъ матеріаловъ для предлагаемыхъ въ этой книжкѣ очерковъ, назовемъ главнѣйшіе. Для біографіи Щепкина мы пользовались матеріалами, обозначенными въ составленной нами брошюрѣ: «М. С. Щепкинъ въ русской литературѣ (Щепкиніана)». М. 1888 г.,—и кромѣ того: 1) *Русск. Арх.*, 1889, № 4 (воспоминанія А. Щепкиной); 2) *Артистъ*, № 6 (ст. Н. Тихонравова); 3) *Основа*, 1862, № 4 (Дневникъ Шевченко); 4) *Бѣлинскій*,—А. Н. Пыпина; 5) *Грановскій*—А. В. Станкевича; 6) *Нижегородскій театръ* - А. С. Гацисскаго; 7) *Е. Б. Піунова*— Н. Юшкова и др. Для біографіи Мочалова: 1) Соч. *С. Т. Аксакова*, т. 4, изд. 1886; 2) *Стихотворенія Мочалова* («Литературный кабинетъ» и «Репертуаръ» 1846); 3) *Русск. Арх.*, 1875, № 12, ст. Кублицкаго; 4) *Соч. Бѣлинскаго*; 5) *Драматич. Альбомъ*—Арапова; 6) *Антрактъ*, 1865 и 1868; 7) *Русск. Стар.*, 1886, №№ 4—6—воспом. А. Д. Галахова и др. Для біографіи Каратыгина: 1) *Записки*—П. А. Каратыгина; 2) *Еженед. Нов. Время*, 1880, №№ 81—86 (біогр. очеркъ); 3) *Хроника пет. театровъ*— А. Вольфа и др. Для біографіи Мартынова: 1) *Сѣв. Пчела, Русск. Инвал., Спб. Вѣдом. и др. період. изданія* 1860 г.; 2) *Современн.*, 1860, № 9, ст. Панаева; 3) *Хроника*—Вольфа и др. Для біографіи Садовскаго: 1) Біограф. очеркъ—В. И. Родиславскаго; 2) *Москов. Вѣд* 1872, № 183, ст. Д. Аверкіева; 3) *Русск. Арх.*, 1873, № 2, воспом. С. Соловьева; 4) *Драмат. Альбомъ*— Арапова и др.

Кромѣ того въ настоящихъ очеркахъ мы пользовались устными разсказами, слышанными нами отъ живыхъ доселѣ сотоварищей по сценѣ біографируемыхъ артистовъ.

Втеченіи 30 лѣтъ, прошедшихъ со смерти М. С. Щепкина, въ русской литературѣ еще не появлялось болѣе или менѣе полной разработки данныхъ о его жизни и дѣятельности. Нашъ очеркъ является скромной попыткой сгруппировать, въ предѣлахъ настоящаго изданія, свѣдѣнія о жизни великаго артиста и охарактеризовать его, какъ сценическаго дѣятеля и человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ очертить жизнь и дѣятельность главнѣйшихъ представителей русской сцены Щепкинскаго времени: П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и П. М. Садовскаго.

А. Ярцевъ.

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность М. С. Щепкина.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ людей, къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которыми по справедливости можетъ гордиться родина и имена которыхъ въ лѣтописяхъ прогрессивнаго движенія страны стоятъ въ первыхъ рядахъ дѣятелей на пользу своего отечества. Щепкинъ не занималъ высокаго государственнаго или общественнаго положенія, онъ не былъ ни знаменитымъ ученымъ, ни славнымъ полководцемъ. Щепкинъ былъ актеръ. И этому, въ его время далеко не почетному, званію онъ съумѣлъ пріобрѣсти, въ лицѣ своемъ, наивысшую степень общественнаго уваженія, вращаясь въ избранномъ кругу ученыхъ, профессоровъ, лучшихъ нашихъ писателей и проч. и не только вращаясь, но будучи выдающимся членомъ своего кружка, искавшаго у него нерѣдко и отдыха, и совѣта, и добраго слова. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ былъ исключительно самому себѣ, своей искренней, горячей любви къ искусству и непреклонному, упорному труду надъ своимъ развитіемъ. Такова благодѣтельная сила труда, такова сила вѣры въ его плодотворность, сила любви къ дѣлу, являющемуся для извѣстнаго человѣка исключительной и высшей цѣлью его существованія.

Жизнь Щепкина—живое и неоспоримое доказательство этого.

Я родился въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ. Этими словами, написанными рукою А. С. Пушкина, начинаются «Записки М. С. Щепкина». Днемъ рожденія Щепкина было 6 ноября 1788 г.

Прадѣдъ Михаила Семеновича служилъ священникомъ въ селѣ Спасскомъ, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи, а отецъ его родился крѣпостнымъ. «Это—говоритъ Щепкинъ—не должно казаться страннымъ, ибо въ томъ вѣкѣ дѣлалось это часто, такъ что дѣдъ мой не слишкомъ удивился, когда, заснувъ свободнымъ, проснулся крѣпостнымъ». По разсказу М. С., дѣдъ ихъ, Григорій Ивановичъ, сынъ священника, обладалъ въ дѣтствѣ хорошимъ голосомъ и часто пѣвалъ въ церкви. Сосѣдній помѣщикъ, графъ С. Е. Волькенштейнъ, слышалъ пѣніе мальчика, и оно такъ ему понравилось, что вскорѣ маленькій пѣвчій числился крѣпостнымъ

графа. Въ то время закрѣпощеніе лицъ духовнаго званія было дѣломъ не рѣдкимъ; даже по закону, тѣ изъ нихъ, которые не получали штатныхъ церковныхъ мѣстъ, записывались за помѣщиками. Какъ бы тамъ ни было, но Семенъ Григорьевичъ, отецъ Щепкина, отъ рожденія считался дворовымъ человѣкомъ графа Волькенштейна. Мать Щепкина была тоже изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, отданныхъ въ приданое за графинею. Семенъ Григорьевичъ служилъ камердинеромъ при баринѣ; Марья Тимоѳеевна—сѣнной дѣвушкой при барынѣ: этого было уже и достаточно, по обычаю того времени, чтобы сочетать ихъ бракомъ. И отецъ, и мать Щепкина были любимы своими господами и пользовались ихъ неограниченною довѣренностью. Графъ и графиня отличались добротою, и Щепкинымъ, занимавшимъ такое исключительное положеніе среди барской дворни, жилось хорошо. Смерть первыхъ двухъ дѣтей заставила ихъ погрустить, но скоро явилось утѣшеніе—родился Миша и на него, счастливые по своему, родители перенесли всѣ свои заботы и надежды.

Воспоминанія дѣтства глубоко запечатлѣлись въ памяти Щепкина, и на склонѣ лѣтъ онъ живо и ярко описываетъ нѣкоторые эпизоды далекаго прошлаго. Родители его еще до его рожденія старались позаботиться о счастьѣ будущаго ребенка. И вотъ на семейномъ совѣтѣ они положили: ежели Богъ дастъ благополучно родить,—взять куму и кума изъ первыхъ встрѣчныхъ, несмотря на то, что первыхъ двухъ дѣтей у нихъ крестили господа. А потому, когда благополучно явился онъ на свѣтъ, крестнымъ отцомъ его былъ пьяный лакей, а крестной матерью—повариха. Однако счастливая примѣта—встрѣчные кумовья — съ самаго начала чуть было не оказалась ложною.

«Повивальная бабка,- разсказываетъ Щепкинъ,—отправляя свою должность, что-то и какъ-то плохо перевязала, и я едва не изошелъ кровью. Но видно ужъ такъ должно было быть, чтобы предразсудокъ имѣлъ еще событіе, которое бы давало ему право на бо́льшую вѣру: кто-то во время разсмотрѣлъ бѣду, и новой суровой ниткой, ссученной вдвое, такъ сказать, привязалъ меня къ жизни.»

Тихо и мирно проходили первые годы дѣтства Щепкина, сдѣлавшагося любимцемъ и родителей, и господъ. Полугодовалымъ малышемъ онъ уже пользовался привилегіями, совершенно выходившими изъ рамокъ общепринятой дворовой дисциплины.

«Мать моя, —говоритъ онъ по этому поводу,—по милости господъ, отправляясь для услугъ, уже брала и меня съ собою, и я имѣлъ полное право валяться на господскихъ диванахъ и пользоваться всѣми правами ребенка. А если иногда случалось мнѣ быть невѣжливымъ, то графъ, по обыкновенію, ворчалъ, а графиня отъ души смѣялась.»

Графская снисходительность къ малюткѣ вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ милостямъ, которыми были взысканы отъ господъ его родители. Въ первые же годы послѣ рожденія Миши отецъ его быстро подвинулся впередъ въ своей карьерѣ и изъ камердинеровъ былъ назначенъ въ управляющіе всѣхъ графскихъ имѣній, разбросанныхъ верстъ на семьдесятъ въ окружности. Новому управляющему надо было поселиться въ центрѣ графскихъ помѣстій и переѣхать изъ Краснаго, но графиня, души не чаявшая въ своей Машѣ и полюбившая ея маленькаго забавнаго сынишку, долго не соглашалась отпустить ихъ отъ себя, и отцу Щепкина приходилось или разъѣзжать по имѣніямъ, или жить безъ семьи на хуторѣ. Наконецъ графиню убѣдили не разлучать Семена Григорьевича съ семьей, и Щепкины выѣхали изъ господскаго дома и поселились въ другомъ, Судженскомъ, уѣздѣ. Тутъ прошла остальная часть дѣтства Щепкина, лѣтъ отъ четырехъ.

«Дѣтство это,—по признанію М. С.,—было весьма неинтересное, какъ и дѣтство всякаго ребенка, особливо въ томъ званіи; извѣстно только, что я былъ самый острый и умный ребенокъ». Очень рано начали ребенка учить грамотѣ, когда ему не было еще и пяти лѣтъ, «чтобы не баловался». И ключнику хлѣбнаго магазина при винокуренномъ заводѣ суждено было внѣдрять первыя начала премудрости въ дѣтскую голову будущаго артиста. Ученье пошло легко и быстро, и въ шесть лѣтъ Щепкинъ вполнѣ уже усвоилъ всю несложную науку первоначальнаго образованія: азбуку, часословъ и псалтырь. Наука эта воспринималась чисто механическимъ путемъ. Ученики,—два сына шинкаря и Щепкинъ,—не понимали ни слова изъ прочитаннаго, но пріобрѣтали способность бѣгло читать церковныя книги. У Щепкина остались въ памяти картины первыхъ шаговъ его на пути къ просвѣщенію. Вотъ онъ помнитъ напримѣръ такую патріархальную сцену.

«При перемѣнѣ книги, т. е. когда я окончилъ азбуку и принесъ въ школу въ первый разъ часословъ, то тутъ же принесъ горшокъ молочной каши, обернутый въ бумажный платокъ, и полтину денегъ, которая, какъ дань, слѣдуемая за ученье, вмѣстѣ съ платкомъ вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на столъ и послѣ повторенія задовъ (въ такой торжественный день ученья уже не было) раздавали всѣмъ учащимся ложки, которыми и хватали кашу изъ горшка. Я, принесшій кашу и совершившій подвигъ, т. е. выучившій всю азбуку, долженъ былъ бить учениковъ по рукамъ, что я исполнялъ усердно, при всеобщемъ шумѣ и смѣхѣ учителя и его семейства. Потомъ, когда кончили кашу, вынесли горшокъ на чистый дворъ, поставили его посрединѣ, и каждый бросалъ въ него палкой; тотъ, кому удавалось разбить его, бросался стремглавъ бѣжать, а прочіе, изловивъ его, поочередно драли за уши.»

Что́ обозначала эта церемонія, для чего она дѣлалась,—и самъ Щепкинъ не могъ объяснить.

Мальчикъ удивлялъ всѣхъ своими способностями, учитель не успѣвалъ задавать ему уроки, но не обходилось все-таки дѣло и безъ старинпаго педагогическаго средства—хорошихъ пучковъ розогъ. Къ нимъ прибѣгалъ иногда и отецъ Щепкина, наказывая сына за непослушаніе и шалости. Доставалось ему особенно за небрежное отношеніе къ наукѣ ключника. Живая натура мальчика плохо мирилась съ этимъ механическимъ процессомъ чтенія. Не хотѣлось ему сидѣть за скучными, давно уже надоѣвшими «задами»: его тянуло изъ школы на волю. И вотъ, отбарабанивъ положенное количество задовъ такъ, что «и самъ сатана не могъ бы разобрать ни слова», онъ убѣгалъ въ лѣсъ и возвращался оттуда домой лишь къ обѣду. Отецъ скоро провѣдалъ про такое повтореніе «задовъ», изловилъ какъ-то мальчугана въ лѣсу и порядочно его выпоролъ, а учителю строго приказалъ слѣдить за тщательнымъ повтореніемъ «задовъ».

Ключникъ, какъ подчиненный управляющаго, долженъ былъ исполнить его приказаніе и сталъ наблюдать, чтобы Щепкинъ читалъ «по точкамъ». Но тутъ бойкій ученикъ поставилъ въ тупикъ своего учителя, сорокъ лѣтъ обучавшаго юношество грамотѣ, задавши ему вопросъ: да для чего же останавливаться по точкамъ? Остолбенѣлъ учитель отъ такого совершенно неожиданнаго вопроса, сталъ давать объясненія, но мальчикъ разбивалъ въ пухъ и прахъ всѣ его доводы, а вопросъ все-таки не рѣшался. Тогда, вспоминаетъ Щепкинъ, «учитель, видя, что злой духъ совершенно овладѣлъ мною (ибо не можетъ быть, чтобы безъ его наущенія такой умный ребенокъ не понялъ того, что, по его мнѣнію, онъ растолковалъ такъ ясно), а потому, не желая входить въ состязаніе съ сатаной, какъ онъ говорилъ, отпустилъ мнѣ въ голову порядочную тукманку, говоря: «колы ты тымъ точкамъ не вѣришъ, такъ о̀тъ тоби точка! отъ сей, мабуть, повѣришъ». И обѣщалъ еще задать настоящаго жару, если мальчикъ снова начнетъ допытываться о точкахъ. Послѣ такого сильнаго доказательства, Щепкинъ навсегда отказался отъ подобныхъ вопросовъ.

Матери было больно смотрѣть, какъ наказывали ея любимаго сынка, наказывали часто ни за что, ни про что; она уговорила отца отдать мальчика къ другому учителю, къ священнику одного изъ графскихъ селъ. Ей думалось, что тамъ Мишѣ будетъ лучше, но наука и у новаго учителя началась розгами. На другой же день послѣ поступленія Щепкина, учитель нещадно выпоролъ его за

разорванный листъ псалтыря, который вновь поступившій хотѣлъ половчѣе и поскорѣе перевернуть, чтобы блеснуть своими знаніями передъ дѣтьми священника. Потомъ дѣло обошлось; но учиться и тутъ Щепкину было нечему: священникъ и самъ плохо разбиралъ то, что не часто встрѣчалось въ церковныхъ книгахъ. Зато, вдали отъ родительскаго надзора, здѣсь мальчику было больше свободы. Отецъ, пріѣзжавшій иногда, былъ очень доволенъ, слушая, какъ его сынъ, съ дѣтства обладавшій замѣчательнымъ слухомъ, поетъ на клиросѣ. Это удовлетворяло его самолюбію. Семенъ Григорьевичъ могъ назваться бывалымъ человѣкомъ. Онъ много поѣздилъ по свѣту съ графомъ, много насмотрѣлся всего и наслушался въ своей жизни, зналъ, что́ сулитъ судьба крѣпостному. Его мечтой было—вывести сына изъ той среды, къ которой онъ принадлежалъ. Да и самъ онъ, въ своемъ кругу, былъ выдающимся человѣкомъ. Щепкинъ утверждаетъ, что отецъ его «былъ всегда выше своего званія, чему доказательствомъ служитъ и то, что онъ не удовлетворялся тогдашними общими понятіями своего круга объ образованіи дѣтей». Онъ желалъ научить сына чему-то большему, хотя и слышалъ безпрестанно вокругъ себя отъ своихъ товарищей: «чортъ знаетъ, чему управитель хочетъ учить своего сына, отдавая въ Бѣлгородъ; мальчикъ ужъ и такъ выучилъ азбуку, часословъ и псалтырь, его бы теперь выучить писать—и конецъ; а тамъ отдать въ судъ переписывать дѣла, и вышелъ бы человѣкъ». Отецъ, слыхавшій объ университетѣ, а можетъ быть мечтавшій о немъ и для сына, улыбаясь, пропускалъ мимо ушей эту болтовню и надумалъ везти сына въ Бѣлгородъ, къ одному очень ученому священнику, старому своему знакомому.

Задумано—сдѣлано. Взяли Мишу отъ учителя домой, дали ему досыта нагуляться и набѣгаться на свободѣ, и послѣ напутственнаго молебна и званаго обѣда для родныхъ торжественно усадили мальчугана въ кибитку между отцомъ и матерью, и двинулись въ путь. Во время этой поѣздки случилось важное событіе въ дѣтской жизни Щепкина, повліявшее, по собственному его признанію, на всю его судьбу. Случилось, что путники остановились на ночлегъ въ помѣстьѣ графа, въ томъ самомъ Красномъ, гдѣ родился Щепкинъ. Графиня, когда-то баловавшая мальчика, къ тому времени уже умерла; графъ-вдовецъ, для развлеченія и забавы своихъ дѣтей, устроилъ театръ въ своемъ домѣ, какъ это часто бывало тогда у богатыхъ помѣщиковъ. У него былъ хорошій оркестръ музыкантовъ и порядочный хоръ пѣвчихъ, такъ что была возмож-

ность ставить и оперы. Въ этотъ разъ, какъ Щепкины останавливались въ Красномъ, дана была опера «Новое семейство».

Щепкинъ не говоритъ въ своихъ запискахъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него этотъ спектакль, но утверждаетъ, что въ этотъ вечеръ рѣшилась вся будущая судьба его. Описаніе же обстановки зрительнаго зала и всего происходившаго до начала спектакля онъ оставилъ такое подробное, что становится очевиднымъ, какъ глубоко запечатлѣлось въ его памяти первое видѣнное имъ сценическое представленіе. Голова семилѣтняго воспріимчиваго мальчика закружилась отъ необыкновенной обстановки: онъ глядѣлъ во всѣ глаза и, казалось ему, ничего не видалъ, но тѣмъ не менѣе все разсмотрѣлъ и все примѣтилъ, а оперные мотивы помнилъ до конца своей жизни.

Этотъ вечеръ былъ роковымъ въ жизни Щепкина: съ тѣхъ поръ зародилась въ немъ страсть къ театру, угасшая лишь съ послѣднимъ вздохомъ геніальнаго артиста.

И еще разъ въ дѣтствѣ пришлось Щепкину возобновить свои сценическія впечатлѣнія, но явиться уже не зрителемъ, а маленькимъ актеромъ и даже выдержать борьбу за театръ противъ своихъ товарищей. Это случилось уже въ Суджѣ, гдѣ Щепкинъ учился въ уѣздномъ училищѣ послѣ занятій у бѣлгородскаго священника. Послѣ того достопамятнаго представленія оперы на помѣщичьемъ театрѣ прошло нѣсколько лѣтъ. Какъ-то разъ одинъ изъ товарищей Щепкина принесъ въ классъ комедію Сумарокова «Вздорщица». Что такое комедія? недоумѣвали ученики. Щепкинъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и, вспоминая представленіе оперы, сталъ разсказывать товарищамъ, какъ можно комедію разыграть въ лицахъ. Но—нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ—не повѣрили дѣти маленькому толкователю, да еще и напали на него, называли лгуномъ и самохваломъ. Довели его до того, что и въ немъ стало зарождаться сомнѣніе: можно ли и въ самомъ дѣлѣ разыгрывать комедію такъ же, какъ и оперу. Споръ дѣтей перешелъ въ крикъ, проснулся спавшій въ сосѣдней комнатѣ учитель и вышелъ на расправу съ буянами. Причина шума однако скоро разъяснилась, и учитель не только поддержалъ Щепкина, но и разсказалъ ученикамъ, что есть драмы, трагедіи и оперы, которыя тоже можно играть, и что въ Москвѣ по этой части есть хорошіе актеры: Шушеринъ, Ожогинъ и другіе.

Щепкинъ торжествовалъ, а бесѣда о комедіи и театрѣ продолжалась и оживила ученье.

«Въ первый разъ—вспоминаетъ Щепкинъ—у учителя въ классѣ не

было скучно; не знаю, отчего: отъ того ли, что въ его преподаваніе ворвалась совершенно новая мысль и новостью своею сдѣлалась интересна, или онъ самъ впервые нарушилъ обыкновенный образъ своего чтенія и, вмѣсто мертвыхъ словъ, познакомилъ насъ съ мыслью. Однимъ словомъ, мы не скучали въ классѣ, намъ было весело, мы какъ будто вдругъ поумнѣли и даже намъ сдѣлалось скучно, когда звонокъ пробилъ объ окончаніи класса; по крайней мѣрѣ такъ было со мною.»

Но какова же была радость Щепкина, когда учитель, уходя изъ класса, сказалъ ученикамъ:

— Вотъ, дураки! вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицамъ, да биться на кулачки, или другими подобными занятіями убивать время, не лучше ли было бы, еслибы вы разучили эту комедію, да передъ роспускомъ на масляницѣ сыграли бы ее у меня.

Восторгъ дѣтей былъ общій; куда дѣвались обычныя шалости; всѣ думали лишь о комедіи и больше всѣхъ, разумѣется, Щепкинъ. Дѣти какъ будто переродились. «Вздорщица» надѣлала чудеса. Радостное настроеніе Щепкина впрочемъ сейчасъ же и измѣнилось; въ его дѣтскую душу заползалъ уже червячокъ сомвѣнія: «а вдругъ мнѣ не дадутъ играть,—размышлялъ онъ.—Много есть дѣтей дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, которые всѣ далеко выше моего званія, и эти дѣти вѣроятно будутъ предпочтены. Вмѣсто радости, тоска и чувство униженія чрезвычайно тяготили меня, хотя какой-то лучъ тайной надежды мелькалъ въ головѣ моей, что можетъ быть я и буду играть». А главное утѣшало его то, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, котораго не долженъ былъ бы обойти учитель при раздачѣ ролей. Воображая себя уже играющимъ, Щепкинъ живо вспоминалъ видѣнную имъ когда-то оперу и испытывалъ необъяснимое удовольствіе. Что это было за удовольствіе — онъ и самъ не зналъ, но ему было такъ хорошо, хотя изрѣдка сердце его щемила та же невеселая мысль: «а, ну, какъ я не буду играть въ комедіи».

На слѣдующее утро учитель распредѣлилъ ученикамъ роли, и Щепкину назначилъ играть слугу Розмарина. Мальчикъ до слезъ обрадовался своей счастливой долѣ. Расписали и выучили роли, начали репетиціи. Все шло удачно, а Щепкинъ читалъ свою роль съ такою быстротой, что всѣ приходили въ удивленіе, а учитель приговаривалъ, улыбаясь: «Ты, Щепкинъ, ужъ слишкомъ шибко говоришь, а впрочемъ хорошо, хорошо».

Наконецъ насталъ давно желанный день спектакля. Классную комнату превратили въ зрительный залъ и сцену, сзади сцены повѣсили пологъ съ кровати и изъ-за него выходить должны были юные актеры. Учитель пригласилъ на спектакль всю городскую

знать и семейства участвовавшихъ въ комедіи. Для всѣхъ зрителей спектакль былъ неожиданностью, а городничій даже спросилъ: «не будетъ ли въ этомъ представленіи чего-нибудь неприличнаго?» Но когда учитель увѣрилъ, что, за исключеніемъ барыни, которая бьетъ свою дѣвку башмакомъ, нѣтъ ничего такого.—«Ну, въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго», сказалъ городничій.

Въ пять часовъ вечера собрались зрители и разсѣлись по мѣстамъ. Актеры поумылись, причесались, одѣлись кто какъ могъ поопрятнѣе. На слугѣ Розмаринѣ-Щепкинѣ былъ длинный сюртукъ и розовый платокъ на шеѣ. Представленіе началось.

Этотъ спектакль и все связанное съ нимъ навсегда сохранилось въ памяти Щепкина со многими подробностями. Онъ описалъ впослѣдствіи не только различные эпизоды этого вечера, но и свои ощущенія и чувства, волновавшія его при этомъ первомъ дебютѣ. Сначала онъ какъ будто струсилъ, но потомъ былъ въ такомъ жару, что себя не помнилъ и чувствовалъ какое-то самодовольствіе, видя, что быстрѣе его никто не говоритъ. Посѣтители были очень довольны, хлопали на-пропалую, а городничій изрѣдка одобрялъ словесно: «хорошо, лихо» и тому подобными восклицаніями. По окончаніи пьесы всѣхъ актеровъ подозвали къ себѣ зрители и начали расхваливать.

Вечеръ кончился, но встревоженное воображеніе Щепкина продолжало свою работу и ночью: спалъ онъ безпокойно, ему грезился спектакль, снилось, что онъ играетъ и не знаетъ роли, одѣтъ неприлично и т. п. И сонъ оказался въ руку. На утро Щепкинъ пошелъ къ учителю просить отпускъ домой на масляницу, но получилъ вмѣсто того приказаніе остаться на нѣсколько дней и играть ту же комедію въ домѣ городничаго. Щепкинъ былъ внѣ себя отъ радости, а особенно когда учитель велѣлъ ему отпустить къ отцу пріѣхавшихъ за нимъ лошадей и обѣщалъ выхлопотать у исправника предписаніе, чтобы достать обывательскую подводу. Тутъ Щепкинъ увидалъ, что онъ необходимъ, что безъ него не пойдетъ спектакль, и городничій, и городъ будутъ лишены удовольствія. А у городничаго, отдававшаго дочь за откупщика, было назначено великое торжество, волновавшее заранѣе весь городъ. Много толковъ было и о предстоявшемъ спектаклѣ, хотя никто точно не могъ опредѣлить, что это за штука такая «комедія», которую собираются разыграть. Съ полудня толпы народа обступили домъ городничаго, и маленькіе актеры принуждены были пробираться туда подъ охраною двухъ будочниковъ. Гостей

у городничаго была масса, и играть передъ такимъ многолюднымъ собраніемъ было уже не то, что въ училищѣ.

Но и на этотъ разъ юные лицедѣи не посрамились. По окончаніи пьесы всѣ гости наперерывъ осыпали ихъ похвалами, дамы всѣхъ цѣловали, а городничій, притопывая ногой, кричалъ: «славно, дѣти, славно!» и подарилъ имъ рубль мѣдныхъ денегъ и огромной величины пряникъ, который собственноручно раздѣлилъ между дѣтьми. Отдавая каждому его часть пряника, цѣловалъ дѣтей и приговаривалъ: «хорошо, плутишка!» «Меня же,—разсказываетъ Щепкинъ,—для отличія отъ прочихъ, согласно моему званію, погладилъ по головѣ, потрепалъ по щекѣ и позволилъ поцѣловать свою ручку, что было знакомъ величайшей милости, да прибавилъ еще: «ай да Щепкинъ! Молодецъ! Бойчѣе всѣхъ говорилъ; хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!»

Невыразимое волненіе — признакъ глубоко-впечатлительной артистической натуры—овладѣло Щепкинымъ послѣ этого спектакля.

«Я былъ—говоритъ онъ—въ такомъ чаду, что мнѣ все казалось сномъ, и еслибы не огромный кусокъ пряника и не двадцать пять копѣекъ, доставшихся мнѣ съ сестрою (которая тоже училась въ Суджѣ и играла въ комедіи), еслибы не эта сумма, слишкомъ громко звенѣвшая въ заднемъ карманѣ сюртука моего, при каждомъ моемъ движеніи, то я точно бы усомнился въ дѣйствительности. Что тогда у меня было на мысли, что меня волновало, я не могу выразить, только мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что и сказать нельзя.»

Торжествующему Щепкину скоро однако пришлось выслушать очень суровую критику о своей игрѣ. Захвативъ съ собою пряники, какъ трофеи успѣха, и двадцать пять копѣекъ въ знакъ бережливости, Щепкинъ съ сестрою отправились на перемѣнныхъ, по предписанію городничаго и исправника, домой. На пути, гдѣ имъ приходилось останавливаться, дѣти съ гордостью повѣствовали о своихъ подвигахъ, а пріѣхавши домой, не успѣли поздороваться съ отцомъ, матерью и семейными, какъ уже пустились въ разсказы о спектакляхъ. Отецъ недовѣрчиво улыбался и захотѣлъ послушать, какъ Миша игралъ свою роль.

Живя въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Семенъ Григорьевичъ не одинъ разъ бывалъ въ театрѣ, видалъ лучшихъ артистовъ того времени и даже, по его словамъ, видалъ спектакли въ Эрмитажѣ. А Миша и не подозрѣвалъ, какого строгаго судью имѣетъ онъ въ лицѣ отца. Съ ужасной быстротой началъ онъ болтать свою роль. Отецъ расхохотался, а мать плакала отъ радости, видя въ сынѣ такую бойкость. Мальчикъ думалъ, что и здѣсь онъ производитъ

своимъ чтеніемъ то же дѣйствіе, что и въ городѣ, еще быстрѣе и громче сталъ работать, съ самодовольствіемъ подмигивая сестрѣ. Но каково же было его удивленіе, когда между отцомъ и сыномъ послѣдовалъ такой діалогъ:—Ну, ну,—сказалъ отецъ,—довольно; и вы всѣ такъ играли? — Всѣ,—отвѣчалъ сынъ,—и я лучше всѣхъ!—И васъ хвалили?—Хвалили.—И учитель былъ доволенъ?—Очень доволенъ. Тутъ отецъ ѣдко усмѣхнулся и промолвилъ:—Дураки вы, дураки! За такую игру и васъ всѣхъ, и учителя выдрать бы розгами!

Щепкинъ былъ удивленъ такимъ рѣзкимъ отзывомъ, но конечно не могъ понять, въ чемъ заключались недостатки его чтенія, да и отецъ вѣроятно не могъ хорошенько разъяснить этого. Но можетъ быть съ этого момента и навсегда зародилось въ немъ стремленіе подвергать свою игру собственному критическому анализу, прислушиваться къ голосу знающихъ и развитыхъ людей, и безъ конца работать и постигать тайны искусства.

Спектакли въ Красномъ и въ Суджѣ были самыми важными событіями въ дѣтствѣ Щепкина и оказали свое несомнѣнное вліяніе на его артистическое призваніе. Еще большее развитіе получило въ немъ это призваніе въ слѣдующіе годы, когда онъ въ Курскѣ увидалъ настоящій театръ. Въ 1802 году Щепкина изъ Суджи привезли въ Курскъ и отдали въ народное губернское училище, которое тогда подготовлялось къ преобразованію въ гимназію. Училище состояло изъ 4-хъ классовъ, и Щепкина по экзамену приняли прямо въ 3-й классъ. Случилось это въ первыхъ числахъ марта, но къ іюню способный мальчикъ догналъ своихъ одноклассниковъ и перешелъ въ 4-й классъ, да еще первымъ ученикомъ, получивъ въ награду книгу: «О должностяхъ человѣка и гражданина» съ надписью «за прилежаніе». Для Щепкина было легко достигнуть такого успѣха и потому. что у него была замѣчательная память, а все ученье въ училищѣ основывалось на памяти. Всѣ науки, исключая математику, законъ Божій и церковную исторію, диктовались учителемъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которые ученики должны были выдалбливать слово въ слово.

Въ 4-мъ классѣ курсъ былъ довольно обширный: словесность, всеобщая и русская исторія, географія, естественная исторія, законъ Божій. ариѳметика, геометрія и даже начальныя понятія изъ механики, архитектуры и физики, а изъ иностранныхъ языковъ—латинскій и нѣмецкій. Но языкамъ Щепкинъ учился недолго. Вскорѣ послѣ его поступленія въ училище прибавили классъ французскаго языка, и лишь крѣпостные лишены были права об-

учаться въ этомъ классѣ. Это такъ оскорбило юношу, что онъ пересталъ ходить въ классы нѣмецкаго и латинскаго языковъ.

Патріархальные порядки царили въ училищѣ, патріархальны были учителя и ихъ пріемы преподаванія, судя по разсказамъ о нихъ Щепкина. Пріобрѣсти познанія, развивать свой умъ и способности ученикамъ было крайне трудно при тогдашней системѣ обученія, когда все вниманіе обращалось на механическое заучиваніе. Щепкину, при его выдающихся дарованіяхъ, ученье давалось легко. Лишь только поступилъ онъ въ училище, какъ уже сдѣлался первымъ ученикомъ, и учителя ставили его въ примѣръ товарищамъ. Самъ губернаторъ, на зависть остальнымъ ученикамъ, удостоивалъ его особеннымъ вниманіемъ, очень ласкалъ и каждый свѣтлый праздникъ присылалъ Щепкину полсотни красныхъ яицъ и 5 рублей ассигнаціями денегъ.

Въ это время Щепкину было уже около 15 лѣтъ. Изъ дѣтскаго возраста онъ переходилъ въ юношескій, отношеніе къ жизни становилось сознательнѣе, ребяческія шалости и игры смѣнялись чтеніемъ, въ матеріалѣ для котораго не было недостатка. Приказчикъ книжной лавки очень полюбилъ Щепкина и охотно снабжалъ его книгами. А еще больше помогъ ему въ этомъ случаѣ авторъ «Душеньки», И. Ѳ. Богдановичъ, жившій тогда въ Курскѣ. Поэтъ бывалъ у графа Волькенштейна, и однажды, замѣтивъ Щепкина съ книжкой, спросилъ его: «Ты, душенька, любишь читать? и на отвѣтъ—да—взялъ у него книжку и прочиталъ заглавіе: «Мальчикъ у ручья».

— Да, это довольно мило,—сказалъ Богдановичъ,—но тебѣ нужно, душенька, въ эти годы читать книги, которыя бы научали тебя, развивали бы твой умъ.

Богдановичъ обѣщалъ давать Щепкину книги, и первой изъ нихъ было «Ядро россійской исторіи». Не ограничиваясь этимъ, Богдановичъ разсказывалъ мальчику о томъ, что ему было непонятно изъ прочитаннаго, и поощрялъ его къ чтенію, говоря: «Учись, учись, это и въ крѣпостномъ состояніи пригодится». Лишь одной своей «Душеньки» поэтъ не давалъ Щепкину, не смотря на всѣ его просьбы. «Послѣ, послѣ, душенька! Еще успѣешь», отговаривался Богдановичъ.

Но скоро Щепкину пришлось опять читать все безъ разбора: Богдановичъ умеръ, и книги можно было брать лишь въ книжной лавкѣ, какія попало. Жилъ въ это время Щепкинъ въ курскомъ домѣ графа Волькенштейна среди дворни, хотя пользовался нѣкоторыми привилегіями. Обѣдалъ и ужиналъ онъ напримѣръ у

любимой служанки графини, когда господа жили въ городѣ; а когда они уѣзжали въ деревню, то—съ дворецкимъ. А послѣ того, какъ Щепкинъ отличился и сталъ первымъ ученикомъ, его приказано было поить чаемъ.

Тяжесть крѣпостного состоянія, не смотря на эти привилегіи, давала уже однако себя чувствовать умному и развитому юношѣ. Болѣзненные уколы самолюбія начинали отравлять молодую душу и озлоблять доброе сердце. Приходилось уже выносить внутреннюю борьбу и вырабатывать твердость характера. Былъ такой случай. Отецъ Щепкина, какъ управляющій, лишилъ дворецкаго доходнаго мѣста. И вотъ послѣдній началъ на сынѣ вымѣщать свою обиду, перестал вмѣстѣ съ нимъ обѣдать и приказалъ кормить его въ людской, вмѣстѣ съ дворникомъ и кучеромъ.

«До смѣшного это оскорбило меня,—вспоминаетъ Щепкинъ.—Сына управителя, а главное - перваго ученика въ народномъ училищѣ, посылать обѣдать вмѣстѣ съ людьми—казалось мнѣ ужаснымъ, и я нѣсколько дней питался хлѣбомъ съ водою; наконецъ началъ пріискивать средства: переписывалъ для товарищей кое-какія записки, что я дѣлалъ и прежде, но тогда изъ лакомства, а теперь за деньги,—такъ что у меня всегда былъ грошъ въ карманѣ и на него покупался слѣдующій обѣдъ: на денежку салату, на денежку пивного уксусу, а на копѣйку конопляннаго масла, и мы съ башмачникомъ Петромъ уписывали порядочную корчагу этого лакомства».

Однажды, когда заработокъ Щепкина дошелъ до 25 копѣекъ мѣдью, онъ раскутился и купилъ на 10 копѣекъ для ухи ершей. Уха сварилась на славу, Щепкинъ пригласилъ полакомиться одного изъ своихъ товарищей, но,—о, ужасъ!—ерши, поставленные на столъ, были съѣдены кошкой. Щепкинъ оцѣпенѣлъ. Товарищъ хохоталъ какъ сумасшедшій, а онъ не сводилъ глазъ съ кошки, которая, докушавши послѣднюю рыбку, такъ сладко облизывалась и такъ умильно на него смотрѣла, какъ будто благодарила за угощеніе. И вдругъ, опомнившись, не взирая на эти умильные взгляды, Щепкинъ схватилъ кошку за шиворотъ и, размахнувшись, такъ сильно ударилъ ее о каменный полъ, что убилъ до смерти,—и горько заплакалъ. Когда прошелъ первый порывъ, онъ долго сердился на себя за такой поступокъ, потому что прежде никогда не замѣчалъ въ себѣ наклонности къ озлобленію. Практическимъ послѣдствіемъ этого событія было то, что дворецкому было отъ управителя сдѣлано особое приказаніе содержать Щепкина прилично.

Ученіе Щепкина въ курскомъ училищѣ кончалось. Съ отличіемъ выдержалъ онъ экзаменъ, получилъ опять книгу «за прилежаніе» и хотѣлъ было уже просить графа, чтобы взяли его изъ училища, такъ какъ учиться ему было тамъ нечему. Но директоръ училища уговорилъ оставить Щепкина на вакацію въ городѣ, и

его засадили за копированіе карты Курской губерніи. А въ это время произошелъ случай, который долженъ былъ запечатлѣть въ памяти Щепкина годы ученья, заканчивавшіе его дѣтство и раннюю юность. Его «преисправно», какъ онъ выражается, выпороли розгами, и вотъ по какому поводу.

Одинъ изъ мѣстныхъ баръ, князь Мещерскій, замѣтивъ по экзаменаціоннымъ рисункамъ Щепкина, что онъ рисуетъ недурно, попросилъ прислать къ нему автора рисунковъ. Щепкинъ, по приказанію своего учителя рисованія, явился къ князю. Тотъ похвалилъ его за успѣхи въ рисованіи и предложилъ ему срисовать съ натуры алебастровую вазу съ фигурами. Щепкинъ былъ смущенъ этимъ предложеніемъ. Онъ покраснѣлъ и, заикаясь, пробормоталъ, что къ экзамену рисунки онъ не самъ дѣлалъ. Князь заинтересовался этимъ, сталъ допрашивать и въ концѣ концовъ узналъ отъ Щепкина, что ученики рисуютъ въ училищѣ по упрощенному способу—снимая рисунокъ на стекло, и дѣлаютъ это съ разрѣшенія учителя. Князь повѣдалъ объ этомъ директору, этотъ задалъ нагоняй учителю, а послѣдній все выместилъ на Щепкинѣ,—и 15-ти-лѣтняго юношу, окончившаго уже курсъ въ училищѣ, подвергли унизительной экзекуціи.

Ожесточенный Щепкинъ не зналъ, какъ дождаться конца своей работы и пріѣзда попечителя Харьковскаго университета, который долженъ былъ открыть въ Курскѣ гимназію, преобразованную изъ училища. Торжественную рѣчь важной особѣ говорилъ Щепкинъ. На другой день Щепкина отпустили совсѣмъ. Гимназія была не для него, крѣпостного, и онъ уѣзжалъ въ деревню, къ своему барину, везя благодарственное письмо директора за всѣ свои подвиги и успѣхи.

Такъ закончилось научное образованіе Щепкина. Начиналась жизнь, полная суровой дѣйствительности, жизнь дворового человѣка, безусловно зависимаго отъ произвола и случайностей. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась для Щепкина эта жизнь: сталъ ли бы онъ типичнымъ представителемъ старой барской дворни, или какая-нибудь случайность выбросила бы его изъ этого міра. Но призваніе указало ему иную житейскую дорогу, талантъ и сцена избавили его отъ тягостей и гнета крѣпостной зависимости.

II.

М. С. Щепкинъ на провинціальной сценѣ.

Прошло года три. Щепкинъ служилъ въ рядахъ графской дворни, переѣзжая, вмѣстѣ съ графомъ, на лѣто въ деревню, а

на зиму—въ Курскъ. Опредѣленной должности у него не было, но онъ считался довѣреннымъ и приближеннымъ слугой графа. Лѣтъ черезъ пять послѣ выхода изъ училища Щепкинъ говоритъ о себѣ, какъ о чемъ-то «вродѣ графскаго секретаря или письмоводителя»: графинѣ онъ рисовалъ узоры, но выпадала на его долю и настоящая лакейская служба—оффиціантская. «Какъ ловкаго и умнаго малаго,—признается онъ,—меня часто выпрашивали у господъ и въ другіе дома, гдѣ бывали большіе обѣды и бальные вечера; и во всѣхъ домахъ, гдѣ бывали такія собранія, мнѣ, какъ лучшему оффиціанту, платили противъ другихъ двойную цѣну, т. е. всѣмъ платили по 5, а мнѣ по 10 рублей».

Словомъ, благодаря своей бойкости и развитію, Щепкинъ былъ при барскомъ домѣ, что называется, «на всѣ руки». Это дѣлало его любимцемъ господъ и облегчало его положеніе настолько, что онъ напримѣръ свободно могъ отдаваться зародившейся съ дѣтства страсти къ театру. Обстоятельства этому вполнѣ благопріятствовали. Еще когда онъ учился, ему удалось переступить казавшійся ему священнымъ порогъ курскаго театра. Между товарищами Щепкина по училищу былъ близкій родственникъ содержателей театра, Барсовыхъ. Частенько проводилъ онъ маленькаго любителя-театрала въ раекъ, но еще чаще случалось Щепкину попадать въ театръ другимъ способомъ. Театральные музыканты были изъ дворовыхъ графа Волькенштейна, и Щепкинъ всегда помогалъ имъ таскать въ театръ ноты, а затѣмъ оставался въ оркестрѣ и съ жадностью слѣдилъ за представленіемъ. Съ того же времени сталъ присматриваться мальчикъ и къ закулисной жизни. Черезъ своего товарища онъ познакомился съ семьею Барсовыхъ, бывалъ у нихъ и вынесъ изъ этихъ посѣщеній самое хорошее впечатлѣніе. Ему нравилось, что Барсовы, хотя тоже, какъ и онъ, крѣпостные, но ведутъ себя свободно, да и съ ними обходятся, какъ съ вольными людьми. Щепкинъ даже завидовалъ имъ и приписывалъ ихъ положеніе исключительно тому, что они актеры. Вмѣстѣ съ призваніемъ и это влекло его на сцену, и быть актеромъ сдѣлалось его главной мечтой. Какъ ни хорошо былъ поставленъ Щепкинъ среди дворни, какъ ни любили его господа, но тяжесть крѣпостного состоянія давала себя чувствовать.

Понятно поэтому, какъ онъ былъ радъ, когда ему, еще во время ученья, пришлось лѣтомъ выпросить себѣ роль и сыграть ее на домашнемъ театрѣ. Не менѣе пріятно было получить за игру одобреніе самого графа. Еще въ училищѣ Щепкинъ постепенно свыкался съ театральной жизнью, становясь членомъ закулис-

ной семьи: переписывалъ роли, суфлировалъ, словомъ. дѣлался необходимымъ человѣкомъ на сценѣ. По выходѣ изъ училища Щепкину пришлось сыграть еще нѣсколько ролей и наконецъ наступилъ тотъ день, когда онъ въ первый разъ выступилъ на публичномъ театрѣ. Съ этого дня, точно неизвѣстнаго, но относящагося къ концу ноября 1805 года, и начинается артистическая дѣятельность Щепкина.

Въ этомъ году, возвратившись поздно осенью изъ деревни, Щепкинъ, къ большому своему огорченію, узналъ, что содержатели театра договорили другого суфлера. Юноша лишался возможности свободно входить въ театръ. Пришлось примириться съ этимъ и проникать въ театръ по прежнему—или таская туда контрабасъ и литавры, или пользуясь покровительствомъ своего стараго товарища. Тутъ и произошелъ случай, который не только выручилъ нашего театрала изъ непріятнаго положенія, но явился исходной точкой всей его жизни и дѣятельности.

Актриса Курскаго театра Лыкова привезла графу Волькенштейну билетъ на свой бенефисъ. Графъ взялъ билетъ и приказалъ напоить Лыкову кофеемъ. Въ то время не было въ обычаѣ сажать и угощать актрисъ въ гостиной, а потому Щепкинъ проводилъ Лыкову въ чайную. Тутъ, попивая графскій кофе, бенефиціантка разговорилась и съ огорченіемъ замѣтила, что, пожалуй, и бенефисъ ея не состоится. Причина этого была очень вѣская: актеръ Ареньевъ прислалъ записку изъ трактира, что онъ все платье проигралъ и обрѣтается въ одной рубашкѣ; такъ чтобы прислали ему денегъ для выкупа платья; если же не вышлютъ, то онъ играть въ бенефисъ не будетъ, потому что ему выйти не въ чемъ, да и не выпустятъ. А денегъ для выкупа платья было не откуда взять, потому что актеръ забралъ уже у содержателя театра все, что ему слѣдовало. Бенефиціантка была въ большомъ затрудненіи. Щепкина же осѣнила счастливая мысль. Въ волненіи разспросивъ, какая роль назначалась загулявшему актеру, онъ вызвался сыграть ее. Это была роль Андрея — почтаря въ драмѣ «Зоя». Драму эту Щепкинъ не разъ суфлировалъ и хорошо зналъ всѣ роли. Разсказавъ о своихъ прежнихъ дебютахъ на сценѣ, онъ убѣдилъ Лыкову поручить ему роль. Та согласилась съ условіемъ, если и антрепренеръ Барсовъ позволитъ это.

Обрадованный юноша не зналъ, какъ и выразить свой восторгъ—готовъ былъ плакать, смѣяться и первому встрѣчному броситься на шею. Въ домѣ не осталось ни одного человѣка, которому бы онъ не разсказалъ о своемъ счастьѣ. Событія этого

дня, которому, по собственному его признанію, Щепкинъ обязанъ всѣмъ въ своей жизни, запечатлѣлись въ его памяти до самыхъ мельчайшихъ подробностей, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаетъ эти мелочи.

Барсовъ согласился на участіе Щепкина въ спектаклѣ и далъ ему роль. Не успѣлъ будущій артистъ выйти отъ антрепренера на улицу, какъ уже началъ учить роль, а черезъ три часа зналъ ее на зубокъ и, задыхаясь отъ волненія, читалъ передъ Лыковой.

«Какой-то огонь пробѣжалъ по всему моему тѣлу,—вспоминаетъ Щепкинъ.—Но это былъ не страхъ,—нѣтъ, страхъ выражается не такъ,—это былъ просто внутренній огонь, страшный огонь, отъ котораго я едва не задыхался, но со всѣмъ тѣмъ мнѣ было такъ хорошо, и я едва не плакалъ отъ удовольствія. Я прочелъ роль такъ твердо, такъ громко, такъ скоро, что Лыкова не могла успѣть мнѣ сдѣлать ни одного замѣчанія и по окончаніи встала и поцѣловала меня съ такой добротой, что я ужъ не помнилъ себя, и слезы полились у меня рѣкою.»

Лыкова осталась довольна чтеніемъ и лишь совѣтовала не торопиться. Въ день спектакля, чѣмъ свѣтъ, отправился Щепкинъ къ антрепренеру, прочиталъ роль и тоже получилъ одобреніе и замѣчаніе, что ужъ слишкомъ быстро онъ читаетъ и много машетъ руками. Едва дождался Щепкинъ въ тотъ день репетиціи, едва пережилъ промежутокъ между репетиціей и спектаклемъ, продолжая дома учить и разыгрывать свою роль. Наконецъ онъ въ театральной уборной. Всѣ актеры жалуются на холодъ, а Щепкину такъ жарко, что передъ самымъ выходомъ на сцену онъ чувствуетъ себя совершенно мокрымъ. Нарядившись въ ботфорты, которые «приходились на всѣ ноги и возрастъ», Щепкинъ выступаетъ наконецъ изъ-за кулисъ на сцену. Какъ онъ игралъ, принимала или нѣтъ его публика,—этого онъ совершенно не помнилъ, но зналъ, что, окончивъ роль, онъ ушелъ подъ сцену и плакалъ, какъ дитя, отъ радости.

Дебютъ вышелъ удачный. Игру Щепкина хвалили всѣ—и въ театрѣ, и дома. Графъ завершилъ торжество юноши: поцѣловавъ его, онъ подарилъ ему новый триковый жилетъ. Всю ночь дебютантъ бредилъ игрой, а на другой день все казалось ему пріятнымъ сномъ, но графскій жилетъ воочію убѣждалъ его, что все вчерашнее была сущая истина. «Этого дня,—восклицаетъ Щепкинъ,—я не забуду никогда, ему я обязанъ всѣмъ, всѣмъ!»

Первое время послѣ этого знаменательнаго спектакля Щепкинъ игралъ на курскомъ театрѣ иногда: если не хватало актера, если кто-нибудь былъ боленъ и т. п. Съ 1808 года Щепкинъ становится уже настоящимъ актеромъ и около 8 лѣтъ играетъ въ

курской трупнѣ Барсовыхъ, продолжая въ то же время оставаться крѣпостнымъ и дворовымъ человѣкомъ графа Волькенштейна. Курскій театръ, основанный по почину мѣстнаго дворянства въ 1792 году, ко времени выступленія на немъ Щепкина, уже процвѣталъ. Въ Курскѣ любили театръ. Кромѣ труппы Барсовыхъ, на сценѣ курскаго театра выступали иногда и крѣпостныя труппы помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ на дворянскіе выборы.

Антреприза Барсовыхъ въ Курскѣ прекратилась въ 1816 г. по случаю передѣлки дворянскаго дома, въ которомъ помѣщался театръ. Щепкинъ къ тому времени уже составилъ себѣ репутацію талантливаго комика. Еще въ 1810 г. онъ пользовался вниманіемъ публики и получалъ самый большой по тому времени окладъ жалованья—350 рублей въ годъ. Жизненный путь былъ уже окончательно намѣченъ для Щепкина, и легко представить отчаяніе молодого артиста, невольно прекращавшаго свою любимую дѣятельность. Переѣхавъ на лѣто въ деревню, онъ съ горя отъ доски до доски прочиталъ исторію Роллена, въ переводѣ Тредьяковскаго. Но судьба вскорѣ утѣшила его иначе. Черезъ Барсова Щепкинъ получилъ приглашеніе ѣхать въ Харьковъ, въ тамошнюю труппу антрепренера Штейна.

Съ этихъ поръ началась для Щепкина скитальческая жизнь провинціальнаго актера, тянувшаяся до самаго поступленія его на московскую сцену. Для его дѣятельности открывалась, сравнительно съ курской сценой, обширное поприще, на которое онъ выступалъ, какъ актеръ уже съ именемъ. Театръ въ Харьковѣ существовалъ съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, но первою солидною труппою была труппа Штейна и Калиновскаго, въ которую пригласили Щепкина. Въ исторіи нашего провинціальнаго театра этой труппѣ принадлежитъ видное мѣсто. Кочуя преимущественно по городамъ южной Россіи, но заглядывая и на сѣверъ, вплоть до Нижняго, труппа эта вездѣ встрѣчалась публикой съ удовольствіемъ и радушіемъ. Труппа была хорошо составлена, актеры, изъ которыхъ считалось не мало талантливыхъ, служили по долгу, а это создавало ансамбль. Даже спустя лѣтъ тридцать, все, что было у насъ лучшаго изъ артистическаго персонала въ провинціи, принадлежало когда-то къ труппѣ Штейна.

Щепкинъ чрезвычайно обрадовался случаю выступить передъ харьковской публикой. Въ то время онъ былъ уже женатъ, имѣлъ дѣтей, но одна мысль играть въ Харьковѣ приводила его въ восторгъ и уменьшала непріятность разлуки съ семьей. Тамъ, въ университетскомъ городѣ, публика была и образованнѣе, и тре-

бовательнѣе къ артистамъ, да и репертуаръ болѣе разнообразный, чѣмъ въ Курскѣ. Сначала это заставляло Щепкина какъ будто робѣть, но, вспомнивъ, что харьковскіе актеры, которыхъ ему случалось видать, съ неба звѣздъ не хватали, онъ пріободрился. Старики Щепкины были тоже польщены тѣмъ, что ихъ Миша только одинъ приглашенъ Барсовымъ въ Харьковъ. И для молодой жены это служило утѣшеніемъ въ невольной разлукѣ.

Жена Щепкина, Елена Дмитріевна, была восточнаго происхожденія. Во время войны съ Турціей ее ребенкомъ нашли русскіе солдаты послѣ взятія крѣпости Анапы. Дѣвочку привезли въ Россію, окрестили, а воспитывалась она въ домѣ одного генерала. Познакомившись, Щепкинъ и Елена Дмитріевна взаимно полюбили другъ друга и обвѣнчались, когда молодая дѣвушка согласилась пойти замужъ за крѣпостного.

Отпросившись у графини въ отпускъ, поцѣловавъ ручки и получивъ отъ нихъ напутственное благословленіе, съ прибавкою двухъ рублей мѣдными деньгами, Щепкинъ простился съ женою и дѣтьми и въ первыхъ числахъ августа 1816 г. отправился изъ деревни въ Курскъ, а оттуда, вмѣстѣ съ Барсовымъ,—въ Харьковъ. Поѣздка на долгихъ конечно утомила путешественниковъ, но Щепкинъ не хотѣлъ ни за что, по пріѣздѣ на мѣсто, отдохнуть съ дороги и, переодѣвшись, тотчасъ отправился въ театръ, гдѣ шла репетиція. Щепкинъ горѣлъ желаніемъ поскорѣй увидать харьковскій театръ, представлявшійся ему истиннымъ храмомъ Таліи и Мельпомены. Но разочарованіе овладѣло энтузіастомъ раньше, чѣмъ онъ вступилъ въ этотъ храмъ, когда, вмѣсто красиваго, какъ ему воображалось, зданія, онъ увидалъ передъ собою какой-то бревенчатый балаганъ.

По полуразрушеннымъ лѣстницамъ, пробираясь въ темнотѣ, Щепкинъ вошелъ на сцену,—и съ этого шага начался его долгій и самостоятельный трудовой путь. И по этому пути, усыпанному больше терніями, чѣмъ розами, Щепкинъ шелъ твердо, не уклоняясь въ сторону и видя передъ собою одну путеводную звѣзду, одну цѣль, одинъ смыслъ жизни — любовь къ сценѣ. Шесть лѣтъ, которыя пробылъ Щепкинъ съ тѣхъ поръ въ провинціи, переѣзжая изъ города въ городъ, играя въ ярмарочныхъ балаганахъ, терпя всѣ невзгоды, сваливавшіяся тогда на провинціальнаго актера, были для него прекрасной житейской и сценической школой.

Наши провинціальные театры, народившіеся въ первые полвѣка послѣ учрежденія, въ 1756 г., русскаго театра въ столицахъ, обязаны были своимъ происхожденіемъ или богатымъ ба-

рамъ, любителямъ и меценатамъ сцены, или почину и покровительству высшихъ и мѣстныхъ властей.

«Начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, —говоритъ авторъ «Драматическаго Словаря» 1787 г., — придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры, построенные и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные акторы.»

Началомъ этихъ «благородныхъ и полезныхъ забавъ» бывали домашніе спектакли, какъ напримѣръ въ Тамбовѣ, гдѣ они устроивались въ 1786 г., въ домѣ тамошняго намѣстника—поэта Гавр. Роман. Державина, принимавшаго самое горячее участіе въ развитіи изъ нихъ настоящаго публичнаго театра. Въ другихъ случаяхъ зародышъ будущаго театра крылся въ спектакляхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, какъ напримѣръ въ Казани, гдѣ еще въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка студенты архіерейской школы разыгрывали драматическія представленія, а въ 50-хъ годахъ того же вѣка въ этомъ упражнялись ученики гимназіи. Спектакли и любителей, и учениковъ поощрялись властью, какъ полезное и пріятное занятіе, и въ эпоху Екатерины II входили уже въ обычай. Сама императрица, много сдѣлавшая для столичнаго театра, обращала въ этомъ отношеніи вниманіе и на провинцію. Она приказывала напримѣръ казанскому губернатору «содѣйствовать возобновленію въ гимназіяхъ театральныхъ представленій и сколь возможно склонять къ тому дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости». Театру придавалось его настоящее значеніе облагораживающаго нравы, воспитательнаго учрежденія. Россійское дворянство, по наблюденію автора «Драматическаго Словаря», начинало находить развлеченіе и соединеніе пріятнаго съ полезнымъ въ «безбуйственныхъ» удовольствіяхъ, къ которымъ относились чтеніе, музыка и театръ.

Нѣкоторые изъ богатыхъ театраловъ-помѣщиковъ принимали въ развитіи театра участіе иного рода. Они устраивали въ своихъ помѣстьяхъ театры и формировали изъ своихъ крѣпостныхъ труппы актеровъ, оркестры музыкантовъ и хоры пѣвчихъ. Театры эти отличались часто богатствомъ обстановки, располагали большими драматическими, оперными и балетными труппами и выдѣляли талантливыхъ исполнителей. Большей частью они были домашними, какъ напримѣръ извѣстный подмосковный театръ графа Н. П. Шереметева или театръ графа С. Г. Волькенштейна въ Красномъ, такъ поразившій ребяческое воображеніе Щепкина. Но случалось, что помѣщичьи театры дѣлались въ настоящемъ

смыслѣ слова публичными, съ платою за входъ. Тогда помѣщикъ изъ мецената превращался въ антрепренера. Таковы были напримѣръ театръ подъ антрепризою князя Н. Г Шаховского, въ Нижнемъ-Новгородѣ, существовавшій съ конца прошлаго вѣка около 25 лѣтъ непрерывно, или графа С М. Каменскаго, въ Орлѣ, въ исходѣ первой четверти нынѣшняго вѣка.

Закулисные нравы и обычаи помѣщичьихъ театровъ носили на себѣ печать крѣпостного права. Артистъ, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, оставался крѣпостнымъ и всецѣло зависѣлъ, и какъ человѣкъ, и какъ сценическій дѣятель, отъ власти своего барина. И смотря по тому, каковъ былъ баринъ, такова была и жизнь актеровъ, таковы были и закулисные нравы. Помимо личныхъ свойствъ характера, добраго или жесткаго, театралы-баре были или людьми, любившими искусство искренно, понимавшими его значеніе, или видѣвшими въ немъ только забаву. И это конечно отражалось за кулисами. Князь Шаховской, о которомъ мы сказали, человѣкъ по тому времени гуманный и просвѣщенный, принадлежалъ къ первому типу театраловъ. Вся его огромная труппа, доходившая до 100 человѣкъ, состояла изъ крѣпостныхъ. Главнымъ условіемъ закулисной жизни было строгое отдѣленіе актеровъ отъ актрисъ. Въ домѣ, отведенномъ труппѣ, мужчины и женщины жили на разныхъ половинахъ и всякое сообщеніе было запрещено между ними подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Одна или нѣсколько довѣренныхъ надзирательницъ слѣдили за точнымъ исполненіемъ княжескаго приказа. Когда актрисы-дѣвицы достигали 25-ти-лѣтняго возраста, князь обыкновенно выдавалъ ихъ замужъ. Призвавъ къ себѣ актеровъ, князь спрашивалъ, кому изъ нихъ нравится такая-то дѣвица, и когда охотникъ быть женихомъ находился, вызывалась невѣста и ей объявлялось о предстоявшей свадьбѣ. Князь самъ благословлялъ обрученныхъ и давалъ приданое, а послѣ свадьбы назначалъ молодымъ особое жалованье.

Здѣсь кстати замѣтить, что у князя, примѣрнаго супруга и отца семейства, не было въ обычаѣ набирать себѣ изъ крѣпостныхъ актрисъ цѣлый гаремъ или приближать къ себѣ одну изъ нихъ въ качествѣ фаворитки. А такое отношеніе къ крѣпостнымъ актрисамъ было и въ духѣ, и въ правахъ того времени и большей частью отличалось разнузданностью страстей и ничѣмъ не сдерживаемой властью надъ крѣпостной женщиной. Случаи истинно благороднаго чувства къ крѣпостной актрисѣ бывали рѣдки. Такова была страстная и нѣжная любовь графа Н. П. Шереметева къ его крѣпостной актрисѣ подмосковнаго театра въ Кусковѣ,

Парашѣ, даровитой артисткѣ, игравшей подъ фамиліей Жемчуговой, и автору народной пѣсни «Вечоръ поздно изъ лѣсочку», въ которой она воспѣла свою встрѣчу съ графомъ. Въ жизни этой четы были поэтическіе моменты любви, проявлялись съ полной силой высокія нравственныя чувства, никогда не ослабѣвало обоюдное уваженіе. Но и въ этомъ случаѣ, свѣтъ и радость взаимнаго счастья тускнѣли и омрачались отъ тайны, въ которой любовники должны были скрывать свои отношенія. Графъ неизмѣнно любилъ свою Парашу, но по нерѣшительности не имѣлъ силы нарушить условные законы и традиціи аристократическаго круга и открыто объявить о своей любви, хотя Парашу за ея рѣдкія достоинства ума и сердца признавали хозяйкой графскаго дома такія лица, какъ императоръ Павелъ I и московскій митрополитъ Платонъ. И лишь послѣ многихъ лѣтъ сожительства и не задолго до смерти Параши, графъ повѣнчался на ней, и Параша стала графиней Прасковьей Ивановной Шереметевой.

Но не всегда подобные романы кончались такъ благополучно. Въ большинствѣ случаевъ фаворитокъ изъ крѣпостныхъ актрисъ постигала горькая участь, если онѣ безпрекословно не покорялись волѣ своихъ господъ, какихъ бы униженій это ни стоило. Разъ же съ ихъ стороны проявлялось противодѣйствіе, имъ приходилось дорого за это платиться. Въ повѣсти Герцена «Сорока-Воровка», написанной со словъ М. С. Щепкина, передана грустная исторія на эту тэму. Разсказъ ведется отъ имени артиста-художника. Ему случилось, во времена его молодости, увидать на провинціальной сценѣ, въ одномъ небольшомъ губернскомъ городѣ, «великую артистку», поразившую его своей высоко-художественной игрой въ драмѣ «Сорока-Воровка». Судя по сопоставленіямъ, артистъ-художникъ былъ самъ Щепкинъ, городъ — Орелъ, театръ — графа Каменскаго. Подъ обаяніемъ ея игры, артистъ непремѣнно пожелалъ зайти къ «великой артисткѣ» и поговорить съ ней. Съ большими затрудненіями добился онъ у строгаго и причудливаго барина-директора свиданія съ его крѣпостной актрисой. Отъ нея онъ узналъ ея печальную повѣсть. «Великая артистка» принадлежала когда-то доброму помѣщику, который замѣтилъ въ ней талантъ и далъ ей хорошее образованіе. Она ѣздила съ своимъ господиномъ за-границу и видѣла высокіе образцы сценическаго искусства. Но помѣщикъ умеръ и артистку купилъ ея теперешній владѣлецъ. Тутъ и пришло къ ней горе: она понравилась своему барину. Когда попытки его овладѣть актрисой встрѣтили съ ея стороны смѣлый и рѣшительный отпоръ, началась для нея

ужасная жизнь. Гнусныя и унизительныя преслѣдованія и оскорбленія отравили все ея существованіе, измучили душу и подорвали здоровье. Въ безумномъ отчаяніи, она, не смотря на строгій надзоръ, нашла возможность полюбить кого-то, еще больше страдала и рано погибла для жизни и для искусства.

Если помѣщикъ не имѣлъ своего театра, то людей, способныхъ къ сценическимъ занятіямъ, онъ отдавалъ другимъ антрепренерамъ. Въ этомъ случаѣ и жалованье за актеровъ получалъ самъ помѣщикъ. Случалось и такъ, что баринъ, замѣтивъ въ крѣпостномъ своемъ талантъ, подготовлялъ его на сцену, чтобы впослѣдствіи пользоваться его способностями для дохода, какъ это бывало съ крѣпостными, подготовленными въ ремесленники. Иногда при помѣщичьихъ театрахъ устраивалось нѣчто вродѣ театральныхъ школъ, гдѣ доморощеннымъ артистамъ давались нѣкоторое образованіе и спеціальная подготовка къ сценѣ. Нижегородскій антрепренеръ, князь Шаховской, давалъ своимъ актрисамъ такое образованіе: ихъ учили читать, но учиться писать имъ не дозволялось въ интересахъ нравственности, чтобы не переписывались ни съ кѣмъ до замужества.

Нижегородская труппа вообще могла считать свой жизненный удѣлъ счастливымъ сравнительно съ тѣмъ, что происходило у другихъ помѣщиковъ. Князь не былъ жестокимъ человѣкомъ и любилъ искусство, поэтому и артистамъ его дышалось вольнѣе. Его чудачества и капризы были болѣе или менѣе безобидны. Всѣхъ своихъ артистовъ и артистокъ князь называлъ по именамъ и дарилъ чѣмъ нибудь въ день ихъ ангела. Грубыхъ женскихъ именъ онъ не любилъ, и привезенныя изъ вотчинъ Акульки и Матрешки получали благозвучныя прозвища вродѣ Зари или Фатьмы. Въ веселомъ настроеніи онъ придумывалъ для труппы даже своеобразныя удовольствія. Осенью привезутъ, бывало, изъ деревенскихъ оранжерей виноградъ, князь велитъ развѣсить его въ саду по липамъ и березамъ и прикажетъ вывести въ садъ актрисъ, а самъ катается въ креслѣ по дорожкамъ сада и весело покрикиваетъ: «Ну, дѣвки, виноградъ созрѣлъ, собирайте! «Дѣвицы» имѣли доступъ въ княжескія палаты и поочередно учились на половинѣ княгини приличнымъ манерамъ и умѣнью держать себя въ обществѣ, занимались рукодѣльями, слушали чтеніе. Даже на свои балы князь приглашалъ лучшихъ артистовъ и артистокъ своей труппы. Артистамъ не разрѣшалось приглашать на танцы свѣтскихъ дамъ, а гости—кавалеры съ охотой танцовали съ крѣпостными артистками. По другимъ разсказамъ однако, на кня-

жескихъ обѣдахъ прислуживалъ всегда мужской персоналъ труппы, исключая заслуженныхъ лицедѣевъ, которые выступали въ этой должности лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Князь, по общему признанію его труппы, былъ добръ и наказывалъ крѣпостныхъ актеровъ лишь въ минуты гнѣва. Утонченно-звѣрскихъ наказаній не практиковалось, хотя нерѣдко провинившихся королей, рыцарей и героевъ «ставили въ рогатки», т. е. подпирали шею тремя рогатинами и оставляли стоять среди комнаты, а музыкантовъ приковывали къ стулу желѣзною цѣпью съ ошейникомъ. Пускались въ ходъ иногда и розги, и палки.

Помѣщичьи театры служили разсадникомъ актеровъ и для труппъ обыкновенныхъ антрепренеровъ, которыхъ впрочемъ было очень мало. Труппы этихъ антрепренеровъ были бродячими, по большей части перебирались изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку. Играть имъ приходилось въ театрахъ, похожихъ скорѣе на большіе сараи, а особенно на ярмаркахъ, гдѣ бывали театры-балаганы, крытые соломой. Внутренняя обстановка вполнѣ соотвѣтствовала внѣшности театровъ.

Кочующая жизнь «перелетныхъ птицъ» представляла мало заманчиваго. И не только во времена провинціальныхъ странствованій Щепкина, но и много позже, даже и теперь, и матеріальное обезпеченіе, и общественное положеніе, и наконецъ умственно-нравственное развитіе провинціальныхъ актеровъ слишкомъ не соотвѣтствуютъ званію служителей свободнаго, высокаго искусства. Вполнѣ вѣрна характеристика жизни провинціальнаго актера, которую намѣтилъ своему біографу артистъ П. М. Садовскій, скитавшійся по провинціи лѣтъ черезъ 15—20 послѣ Щепкина.

«Провинціальный актеръ, по его опыту, ничего не имѣетъ прочнаго, обезпеченнаго: ни славы, которая для него въ полномъ смыслѣ слова—дымъ, ни имущества (о богатствѣ онъ и мечтать не смѣетъ), ни даже куска насущнаго хлѣба. Слава его не переходитъ за предѣлы того города, въ которомъ онъ играетъ, помрачаясь иногда передъ славой перваго заѣзжаго фигляра или фокусника. Все его имущество всегда съ нимъ, потому что, всю жизнь свою переѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ не имѣетъ возможности пріютиться осѣдлымъ образомъ и, что называется, обзавестись домкомъ. Насущный хлѣбъ его часто зависитъ отъ дневного сбора: хорошъ сборъ — онъ сытъ, нѣтъ сбора — просимъ не прогнѣваться. На провинціальныхъ театрахъ нѣтъ обыкновенія, а можетъ быть и нѣтъ возможности выдавать жалованье артистамъ въ опредѣленное время, по окончаніи мѣсяца напримѣръ, извѣстными кушами; актеръ уговаривается съ содержателемъ театра, положимъ, за 600 рублей въ годъ; но жалованье получаетъ отъ него не помѣсячно, а по мѣрѣ надобности — съ одной стороны, по мѣрѣ возможности — съ другой, — когда рубль серебромъ, когда полтину, а когда и меньше, рѣдко впередъ, но почти всегда въ счетъ заслуженной имъ суммы за мѣсяцъ и за два»...

Все это создавало такія трагикомическія положенія, иллюстраціей къ которымъ можетъ служить картинка, нарисованная съ натуры тѣмъ же Садовскимъ. Въ одномъ изъ захолустій, куда его вмѣстѣ съ труппой занесла судьба, въ театръ никто не шелъ, сборовъ не было никакихъ: голодъ стучался къ актерамъ въ окно. Кусокъ чернаго хлѣба да ковшъ воды, за которой актеры должны были сами ходить на рѣку,—вотъ въ чемъ состояла ихъ трапеза. Къ счастью, отыскался тамъ одинъ трактирщикъ, страстный любитель театра; онъ предложилъ имъ давать для него спектакли за ужинъ. Предложеніе съ радостью было принято. И вотъ, разсѣвшись съ важностью одинъ во всей театральной залѣ, помѣщавшейся въ плохомъ балаганѣ и освѣщавшейся двумя сальными огарками, трактирщикъ-меценатъ равнодушно смотрѣлъ и слушалъ разыгрываемыя передъ нимъ комедіи и водевили, и нерѣдко, когда пьеса казалась ему скучною, онъ останавливалъ актеровъ въ самой срединѣ ея и деспотически приказывалъ запѣть всѣмъ хоромъ плясовую или ухорскую пѣсню. Разумѣется, его приказаніе исполнялось тотчасъ же, и трактирщикъ, довольный своими артистами, изъ мецената превращался въ амфитріона и надѣлялъ ихъ порціями щей и говядины.

Общественнаго положенія актеръ не занималъ никакого. Былъ ли актеръ вольнымъ, былъ ли, тѣмъ болѣе, крѣпостнымъ, онъ имѣлъ значеніе только на сценѣ, какъ человѣкъ, на долю котораго судьба назначила служить забавою и развлеченіемъ для другихъ, болѣе счастливо рожденныхъ людей. Внѣ сцены актеръ былъ отщепенцемъ отъ общества, хотя у насъ на него не падали такія тяжелыя кары, какъ отлученіе отъ церкви или лишеніе погребенія, что̀ практиковалось въ Западной Европѣ по отношенію къ актерамъ. Начало, положенное первыми русскими актерами, осталось для большинства изъ ихъ преемниковъ по сценѣ безъ продолженія. Почетное мѣсто, которое занимали въ избранномъ обществѣ своего времени такіе актеры, какъ Волковъ, Дмитревскій, Плавильщиковъ и нѣкоторые немногіе другіе, сохранилось лишь въ исключительныхъ случаяхъ за послѣдующими сценическими дѣятелями, и изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ Щепкинъ.

Общественное мнѣніе до послѣдняго времени смотритъ недовѣрчивыми глазами на актеровъ, не отводитъ имъ никакого виднаго мѣста среди другихъ корпорацій, работающихъ для общественной пользы. Въ старину это выражалось конечно и рѣзче, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Крѣпостной актеръ, даже на столичныхъ сценахъ, передъ своей фамиліей на афишахъ не имѣлъ

обычнаго «г.» (господинъ), и это служило отличіемъ его отъ вольнаго актера. Да и имя не всегда онъ носилъ данное ему отъ рожденія, а часто назывался или полуименемъ, или какимъ-нибудь прозвищемъ. Публика поощряла актеровъ «метаніемъ кошельковъ»: деньги, въ кошелькѣ или завернутыя въ бумажку, если это были ассигнаціи, бросались прямо на сцену, къ ногамъ отличившихся лицедѣевъ, вродѣ того, какъ теперь кидаютъ подачку изъ оконъ бродячимъ музыкантамъ. Часто, въ моментъ самаго патетическаго монолога, артисты должны были останавливаться, поднимать деньги, благодарить публику и снова вступать въ роль.

Былъ еще обычай, въ слабой формѣ сохранившійся и до сихъ поръ, служившій поводомъ къ униженію артистовъ. Они развозили билеты на свои бенефисы по домамъ богатыхъ людей, которые съ лакеемъ высылали деньги, по большей части съ «призомъ», т. е. съ надбавкою противъ обыкновенной цѣны, и поручали лакею угостить бенефиціанта. Такъ угощалъ, какъ знаютъ читатели, Щепкинъ у графа Волькенштейна актрису Лыкову, такъ впослѣдствіи угощали и самого Щепкина. Въ назиданіе одной юной артисткѣ, возмущавшейся провинціальными похожденіями бенефиціантовъ по барскимъ переднимъ, Щепкинъ однажды разсказалъ случай изъ своей жизни. Былъ онъ въ то время уже извѣстнымъ актеромъ и игралъ въ Москвѣ. Когда дирекція дала ему бенефисъ, онъ отправился съ билетами. Вездѣ его приняли болѣе или менѣе вѣжливо. Но вотъ пріѣзжаетъ онъ къ одному высокопоставленному лицу. Дальше разскажемъ словами самого Щепкина:

«Принимаетъ онъ меня въ залѣ и, не приглашая даже сѣсть, звонитъ и говоритъ вошедшему лакею:

— Отведи г. Щепкина къ Аграфенѣ Яковлевнѣ, пусть напоитъ его кофе!

«Я былъ до того озадаченъ, что молча поклонился любезному хозяину и послѣдовалъ за молчаливымъ камердинеромъ, который и привелъ меня въ столовую, гдѣ повидимому только что кончили завтракъ и гдѣ, кромѣ экономки Аграфены Яковлевны, уже никого не было. Налила она мнѣ чашку кофе, и вѣдь я ее выпилъ, едва справляясь съ чувствомъ негодованія. Когда же я поуспокоился, да поразмыслилъ, то пришелъ къ заключенію, что меня вовсе и не желали обидѣть, напротивъ... Но только форма-то вниманія была груба, и. ч. въ этотъ домъ не проникло еще понятіе о равенствѣ, о достоинствахъ актера-человѣка. А все же мнѣ было горько и обидно—вѣдь я тогда былъ уже признаннымъ артистомъ и человѣкомъ не молодымъ.»

Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, провинціальные актеры находились въ полной зависимости отъ произвола мѣстныхъ властей. Въ тѣ времена были вполнѣ возможны такіе случаи, какъ описанный, со словъ М. С. Щепкина, графомъ Соллогубомъ въ повѣсти «Собачка». Эта повѣсть, также какъ и другая того же автора и

тоже записанная со словъ Щепкина («Воспитанница»), очень живо воспроизводятъ черты закулисныхъ нравовъ и обычаевъ странствующихъ труппъ прежняго времени. Въ «Собачкѣ», по признанію Щепкина, «даже многое смягчено». Суть этой повѣсти въ томъ, что у жены антрепренера была хорошенькая болонка, дорогая по связаннымъ съ ней нѣжнымъ воспоминаніямъ и дорого обошедшаяся труппѣ. На несчастье, собачку увидала жена мѣстнаго полиціймейстера и, во что бы то ни стало, задумала добыть ее. Настроить въ этомъ направленіи своего супруга полиціймейстершѣ ничего не стоило. Началась борьба: антрепренерша развѣ вмѣстѣ съ своею жизнью хотѣла отдать собачку, полиціймейстерша тоже не могла уже жить безъ собачки. Но у полиціймейстера въ рукахъ были сильныя средства: онъ подстроилъ все такъ, что театръ закрыли, будто бы по причинѣ его ветхости, и труппа вынуждена была голодать. Пришлось просить пощады у градоправителя, но теперь онъ уже не сдался за одну собачку: въ придачу къ собачкѣ подарили 600 р. полиціймейстеру, шаль его супругѣ и 400 р. архитектору, осматривавшему театръ, — и спектакли начались.

И въ этомъ обществѣ бродягъ, говоритъ авторъ «Собачки», находился тогда человѣкъ, молодой еще, но уже далеко обогнавшій всѣхъ своихъ товарищей. Въ душѣ его уже глубоко заронилась любовь къ истинному искусству, безъ фарсовъ и шарлатанства; и уже тогда предчувствовалъ онъ, какъ высоко призваніе художника, когда онъ точнымъ изображеніемъ природы не только стремится къ исправленію людей, что̀ мало кому удается, но очищаетъ ихъ вкусъ, облагораживаетъ ихъ понятія и заставляетъ понимать истину въ искусствѣ и прекрасное въ истинѣ.

Но Щепкинъ, этотъ молодой художникъ, былъ исключеніемъ изъ всей массы актеровъ по своему пониманію задачъ и значенія сценическаго искусства. Превосходство игры тогдашнихъ актеровъ, по характеристикѣ самого Щепкина, заключалось въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ, когда игра состояла изъ крайне изуродованной декламаціи, слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали страстно до смѣшного: слова «любовь», «страсть», «измѣна» выкрикивались такъ громко, какъ только доставало силъ въ человѣкѣ. Мимика не помогала актеру; физіономія его оставалась въ томъ натянутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Когда актеръ оканчивалъ какой-нибудь монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить то принято было въ то время за правило—поднимать пра-

вую руку вверхъ и такимъ образомъ удаляться со сцены. И это, и другія нелѣпости доставляли зрителямъ удовольствіе. Публика встрѣчала актера неистовыми аплодисментами, если онъ, чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался съ патетической тирадой къ зрителямъ.

Щепкинъ былъ совершенною противоположностью такихъ актеровъ въ отношеніи къ сценическому искусству. Для него «мышленіе» не было «дѣломъ постороннимъ» и его воззрѣнія на смыслъ и задачи сценической дѣятельности были и тогда уже опредѣленныя. Главною ихъ основою была цѣль—переносить жизнь на сцену въ художественно-правдивомъ воспроизведеніи драматическихъ образовъ. На помощь мышленію приходилъ талантъ, и созданія Щепкина и тогда уже отличались отъ шаблонныхъ и мертвыхъ фигуръ, которыми являлись на сценѣ большинство его товарищей. Счастливый случай и глубина внутренняго критическаго анализа почти при самомъ началѣ его артистической дѣятельности заставили его уразумѣть всю фальшь и безплодность игры тогдашнихъ актеровъ. Первый толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ Щепкину еще въ Курскѣ. Ему тогда пришлось увидать одного актера-любителя, который своею игрой открылъ молодому артисту тайны сценическаго обаянія. Это былъ тотъ самый князь Мещерскій, который при выпускѣ Щепкина изъ училища былъ невольной причиной гнѣва учителя рисованія. Князь, умный и образованный человѣкъ, отличался также талантами художника и актера. Щепкинъ слыхалъ объ этомъ и давно хотѣлъ посмотрѣть князя на сценѣ. Случай къ этому представился въ 1810 г. Князь Мещерскій игралъ скупца Салидара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ». По первому впечатлѣнію, Щепкину показалось, что князь совсѣмъ не умѣетъ играть: онъ говорилъ просто, не махалъ руками и нисколько не походилъ на «настоящихъ» актеровъ. Но чѣмъ дальше шла пьеса, тѣмъ больше начиналъ понимать Щепкинъ сущность игры князя и тѣмъ больше начиналъ увлекаться. Князь раскрывалъ передъ нимъ внутреннія стороны и характеръ изображаемаго лица съ замѣчательной силой и правдивостью: его страданія, звуки его голоса отзывались въ душѣ зрителя.

Когда кончилась пьеса, всѣ хохотали, а Щепкинъ заливался слезами, что̀ бывало съ нимъ всегда отъ сильныхъ потрясеній. Въ его сознаніи начинался переломъ во взглядѣ на игру актера. Не совсѣмъ еще ясно, но Щепкинъ уже понималъ, что князь потому и произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ говоритъ

просто, что онъ не играетъ, а живетъ на сценѣ. Увлеченный игрою князя, Щепкинъ страстно захотѣлъ играть такъ же, какъ и онъ. Не вставая съ мѣста, переписалъ онъ комедію, черезъ сутки зналъ ее на память и началъ разыгрывать самъ съ собою. Но, увы, игра его оставалась старою. Онъ чувствовалъ, что онъ только подражаетъ князю, старается говорить его тономъ. Тогда онъ не могъ еще понять, что успѣхъ зависѣлъ не отъ подражанія, что надо было создавать собственное лицо, найти въ самомъ себѣ и тонъ, и звуки, и чувства, чтобы вышелъ живой образъ. Долго искалъ онъ въ себѣ этой жизни и естественности; мысли, заронившіяся въ его голову послѣ игры князя, продолжали искать исхода. И опять случай помогъ ему. Репетировали какъ-то «Школу мужей» Мольера, въ которой Щепкинъ игралъ Сганареля. Репетиція тянулась скучно, Щепкину не хотѣлось говорить по настоящему, и онъ произносилъ слова роли обыкновеннымъ голосомъ. И тутъ онъ почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ такъ, что еслибъ не по пьесѣ, а въ жизни пришлось ему говорить эту фразу, то онъ сказалъ бы ее точно такъ-же. Щепкинъ почувствовалъ вдругъ полное удовлетвореніе своей игрой и старался сохранить этотъ тонъ разговора. Но старанія опять приводили его къ прежнему тону, опять начиналась неудовлетворенность, хотя другіе актеры тогда-то и хвалили его. Имъ непонятна была бы игра князя Мещерскаго, и они смѣялись бы надъ Щепкинымъ, еслибы онъ сталъ играть, какъ князь.

Очевидно, не сразу удалось Щепкину разрѣшить задачу, заданную ему княземъ, и найти вѣрный и единственный путь въ сценическомъ искусствѣ. И когда онъ отыскалъ этотъ путь, то придалъ огромное, исключительное значеніе спектаклю, въ которомъ игралъ князь Мещерскій.

«Все, что я пріобрѣлъ впослѣдствіи,—говоритъ онъ,—все, что изъ меня вышло, всѣмъ этимъ я обязанъ ему (князю); потому что онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ и показалъ мнѣ, что искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ.»

Щепкинъ, поступивши въ труппу Штейна, пробылъ недолго въ Харьковѣ. Малороссійскому генералъ-губернатору, князю Н. Г. Рѣпнину, жившему въ Полтавѣ, захотѣлось устроить театръ въ своей резиденціи. Съ этой цѣлью была приглашена въ Полтаву труппа Штейна. Директоромъ новаго театра былъ назначенъ авторъ «Энеиды» и «Наталки-Полтавки», И. П. Котляревскій, а самъ князь покровительствовалъ театру и доставлялъ ему матеріальную поддержку. Театръ помѣщался въ казенномъ домѣ, нѣкоторые актеры пользовались казенными квартирами, а на разъ-

ѣзды по ярмаркамъ имъ выдавались казенныя же подорожныя. Разъѣзжать по ярмаркамъ представлялось для труппы необходимымъ, такъ какъ одни полтавскіе театральные сборы не покрывали расходовъ. Перекочевывали не только въ Харьковъ, гдѣ собирались огромныя ярмарки, но и въ Ромны, Кременчугъ и другіе города Харьковской, Полтавской и Курской губерній. Актерамъ было положено опредѣленное жалованье, и самое большее, 1.500 рублей въ годъ, получалъ Щепкинъ. Любовь публики была ему вездѣ обезпечена и одно имя его могло увеличивать уже и тогда сборы.

Полтавская публика любила Щепкина не меньше, чѣмъ публика другихъ городовъ, и выразила это оригинальнымъ способомъ—она выкупила своего любимца-актера изъ крѣпостной зависимости. По почину князя Рѣпнина, рѣшено было выкупить Щепкина и съ этой цѣлью устроить спектакль съ платою за мѣста по особой подпискѣ. Младшій братъ князя, будущій декабристъ, князь С. Г. Волконскій, горячо принялся за осуществленіе этой мысли и, надѣвъ свой генеральскій мундиръ и ордена, между прочимъ, обошелъ съ подписнымъ листомъ лавки купцовъ, съѣхавшихся въ Ромны на Ильинскую ярмарку. На подписномъ листѣ фигурировало самое разнообразное общество. Кромѣ двухъ князей, записались: графъ А. К. Разумовскій, бригадиръ, тайный совѣтникъ, нѣжинскій грекъ, городской голова, военные, купцы, предводитель дворянства и проч. Въ этомъ можно было видѣть общія симпатіи къ талантливому артисту. Въ заголовкѣ подписного листа значилось: «Въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи, іюля 26-го дня 1818 г. Креслы». Первымъ подписалъ князь Рѣпнинъ 200 руб., за нимъ князь Волконскій—500 р., потомъ шли разныя цифры, отъ 10 до 1.992 рублей. Послѣдняя сумма была записана однимъ игрокомъ и представляла карточный долгъ его партнера, но и этимъ способомъ долгъ получить не удалось. Сумма подписки дошла до 7 тыс. рублей, но, и кромѣ карточнаго долга, не по всѣмъ записямъ пришлось получить. Все, что недоставало до выкупной цифры 10.000 рублей ассигнаціями, уплатилъ изъ своихъ средствъ князь Рѣпнинъ. Свободы однако въ то время Щепкинъ не получилъ, а перешелъ лишь отъ одного барина, графа Волькенштейна, въ собственность другого, князя Рѣпнина. Вмѣстѣ съ Щепкинымъ была выкуплена у наслѣдниковъ графа и семья его: отецъ, мать, жена и дѣти. Окончательно Щепкинъ былъ отпущенъ княземъ Рѣпнинымъ на волю только черезъ три года, 18 ноября 1821 года.

Но и на этотъ разъ не совсѣмъ еще кончилась для Щепкина

эта невеселая исторія купли-продажи. Отпускная была дана лишь ему съ женой и двумя старшими дочерьми, а остальная семья осталась во владѣніи князя Рѣпнина. Разсказываютъ, что главною причиною этого было недовольство князя Щепкинымъ. Дѣло въ томъ, что въ 1821 г. дѣла полтавскаго театра стали приходить въ упадокъ, актеры начали покидать труппу, и хотя Щепкинъ не первымъ вышелъ съ полтавской сцены, но приближенные князя именно Щепкина выставили въ глазахъ зачинщикомъ распаденія труппы. Положеніе Щепкина сдѣлалось еще хуже. Средства его тогда были ограниченныя настолько, что ему, кормившему большую семью, приходилось иногда прибѣгать къ матеріальной помощи многихъ лицъ изъ публики, цѣнившихъ его дарованіе. Тяжело было перенести эту, обычную тогда, тягость крѣпостного права—разлученіе съ семьей, и Щепкинъ сталъ хлопотать о ея выкупѣ. Онъ предложилъ для выкупа дать четыре векселя по 1.000 рублей, т. е. вернуть деньги, приплаченныя княземъ Рѣпнинымъ, но завѣдующій дѣлами князя потребовалъ на векселяхъ вѣрнаго поручительства. Снова хлопоты, еще болѣе непріятныя, пока наконецъ не нашелся поручитель въ лицѣ малороссійскаго историка и автора «Словаря достопамятныхъ людей» Бантышъ Каменскаго. Много нравственныхъ мученій должна была доставить вся эта передряга съ выкупомъ мягкосердечному и любвеобильному Щепкину. Онъ однако никогда не винилъ въ этомъ князя Рѣпнина, который могъ и не знать всѣхъ подробностей дѣла. Отецъ Щепкина къ тому времени умеръ; вышелъ на волю Щепкинъ съ матерью, женою, четырьмя дочерьми и двумя сыновьями.

Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости было для Щепкина предвѣстникомъ освобожденія его и изъ тѣсныхъ рамокъ провинціальной жизни и сцены. Вскорѣ на столичномъ театрѣ открылась для Щепкина широкая дѣятельность, и провинціальный актеръ кочующей труппы сдѣлалъ шагъ къ исторической извѣстности. Черезъ годъ послѣ выкупа изъ крѣпостной зависимости Щепкинъ дебютировалъ на московской сценѣ, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отслуживъ свой контрактъ въ Тулѣ, былъ зачисленъ актеромъ Императорскихъ московскихъ театровъ.

Семнадцать лѣтъ, втеченіи которыхъ Щепкинъ игралъ на провинціальныхъ сценахъ, не прошли безслѣдно ни для него лично, ни для развитія его дарованія. Провинція дала ему богатый житейскій опытъ и въ то же время подготовила къ той дѣятельности, которая создала ему славу на московской сценѣ. Основнымъ принципомъ сценической дѣятельности Щепкина былъ

добросовѣстный трудъ. Щепкинъ явился въ Москву уже съ твердымъ сознаніемъ необходимости труда и съ глубоко укоренившейся привычкой къ нему. Въ провинціи же Щепкинъ воспринялъ и усвоилъ себѣ основной принципъ своихъ воззрѣній на сценическое искусство — естественность въ игрѣ, художественную правдивость изображаемыхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи имѣли на него вліяніе примѣры князя Мещерскаго и провинціальнаго актера Павлова, игра которыхъ отличалась необыкновенною для того времени правдою и простотою. На провинціальныхъ сценахъ Щепкину приходилось играть и много, и въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, Это развивало разносторонность таланта и пріучало ко всякой роли относиться добросовѣстно.

III.

М. С. Щепкинъ на московской сценѣ.

Щепкинъ прожилъ въ Москвѣ послѣднія 40 лѣтъ своей жизни. Исторія московской сцены за этотъ періодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія русскаго театра неразрывно связаны съ его именемъ. И въ жизни русскаго общества 20—50-хъ годовъ Щепкинъ является крупнымъ лицомъ по своимъ тѣснымъ связямъ съ выдающимися и образованнѣйшими людьми того времени и по мѣсту, которое онъ занималъ въ ихъ средѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ нельзя подробно пересказать исторію этого періода и прослѣдить шагъ за шагомъ жизнь и дѣятельность Щепкина. Мы сдѣлаемъ это лишь въ общихъ чертахъ и останавливаясь на самыхъ важныхъ фактахъ. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о московскомъ театрѣ до-щепкинскаго періода.

Исторія театра въ Москвѣ начинается съ XVII столѣтія, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была сдѣлана попытка устроить сценическія представленія. Во второй періодъ исторіи русской сцены, когда оффиціально былъ учрежденъ театръ въ Петербургѣ, почти одновременно возникъ театръ и въ Москвѣ. Но здѣсь онъ долго не носилъ характера оффиціальнаго и придворнаго учрежденія. Первый «вольный» театръ въ Москвѣ устроили любители-студенты только-что открывшагося университета. Вскорѣ послѣ открытія театра въ Петербургѣ основатель русскаго театра Ѳ. Г. Волковъ былъ посланъ въ Москву, чтобы устроить и здѣсь театръ, но чѣмъ кончилась его поѣздка — неизвѣстно (1759 г.). Затѣмъ слѣдовали нѣсколько лѣтъ иностранной антрепризы и

иностранныхъ представленій и появленіе въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка русскаго антрепренера полковника Титова, неудачно кончившаго свое дѣло. Съ конца 70-хъ годовъ выступаетъ на антрепренерскомъ поприщѣ предпріимчивый иностранецъ Медоксъ, державшій въ Москвѣ театръ больше 25 лѣтъ. Подъ его антрепризою подвизались многіе знаменитые русскіе актеры, напр.: Плавильщиковъ, Померанцевъ, Шушеринъ, Синявская, Сандуновы и др. Разорившись, Медоксъ бросилъ театральное дѣло. Неудачи его зависѣли отчасти и оттого, что конецъ прошлаго вѣка былъ порой особенно широкаго развитія въ Москвѣ домашнихъ барскихъ театровъ, которыхъ здѣсь насчитывалось тогда до 20. Съ 1806 г. московскій театръ взяла въ свое завѣдываніе дирекція Императорскихъ театровъ.

Изъ послѣдующаго періода лучшая пора настала для московскаго театра, когда имъ въ 20-хъ годахъ управлялъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, большой любитель и знатокъ сценическаго искусства и драматургъ. Его старанія были направлены на то, чтобы привлечь на московскую сцену лучшихъ артистовъ и сформировать для нея образцовый составъ труппы.

Въ это-то время и былъ приглашенъ въ Москву М. С. Щепкинъ. Прослышавъ о появившемся въ провинціи талантливомъ артистѣ, Кокошкинъ отправилъ туда М. Н. Загоскина, своего помощника по управленію театромъ, автора «Юрія Милославскаго» и извѣстнаго въ свое время драматурга, которому поручилъ пригласить Щепкина на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы не упустить артиста, если онъ окажется дѣйствительно талантомъ.

Щепкинъ дебютировалъ на московскомъ театрѣ 23 ноября 1822 года въ комедіи Загоскина «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» и въ водевилѣ «Лакейская война». За дебютомъ послѣдовало окончательное приглашеніе Щепкина на Императорскую сцену, но онъ былъ еще связанъ контрактомъ съ тульскимъ театромъ и отправился туда дослуживать сезонъ. Служба же на московской сценѣ началась по возвращеніи изъ Тулы, т. е. съ 6 марта 1823 года.

Поступленіе на Императорскій театръ Щепкинъ могъ считать завершеніемъ всѣхъ своихъ стремленій и надеждъ наградой за свою неизмѣнную любовь къ искусству. Теперь все и очень рѣзко измѣнялось въ его судьбѣ Провинціальныя скитанія прекращались и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальное положеніе становилось обезпеченнымъ. Пріѣхавъ въ Полтаву года черезъ два послѣ переѣзда въ Москву, Щепкинъ на пожеланія успѣховъ на новой широкой дорогѣ отвѣчалъ: «я такъ уже счастливъ, что совѣстно мнѣ и же-

лать болѣе. Я теперь въ такомъ положеніи, что могу уже двѣ тысячи рублей употреблять на воспитаніе моихъ дѣтей».

Среда, въ которую вступалъ Щепкинъ, совершенно не походила на тотъ мірокъ, гдѣ онъ вращался въ провинціи. Между товарищами по сценѣ находились люди талантливые и развитые. Публика была и строже, и просвѣщеннѣе; критика, которой въ провинціи и совсѣмъ не было, отличалась серьезностью. Кругъ знакомствъ въ Москвѣ могъ быть какъ угодно широкъ и какъ угодно разнообразенъ. Но самое главное — сценическая дѣятельность выходила здѣсь изъ провинціальныхъ рамокъ. Провинція въ этомъ отношеніи всегда шла за столицами и давала лишь часть того, чѣмъ располагали въ своемъ репертуарѣ столичныя сцены.

По счастливой случайности, Щепкинъ поступалъ подъ непосредственное начальство людей, чуждыхъ чиновничьяго формализма и смотрѣвшихъ на театральное дѣло. какъ подобало просвѣщеннымъ людямъ. Это были — Кокошкинъ и Загоскинъ, о которыхъ мы упомянули выше, затѣмъ А. И. Писаревъ, талантливый водевилистъ, и А. Н. Верстовскій, композиторъ, впослѣдствіи авторъ «Аскольдовой могилы». Своимъ человѣкомъ въ московской дирекціи былъ и князь А. А. Шаховской, прежде завѣдывавшій петербургскимъ театромъ, а теперь проживавшій въ Москвѣ. Всѣ они, своими совѣтами, могли сильно повліять на артистическое развитіе провинціальнаго актера и, по любви своей къ театру, съ особенной охотой должны были это дѣлать для такого таланта, какъ Щепкинъ. Черезъ нихъ Щепкинъ могъ пріобрѣтать знакомства и среди общества, стоявшаго далеко отъ театра.

Не менѣе счастливая случайность ввела Щепкина и въ кругъ университета профессоровъ. Здѣсь у него отыскался родственникъ — профессоръ математики П. Ст. Щепкинъ. Онъ происходилъ отъ того же священника. который былъ родоначальникомъ артиста. Но судьба этой вѣтви Щепкиныхъ была иная: они не попали въ крѣпостные.

Пути въ общество передовыхъ людей того времени были открыты для Щепкина, и онъ не замедлилъ пойти по нимъ. поддерживая всю свою жизнь связи съ этимъ обществомъ. Чтобы судить, какъ обширны и значительны были эти связи, достаточно привести имена лицъ, выдѣлившихся въ лѣтописяхъ нашего прошлаго, съ которыми былъ знакомъ Щепкинъ во время своей московской дѣятельности. Въ этотъ далеко не полный списокъ ученыхъ, профессоровъ, литераторовъ, художниковъ входятъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Аксаковы, Грановскій,

Кудрявцевъ, Кирѣевскій, Станкевичъ, Герценъ, Огаревъ, Катковъ, Погодинъ, Шевыревъ, графиня Ростопчина, Шевченко, графъ Соллогубъ, Боткины, Тургеневъ, Смирнова и др. Большинство изъ этихъ лицъ было не только знакомо съ Щепкинымъ, но питало къ нему самыя сердечныя, самыя дружескія чувства.

Особенно теплая пріязнь влекла Щепкина къ Аксаковымъ, Гоголю, Бѣлинскому, Шевченко и Грановскому. Послѣдній былъ однимъ изъ представителей того кружка «людей сороковыхъ годовъ», къ которому тѣсно примыкалъ Щепкинъ. Въ общемъ характеристика этого кружка сводится къ такимъ чертамъ, которыми рисуютъ то время біографы Бѣлинскаго и Грановскаго. Жизнь общества текла тогда не слышно и не видно. Зато отсутствіе общественныхъ интересовъ сильнѣе сосредоточивало вниманіе образованнаго меньшинства на интересахъ умственныхъ, литературныхъ и эстетическихъ. Тѣсный кружокъ друзей, въ которомъ частымъ гостемъ бывалъ Щепкинъ, собирался часто, и въ горячихъ спорахъ и бесѣдахъ обмѣнивался мыслями, мнѣніями, обобщающими понятіями, наконецъ шутками и остротами.

Щепкинъ былъ одинаково дорогимъ гостемъ и въ кружкѣ Герцена, и въ кружкѣ Станкевича. Первый кружокъ, въ своихъ спорахъ и разсужденіяхъ, проводилъ общественно-политическія теоріи, второй—занимался философскими рѣшеніями вѣчныхъ вопросовъ человѣческой жизни и духа. Между этими кружками не было взаимной симпатіи: убѣжденія однихъ казались другимъ ложными и мелкими. Но Щепкинъ находилъ сочувственный пріемъ и личный для себя интересъ и тутъ, и тамъ. Кружокъ философовъ, отличавшійся артистическимъ идеализмомъ, восторженно относился къ искусству и литературѣ и ихъ геніальнымъ представителямъ. Здѣсь была обильная пища для воспріимчиваго ума Щепкина. Но и кружокъ Герцена не меньше интересовалъ Щепкина, прошедшаго тяжелую житейскую школу, видѣвшаго много людской неправды и несовершенствъ общественнаго строя.

Щепкинъ жадно черпалъ изъ этой сокровищницы знаній, такъ счастливо открывшейся ему въ лицѣ его ученыхъ друзей. Не было области знаній, которая не интересовала бы Щепкина. Съ одинаковымъ вниманіемъ выслушивалъ онъ и философскіе споры въ кружкѣ Станкевича, и астрономическія свѣдѣнія, которыя ему сообщалъ профессоръ астрономіи Перевощиковъ, его близкій другъ.

Щепкинъ вступилъ на московскую сцену во времена владычества въ русской драматургіи мелодрамы и водевиля. Ему, какъ комику, пришлось начинать свою карьеру въ Москвѣ легкими

комедіями и водевилями, перенесенными по большей части на русскую сцену съ французской почвы. Комедіи и водевили Скриба и другихъ французскихъ драматурговъ заполоняли, въ переводахъ и передѣлкахъ, русскій репертуаръ. Самымъ плодовитымъ и остроумнымъ водевилистомъ былъ Писаревъ. Онъ скоро сдѣлался другомъ Щепкина, но не надолго. Лѣтъ черезъ пять Щепкину пришлось горевать о смерти Писарева, какъ о «великой потерѣ для театра», еще болѣе чувствительной лично для него. Щепкинъ имѣлъ огромный успѣхъ въ водевиляхъ. Многіе изъ нихъ были обязаны ему своею жизнью на сценѣ. Въ первые два года службы Щепкина въ Москвѣ были изданы три водевиля съ его портретами въ роляхъ изъ этихъ водевилей. Отсюда ясно, что водевили эти жили имъ.

Кромѣ водевилей, въ репертуаръ Щепкина входили комедіи Загоскина, Шаховского и др., болѣе или менѣе легкія, болѣе или менѣе безсодержательныя, а всѣ — далекія отъ дѣйствительной жизни. Въ 1827 г. Щепкинъ выступилъ въ одной изъ лучшихъ комедій Загоскина «Благородный театръ», въ роли Любскаго.

Пустой репертуаръ тяготилъ жаждавшаго работы артиста, и нѣкоторое удовлетвореніе онъ получалъ, лишь играя въ комедіяхъ Мольера, котораго онъ читалъ и изучалъ еще въ провинціи. На московской сценѣ ему пришлось переиграть больше десяти мольеровскихъ ролей, начиная почти съ самаго пріѣзда изъ провинціи. Онъ игралъ Оронта, или въ тогдашней передѣлкѣ Кокошкина графа Златова, въ «Мизантропѣ», Журденя или Дурмана въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ» и Сганареля въ «Школѣ мужей». Щепкинъ, по выраженію С. Т. Аксакова, часто «тосковалъ по Мольерѣ» и вообще по ролямъ, требующимъ работы, и для него Аксаковъ перевелъ и отчасти переложилъ на русскіе нравы «Школу женщинъ» и «Скупого». Обѣ пьесы были даны въ бенефисы Щепкина: первая въ 1825 г., а вторая — въ 1830 г. Въ первой комедіи онъ игралъ Арнольда, во второй — Гарпагона. Послѣдней мольеровской ролью Щепкина былъ Жоржъ Данденъ, въ пьесѣ того же заглавія, сыгранной имъ въ свой бенефисъ 18 января 1851 г.

Но если Щепкинъ и отдыхалъ, изучая Мольера и работая надъ его созданіями, то все же въ этомъ онъ не находилъ полнаго удовлетворенія своимъ артистическимъ требованіямъ и идеаламъ. Мольеровскіе образы передавались имъ художественно, съ глубиною замысла и тонкостью отдѣлки, но они были чужды и ему, и публикѣ. Хотѣлось переносить на сцену свое, родное, воплощать русскіе типы, такъ хорошо знакомые Щепкину. Комедіи нашихъ драматурговъ не давали для этого полнаго простора, потому

что въ нихъ русская жизнь рисовалась блѣдными, а часто и фальшивыми чертами, и общественные интересы никогда не затрогивались.

Щепкинъ сильно скучалъ. Это состояніе наводило на него современное положеніе театра. Въ одномъ изъ писемъ къ своему другу, петербургскому артисту И. И. Сосницкому, отъ 26 іюля 1831 г., Щепкинъ писалъ, что въ положеніи театра мало хорошаго, и хотя ему лично было хорошо, но онъ съ радостью бы перешелъ на петербургскую сцену. Если его и удерживало что, въ Москвѣ, такъ это 9 проведенныхъ здѣсь лѣтъ и прекрасные бенефисные сборы, которые въ Петербургѣ можно было вознаградить лишь жалованьемъ. Семья заставляла его не забывать матеріальныхъ разсчетовъ. Къ этому онъ прибавлялъ: «жаль, очень жаль, что русскій театръ не можетъ улучшиться отъ однихъ желаній, собственнаго старанія и душевной любви, ибо, признаюсь, театръ у меня беретъ преимущество надъ семейными дѣлами, и, при всемъ томъ, видѣть оный слабѣющимъ день отъ дня, клянусь, это для меня хуже холеры» (которая тогда свирѣпствовала).

Но въ томъ же году Щепкинъ воспрянулъ духомъ: во-первыхъ, появилась на сценѣ комедія, въ которой ему можно было во всю ширь развернуть свои силы, а во-вторыхъ, по контракту ему была продолжена служба. Въ 1831 г. была поставлена въ Москвѣ комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» сначала въ отрывкахъ, а затѣмъ и въ цѣломъ видѣ. Роль Фамусова игралъ Щепкинъ и, какъ говорятъ современники, первое время игралъ не вполнѣ удачно. Отъ сильнаго ли вліянія легкаго водевильнаго творчества, или оттого, что Щепкинъ не сразу овладѣлъ этой трудной ролью, но сначала она не удавалась ему. За то впослѣдствіи роль Фамусова стала лучшею ролью въ обширномъ репертуарѣ Щепкина, и такого Фамусова послѣ него уже не видала русская сцена.

Въ томъ же году Щепкинъ подалъ Загоскину, вступившему въ управленіе театромъ послѣ Кокошкина, доношеніе о томъ, что срокъ его контракта кончается 6 марта 1832 г. По театральнымъ правиламъ, каждый артистъ долженъ былъ подавать подобное доношеніе за 6 мѣсяцевъ до истеченія срока контракта. Щепкинъ спрашивалъ: «благоугодна-ли будетъ его служба при дирекціи на дальнѣйшее время и при какихъ условіяхъ?» Отвѣтъ послѣдовалъ конечно положительный. За девять лѣтъ Щепкинъ уже упрочилъ за собою репутацію первокласснаго артиста. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ первый разъ выступилъ 2 іюля 1825 г., публика высоко цѣнила талантъ его. На «доношеніи» Загоскинъ написалъ: «на сто лѣтъ, только бы прожилъ»,

а оффиціально отвѣтилъ: «въ уваженіе его таланта пріятностью поставляетъ имѣть его на службѣ при Императорскихъ театрахъ на тѣхъ же самыхъ кондиціяхъ, какія были прежде».

Щепкинъ пустилъ уже крѣпкіе корни въ Москвѣ и потому согласился на резолюцію директора, хотя «прежнія кондиціи» не соотвѣтствовали теперь расходамъ на содержаніе его семьи, разросшейся до 24 человѣкъ. Въ это число входили, кромѣ собственной семьи, старики и старухи, воспитанники и воспитанницы, которыми былъ всегда полонъ домъ Щепкина. Но неожиданно явилось подспорье. Загоскинъ предложилъ Щепкину преподавать драматическое искусство въ театральномъ училищѣ. Тотъ, по своей скромности, сначала было отказывался, находя себя неспособнымъ для такого важнаго дѣла, къ тому же считая себя плохимъ декламаторомъ. Но Загоскинъ настаивалъ и соблазнялъ его прибавкой въ 2.000 руб. ассигнаціями, не лишнихъ для Щепкина, обремененнаго семьей. Доводы были убѣдительны, пришлось согласиться. Директоръ попросилъ у высшаго начальства разрѣшенія учредить въ театральной школѣ постоянное мѣсто учителя декламаціи и опредѣлить на это мѣсто актера Щепкина, «какъ человѣка, совершенно знающаго это искусство и способнаго образовать полезныхъ для сцены артистовъ». 9 августа 1832 г. Щепкинъ вступилъ въ отправленіе новыхъ обязанностей. Опредѣленныхъ часовъ ему не было назначено для занятій, но онъ по своей добросовѣстности усердно приступилъ къ дѣлу и рѣдкій день не бывалъ въ школѣ. Ему приходилось ставить ученическіе спектакли въ школѣ или разучивать роли съ воспитанниками, которымъ случалось играть на большой сценѣ. Дѣти скоро полюбили добраго и справедливаго учителя, ученье пошло по немногу, но съ толкомъ.

Къ тому же времени относится начало знакомства Щепкина съ другимъ великимъ художникомъ—Н. В. Гоголемъ. Авторъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» начиналъ уже тогда входить въ славу и возбуждать общее вниманіе. Проѣзжая въ 1832 г. черезъ Москву, Гоголь познакомился съ Аксаковыми, Загоскинымъ, Погодинымъ и Щепкинымъ. Послѣдняго онъ вѣроятно видѣлъ уже въ томъ же году на петербургской сценѣ и убѣдился, какого артиста имѣетъ въ лицѣ его русская сцена.

Познакомились они довольно оригинально. Гоголь незваный пришелъ къ Щепкину и засталъ всѣхъ за обѣдомъ. Остановившись на порогѣ зала, онъ быстро проговорилъ слова малорусской пѣсни:

Ходитъ гарбузъ по городу,
Пытаеться свого роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Оригинальнаго незнакомца скоро узнали, и земляки познакомились. Радость Щепкина была безпредѣльна, но она должна была скоро перейти въ блаженство сладостной надежды, когда онъ узналъ, что Гоголь подумываетъ о созданіи русской комедіи.

Для Гоголя Щепкинъ былъ своего рода кладомъ. Неистощимые разсказы много испытавшаго артиста рисовали дѣйствительность яркими и художественными красками. Впечатлительный и наблюдательный, Щепкинъ обладалъ богатѣйшимъ запасомъ матеріаловъ изъ жизни и нравовъ недавняго прошлаго. Онъ, въ своихъ живыхъ разсказахъ, опускался въ самую глубину того житейскаго моря, въ которое мечталъ проникнуть духовными очами писатель, извлечь оттуда и показать міру смѣхъ сквозь невидимыя слезы. И Гоголь пользовался разсказами Щепкина не только для общаго пониманія русской жизни, но прямо переносилъ ихъ въ свои произведенія, напр. эпизодъ появленія кошки въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ или «полюби насъ черненькими» въ «Мертвыхъ Душахъ» и др.

Мысль написать комедію крѣпко засѣла въ головѣ Гоголя. Когда ему не удалась начатая комедія «Владиміръ 3-ей степени», онъ принялся (около 1833 г.) за «Женитьбу». Но этой комедіи суждено было появиться на московской сценѣ лишь черезъ 10 лѣтъ (въ бенефисъ Щепкина, 5 февраля 1843 г.). За эти 10 лѣтъ «Женитьба» передѣлывалась нѣсколько разъ. Щепкину она была извѣстна въ самой первой своей редакціи, и онъ принималъ нѣкоторое участіе въ ея передѣлкѣ своими совѣтами относительно тѣхъ или иныхъ подробностей, которыми интересовался Гоголь.

Гораздо раньше, чѣмъ появилась «Женитьба», поставлена была другая комедія Гоголя, начатая послѣ «Женитьбы»,—«Ревизоръ»,—составившая эпоху въ исторіи русской драматургіи и имѣвшая первенствующее значеніе въ сценической дѣятельности Щепкина. Городничій Сквозникъ-Дмухановскій, на ряду съ Фамусовымъ, сталъ во главѣ всѣхъ художественныхъ созданій Щепкина. Этихъ двухъ ролей, какъ игралъ ихъ онъ, было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить имя артиста.

Послѣ появленія на сценѣ «Горя отъ ума» прошло около 5 лѣтъ. Репертуаръ по-прежнему не давалъ Щепкину серьезной работы. Въ концѣ апрѣля 1836 г. онъ писалъ Сосницкому:

«Благодарю тебя, дружище, за письмо; оно меня оживило. Благодаря театру, я приходилъ уже въ какое-то не спящее, но дремлющее состояніе; бездѣйствіе совершенно меня убиваетъ. Я сдѣлался здѣсь на сценѣ какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ жидомъ: я давно уже забылъ, что такое комическая роль, и вдругъ письмо дало новыя надежды, и я живу новою жизнью.»

Эти надежды вдохнуло въ Щепкина извѣстіе о постановкѣ на

петербургской сценѣ «Ревизора». Въ то же время Гоголь послалъ ему изъ Петербурга «Ревизора» и разрѣшалъ ему ставить пьесу когда и какъ угодно. Черезъ полторы недѣли Гоголь снова просилъ Щепкина «непремѣнно изъ дружбы къ нему взять на себя все дѣло постановки «Ревизора», и при этомъ дѣлалъ указанія, какъ разыграть комедію. Городничаго онъ поручалъ играть Щепкину, а остальныя роли отдавалъ тоже на его распредѣленіе. Въ Москву ѣхать Гоголь отказывался, находя, что Щепкинъ поставитъ пьесу даже лучше, чѣмъ онъ самъ.

Щепкинъ понималъ, какое великое произведеніе представляетъ собою «Ревизоръ», былъ обрадованъ его появленіемъ и настойчиво звалъ Гоголя въ Москву.

«Благодарю васъ отъ души за «Ревизора», — писалъ онъ Гоголю, — не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ. Давно уже я не чувствовалъ такой радости: ибо, къ несчастью, мои всѣ радости сосредоточены въ одной сценѣ. Знаю, что это почти сумасшествіе, но что жъ дѣлать? Я, право, не виноватъ. Порядочные люди смѣются надо мной и почитаютъ глупостью, но я за усовершенствованіе этой глупости отдалъ бы остатокъ моей жизни.»

Но никакія убѣжденія не подѣйствовали на Гоголя. Онъ не пріѣхалъ. «Ревизоръ» въ отсутствіи автора шелъ въ первый разъ на московской сценѣ 25 мая 1836 г. Постановка комедіи должна была значительно ободрить скучавшаго бездѣйствіемъ артиста. «Ревизоръ» знаменовалъ собою зарю новаго направленія русской драматургіи, и именно того направленія художественной жизненной правды, которому служилъ самъ Щепкинъ. Это было тѣмъ болѣе кстати, что Щепкина стали смущать признаки упадка физическихъ силъ. Въ письмахъ къ Сосницкому, въ 1836 г., Щепкинъ жалуется, что его «силы по театру уже измѣняются, органъ начинаетъ слабѣть». Тогда ему было уже подъ 50 лѣтъ и жизнь, полная волненій, начинала оказывать свое вліяніе на его крѣпкую и неутомимую натуру. Особенно его безпокоила болѣзнь горла. Въ началѣ 1837 г. Щепкинъ собирался на югъ Россіи и такъ объяснялъ Сосницкому эту поѣздку. «Голосъ мой, — писалъ онъ, — до того ослабѣлъ отъ безпрестаннаго усилія, которое необходимо въ нашемъ театрѣ (большой театръ отличался тогда дурными акустическими условіями), что нѣтъ роли, въ которой бы не утомилъ горла и не охрипъ; дошло до того, что уже и въ комнатѣ, и говоря безъ усилій, начинаю чувствовать то же». И вотъ, «дабы не лишиться средствъ къ прокормленію семейства», Щепкинъ рѣшился просить отпуска.

Въ офиціальномъ прошеніи Щепкинъ такъ изъяснялъ мотивы своей поѣздки.

«Впродолженіи 14-ти-лѣтней службы моей въ императорскомъ театрѣ въ званіи артиста, отъ частой игры многотрудныхъ ролей и отъ огромности московской сцены голосъ мой до такой степени ослабѣлъ, что теряю всякую надежду на продолженіе службы безъ необходимаго излеченія. Медики, у которыхъ я просилъ совѣта, въ такомъ случаѣ предлагаютъ, какъ весьма полезное средство для отвращенія такого рода болѣзни, отправиться въ одинъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ, утверждая, что морская вода можетъ укрѣпить мое ослабѣвшее горло и голосъ.»

Но на поѣздку были нужны средства, а гдѣ ихъ было взять Щепкину, на плечахъ котораго лежала забота объ огромной семьѣ. Щепкинъ получалъ тогда 9 тыс. рублей ассигнаціями, которыя распредѣлялись такъ: 4 тысячи жалованья, какъ актеру, 2 тыс. за обученіе декламаціи въ театральной школѣ, 1 тыс. на гардеробъ и 2 тыс. рублей квартирныхъ. И все, что получалось, то и проживалось. Поэтому Щепкинъ просилъ дать ему на леченіе пособіе и сохранить на время поѣздки жалованье. Дирекція театровъ присоединилась къ просьбѣ Щепкина не только «изъ уваженія къ его таланту, но и по его примѣрной службѣ, усердію и отличному поведенію». Дѣло объ отпускѣ было представлено на воззрѣніе Императора Николая Павловича, который разрѣшилъ отпустить Щепкину на леченіе пособіе въ 4 тыс. руб., то-есть полугодовой окладъ жалованья, но безъ сохраненія содержанія во все время отсутствія изъ Москвы.

По возвращеніи изъ отпуска для Щепкина наступилъ періодъ, когда онъ особенно близко сошелся съ «людьми сороковыхъ годовъ». Отдѣльные члены кружка горячо любили и уважали Щепкина за его талантъ и честный трудъ. Къ числу задушевныхъ друзей его принадлежалъ Бѣлинскій. Съ нимъ Щепкину суждено было путешествовать по Россіи. Это было тогда, когда силы критика угасали и здоровье требовало продолжительнаго отдыха на югѣ. Туда же ѣхалъ и Щепкинъ, тоже отдохнуть и совершить артистическое путешествіе. Мысль ѣхать съ своимъ стариннымъ другомъ, добродушнымъ и неистощимо веселымъ собесѣдникомъ, приводила Бѣлинскаго въ восторгъ.

16 мая 1846 г., послѣ шумныхъ и веселыхъ проводовъ, они отправились въ путь, побывали въ Калугѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Харьковѣ и пріѣхали въ Одессу. Здѣсь Щепкинъ заключилъ условіе съ антрепренеромъ, обязавшись переѣзжать въ Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, Симферополь и другіе города. Щепкинъ успѣвалъ дѣлать и то, и другое: играть во всѣхъ городахъ и ухаживать за больнымъ Бѣлинскимъ. «М. С. смотритъ за мной, какъ дядька за недорослемъ», писалъ онъ. «Что это за человѣкъ!..» И Бѣлинскій всюду переѣзжалъ за своимъ добрымъ и ласковымъ «дядькой».

Поѣздки въ провинцію Щепкинъ дѣлалъ втеченіи всей своей московской дѣятельности. Онъ не разъ бывалъ въ Одессѣ, Казани, Воронежѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, и др. городахъ. Помимо чисто артистическаго желанія путешествовать и играть передъ новой публикой, Щепкина влекла въ провинцію почти-что необходимость заработать что-нибудь лишнее сверхъ казеннаго жалованья. Отправляясь въ отпуски, обусловленные контрактомъ или по болѣзни, Щепкинъ всегда игралъ въ большихъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ. Къ этому добавочному подспорью прибѣгали многіе изъ столичныхъ актеровъ, а Щепкину съ его семьей это было нужнѣе, чѣмъ кому-либо. Прослуживши 20 лѣтъ на московской сценѣ, Щепкинъ не только ничего не скопилъ себѣ на черный день, но также проживалъ все, что получалъ.

Матеріальные итоги его службы въ то время были таковы. Въ мартѣ 1843 г. ему была назначена пенсія высшаго оклада — 1,142 р. 82 к. За эту пенсію онъ долженъ былъ прослужить по закону еще «два года благодарности»; получалъ онъ по прежнему, такъ какъ жалованье было обращено въ пенсіонъ. Въ этомъ году онъ снова ѣздилъ на 5 мѣсяцовъ на югъ для поправленія здоровья, и жалованья отъ дирекціи за это время ему не выдавалось. Прослуживъ «два года благодарности», Щепкинъ получилъ отъ дирекціи предложеніе продолжать службу еще три года съ окладомъ въ 1,142 р. 82 к. и съ разовыми за каждый спектакль по 35 р. 70 к., съ полнымъ зимнимъ бенефисомъ и съ ежегоднымъ отпускомъ на мѣсяцъ. Щепкинъ не соглашался на три года по разстроенному здоровью. Контрактъ заключили на годъ, но съ тѣмъ, что если ему позволитъ здоровье, то будетъ служить и еще два года. Такъ оно и вышло. Онъ прослужилъ три года, и въ 1848 г. дирекція предложила ему тѣ же условія. Щепкинъ просилъ прибавки къ жалованью еще 1,000 р., но ему дали 40 р. поспектакльной платы, и контрактъ заключили опять на три года. Когда кончился срокъ, дирекція опять предложила тѣ же условія, но Щепкинъ просилъ опредѣлить количество спектаклей втеченіи года. Вѣроятно это было для него важно потому, что сумма разовыхъ измѣнялась въ зависимости отъ количества спектаклей, и онъ не могъ разсчитывать на совершенно опредѣленный заработокъ. Такъ, онъ участвовалъ въ спектакляхъ въ 1845 г. 72 раза, а въ слѣдующихъ годахъ—43, 76, 51 и 47 разъ. На его просьбу въ дирекціи отвѣтили, что сумма разовыхъ не опредѣляется, ибо «поспектакльная плата есть не жалованье, а только мѣра поощренія и, слѣдственно, должна быть опредѣляема не инымъ чѣмъ, какъ числомъ дѣйствительныхъ, а не предположенныхъ представленій». Поэтому контрактъ былъ заключенъ до 17 марта 1854 г. на прежнихъ условіяхъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ съ дирекціею, какъ и въ провинціальныхъ поѣздкахъ, сказывалась, если не нужда, то во всякомъ случаѣ необходимость свести концы съ концами.

Проживать Щепкину нужно было по меньшей мѣрѣ тысячу рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Онъ самъ представляетъ такой разсчетъ въ одномъ изъ писемъ къ Гоголю, который приглашалъ его, въ 1847 г., пріѣхать за-границу. Сначала Щепкинъ увлекся и со-

всѣмъ было собрался ѣхать, но, обдумавъ всѣ обстоятельства, нашелъ планъ свой невыполнимымъ.

«Мнѣ двинуться нельзя безъ вѣрныхъ пяти тысячъ пятисотъ рублей,— писалъ онъ Гоголю. — У меня останется дома, кромѣ прислуги, 17 человѣкъ; имъ прожить нужно тысячу рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; а какъ поѣздка моя никакъ не можетъ быть меньше 3 мѣсяцевъ, слѣдовательно имъ надо 3 тысячи, а мнѣ на вояжъ 2,500 рублей. Эта сумма необходима: нѣтъ ея, и я долженъ лишить себя всегдашней моей мечты. Я продалъ домъ, расплатился съ долгами и у меня остается, за уплатою за годовую квартиру, 1,500 руб.; вотъ все мое состояніе. Да ежели бы его и осталось столько, сколько нужно для вояжа, то я и тогда не могъ бы имъ пожертвовать; это было бы мною поступлено безсовѣстно въ отношеніи семейства. У меня въ жизни было два владыки: сцена и семейство. Первому я отдалъ все, отдалъ добросовѣстно, безукоризненно... Въ отношеніи же послѣдняго, я, положа руку на сердце, не могу этого сказать; стало быть, я долженъ сколько-нибудь стараться поправить то, что такъ долго было упускаемо.»

«Всегдашняя мечта» — на этотъ разъ не осуществилась. А Щепкину очень хотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ.

«Мнѣ нужно видѣть заграничные театры, —пишетъ онъ Гоголю въ томъ же письмѣ, — очень нужно: незнаніе языка меня не пугаетъ, главное я пойму, и оно необходимо мнѣ для моихъ записокъ, въ концѣ которыхъ хочу изложить свой взглядъ на искусство драматическое вообще и въ чемъ состоитъ особенность каждаго театра въ Европѣ въ настоящее время. Это будетъ окончательнымъ дѣломъ моей практической дѣятельности... Это мнѣ нужно для будущаго. Въ настоящемъ же оно мнѣ, кромѣ удовольствія, не принесетъ никакой пользы; ибо послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ я уже не могу передѣлать себя, у меня не хватитъ силъ: всѣ сценическіе недостатки вросли въ меня глубоко, ихъ не вырвешь уже, не повредивъ цѣлаго.»

Письмо, изъ котораго приведены эти выдержки, интересно и въ другомъ отношеніи: оно содержитъ отзывъ Щепкина объ извѣстной «Развязкѣ Ревизора». Но прежде. чѣмъ сказать объ этомъ отзывѣ, вернемся немного назадъ и прослѣдимъ періодъ между появленіемъ въ свѣтъ «Ревизора» и посылкою къ Щепкину Гоголемъ «Развязки Ревизора».

Послѣ первой постановки «Ревизора» отношенія между Гоголемъ и Щепкинымъ сдѣлались вполнѣ дружескими, а со стороны восторженнаго артиста они переходили чуть не въ обожаніе. Въ Москвѣ друзья встрѣчались у Аксаковыхъ, у Погодина, наконецъ Гоголь часто навѣщалъ и домъ своего земляка. И Щепкинъ, бывая въ Петербургѣ, останавливался у Гоголя. Переписка между ними носитъ характеръ полной искренности и пониманія другъ друга. Само собою понятно, что Щепкинъ послѣ «Ревизора» ждалъ отъ Гоголя новыхъ созданій, гдѣ и онъ самъ могъ примѣнить свои силы. Репертуаръ по прежнему не удовлетворялъ Щепкина. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гоголю, въ концѣ 1842 г., онъ снова жаловался на отсутствіе работы, на пустоту репертуара.

«Поприще мое, — пишетъ онъ,—и при новомъ управленіи (театромъ) безъ дѣйствія, а душа требуетъ дѣятельности, потому что репертуаръ нисколько не измѣнился, а все тоже, мерзость, и мерзость, и вотъ чѣмъ на старости я долженъ утитывать мою драматическую жажду. Знаете, это такое страданіе, на которое нѣтъ словъ. Намъ дали все, то-есть артистамъ русскимъ, - деньги, права, пенсіоны, и только не дали свободы дѣйствовать, и изъ артистовъ мы сдѣлались поденщиками. Нѣтъ, хуже: поденщикъ свободенъ выбирать себѣ работу; а артистъ—играй, играй все, что повелитъ мудрое начальство.»

И Гоголь не оправдывалъ надеждъ своего друга и не давалъ ничего новаго для сцены, какъ ни побуждалъ его къ тому Щепкинъ. «Женитьба» оставалась у автора и много разъ передѣлывалась втеченіи десяти лѣтъ, съ 1833 по 1843 г. Наконецъ Щепкинъ получилъ «Женитьбу» раньше появленія комедіи въ печати, въ нарочно переписанной для него рукописи. А когда сочиненія Гоголя вышли отдѣльнымъ изданіемъ, то 28 ноября 1842 г. Гоголь прислалъ Щепкину формальное заявленіе, которымъ отдавалъ въ распоряженіе артиста всѣ драматическіе отрывки и сцены, напечатанные въ 4-мъ томѣ его сочиненій, съ правомъ ставить ихъ когда угодно и гдѣ угодно въ свои бенефисы. «Женитьба» и «Игроки» шли въ первый разъ въ бенефисъ Щепкина 5 февраля 1843 г. Въ первой пьесѣ бенефиціантъ игралъ роль Подколесина, во второй—Утѣшительнаго. Обѣ эти роли не удались Щепкину. Скоро онъ отказался отъ роли Подколесина и сталъ играть въ «Женитьбѣ» Кочкарева, и на этотъ разъ съ обычнымъ успѣхомъ.

Отдавая Щепкину всѣ свои драматическія произведенія и выражая этимъ свою любовь и уваженіе къ нему, Гоголь совѣтовалъ пользоваться этими отрывками умѣренно, увѣряя, что больше писать комедій уже не будетъ. А на продолжавшіяся сѣтованія Щепкина объ отсутствіи работы Гоголь отвѣчалъ:

«Это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы забыли, что есть старыя заигранныя, заброшенныя пьесы? Развѣ вы забыли, что для актера нѣтъ старой роли, что онъ новъ вѣчно. Теперь-то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь-то вы и должны показать въ лицѣ свѣту, что такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ, да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства.»

Далѣе Гоголь продолжаетъ:

«Вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь. Вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много, который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было. Вы теперь можете царствовать въ вашей роли, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались... Благодарите Бога за всякія препятствія... Они необыкновенному человѣку необходимы... Увидите, что для васъ настанетъ еще время,

когда будутъ ѣздить въ театръ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово.»

Въ этомъ же письмѣ Гоголь увѣщеваетъ Щепкина хорошенько разучить и разыграть «Ревизора», первою постановкою котораго авторъ былъ недоволенъ, а черезъ 4 года, въ 1846 г., онъ желаетъ, чтобы «Ревизоръ» былъ непремѣнно поставленъ вмѣстѣ съ «Развязкой Ревизора». Но Щепкина «Развязка» привела въ негодованіе. Онъ ясно понималъ, какое натянутое объясненіе смысла «Ревизора» хочетъ дать Гоголь своею «Развязкою».

«Прочтя ваше окончаніе «Ревизора», — пишетъ Щепкинъ Гоголю,—я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ «Ревизора», какъ живыхъ людей... Отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще — это было бы дѣйствие безсовѣстное. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ, не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ, а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ.»

Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1852 г.) Щепкину пришлось испытать тяжкое горе: закрыть гробовую крышку надъ прахомъ горячо любимаго имъ Гоголя. Въ то время всходило уже новое свѣтило русской драматургіи,—появились первыя произведенія А. Н. Островскаго. Щепкинъ критически отнесся къ новому направленію. Трудно опредѣлить истинную причину его нерасположенія къ произведеніямъ драматурга, талантъ котораго онъ уважалъ. Можетъ статься, по мнѣнію современника, онъ мало зналъ тотъ общественный слой, къ которому принадлежатъ дѣйствующія лица въ этихъ произведеніяхъ; или не находилъ въ этихъ лицахъ истиннаго комизма, или изображеніе этого комизма казалось ему слишкомъ реальнымъ. Въ пьесахъ Островскаго Щепкинъ почти не выступалъ. Изъ главныхъ типовъ Островскаго онъ изобразилъ Большова («Свои люди—сочтемся») и Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»).

Послѣднюю роль онъ игралъ лишь во время своего пріѣзда въ Нижній-Новгородъ, въ 1857 г. Объ этой поѣздкѣ Щепкина надо сказать нѣсколько словъ. На этотъ разъ не гастроли потянули въ самой срединѣ зимы 70-ти-лѣтняго старика въ Нижній-Новгородъ. Онъ поѣхалъ туда, чтобы навѣстить проживавшаго тамъ, по возвращеніи изъ ссылки, своего друга и земляка, поэта Т. Г. Шевченко. Дружба между ними была давнишняя, и Щепкинъ имѣлъ большое вліяніе на Шевченко. Чтобы судить о томъ, какъ дорогъ былъ поэту его «единый другъ», «великій чудотворецъ», какъ называетъ онъ артиста въ посвященныхъ ему стихотворе-

віяхъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Шевченко, относящихся именно къ 1857 г.

«Праздникамъ праздникъ и торжество изъ торжествъ,—пишетъ 24 декабря Шевченко,—пріѣхалъ М. С. Щепкинъ». А черезъ шесть дней послѣ отъѣзда Щепкина въ Москву находимъ въ дневникѣ Шевченко такую горячую, вылившуюся изъ души исповѣдь: «Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ заплачу я тебѣ, мой старый, мой единый друже? Чѣмъ заплачу я тебѣ за это счастіе? За эти радостныя, сладкія слезы? Любовью! но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не имѣю». На слѣдующій день Шевченко не успокоивается и отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Я все еще не могу придти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоитъ передъ глазами городничій, Матросъ, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный Михайло Степановичъ Щепкинъ». Когда Шевченко разрѣшено было жить въ столицѣ, онъ пріѣхалъ въ Москву и поселился у Щепкина. На Шевченко, измученнаго житейскими невзгодами, Щепкинъ имѣлъ благодѣтельное, умиротворяющее вліяніе.

Изъ событій послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Щепкина замѣчательно общественное чествованіе его заслугъ и таланта. Въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей русское общество два раза почтило артиста торжественнымъ признаніемъ его заслугъ. Особенно выдѣлились эти чествованія въ то время, вообще небогатое выраженіями общественнаго мнѣнія.

Въ апрѣлѣ 1853 г. Щепкинъ былъ уволенъ въ отпускъ на пять мѣсяцевъ за-границу, въ Южную Францію и Италію, для излеченія болѣзни своего сына. Передъ отъѣздомъ друзья артиста устроили въ честь него прощальный обѣдъ. 10 мая въ саду при домѣ Погодина собрались почитатели Щепкина, чтобы напутствовать его добрыми пожеланіями. Тутъ были литераторы, профессора, артисты; говорили рѣчи, читали стихи, посвященные заслугамъ и таланту отъѣзжавшаго. Погодинъ говорилъ о вліяніи Щепкина на произведенія Гоголя; Грановскій восхвалялъ то терпѣніе и тотъ трудъ, съ которыми Щепкинъ неуклонно шелъ по пути личнаго развитія и своего служенія русскому искусству. Въ отвѣтъ на теплыя привѣтствія Щепкинъ указывалъ на то, что не себѣ онъ обязанъ своею славою, но тому кругу, въ которомъ вращался.

Еще большею торжественностью отличалось празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея сценической дѣятельности Щепкина, 26 ноября 1855 г. Въ честь юбиляра данъ былъ торжественный обѣдъ въ залахъ художественнаго класса. За обѣдомъ не было конца рѣчамъ и привѣтствіямъ, въ которыхъ характеризовался Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ, и опредѣлялось его мѣсто среди знаменитыхъ нашихъ дѣятелей. Рѣчи говорили: М. П. Погодинъ, К. П. Барсовъ, С. П. Шевыревъ, Н. А. Рамазановъ, С. М. Соловьевъ и др. Письменныя привѣтствія были прочитаны отъ М. П. Каткова, П. Н. Кудрявцева, А. Д. Галахова, отъ московскихъ и петербургскихъ артистовъ и отъ петербургскихъ литераторовъ: Гончарова, Тургенева, гр. А. и Л. Толстыхъ, Некрасова, Писемскаго, Майкова, кн. Вяземскаго, Панаева, Дружинина и др.

Щепкинскій праздникъ былъ первымъ юбилейнымъ чествованіемъ русскаго актера и до нашего времени единственнымъ,—и по своей формѣ и по своему значенію. Это было не личное торжество Щепкина, но торжество труда и таланта, воплощенныхъ въ артистѣ-юбилярѣ.

На склонѣ дней своихъ Щепкинъ получилъ полную оцѣнку своихъ заслугъ, но и не думалъ почить на лаврахъ, хотя годъ отъ году силы его слабѣли, особенно стала измѣнять память. Случалось, что онъ забывалъ слова въ срединѣ роли или не зналъ, какъ начать ее. Это заставляло его еще больше работать, чтобы взять верхъ надъ старостью. До извѣстной степени сила воли и трудъ побѣждали немощь. Даже за полгода до смерти у 75-ти-лѣтняго Щепкина, по отзывамъ критики, бывали такіе чудные моменты игры, что зрители дивились бодрости артиста и классической художественности его исполненія, и лишь слабый голосъ обличалъ въ немъ упадокъ силъ.

Щепкинъ не разъ подавалъ въ отставку, но дирекція не отпускала его. Это радовало артиста; онъ говорилъ: «спасибо имъ—для меня разстаться со сценой значило бы разстаться съ жизнью. Я могу быть полезенъ хоть своей бранью: меня, какъ старика, простятъ, а иной разъ и послушаютъ». Въ 1860 г. Щепкинъ изъявилъ желаніе получать вмѣсто поспектакльной платы по 2 тыс. руб. въ годъ. Ему, можетъ быть, уже казалось, что, благодаря большой поспектакльной платѣ и старости, его начинаютъ обходить въ репертуарѣ. Желаніе Щепкина, «не въ примѣръ другимъ», было удовлетворено. Въ это время особенно трудно давались ему новыя роли. Въ 1862 г. онъ взялъ для своего бенефиса роль Кузовкина въ

«Нахлѣбникѣ» Тургенева. Онъ страшно волновался, не зная, хватитъ ли у него силъ сыграть эту роль. *Передъ спектаклемъ* онъ едва стоялъ на ногахъ, но, лишь вышелъ на сцену, почувствовалъ въ себѣ прежнюю силу. Онъ одушевлялся и выросталъ съ каждой минутой, пока совершенно не овладѣлъ публикой.

Въ послѣдніе годы жизни Щепкинъ не переставалъ ѣздить въ провинцію, несмотря на дряхлость. Поѣздки эти уже не были такъ удачны, какъ въ былое время. Ослабѣвшее здоровье Щепкина еще больше разстроивалось длинными переѣздами. Упадокъ силъ когда-то любимаго провинціей артиста отражался и на матеріальномъ, и на артистическомъ успѣхѣ.

Въ апрѣлѣ 1863 г., съ разрѣшенія Государя, Щепкинъ былъ уволенъ на лѣто въ отпускъ, въ Крымъ, съ сохраненіемъ содержанія и съ пособіемъ въ 500 руб. Его радовало, что онъ еще не забытъ, что его еще цѣнятъ. Путешествіемъ въ страну благодатнаго юга престарѣлый артистъ надѣялся укрѣпить свои силы. Грустно было больному старику ѣхать въ такую дальнюю дорогу одному, безъ привѣта, безъ призора. При встрѣчахъ съ знакомыми онъ жаловался на болѣзнь и скуку, но не ждалъ еще смерти и оживлялся подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ южной природы. Къ болѣзни присоединялась и нравственная тягота, которую онъ терпѣливо долженъ былъ выносить.

Щепкинъ пробовалъ выступать на сценѣ, но публика не узнавала въ дряхломъ старикѣ прежняго Щепкина и даже давала очень больно ему это чувствовать: былъ случай, что приходилось за отсутствіемъ зрителей отмѣнять даже такой спектакль, какъ «Горе отъ ума».

Въ Ялту Щепкинъ пріѣхалъ совсѣмъ больной, страдая ужасной одышкой. Сначала онъ было поселился у своихъ знакомыхъ, но вскорѣ безнадежно больного старика перевезли въ гостинницу. Послѣдніе часы жизни умиравшаго были тяжелы для него. Кругомъ не было никого близкихъ, и чужая рука закрыла очи великому артисту и человѣку, весь свой долгій вѣкъ жившему среди людей и для людей. Скончался Щепкинъ 11 августа 1863 года.

Похоронили его въ Москвѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ, 20 сентября. Массы публики провожали похоронную процессію. Гробъ съ прахомъ Щепкина опустили въ землю вблизи могилы друга и учителя покойнаго артиста, Грановскаго, какъ онъ самъ завѣщалъ. На могильномъ памятникѣ Щепкина, представляющемъ большую цилиндрическую глыбу, написано: «Михаилу Семеновичу Щепкину. Артисту-человѣку». Эти слова содержатъ въ себѣ глу-

бокій смыслъ: они яснѣе и полнѣе пышныхъ надгробій характеризуютъ жизненный путь Щепкина.

IV.

Характеристика М. С. Щепкина, какъ артиста и человѣка.

«Жить для Щепкина—значило играть на театрѣ, играть значило—жить»,—этими словами, на юбилеѣ Щепкина, С. Т. Аксаковъ опредѣлилъ и жизнь его, и дѣятельность. Это опредѣленіе можетъ служить прекраснымъ эпиграфомъ къ той главѣ біографіи Щепкина, въ которой приводится его характеристика, какъ артиста и человѣка.

Съ самаго ранняго дѣтства, какъ мы видѣли, Щепкинъ пристрастился къ театру и началъ упорно отстаивать свою любовь къ нему и свои взгляды на любимое дѣло,—съ того самаго дня, когда онъ храбро защищалъ «Вздорщицу» отъ нападокъ товарищей-школьниковъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Щепкинъ готовится выступить на настоящей сценѣ и читаетъ роль передъ актрисой Лыковой, которая въ награду за удачное чтеніе цѣлуетъ маленькаго актера. Онъ плачетъ отъ радости. Эта черта—цѣнить мнѣніе знающихъ людей—осталась за нимъ на всю жизнь. Какъ ему были лучшею наградою одобреніе и совѣты уѣзднаго учителя, Лыковой, Барсовыхъ, такъ и потомъ, въ пору полнаго блеска своего таланта, Щепкинъ выслушивалъ и глубоко цѣнилъ совѣты Грановскаго, Аксакова и другихъ своихъ друзей.

Суровая школа крѣпостной жизни,—какъ бы она ни облегчалась для Щепкина благоволеніемъ къ нему господъ,—а затѣмъ скитальческая жизнь провинціальнаго актера научили Щепкина понимать, что̀ значитъ трудъ и какую онъ имѣетъ цѣну. Вотъ онъ уже въ Полтавѣ, въ 1818 г. Талантъ его уже тогда поддерживаетъ существованіе цѣлой труппы,—но это не увлекаетъ молодого артиста, не заставляетъ его забыться и надѣяться на одно лишь свое дарованіе. Щепкинъ настойчиво и много работаетъ. Онъ не только тогда твердо зналъ всегда свои роли, разсказываетъ современникъ, но перерождался въ представляемое имъ лицо до того, что за полчаса до поднятія занавѣса ходилъ по сценѣ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ.

Проходитъ 50 лѣтъ сценической дѣятельности и другой современникъ, наблюдавшій нѣсколько десятилѣтій и жизнь, и игру Щепкина, подтверждаетъ то же, что и очевидецъ далекаго про-

шлаго. Во всѣ 50 лѣтъ театральной службы Щепкинъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опоздалъ. Никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ея наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ея на утренней пробѣ въ день представленія. Вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянной школой искусства; вездѣ онъ находилъ что нибудь замѣтить, чему нибудь научиться. Роли Щепкина никогда не лежали безъ движенія, а совершенствовались постепенно и постоянно. Гуляя или отправляясь въ каретѣ на спектакль, онъ не забывалъ повторять и обдумывать роль, а возвратясь домой послѣ спектакля, перечитывалъ ее снова, чтобы провѣрить, не сдѣлалъ ли онъ ошибокъ. Суфлеръ для Щепкина былъ не нуженъ; незнаніе роли онъ называлъ двойнымъ невѣжествомъ— и передъ публикой, и передъ искусствомъ. Играть ему приходилось почти ежедневно; много ролей было ему не по-душѣ, но ни къ одной онъ не относился небрежно и, играя какой-нибудь пустой водевиль, готовился какъ будто къ чему-то страшному. Подъ старость, съ упадкомъ физическихъ силъ, онъ еще больше сталъ заботиться о тщательности исполненія, какихъ-бы нравственныхъ усилій это ни стоило. Въ послѣдній годъ своей жизни, весною, Щепкинъ гастролировалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Играя въ одномъ водевилѣ, онъ вдругъ почувствовалъ, что память ему измѣнила и остановился на полусловѣ. Суфлеръ что-то шепталъ, но артистъ не могъ уловить звуковъ. Наконецъ Щепкинъ подошелъ къ суфлерской будкѣ и громко сказалъ: «не слышу!» Суфлеръ на всю залу проговорилъ забытыя артистомъ слова, пьеса продолжалась и кончилась благополучно. Послѣ спектакля Щепкинъ былъ въ страшномъ волненіи и негодованіи на себя за случившееся и настоялъ, чтобы та же пьеса была поставлена на слѣдующій спектакль. «Я хочу доказать публикѣ, что могу играть роль безъ запинки, какъ слѣдуетъ, не такъ, какъ сегодня»,— говорилъ онъ. Пьеса была поставлена второй разъ, и Щепкинъ доказалъ то, что хотѣлъ.

Вспомнимъ, какъ много не только труда, но и внутренней борьбы надо было вынести Щепкину, чтобы, посмотрѣвши игру князя Мещерскаго, отрѣшиться отъ прежнихъ пріемовъ и провести въ своей дѣятельности правильно понятыя задачи искусства. Достигать благопріятныхъ результатовъ своего труда было тѣмъ тяжелѣе для него, что онъ лишенъ былъ солиднаго общаго образованія и въ молодости не имѣлъ руководителей и совѣтниковъ.

Поэтъ Богдановичъ, мелькнувшій свѣтлымъ лучемъ въ дѣтствѣ Щепкина, такъ одинъ и остается въ провинціальный періодъ дѣятельности его, какъ человѣкъ, желавшій вѣрно направить развитіе молодого артиста. Во времена перекочевокъ съ труппой уже нечего отыскивать такихъ людей среди окружавшихъ Щепкина. Приходилось до всего доходить своимъ умомъ, двигаться впередъ длиннымъ и тѣснымъ путемъ самообразованія и саморазвитія, при помощи природныхъ способностей, первоначальныхъ школьныхъ знаній, но главное—воспріимчивости и живого ума. Пріѣхавъ въ Москву, Щепкинъ вступаетъ въ кругъ людей, жившихъ высшими духовными интересами того вѣка. И онъ не остается чуждъ этимъ интересамъ. Безъ всякаго ложнаго стыда сознавая свои пробѣлы въ образованіи, онъ до старости не перестаетъ учиться всему полезному, что̀ было ему неизвѣстно раньше. Его друзья, ученые и литераторы, охотно дѣлятся съ нимъ своими знаніями и помогаютъ ему въ его работѣ. Для него переводятъ съ иностранныхъ языковъ цѣлыя статьи, пригодныя для изученія роли, какъ это было напримѣръ относительно мольеровскаго «Скупого».

Всѣ, кому пришлось сказать на юбилеѣ Щепкина свое привѣтственное слово, считали необходимымъ упомянуть объ его артистической добросовѣстности и любви къ труду и искусству. Представители сцены съ своей стороны утверждали на томъ же юбилеѣ, что Щепкинъ для нихъ служилъ образцомъ исполненія обязанностей, строгаго отношенія къ дѣлу, необыкновенной добросовѣстности и непритворной любви къ искусству. Щепкинъ высоко ставилъ трудъ, какъ нравственную силу. Недаромъ онъ такъ любилъ читать изъ водевиля «Жакартовъ станокъ» стихи о трудѣ. Въ нихъ воздавалась хвала всякому труду на пользу родины, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся. И Щепкинъ проникновенно произносилъ эти стихи, заканчивавшіеся такъ:

Честь и слава всѣмъ трудамъ,
Слава каждой каплѣ пота,
Честь мозолистымъ рукамъ,
Да спорится ихъ работа.

Всю пріобрѣтенную имъ славу Щепкинъ приписывалъ лишь своему труду и тѣмъ, кто укрѣплялъ его нравственно и развивалъ умственно.—«Я, говорилъ онъ на обѣдѣ передъ отъѣздомъ за-границу,—не былъ студентомъ, но я много обязанъ Московскому университету въ лицѣ его преподавателей. Одни научили меня мыслить, другіе – глубоко понимать искусство». Щепкинъ всегда стремился къ тому, чтобы его умственное и художественное развитіе стояло на одномъ уровнѣ съ его громаднымъ талантомъ.

Отличительное качество его состояло, по выраженію Аксакова, въ чувствѣ священнаго долга къ искусству, долга неоплатнаго, каковъ бы ни былъ талантъ человѣка.

Такое строгое отношеніе къ себѣ и своему дѣлу вытекало у Щепкина и изъ его любви къ театру. Любовь эта была глубоко сознательна и не подчинялась постороннимъ вліяніямъ. Онъ самъ, въ письмѣ къ Гоголю, говоритъ, что его любовь къ театру—«почти сумасшествіе». Все, что соприкасалось съ театромъ, было ему дорого. Его огорчалъ упадокъ драматургіи и театральнаго дѣла вообще; это мы уже видѣли изъ писемъ его къ Гоголю и Сосницкому. Но онъ совершенно оживалъ, когда на сценѣ появлялись хорошія произведенія. Для своихъ личныхъ выгодъ Щепкинъ не унижалъ искусства. Никогда, по наблюденію Аксакова, онъ не жертвовалъ истиной игры для эффекта, никогда не выставлялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду лада и цѣльности всей пьесы. Напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такой же силой; чтобы не задавить другихъ лицъ въ пьесѣ, онъ давилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ изображаемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій.

Любовью къ искусству характеризовались отношенія Щепкина къ начинающимъ на сценическомъ поприщѣ. Когда ему было предложено заниматься съ воспитанниками театральной школы, онъ весь отдался своему дѣлу. Онъ любилъ, какъ сказано о немъ въ однихъ воспоминаніяхъ, свою любезную школу отъ души, какъ страстный ботаникъ свой учебный садикъ. Своихъ учениковъ онъ не мучилъ, по обычаю того времени, заучиваніемъ съ голоса и предоставлялъ имъ свободно работать. Щепкинъ обладалъ проницательностью и угадывалъ таланты. Молодые люди, посвящающіе себя театру, были всегда его жданными гостями, находили у него пріютъ, пособіе, одобреніе. Не задолго до смерти онъ пріютилъ одного юношу, увлекшагося театромъ и пріѣхавшаго изъ провинціи. Щепкинъ съ радостью принялъ его и уладилъ много препятствій, чтобы его устроить. «Мнѣ хотѣлось бы,—говорилъ онъ,—дожить до того дня, когда онъ сыграетъ Чацкаго, явиться съ нимъ въ послѣдній разъ передъ публикою, послушать, какъ ему будутъ рукоплескать, и умереть на другой день». Такихъ случаевъ было не мало въ его жизни.

Отеческое участіе возбуждали въ Щепкинѣ не одни новички, но и артисты съ именемъ. Благодаря его авторитетности и заслу-

женной славѣ, всѣ слушали его совѣтовъ, которые вызывались не личными его выгодами или самомнѣніемъ, но желаніемъ помочь артистамъ и глубокимъ пониманіемъ сценическаго искусства. По своей горячей артистической натурѣ Щепкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ при ошибкахъ другихъ. Онъ часто говаривалъ, что въ искусствѣ, какъ и въ религіи, тотъ будетъ анаѳема проклятъ, кто, видя грѣхъ и заблужденіе другого, не захочетъ его остановить или образумить.

Своимъ сыновьямъ Щепкинъ постарался дать прекрасное образованіе, но ни одного изъ нихъ не пустилъ по театральной дорогѣ. Они пошли иными путями, потому что никто изъ нихъ не обнаружилъ дарованія. А между тѣмъ при томъ вліяніи, которымъ пользовался Щепкинъ въ театральномъ мірке, ему ничего не стоило посадить своихъ дѣтей на казенный хлѣбъ.

Театру Щепкинъ приписывалъ свое нравственное совершенствованіе. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что долженъ былъ для вѣрной передачи на сценѣ изучать всѣ темныя стороны человѣка и, ознакомившись съ ними такъ близко, возненавидѣлъ ихъ.

Свои взгляды на искусство и на обязанности актера Щепкинъ высказывалъ всегда горячо и нисколько не уклонялся отъ разъ навсегда усвоеннаго принципа. Естественность, искреннее чувство, живая передача роли — вотъ его теорія драматическаго искусства. Трудъ, добросовѣстность, непрерывная работа надъ собой — вотъ его правила для актера. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ его къ двумъ, начинавшимъ тогда свою карьеру, дѣятелямъ сцены. Совѣты Щепкина, выраженные въ этихъ письмахъ, при всей ихъ краткости, могутъ служить сценическимъ катехизисомъ для всякаго серьезнаго артиста.

«Что-бы значило искусство, — пишетъ онъ, — еслибы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разработывай Богомъ данныя способности свои по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный быть, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непремѣнно сыграешь вѣрно .. Совершенство не дано человѣку, но, занимаясь добросовѣстно, ты будешь къ нему приближаться настолько, насколько природа дала тебѣ средствъ. Никогда не думай смѣшить публику. Слѣди неусыпно за собой; пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея — и вѣрь, что внутренняя награда выше аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ — сколько позволитъ время, изучай человѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а

не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ къ несчастью до сихъ поръ нѣтъ въ нашемъ искусствѣ. Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни, но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе.»

«Трудитесь,—пишетъ Щепкинъ въ другомъ письмѣ,—безъ труда ничего не дается». Драматическое искусство—не холодное притворство, но выраженіе истиннаго чувства. Актеру предстоитъ невыразимый трудъ: «онъ долженъ начать съ того, чтобы уничтожить себя, свою личность, всю свою особенность и сдѣлаться тѣмъ лицомъ, какое далъ ему авторъ; онъ долженъ ходить, говорить, мыслить, чувствовать, плакать, смѣяться, какъ хочетъ авторъ». Трудъ такого актера несравненно значительнѣе, чѣмъ трудъ актера, не вносящаго въ свою игру искреннято чувства. «На сценѣ гораздо легче передавать все механическое, для этого нуженъ только разсудокъ,—и онъ постепенно будетъ приближаться и къ горю, и къ радости настолько, насколько подражаніе можетъ приблизиться къ истинѣ».

Таковы были артистическіе завѣты Щепкина, и онъ самъ всегда слѣдовалъ имъ въ своей дѣятельности. Громадный талантъ его никогда не закрывалъ собою для зрителей въ его игрѣ работу надъ ролью, было ли это въ роли бабы-яги, выѣзжавшей на ступѣ съ помеломъ, или въ роляхъ городничаго и Фамусова. Талантъ Щепкина, по опредѣленію Аксакова, состоялъ преимущественно въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, но живость, веселость, юморъ, фигура, голосъ слабый для драматическихъ ролей навели Щепкина на роли комическихъ стариковъ. Репертуаръ ролей, сыгранныхъ Щепкинымъ втеченіи его 57-ми-лѣтней дѣятельности, крайне разнообразенъ: начиная отъ водевилей, переходя къ комедіямъ и кончая мелодрамами и трагедіями. Кромѣ названныхъ нами раньше ролей Щепкина въ комедіяхъ Мольера, Грибоѣдова и Гоголя, укажемъ еще на нѣкоторыя роли въ произведеніяхъ, не вышедшихъ и до сихъ поръ изъ репертуара: Бурдюковъ («Тяжба» Гоголя), Скупой рыцарь, Полоній («Гамлетъ»), Шейлокъ, нѣкоторыя роли въ комедіяхъ Тургенева (Кузовкинъ въ «Нахлѣбникѣ» и стряпчій въ «Провинціалкѣ»). Въ мелодраматическихъ роляхъ Щепкинъ производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе драматическимъ паѳосомъ, за которымъ зритель забывалъ и малый ростъ артиста, и его тучную фигуру, а слѣдилъ лишь за страданіемъ человѣка или за благороднымъ негодованіемъ противъ несправедливости. Для комическихъ ролей у Щепкина былъ

огромный запасъ непринужденной веселости, живости, выразительная мимика, непостижимое искусство смѣшить, сохраняя серьезность. Неподражаемъ онъ былъ въ малороссійскихъ пьесахъ (Выборный въ «Наталкѣ Полтавкѣ», Чупрунъ въ «Москалѣ-Чаривникѣ»).

Одушевленіе придавало жизнь и блескъ всѣмъ созданіямъ Щепкина, въ которыхъ онъ прежде всего ярко отмѣчалъ сущность типа и характера, изображалъ внутреннія движенія души человѣка. Внѣшняго подражанія, копировки не было замѣтно въ его игрѣ, хотя отдѣлка мелочей и оттѣнковъ была самая тщательная и тонкая. Слѣды труда видны были у Щепкина и въ обработкѣ сценическихъ средствъ: небогатый нотами голосъ поддавался самымъ разнообразнымъ интонаціямъ, доводилъ до слезъ задушевными звуками; полная фигура была эластична и легка въ движеніяхъ, когда это требовалось.

Отзывы Бѣлинскаго объ игрѣ и талантѣ Щепкина полны самыхъ восторженныхъ похвалъ.

«Чтобы мы ни сказали объ игрѣ этого великаго артиста въ роли Брандта («Дѣдушка русскаго флота»), ничто не дастъ о ней и приблизительнаго понятія. Слезы навертываются на глазахъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ старческомъ голосѣ, въ которомъ такъ много трепетной любви молодого чувства. А искусство, эта вѣрность роли (которую на сценѣ создалъ самъ артистъ независимо отъ автора) отъ перваго до послѣдняго слова, все это выше всякихъ похвалъ, самыхъ восторженныхъ, самыхъ энтузіастическихъ... Щепкинъ принадлежитъ къ числу немногихъ истинныхъ жрецовъ искусства, которые понимаютъ, что назначеніе актера — представлять характеры безъ разбора ихъ трагическаго или комическаго значенія, но лишь соображаясь съ внѣшними средствами, т. е. не играя статныхъ молодыхъ людей, будучи человѣкомъ пожилымъ и тучнымъ.»

Была одна черта въ игрѣ Щепкина, которая дѣлала его всегда симпатичнымъ для зрителей. Это — человѣчность, которую онъ всегда придавалъ своимъ созданіямъ, какими бы качествами они ни отличались. Зритель никогда не забывалъ, что видитъ передъ собою человѣка, съ слабостями, пороками, страстрями, но не лишеннаго окончательно образа и подобія Божія. Въ этомъ выражалось его теплое чувство участія и доброжелательства къ людямъ, гуманный взглядъ на человѣческіе слабости и недостатки. Въ Щепкинѣ гармонически соединялись замѣчательный талантъ артиста и выдащіяся нравственныя качества человѣка.

Прежде, чѣмъ мы попытаемся нарисовать болѣе или менѣе полный нравственный обликъ Щепкина, скажемъ о его наружности по тѣмъ описаніямъ, которыя относятся къ пожилому его возрасту.

Щепкинъ, при небольшомъ ростѣ, обладалъ полной, округленной фигурой. Вокругъ большой головы сохранившіеся свѣтлору-

сые волосы спускались на шею, слегка завиваясь на концахъ и открывая большой лобъ. Пріятныя черты лица и сѣрые съ поволокою глаза дышали живостью и умомъ. Въ общемъ физіономія Щепкина была добродушна, что вмѣстѣ съ ласковымъ обращеніемъ и привѣтливымъ взглядомъ дѣлало его для каждаго симпатичнымъ. Не смотря на полноту, Щепкинъ былъ гибокъ въ движеніяхъ, силенъ и неутомимъ. Говорилъ онъ всегда много, голосъ его звучалъ громко и мягко, полныя губы быстро шевелились. Глаза при этомъ раскрывались шире и умный взглядъ сопровождался обыкновенно энергичнымъ движеніемъ руки, сжимавшейся въ кулакъ, когда слова вылетали сильно и нѣсколько протяжно изъ его устъ. Таковъ онъ былъ, когда волновался, такимъ же энергичнымъ бывалъ и на сценѣ.

Всѣ воспоминанія о Щепкинѣ чрезвычайно согласно указываютъ на отличавшія его доброту, радушіе, воспріимчивость, сердечность, свѣжесть чувства до послѣднихъ дней жизни и на другія высокія нравственныя качества. Если и встрѣчаются диссонансы въ этомъ хвалебномъ хорѣ, то и въ нихъ скорѣе можно видѣть не отрицаніе этихъ свойствъ, а другое ихъ объясненіе и неправильное или слишкомъ рѣзкое освѣщеніе.

Доброта души проявлялась у Щепкина въ готовности придти на помощь всякой нуждѣ, обласкать и пріютить каждаго, въ радушіи, гостепріимствѣ и въ общемъ мягкосердечномъ отношеніи къ людямъ. Не обладая значительными средствами, Щепкинъ дѣлалъ много благодѣяній. Въ его домѣ, кромѣ своей большой семьи, всегда жили посторонція лица: старики, старухи, сироты. Содержаніе семьи и всѣхъ живщихъ въ домѣ поглощало всѣ доходы Щепкина, но когда ему совѣтовали откладывать что-нибудь на черный день, онъ говаривалъ: «какъ я могу это дѣлать, когда кругомъ вижу нуждающихся». Изъ его провинціальной жизни извѣстенъ фактъ, когда онъ, самъ небогатый и семейный человѣкъ, отказался отъ прибавки жалованья съ тѣмъ, чтобы эта прибавка была отдана его товарищу, болѣе бѣдному и больше обремененному семьей. Участливое, сердечное отношеніе къ молодежи, вступавшей на жизненный путь, поощреніе талантливыхъ и хорошихъ людей и хлопоты объ устройствѣ ихъ судьбы, всегдашнее привѣтливое обращеніе со всѣми, ласка и пріязнь были въ Щепкинѣ движеніями его доброй души.

Домашняя жизнь Щепкина отличалась простотой и патріархальностью и въ обычаяхъ, и въ обстановкѣ. Радушіе, хлѣбосольство и гостепріимство царили въ домѣ, хотя и не пере-

ходили въ область роскоши, которой Щепкинъ не любилъ. Домъ Щепкина былъ всегда полонъ посѣтителями. Всѣ, въ комъ онъ при знакомствѣ подмѣчалъ умъ, талантъ или просто хорошую натуру, дѣлались его постоянными гостями. Въ присутствіи гостей въ домѣ раздавался веселый смѣхъ молодежи, велись оживленныя бесѣды, слышались горячіе споры. Легко дышалось въ этой атмосферѣ, пропитанной простотой и здравыми взглядами на жизнь и человѣческія отношенія. Рѣчи шли и о повседневныхъ мелочахъ, и о важныхъ матеріяхъ: о наукѣ, объ искусствѣ, о задачахъ и цѣляхъ жизни.

Щепкинъ самъ любилъ горячо поспорить, но не раздражаясь и не желая во что бы ни стало поставить на своемъ, а лишь съ тѣмъ, чтобы уяснить вопросъ. Въ спорахъ онъ иногда вскрикивалъ и напиралъ на спорившаго съ нимъ, заставляя его прижиматься къ стѣнѣ, а самъ продолжая осыпать его доказательствами своей мысли. Щепкинъ разсказывалъ весело, остроумно и увлекательно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и случаяхъ. Онъ, по его выраженію, зналъ жизнь русскую «отъ лакейской до дворца», и это давало ему богатый матеріалъ для разсказовъ. Помимо интереса, который возбуждался содержаніемъ разсказовъ, Щепкинъ привлекалъ общее вниманіе замѣчательнымъ мастерствомъ передачи. Передъ слушателями проходили живыя лица, каждому изъ которыхъ разсказчикъ придавалъ характерный оттѣнокъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ часто повторялись, но никогда не теряли своей прелести. Всѣ примолкали, когда Щепкинъ начиналъ разсказывать: было ли это у него дома, или у знакомыхъ, было ли это въ извѣстной «литературной кофейнѣ», гдѣ собирались писатели и артисты, или въ англійскомъ клубѣ, гдѣ Щепкинъ бывалъ въ свободные вечера.

Когда Щепкинъ оставался дома одинъ по вечерамъ или послѣ обѣда, то, облачившись въ халатъ и заложивъ за спину руки, онъ медленно и лѣниво прогуливался въ тишинѣ по комнатамъ, изрѣдка обмѣниваясь съ домашними какимъ-нибудь шутливымъ словцомъ. Это было для него своего рода отдыхомъ, если онъ не хотѣлъ предаться настоящему отдыху, то есть заснуть. Образъ жизни и привычки всей семьи были крайне просты. Изъ близкихъ родныхъ въ семью Щепкина входили: старушка-мать его, пережившая отца, братъ, двѣ сестры, жена, сыновья и дочери. Затѣмъ слѣдовали: изстари сроднившаяся съ семьей пожилая дѣвушка, жившая съ дѣтства въ ихъ домѣ и управлявшая вмѣстѣ съ женою Щепкина хозяйствомъ, старички и старушки, призрѣваемые Щепкинымъ, семья Барсовыхъ, наконецъ тѣ изъ молодежи, которые по-долгу

гостили въ домѣ Щепкина и по близкому знакомству дѣлались своими. Дѣти Барсова, стариннаго друга и сослуживца Щепкина на провинціальной сценѣ, воспитывались вмѣстѣ съ сыновьями Щепкина и получили высшее образованіе. Для такой семьи нуженъ былъ цѣлый домъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ Щепкинъ, призанявши денегъ, пріобрѣлъ себѣ домъ близъ Каретнаго ряда, въ Спасскомъ переулкѣ, съ старымъ большимъ садомъ, гдѣ и прожилъ до конца 40-хъ годовъ, когда домъ пришлось продать и переселиться на квартиру.

Жизнь въ семьѣ Щепкина шла свободно, спокойно. Глава семьи, помимо обычнаго своего радушія, и тѣмъ былъ всѣмъ дорогъ, что никогда не напоминалъ никому изъ призрѣваемыхъ о своихъ благодѣніяхъ, никогда не брюзжалъ на молодежь и не стѣснялъ ея ничѣмъ. И молодежь всегда платила ему съ своей стороны тѣмъ, что держала себя съ нимъ дружески и откровенно. Обычаи домашней жизни сохранились старые, завезенные изъ провинціи,—до игры самого Щепкина съ дѣтьми въ бабки включительно. Но въ то же время каждый посторонній наблюдатель могъ сразу замѣтить, что, при всей видимой пустотѣ образа жизни, главу дома и большинство его обитателей занимаютъ и высшіе интересы—вопросы науки и искусства. Особенно это становилось замѣтнымъ, когда въ домѣ бывали,—а это случалось очень часто,—члены тѣхъ избранныхъ кружковъ, въ которыхъ вращался Щепкинъ. Наиболѣе близкими изъ домашнихъ знакомыхъ Щепкина изъ этихъ кружковъ были: Гоголь, Бѣлинскій, Грановскій, Аксаковъ, Погодинъ, Перевощиковъ, Катковъ, Кетчеръ.

Несмотря на недостаточность первоначальнаго образованія, Щепкинъ, по ясности и широтѣ взглядовъ, по высотѣ убѣжденій, стоялъ на высшемъ уровнѣ общественнаго развитія, что, въ соединеніи съ его огромнымъ природнымъ умомъ, ставило его въ ряды передовыхъ людей того времени. Кружокъ тогдашней интеллигенціи тяготѣлъ къ Щепкину, какъ къ объединяющему центру. Талантъ и личныя его качества уважали люди не только различныхъ, но и противоположныхъ направленій. Философы эстетики и политико-экономисты, славянофилы и западники были одинаково близки съ Щепкинымъ. Очень оригинально это было выражено нагляднымъ образомъ на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Щепкина. Между многими подарками, поднесенными тогда юбиляру, былъ серебряный подносъ, на которомъ стояли западническій бокалъ и славянофильскій ковшъ. Во время юбилейнаго обѣда представители того и другого направленія обходили съ этимъ

подносомъ столы, предлагая всѣмъ выпить и изъ бокала, и изъ ковша—въ знакъ общаго единенія на великомъ праздникѣ искусства.

Уваженіе къ Щепкину было общее и вполнѣ искреннее. Темные слухи, говоритъ одинъ изъ современниковъ, робко выходившіе откуда-то, что Щепкинъ будто бы интриганъ и ловко, и льстиво умѣетъ поддѣлываться къ начальству и къ сильнымъ міра сего, были съ негодованіемъ заглушаемы его друзьями.

Что же вызывало эти слухи? Можетъ быть то, что Щепкинъ обладалъ необыкновенною гибкостью и ловкостью ума и открыто признавался въ этомъ. Надо ли было заинтересовать богача въ пользу несчастнаго, пріобрѣсти протекцію какого-нибудь вліятельнаго лица для благого дѣла, выхлопотать у начальства какое-нибудь улучшеніе для театра, — онъ умѣлъ затронуть слабыя стороны каждаго, ставилъ его иногда въ необходимость исполнить просьбу, не отступался отъ дѣла, не уладивъ его, и говорилъ: «не даромъ меня называютъ малороссомъ, — при случаѣ я умѣю схитрить». Многимъ не нравились въ Щепкинѣ его ласковость со всѣми, увѣренья въ любви даже мало знакомыхъ ему лицъ, способность часто умиляться и плакать. Но хотя оно и было такъ, однако нельзя видѣть тутъ что-нибудь поддѣльное. Слезы лились изъ его глазъ, какъ результатъ излишне развитой сердечной чувствительности, а въ старости и просто отъ разстройства глазныхъ нервовъ. Ласковое же обхожденіе со всѣми, желаніе каждому сказать пріятное слово вполнѣ соотвѣтствовали его душевной добротѣ.

Понятно, что и Щепкинъ, какъ человѣкъ, могъ имѣть свои слабости и несимпатичныя стороны характера, но онѣ были незамѣтны, и не только искупались, но совершенно затмѣвались положительными достоинствами его ума и сердца. Половину своей жизни Щепкинъ провелъ въ крѣпостной средѣ и въ средѣ провинціальной бродячей труппы актеровъ. Условія были вполнѣ благопріятны для того, чтобы принизить человѣка, извратить его мысли и чувства. Но нравственныя основы были такъ прочно заложены въ натурѣ Щепкина, что вся житейская грязь и пошлость не пристали къ нему, и онъ остался цѣльнымъ и чистымъ человѣкомъ въ умственнонравственномъ отношеніи.

Умъ Щепкина былъ живой, проницательный и крайне воспріимчивый. Любознательность развилась въ немъ съ самаго дѣтства. Чувство любви къ людямъ направляло его мысль на все честное и хорошее. Въ самые поздніе годы своей жизни онъ, какъ юноша, возмущался всякимъ зломъ и пошлостью, отстаивалъ все свѣтлое, волновался, спорилъ, увлекался. Въ противоположность многимъ

старикамъ, любящимъ признавать особенныя достоинства за «добрымъ старымъ временемъ». Щепкинъ не поклонялся старинѣ. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ человѣчества и всякій фактъ этого характера радовалъ его. Въ своихъ разсказахъ онъ рисовалъ мрачныя картины прошлаго, а въ спорахъ горячо отстаивалъ молодое поколѣніе отъ нападокъ.

Въ этомъ онъ не сходился со многими представителями тогдашняго общества, людьми солидными и вліятельными, и такія воззрѣнія Щепкина даже заставляли властей косо поглядывать на этого «старца-юношу». Этимъ можетъ быть надо объяснять и отзывъ о Щепкинѣ московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, относящійся къ 1858 г., т. е. къ тому времени, когда Щепкину было около 70 лѣтъ. Здѣсь «къ элементамъ, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ», отнесены между прочимъ и театральныя представленія, причемъ о Щепкинѣ сказано слѣдующее. «Актеръ Щепкинъ на одномъ изъ своихъ вечеровъ подалъ мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена, и дарили эти пьесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы». Затѣмъ было обозначено мѣстожительство Щепкина и прибавлено: «желаетъ переворотовъ и на все готовый»....

Эта характеристика, приложенная къ смотрѣвшему въ гробъ актеру, указываетъ лишь на то, какъ дороги были Щепкину до конца жизни его правда и справедливость, какъ уважалъ онъ свободу личности и человѣческое достоинство. Вѣкъ Щепкина, особенно въ началѣ его дѣятельности, былъ эпохой унизительнаго положенія русскаго актера. Щепкину выпало на долю доказать, что «и лицедѣи—люди», говоря его выраженіемъ, и не только доказать, но всегда и вездѣ поддерживать это положеніе своимъ личнымъ примѣромъ. Здѣсь кстати замѣтить, что, въ стремленіи внушить обществу мысль—«и лицедѣи—люди», Щепкинъ выхлопоталъ для актеровъ Императорскихъ театровъ право почетнаго гражданства. Часты были въ то время случаи, когда на актера, въ томъ числѣ и на самого Щепкина, смотрѣли, какъ на получеловѣка, на отщепенца отъ общества. Про такихъ людей Щепкинъ говорилъ: «невозможно ихъ обвинять, въ нихъ мысль была забита съ самаго дѣтства. Понятно, что испорченъ желудокъ у человѣка, котораго кормили съ раннихъ лѣтъ нездоровою пищею». Разсказываютъ о слѣдующемъ удачномъ отвѣтѣ Щепкина одному сіятельному лицу. Этотъ аристократъ предложилъ воспитаннику Щепкина мѣсто, но на ничтожное жалованье, и, сообщая объ

этомъ Щепкину, въ утѣшеніе говорилъ, что его воспитанникъ будетъ имѣть за то великое счастье—обѣдать съ нимъ, съ порядочнымъ человѣкомъ, чего вѣроятно съ воспитанникомъ никогда не случалось. Щепкинъ отвѣчалъ на это: «По крайней мѣрѣ до сихъ поръ это ему удавалось, ваше сіятельство: онъ съ самаго дѣтства обѣдаетъ со мной, и я съ него за это денегъ не бралъ».

Терпѣніе, чувство благодарности, скромность, отсутствіе самомнѣнія дополняли нравственныя достоинства Щепкина, которыя онъ считалъ не заслугой, но долгомъ человѣка.

Жизнь въ его глазахъ была благомъ, которое онъ высоко и дорого цѣнилъ. Когда въ послѣдніе годы доктора посовѣтовали ему строгую діэту, Щепкинъ добросовѣстно слушался ихъ предписаній, хотя любилъ вкусно и сытно покушать. «Я жить хочу,—говорилъ онъ по этому поводу,—все знать, все видѣть, и не желаю жертвовать желудкомъ для головы и сердца».

Когда стали приходить вѣсти о готовящемся освобожденіи крестьянъ, Щепкинъ ожилъ духомъ, будущее казалось ему свѣтлымъ, а прошлое отходило въ область воспоминаній. «Не хочу умирать,—твердилъ онъ,—время хорошее, все идетъ впередъ, надо жить». И онъ дожилъ до радостнаго дня свободы милліоновъ людей, жизнь которыхъ онъ такъ хорошо зналъ по собственному опыту, пережилъ этотъ день и съ радостью встрѣчалъ наступавшее время великихъ реформъ. Разсказываютъ, что онъ далъ обѣщаніе выпить много бокаловъ вина на радости, когда будетъ объявлена воля. И онъ дѣйствительно праздновалъ это событіе, собравши у себя близкихъ знакомыхъ и родныхъ. Но такъ какъ въ старости онъ боялся выпить лишній бокалъ шампанскаго, то купилъ себѣ миніатюрный бокалъ и выпилъ изъ него назначенное число бокаловъ въ честь этого дорогого для него дня, за благо свободы, за благо своей родины.

Въ глубокой старости Щепкинъ, какъ юноша, вѣрилъ въ добро и правду и любилъ жизнь и людей всѣми силами своего добраго сердца. А старческій умъ бодро смотрѣлъ впередъ и видѣлъ тамъ зарю новой жизни народа, изъ среды котораго вышелъ самъ великій артистъ-человѣкъ.

V.

Пав. Степановичъ Мочаловъ и Вас. Андреевичъ Каратыгинъ.

Время дѣятельности Щепкина на московской сценѣ было самой блестящей эпохой въ историческомъ ходѣ развитія русскаго

сценическаго искусства. Въ этотъ періодъ появились и служили русской сценѣ цѣлый рядъ выдающихся артистовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшими были Мочаловъ и Садовскій на московской сценѣ и Каратыгинъ и Мартыновъ— на петербургской.

Имя Мочалова стоитъ на ряду съ именемъ Щепкина по той популярности, которою оно пользовалось при его жизни, и по тѣмъ отзывамъ и воспоминаніямъ, полнымъ восторженнаго поклоненія, которыми навсегда запечатлѣлось это имя въ памяти потомства. Мочаловъ, какъ и Щепкинъ, принадлежалъ къ числу геніальныхъ людей, но между ними была громадная разница. Геній Щепкина развивался и поддерживался упорнымъ трудомъ, а геній Мочалова, ослабляемый небрежнымъ за нимъ уходомъ, достигалъ полной своей силы лишь временами.

«Въ мірѣ искусства,—говоритъ Бѣлинскій, посвятившій Мочалову много горячо написанныхъ строкъ,—Мочаловъ—примѣръ поучительный и грустный. Онъ доказалъ, что одни природныя средства, какъ бы они ни были громны, но безъ искусства и науки доставляютъ торжества только временныя, и часто человѣкъ лишается ихъ именно въ ту эпоху своей жизни, когда бы имъ слѣдовало быть въ полномъ ихъ развитіи.»

Павелъ Степановичъ Мочаловъ родился 3 ноября 1800 года. Отецъ его. Степанъ Өедоровичъ, былъ извѣстный въ свое время актеръ-трагикъ московскаго театра. О дѣтствѣ и юности Мочалова, о его воспитаніи нѣтъ свѣдѣній. Извѣстно, что онъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, но во всякомъ случаѣ образованіе его осталось незаконченнымъ. Дѣтство онъ провелъ въ семьѣ отца и вѣроятно воспитывался подъ его вліяніемъ. О Мочаловѣ-отцѣ, какъ о человѣкѣ, извѣстно тоже очень мало. Былъ онъ человѣкъ добрый, но недостаточно развитой, дававшій волю своимъ страстямъ и чувствамъ. Какъ артистъ, Мочаловъ-отецъ былъ очень даровитъ и обладалъ прекрасными физическими данными. Талантъ въ немъ былъ замѣтенъ, но лишь въ двухъ-трехъ роляхъ онъ былъ безукоризненно хорошъ. Амплуа его составляли роли драматическихъ любовниковъ, резонеровъ и героевъ. Въ его игрѣ видно было отсутствіе работы, искусства и даже, по словамъ С. Т. Аксакова, отсутствіе пониманія изображаемаго лица. Принадлежа къ старой школѣ актеровъ, Мочаловъ-отецъ не пренебрегалъ и эффектами, а это еще больше убивало его талантъ. У него былъ одинъ излюбленный пріемъ игры, блистательно удавшійся ему съ перваго раза и восхищавшій тогдашнюю публику. Въ какомъ нибудь мѣстѣ своей роли Мочаловъ-отецъ бросался на аванъ-сцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетавшимъ прямо изъ души, скорымъ полу-

шепотомъ произносилъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы—и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это былъ дѣйствительно порывъ, вспышка кипучаго чувства. Но, замѣтивъ успѣхъ, Мочаловъ сталъ употреблять этотъ эффектъ все чаще и чаще, уже и безъ чувства, и не впопадъ. Публика продолжала рукоплескать. Это избаловало актера, онъ началъ плохо учить новыя роли, забывалъ старыя, измѣнился, загулялъ и сталъ падать во мнѣніи публики, пока не понялъ своихъ промаховъ.

Театральная среда, въ которой родился и выросъ Мочаловъ-сынъ обусловила и его жизненный путь, а отецъ-актеръ явился первымъ его учителемъ сценическаго искусства. Вліяніе отцовской школы должно было отразиться на игрѣ сына, но талантъ послѣдняго побѣдилъ воспринятое съ дѣтства ложное пониманіе искусства, и въ лицѣ Мочалова-сына русская сцена увидала великаго актера, жившаго на сценѣ жизнью изображаемыхъ героевъ и возвышавшагося до геніальныхъ созданій.

Мочаловъ посвятилъ себя театру съ 17 лѣтъ. 4 сентября 1817 г., подготовленный отцомъ къ дебюту, онъ выступилъ въ первый разъ на московскомъ театрѣ въ роли Полиника, въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ». Съ перваго же дебюта Мочаловъ имѣлъ успѣхъ. Въ юношѣ сказывалась уже главная черта его дарованія—неподдѣльное чувство, вдохновеніе,—и скоро онъ вступилъ на тотъ путь развитія своего таланта, съ котораго не сходилъ до послѣднихъ лѣтъ своей дѣятельности. Въ первые же годы обнаружились всѣ достоинства и недостатки сценическаго таланта Мочалова. Въ критической замѣткѣ, относящейся къ первому десятилѣтію дѣятельности Мочалова, читаемъ уже прочувствованныя похвалы его игрѣ и замѣчанія о ея недостаткахъ. Рѣчь идетъ о роли Аристофана. «Сколько огня, сколько чувства и даже силы было въ его сладкомъ, очаровательномъ голосѣ! Какъ онъ хорошъ былъ собой и какія прекрасныя, послушныя и выразительныя имѣлъ онъ черты лица! Всѣ чувства, какъ въ зеркалѣ, отражались въ его глазахъ. Греческій хитонъ и мантія скрывали недостатки его тѣлосложенія и дурныя привычки извѣстныхъ движеній». И тутъ же разсказывается, что талантъ Мочалова не поддерживался трудомъ и не поддавался обработкѣ: когда онъ «старался» играть какъ можно лучше, то всегда игралъ хуже.

Это было въ 20-хъ годахъ, при управленіи московскими театрами Кокошкина. Жившій тогда въ Москвѣ князь А. А. Шаховской, тонкій цѣнитель талантовъ и знатокъ сцены, говорилъ про Мочалова: «Онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ,

и я всегда прошу его объ одномъ, чтобы онъ не старался играть, а старался не думать только, что на него смотритъ публика. Это геній по инстинкту, ему надо выучить роль и сыграть; попалъ — такъ выйдетъ чудо, а не попалъ — такъ выйдетъ дрянь». Съ Мочаловымъ бывали такіе случаи. Игралъ онъ однажды въ комедіи «Пустодомы» роль князя Радугина, игралъ «спустя рукава» и — былъ неподражаемъ: это была сама натура, изображенная съ замѣчательною тонкостью въ разработкѣ отдѣльныхъ штриховъ. Не желая его смущать, авторъ пьесы, кн. Шаховской, только по окончаніи ея бросился въ уборную, обнималъ и цѣловалъ недовольнаго собою Мочалова и восторженно восклицалъ: «Тальма! — какой Тальма? Тальма въ слуги тебѣ не годится: ты былъ сегодня Богъ!» — Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Москву какая-то знатная особа и, въ разговорѣ съ Шаховскимъ, пренебрежительно отзывается о талантѣ Мочалова. Шаховской обижается и, чтобы показать московскую знаменитость во всемъ блескѣ, назначаетъ «Пустодомовъ». На бѣду объ этомъ узналъ Мочаловъ, «постарался» играть свою роль и — «былъ невыносимо дуренъ».

Проходитъ еще десять, двадцать лѣтъ. И во всѣхъ отзывахъ объ игрѣ Мочалова, въ восторженныхъ статьяхъ Бѣлинскаго, наконецъ въ посмертныхъ воспоминаніяхъ о геніальномъ трагикѣ — вездѣ находимъ однѣ общія строки: игра Мочалова была неровна. То она ослѣпляла яркимъ блескомъ пламеннаго вдохновенія, то омрачала эстетическое чувство его поклонниковъ тусклою дѣланностью игры посредственнаго актера.

Такъ оно и было, и разгадку этого явленія надо искать въ свойствѣ таланта Мочалова, въ его натурѣ и обстоятельствахъ жизни. Мочаловъ въ своей сценической карьерѣ шелъ совершенно инымъ путемъ, чѣмъ Щепкинъ, всю жизнь стремившійся развивать себя и совершенствовать свой талантъ. По своей кипучей и страстной натурѣ, Мочаловъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые живутъ преимущественно сердцемъ, а не головой. Добрый, честный, благородный, но съ слабо развитою силою воли, онъ былъ способенъ быстро увлекаться до проявленія бурной страсти и также быстро охладѣвать. Слава освѣтила ему жизненную дорогу съ первыхъ же шаговъ его на сценѣ. Онъ сознавалъ въ себѣ могучую силу артистическаго вдохновенія, которая безъ труда, сама по себѣ, можетъ двигать сердцами многихъ тысячъ зрителей. Гордый этимъ сознаніемъ, Мочаловъ пренебрегалъ работою надъ своимъ талантомъ. Воспитаніе не укоренило въ немъ убѣжденія въ необ-

ходимости труда, какими бы достоинствами и талантами ни обладалъ человѣкъ. Къ тому же, при всей своей порывистости, Мочаловъ не отличался общительностью, избѣгалъ или по крайней мѣрѣ не искалъ общества развитыхъ людей. Въ этомъ сказывалось можетъ быть нежеланіе явиться среди постороннихъ людей съ своими пробѣлами въ образованіи. Бывали попытки ввести Мочалова въ кругъ людей, способныхъ оцѣнить по достоинству его талантъ, указать ему на его недостатки и помочь отъ нихъ избавиться. Но эти попытки не приводили къ цѣли, и Мочаловъ оставался или почти одинокимъ, или среди людей низменныхъ вкусовъ и неразвитого ума, дурно вліявшихъ на него, какъ на человѣка и артиста.

С. Т. Аксаковъ, одинъ изъ представителей тогдашняго образованнаго общества, литераторъ и театралъ, разсказываетъ, какъ въ 1826 г. онъ рѣшилъ сойтись ближе съ Мочаловымъ и ввести его въ кругъ мыслящихъ людей. Тогда Мочаловъ даже у Кокошкина, гдѣ собирались актеры, бывалъ только по оффиціальному приглашенію. А туда ему попасть было уже совершенно легко, тѣмъ больше, что Кокошкинъ любилъ и поощрялъ молодого артиста. Когда Аксаковъ высказалъ свое желаніе, Мочаловъ отвѣтилъ согласіемъ. Онъ, по словамъ Аксакова, не умѣлъ выражать хорошо своихъ внутреннихъ движеній, но очевидно былъ тронутъ участіемъ и въ несвязныхъ словахъ пробормоталъ, что сочтетъ за счастье воспользоваться оказаннымъ ему расположеніемъ. Сначала Мочаловъ хаживалъ къ Аксакову, но только по утрамъ, чтобы ни съ кѣмъ у него не встрѣтиться. Они читали другъ другу то Пушкина, то Баратынскаго, то Козлова, который особенно нравился Мочалову. Много говорили о театрѣ, о сценическихъ условіяхъ, о той мѣрѣ огня и чувства, которою владѣли славные актеры. «Но,—вспоминаетъ Аксаковъ,—я видѣлъ, что, не смотря на отвѣты Мочалова: «Да-съ, точно такъ-съ, совершенно справедливо-съ!»—слова мои отскакивали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны». Кончилось тѣмъ, что Мочаловъ пришелъ какъ-то къ Аксакову подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія,—и съ тѣхъ поръ не бывалъ уже въ его домѣ.

Пристрастіе къ вину было самымъ большимъ зломъ въ жизни Мочалова. Нѣтъ твердо установленныхъ фактовъ, чтобы показать, какъ развилась въ немъ эта пагубная страсть. Но намъ думается, что въ процессѣ этого развитія было много общаго съ такимъ же фактомъ изъ жизни другого знаменитаго представителя русской сцены, тоже вдохновеннаго трагика, Яковлева. Въ натурѣ и талантѣ обоихъ артистовъ было много общаго. Въ вулканической натурѣ Мочалова таились скрытыя душевныя силы, не направлен-

ныя съ юношескихъ лѣтъ къ плодотворному исходу. Пылкая, но мягкая натура не выдерживала напора этихъ силъ, начиналась внутренняя борьба, желаніе удовлетворить запросамъ души и сердца становилось болѣзненнымъ. Обстоятельства складывались дурно. И жизнь. и счастье для Мочалова сосредоточивались на сценѣ. Но искусство даетъ своимъ жрецамъ, въ самой ихъ дѣятельности, невыразимое наслажденіе и строго караетъ тѣхъ изъ нихъ, кто плодотворнымъ трудомъ не приноситъ дани своему богу и зарываетъ талантъ въ землю. Мочаловъ былъ одинъ изъ такихъ служителей искусства. Минуты вдохновенной игры доставляли ему и славу. и артистическое наслажденіе. Но что долженъ онъ былъ переживать въ тѣ мучительныя минуты, когда его геній отлеталъ отъ него, и великій артистъ изъ полубога, заставлявшаго дрожать сердечныя струны тысячной толпы зрительнаго зала, превращался въ заурядпаго актера, лишеннаго всякаго обаянія? Кто могъ замѣнить Мочалову покинувшаго его духа артистическаго вдохновенія, что могло утѣшить его, ослабить горесть потери? Трудъ? Но онъ не зналъ, какъ и взяться за него. Люди? Но мы уже видѣли, какъ онъ чуждался ихъ. А сама судьба не была въ этомъ случаѣ милостива къ Мочалову: она не посылала ему человѣка съ теплой, любящей душой, который бы согрѣлъ и освѣтилъ его лучемъ любви и дружбы. Семейная жизнь не доставила ему полнаго счастья; близкихъ друзей, способныхъ стать на уровнѣ потребностей его души, у него не было. Въ чемъ могъ онъ находить отраду, отдыхъ? Въ стихахъ, въ которыхъ онъ изливалъ свои чувства? Но это было слишкомъ недостаточнымъ и, пожалуй, сантиментальнымъ для полной жизни натуры Мочалова. Оставалось вино—и этой водою забвенія слабый волею человѣкъ врачевалъ свои сердечныя раны, утишалъ душевныя бури и разгонялъ мрачныя думы и сомнѣнія.

Мы не станемъ приводить эпизодовъ изъ жизни Мочалова на тэму о его злой страсти, разсказанныхъ въ различныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Въ этихъ разсказахъ, надо замѣтить, есть преувеличенія, общій колоритъ слишкомъ мраченъ, краски слишкомъ сгущены. Мочаловъ не былъ такой гуляка и пропойца, какимъ рисуютъ его въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ, написанныхъ повидимому по слухамъ, которые въ устахъ народной молвы относительно замѣчательныхъ людей превращаются всегда въ легенды. Правда, онъ пилъ, но это не было безпросыпное пьянство упавшаго низко человѣка. Одно близкое къ Мочалову лицо разсказывало намъ, что онъ никогда не пилъ другого вина, кромѣ виноградпаго, и никогда не выходилъ на сцену въ своихъ роляхъ подъ

вліяніемъ даровъ Бахуса. Часто и горько онъ раскаивался въ своей страсти, давалъ слово побѣдить ее, но наступала роковая минута— и побѣда оставалась не за нимъ.

Послѣднимъ показаніямъ особенно охотно хочется вѣрить потому, что въ вдохновеніи Мочалова многіе изъ его недруговъ видѣли лишь испареніе винной влаги. А его послѣдователямъ и поклонникамъ въ артистической средѣ такіе слухи дали впослѣдствіи основаніе искать таланта и вдохновенія на днѣ стакана.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ дарованія и артистической дѣятельности Мочалова, добавимъ еще нѣсколько чертъ къ характеристикѣ его, какъ человѣка. Мочаловъ съ добротою и благородствомъ соединялъ большую скромность и даже застѣнчивость. Религіозность, великодушіе и отзывчивость на нужды ближняго тоже замѣтно выдѣлялись въ его характерѣ. Въ искусствѣ, говорится въ одномъ изъ воспоминаній о Мочаловѣ, онъ былъ больше поэтомъ, нежели художникомъ, а въ жизни—чаще ребенкомъ, нежели человѣкомъ.

Мочаловъ любилъ литературу, много читалъ, былъ знакомъ и переписывался съ нѣкоторыми изъ писателей, и самъ не былъ чуждъ литературнымъ занятіямъ. Онъ писалъ стихотворенія и пьесы для сцены, изъ которыхъ одна была поставлена. Стихотворенія Мочалова, напечатанныя при его жизни, не имѣютъ выдающагося литературнаго значенія, но для характеристики ихъ автора они могутъ дать нѣкоторый матеріалъ. Ихъ элегическій, грустный строй звучитъ тоскою, неудовлетворенностью, заглушенными порывами къ счастью, почти отчаяніемъ.

Умеръ Мочаловъ далеко еще не старымъ—48 лѣтъ (16 марта 1848 г.). Москва торжественно проводила своего любимца на вѣчный могильный покой Ваганьковскаго кладбища и съ тѣхъ поръ не видала на сценѣ таланта такой силы. Много искреннихъ слезъ пролилось тогда объ этой безвременной утратѣ геніальнаго артиста и добраго человѣка. Могила Мочалова возобновлена въ 1892 г. Обществомъ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Почтить память покойнаго трагика сошлось при этомъ на кладбищѣ такъ много публики, какъ и нельзя было ожидать почти черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти...

На памятникѣ, поставленномъ на могилѣ Мочалова лѣтъ черезъ десять послѣ его смерти, вырѣзана слѣдующая эпитафія:

Ты слылъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
И бѣднякомъ ты опочилъ,
И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
Земное счастье находилъ.

Такъ сни-жъ, безумный другъ Шекспира,
Оправданъ вѣчности Отцомъ.
Вѣщалъ онъ, что премудрость міра
Безумство предъ его судомъ.

«Безумный другъ Шекспира», благодаря особенно увлекательнымъ статьямъ о немъ Бѣлинскаго, оставилъ навсегда свое имя безсмертнымъ въ исторіи русской литературы и театра. Всякій, читавшій Бѣлинскаго, не могъ не остановиться съ особеннымъ интересомъ на статьяхъ о Мочаловѣ, характеризующихъ его талантъ вообще и исполненіе нѣкоторыхъ ролей, въ особенности роли Гамлета. Бѣлинскій увлекался игрою Мочалова, наслаждался минутами его артистическаго вдохновенія. Онъ ставилъ талантъ Мочалова, несмотря на всѣ его недостатки, выше таланта петербургскаго артиста Каратыгина, игра котораго была всегда строго выдержана, но не столько дѣйствовала на чувство, сколько на умъ. Игра Мочалова, состоявшая изъ вспышекъ искренняго, неподдѣльнаго чувства, вполнѣ гармонировала съ искренностью и страстностью увлеченій Бѣлинскаго. Мочаловъ могъ считать себя счастливымъ, что онъ нашелъ такого горячаго поклонника и такого художественнаго судью въ Бѣлинскомъ, увѣковѣчившемъ его имя въ литературѣ. Безъ этого литературнаго памятника имя Мочалова не умерло бы конечно въ исторіи театра, но съ этимъ именемъ не соединялось бы такого яркаго представленія, какое получается послѣ чтенія статей Бѣлинскаго.

Талантъ Мочалова не былъ общепризнаннымъ. Одни, говоритъ Бѣлинскій, видѣли въ немъ высшую степень совершенства, до какой можетъ доходить трагическій талантъ; другіе видѣли въ немъ совершенно бездарнаго актера. И Бѣлинскій находитъ, что послѣднее сужденіе имѣло свое основаніе въ томъ, что Мочаловъ, надѣленный богатыми сценическими средствами, пренебрегалъ ихъ развитіемъ и обработкою. Нѣкоторые изъ современниковъ Мочалова не согласны съ этимъ и находятъ, что Мочаловъ трудился всегда усердно и добросовѣстно. Но печальная справедливость упрека, сдѣланнаго Бѣлинскимъ, очевидна.

Природныя средства Мочалова были необыкновенно выгодны, и самымъ прекраснымъ изъ нихъ являлся его голосъ. Это былъ теноръ, мягкій и звучный, нѣжный и сильный, проникавшій въ душу. Переходы и переливы голоса были разнообразны и красивы; его шопотъ былъ слышенъ въ верхнихъ галлереяхъ; его голосовые удары заставляли невольно вздрагивать. Голосъ Мочалова способенъ былъ выражать всѣ оттѣнки страстей: въ немъ слышны были и громовой рокотъ отчаянія, и порывистые крики бѣшенства и мщенія, и тихій шопотъ сосредоточившагося въ себѣ негодованія,— шопотъ, который раздавался бывало по всему театру и каждое

слово доходило до сердца и слуха зрителя, — и мелодическій лепетъ любви, и язвительность ироніи, и спокойно-высокое слово.

Фигура Мочалова была не особенно сценична: онъ былъ средняго роста и немного сутуловатъ. Но въ страстныя минуты вдохновенія онъ, казалось, выросталъ и дѣлался стройнымъ. Голова его, съ черными вьющимися волосами, была поставлена на могучія плечи, а черные глаза были замѣчательно выразительны. Лицо его было создано для сцены. Красивое и пріятное въ спокойномъ состояніи духа, оно было измѣнчиво и подвижно—настоящее зеркало всевозможныхъ ощущеній, чувствъ и страстей.

Но эти благодарныя артистическія данныя много теряли оттого, что игра Мочалова, не подчиненная требованіямъ искусства, была въ высшей степени не ровна. Онъ всегда надѣялся на вдохновеніе, на какое-то наитіе, овладѣвавшее всѣмъ его существомъ и придававшее его рѣчи и жестамъ что-то пламенное и увлекательное. Поэтому онъ всегда находился въ зависимости отъ расположенія духа. Найдетъ на него одушевленіе, говоритъ Бѣлинскій, и онъ удивителенъ, безподобенъ; нѣтъ одушевленія—и онъ впадаетъ въ пошлость и тривіальность. Тогда невысокій ростъ его дѣлался на сценѣ большимъ недостаткомъ, вся фигура его становилась непріятною, манеры—безобразными. Понимая, что онъ играетъ дурно, Мочаловъ выходилъ изъ себя и, желая возбудить насильно въ себѣ вдохновеніе, онъ кричалъ, кривлялся, хлопалъ себя руками по бедрамъ, ломался,—и оттого становился еще нестерпимѣе. Иногда Мочаловъ бывалъ превосходенъ только въ нѣсколькихъ актахъ трагедіи, иногда—въ одномъ; иногда одно и то же мѣсто пьесы исполнялъ въ различные спектакли совершенно противоположно. Случалось, что и плохую пьесу выносилъ одинъ на своихъ плечахъ.

И несмотря на то, что такая невыдержанная игра должна была производить тяжелое впечатлѣніе на зрителей, во всѣхъ отзывахъ современниковъ признается за его игрою неотразимое обаяніе тѣхъ мучительно-сладкихъ и могущественныхъ впечатлѣній, которыя, по выраженію Бѣлинскаго, производила на нихъ его страстная, простая и въ высшей степени натуральная игра. Зритель, подъ бременемъ волновавшихъ его ощущеній, не успѣвалъ приходить въ себя, чтобъ ясно видѣть оттѣнки игры и замѣчать неровности и небольшіе промахи. Естественность игры Мочалова была необычайна для тогдашнихъ понятій о драматическомъ искусствѣ. Заговорить въ трагедіи по-человѣчески среди декламирующаго ансамбля было дѣломъ великаго самобытнаго таланта, ибо этого пути Мочалову никто не указывалъ. Щепкину, какъ комику, было

легче вступить на эту дорогу. Мочаловъ, въ качествѣ трагика, былъ поставленъ совершенно въ другія условія. Ложно-классическіе пріемы игры далеко еще не исчезли тогда безслѣдно. Напыщенность и дѣланные эффекты считались еще тогда принадлежностью трагическаго таланта. Немудрено поэтому, что игра Мочалова казалась современнымъ зрителямъ даже тривіальною, не соотвѣтствующею важности трагедіи. Одинъ изъ критиковъ замѣчаетъ объ игрѣ Мочалова въ роли Отелло (1828 г.), что натуральность доходила у него до излишней простоты. «Но причиною сему, —замѣчаетъ онъ,— какъ кажется, напыщенный тонъ другихъ лицъ и слогъ перевода; всѣ декламируютъ по нотамъ, и странно слышать одного, говорящаго по-человѣчески». Этимъ отчасти вѣроятно объяснялся сравнительный неуспѣхъ дебютовъ Мочалова въ Петербургѣ, гдѣ привыкли къ ложно-классической игрѣ больше, чѣмъ въ Москвѣ. Впрочемъ тутъ могла быть и другая причина: вдохновеніе не осѣняло Мочалова или можетъ быть онъ «старался» играть хорошо—и игралъ плохо.

Съ внѣшней стороны игра Мочалова, какъ основанная на внутреннемъ вдохновеніи, была большей частью очень слаба; костюмироваться и гриммироваться Мочаловъ не былъ особеннымъ мастеромъ. Въ исполненіи своихъ ролей Мочаловъ отличался образцовою добросовѣстностью. Онъ всегда зналъ ихъ твердо, и суфлеръ ему былъ рѣшительно не нуженъ. Мимика Мочалова была замѣчательная, благодаря подвижному и выразительному лицу, и поэтому нѣмыя сцены выходили у него поразительными. Увлекаясь игрою, Мочаловъ забывалъ, что онъ на сценѣ, и жилъ жизнью изображаемаго лица. Онъ не помнилъ въ это время, какъ нужно обращаться съ окружающими, и нерѣдко игравшіе съ нимъ артисты возвращались домой съ синяками на рукахъ, сдѣланными Мочаловымъ въ порывѣ сценическаго увлеченія.

Мочаловъ вступалъ на артистическое поприще въ ту эпоху, когда на русской сценѣ отошли уже въ область воспоминаній трагедіи Сумарокова и Княжнина, когда кончалось обаяніе трагедій Озерова и наступила пора переводной, а затѣмъ и русской мелодрамы и классическихъ трагедій Шекспира и Шиллера. Въ этомъ репертуарѣ Мочаловъ безсмѣнно тридцать лѣтъ занималъ первое амплуа и переигралъ огромное число ролей. Изъ переводныхъ мелодрамъ въ репертуарѣ Мочалова главное мѣсто занимали пьесы Коцебу, изъ русскихъ—Шаховского, Полевого, Ободовскаго и Кукольника. Приходилось Мочалову играть главныя роли и въ комедіяхъ, напримѣръ—Альмавиву въ «Севильскомъ Цирульникѣ» и

Чацкаго - въ «Горе отъ ума». Изъ шекспировскаго репертуара Мочаловъ игралъ Гамлета, Отелло, Лира, Каріолана, Ромео, Ричарда III; изъ шиллеровскаго — Франца и Карла Мооръ («Разбойники»), Донъ-Карлоса, Фердинанда и Миллера («Коварство и любовь», Мортимера («Марія Стюартъ»).

Одною изъ лучшихъ ролей Мочалова былъ Гамлетъ. Въ первый разъ «Гамлетъ», въ переводѣ Полевого, былъ поставленъ 22 января 1837 года. Выдающимся мѣстомъ въ игрѣ Мочалова въ этой трагедіи была сцена послѣ представленія странствующихъ актеровъ. По невольному душевному порыву или по заранѣе обдуманному разсчету, Мочаловъ-Гамлетъ, сидѣвшій у ногъ Офеліи, вскочилъ и въ припадкѣ истерической радости началъ прыгать по сценѣ, хохоча и требуя музыки. Незамѣтной чертой разграничивалось здѣсь смѣшное отъ ужаснаго: трагикъ могъ произвести первое впечатлѣніе, и тогда бы все погибло, но онъ произвелъ второе и — выказалъ въ себѣ великаго артиста.

Поразительно хорошо игралъ Мочаловъ роль Мейнау въ мелодрамѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Разсказываютъ, будто онъ такъ любилъ эту роль, что завѣщалъ положить себя въ гробъ въ костюмѣ Мейнау. Пьеса эта принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ, въ которыхъ Мочаловъ всегда былъ одинаково ровенъ и хорошъ. Онъ исполнялъ роль обманутаго мужа, удалившагося въ уединеніе и впадшаго въ мизантропію. Въ его исполненіи слащавая, неестественная мелодрама становилась глубоко-потрясающей драмой. Сосредоточенное горе, оскорбленное самолюбіе, душевная тоска — все это было глубоко-просто, но глубоко-трогательно. Лучшая сцена — встрѣча съ другомъ и разсказъ о своемъ несчастіи. Разсказъ этотъ, монологъ въ нѣсколько страницъ, онъ передавалъ художественно. Онъ не позволялъ себѣ ни возвышать голоса, ни прибѣгать къ жестамъ, но каждое слово его тяжело падало на сердце слушателя. Начиналъ онъ этотъ разсказъ спокойно и какъ бы равнодушно, но потомъ мало-по-малу поддавался охватывающему его чувству, которое тутъ же сообщалось зрителямъ; съ каждымъ словомъ сильнѣе и сильнѣе двигалъ онъ ихъ сердца изображеніемъ накопившейся душевной горести, наконецъ не могъ удержать слезъ, — этихъ нежданныхъ, давно небывалыхъ своихъ знакомцевъ. Къ концу разсказа среди публики и между актерами не было никого, кто бы не прослезился; женскія рыданія слышались въ театрѣ.

Роль Фердинанда въ трагедіи Шиллера «Коварство и любовь» также была торжествомъ Мочалова, исполнявшаго ее въ пору молодости. Сердце замирало у зрителей, когда Мочаловъ-Ферди-

нандъ, придя въ послѣдній разъ къ Луизѣ Миллеръ, съ чувствомъ боязни и надежды допрашивалъ ее, она ли написала письмо, и восклицалъ: «Солги, солги, Луиза!». Такъ-же потрясающа была и роль Карла Моора въ «Разбойникахъ». Вся публика, разсказываетъ очевидецъ, была въ какомъ-то опьяненіи, а въ сценѣ свиданія Карла Моора съ отцомъ среди мертвой тишины въ зрительномъ залѣ вдругъ послышался стонъ.

Во французской мелодрамѣ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» Мочаловъ игралъ роль игрока. Мочаловъ въ этой пьесѣ держалъ зрителей въ постоянно напряженномъ состояніи духа. Особенно былъ замѣчателенъ третій актъ, гдѣ разорившійся игрокъ живетъ среди горъ, въ развалинахъ. Нищета сдѣлала его преступникомъ: онъ убилъ путника, ограбилъ его и воротился домой къ женѣ и дочери. Онъ проситъ пить. Дочь, подавая стаканъ воды, замѣчаетъ, что у него рукава въ крови. Надобно было видѣть лицо Мочалова, чтобы судить о его душевномъ состояніи при этихъ словахъ. Онъ былъ ужасенъ. Бормоча: «кровь! кровь!», онъ судорожно обтиралъ рукава, а самъ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, улыбался какой-то страшной улыбкой.

Точно также поразительна была сцена въ четвертомъ актѣ мелодрамы «Клара д'Обервиль», когда Мочаловъ-графъ, подозрѣвающій свою жену въ измѣнѣ, видитъ въ зеркало своего друга, вливающаго ему въ лекарство ядъ. Графъ не вѣритъ тому, что видитъ, сомнѣвается, колеблется, наконецъ убѣждается въ страшной истинѣ, дрожитъ, становится блѣднѣе полотна и страшнымъ голосомъ восклицаетъ: «отравитель!...» Зрители переживали всѣ эти ощущенія, блѣднѣли, невольно приподнимались вмѣстѣ съ нимъ съ мѣстъ—они были въ обаятельной власти артиста.

Эти высокохудожественные моменты вдохновенія западали такъ глубоко въ души зрителей, что чрезъ многіе десятки лѣтъ, на склонѣ жизни, они, вспоминая игру Мочалова, снова какъ бы переживали былое наслажденіе. Въ этихъ моментахъ, въ этой необыкновенной яркости, правдивости и силѣ производимаго впечатлѣнія и заключалось обаяніе Мочалова на зрителей. Отсюда понятно и то огромное значеніе, которое онъ имѣлъ въ лицѣ искусства, какъ правдивый толкователь передъ тысячами зрителей драматическихъ образовъ, созданныхъ великими поэтами, или тѣхъ образовъ, которые онъ творилъ, какъ великій художникъ, изъ самаго неблагодарнаго матеріала.

—

Совершенною противоположностью Мочалову былъ артистъ петербургской сцены Каратыгинъ. Оба они были ровесники, амплуа

ихъ было одинаковое, ихъ дѣятельность проходила въ одно и то же время — и этимъ ограничивалось общее между ними.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ родился 26 февраля 1802 г. Отецъ его, Андрей Васильевичъ, былъ актеръ петербургскаго театра, а мать, Александра Дмитріевна, до замужества Перлова, — актриса. Закулисная хроника считаетъ Каратыгина сыномъ знаменитаго актера Яковлева, который безумно любилъ Перлову-Каратыгину. Она была въ высшей степени симпатичная женщина, умная и красивая, нѣжная мать, а какъ артистка стояла въ ряду даровитѣйшихъ драматическихъ актрисъ своего времени и была ученицей Дмитревскаго.

Каратыгинъ получилъ образованіе въ гимназіи и въ Горномъ корпусѣ. Окончивъ курсъ, онъ избралъ чиновничью карьеру и поступилъ на службу. Но театральная среда, въ которой онъ жилъ съ самаго рожденія, оказала свое вліяніе. На домашнихъ спектакляхъ юный Каратыгинъ обнаружилъ задатки сценическаго дарованія. Это замѣтилъ князь А. А. Шаховской и предложилъ заняться сценическимъ образованіемъ будущаго трагика. Каратыгинъ сталъ брать уроки у князя Шаховского и черезъ полгода выступалъ уже на школьномъ театрѣ въ числѣ другихъ учениковъ. Дирекція театровъ предложила ему дебютировать, но родители на время отложили дебютъ сына, тогда еще очень юнаго: ему было немного больше 16-ти лѣтъ.

Каратыгинъ продолжалъ бывать у Шаховского и тутъ пріобрѣлъ новое знакомство, оказавшееся для него чрезвычайно важнымъ. Онъ познакомился съ другимъ театраломъ и писателемъ, переводчикомъ трагедій Расина и Корнеля, П. А. Катенинымъ, тогда штабсъ-капитаномъ Преображенскаго полка. По предложенію своего новаго знакомаго, Каратыгинъ сталъ заниматься съ нимъ сценическимъ искусствомъ. Катенинъ былъ человѣкъ высокаго и разносторонняго образованія и обширнаго ума, зналъ прекрасно нѣсколько европейскихъ языковъ и отлично понималъ практику и теорію сценическаго искусства. Ему Каратыгинъ былъ обязанъ довершеніемъ своего образованія, привычкой къ добросовѣстной работѣ и серьезными взглядами на искусство. Занятія ихъ были полны классической строгости и постояннаго неутомимаго труда.

Первый разъ Каратыгинъ дебютировалъ 3 мая 1820 г. въ роли Фингала, въ трагедіи Озерова. Черезъ 10 дней для второго дебюта онъ сыгралъ роль царя Эдипа, еще черезъ недѣлю — Танкреда, въ трагедіи Вольтера, и мѣсяца черезъ 1½ — роль кн. Пожарскаго. Всѣ дебюты были удачны, и Каратыгинъ былъ принятъ въ труппу.

Появленіе на сценѣ молодого талантливаго артиста было встрѣчено сочувственно публикой, но за кулисами образовало партію его соперниковъ и завистниковъ. Это болѣе или менѣе общее явленіе на театральныхъ подмосткахъ въ данномъ случаѣ усиливалось и тѣмъ еще, что Каратыгинымъ многіе были недовольны. Князь Шаховской былъ недоволенъ тѣмъ, что Каратыгинъ измѣнилъ ему для Катенина; всесильная тогда за кулисами трагическая актриса Семенова относилась къ нему съ пренебреженіемъ. Каратыгинъ былъ близокъ съ Катенинымъ,—строгимъ критикомъ и небезусловнымъ поклонникомъ ея таланта,—и съ Колосовой, только-что появившейся драматической актрисой, которая обѣщала сдѣлаться соперницей Семеновой. Къ недоброжелателямъ Каратыгина примкнуло, по одному случаю, и театральное начальство, засадившее молодого артиста, въ 1822 г., въ Петропавловскую крѣпость.

Этотъ характерный эпизодъ изъ театральнаго прошлаго произошелъ такъ. Директору театровъ, А. А. Майкову, какъ-то показалось, что Каратыгинъ въ танцовальномъ залѣ театральнаго училища позволилъ себѣ сидѣть въ его присутствіи. Директоръ тутъ же распекъ Каратыгина, несмотря на его заявленіе, что онъ не видалъ своего начальства. Затѣмъ не замедлили явиться и серьезныя осложненія этого событія. На другой день Каратыгинъ, по приказанію главнаго начальника театровъ, военнаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость. Пораженная горемъ, мать бросилась къ графу и на колѣняхъ умоляла его выпустить сына на свободу. Графъ наконецъ смилостивился, и сказалъ: „Этотъ урокъ былъ нуженъ молодому либералу, который набрался вольнаго духу отъ своего учителя Катенина». На другой день, просидѣвъ двое сутокъ, Каратыгинъ былъ выпущенъ изъ крѣпости.

Въ томъ же году онъ понесъ чувствительную потерю въ лицѣ своего наставника и друга, Катенина, который, по проискамъ Семеновой, былъ высланъ изъ Петербурга въ свою деревню. Этими двумя эпизодами омрачилась дѣятельность начинающаго артиста. Но скоро горизонтъ прояснился, и Каратыгинъ занялъ первое мѣсто на петербургской сценѣ. Время съ 1825 г. по 1845 г. было самой блестящей порой для его артистическихъ успѣховъ.

Въ 1827 г. Каратыгинъ женился на артисткѣ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой. Колосова, выдающаяся артистка въ драмѣ и высокой комедіи, получила прекрасное образованіе и художественное развитіе, знала иностранные языки, бывала за-границей и видала игру лучшихъ артистовъ того времени. Такая жена должна была

служить твердой опорой своему мужу въ его серьезномъ отношеніи къ искусству. И когда она въ 1844 г. покинула сцену, Каратыгинъ сталъ не такъ охотно работать. Но это не значило, что онъ пренебрегалъ своимъ дѣломъ, которому служилъ до самой смерти съ одинаковымъ успѣхомъ и съ прежними воззрѣніями на искусство.

13 марта 1853 г. Каратыгинъ скончался, въ полной силѣ своего таланта, отъ простудной болѣзни. Въ послѣдній разъ онъ игралъ за двѣ недѣли до своей смерти. Торжественныя похороны на Смоленскомъ кладбищѣ закончили его земной путь.

Каратыгинъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей русскаго театра. Выступивъ, какъ и Мочаловъ, когда ложноклассическая трагедія сходила съ русской сцены, онъ остался послѣдователемъ пріемовъ старой школы. Каратыгинъ не обладалъ, какъ Мочаловъ, необыкновеннымъ запасомъ внутренняго чувства, и это предначертало ему путь строгаго изученія законовъ искусства. Общее и художественное образованіе подъ руководствомъ Катенина положило прочную основу всей дѣятельности Каратыгина, бывшаго однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ актеровъ.

Въ Каратыгинѣ русская сцена имѣла послѣдняго знаменитаго преемника тѣхъ классическихъ традицій, которыя шли еще отъ Дмитревскаго. Въ игрѣ Каратыгина не было уже конечно той неестественности, которая отличала актеровъ-декламаторовъ. Но не было и той простоты и естественности, которая характеризовала игру Мочалова и была утверждена Щепкинымъ, какъ художественный принципъ русскаго сценическаго искусства. Самый репертуаръ, въ которомъ выступилъ Каратыгинъ, требовалъ извѣстной приподнятости игры, извѣстнаго удаленія отъ простыхъ смертныхъ въ область героевъ и полубоговъ. Таковы были главныя дѣйствующія лица трагедій Расина, Корнеля и Вольтера, трагедій Озерова, французскихъ передѣлокъ Шекспира. Затѣмъ слѣдовали мелодрамы, наконецъ тотъ же характеръ сценическаго изображенія оставался и для героевъ трагедій Шекспира и Шиллера. Изъ репертуара двухъ послѣднихъ авторовъ Каратыгинъ игралъ: Гамлета, Ромео, Лира, Отелло, Каріолана—Шекспира; Карла Моора, Франца Моора, Донъ-Карлоса, маркиза Позу, Лейчестера, Вильгельма Телля, Донъ-Цезаря и Фердинанда—Шиллера.

Внѣшнія данныя вполнѣ соотвѣтствовали трагическому амплуа Каратыгина. Величественная фигура, пластичныя движенія, замѣчательно выработанная дикція уже сами по себѣ производили на зрителей сильное впечатлѣніе. Но самое главное въ игрѣ Каратыгина была разработка ролей до мельчайшихъ деталей. Каждый

шагъ на сценѣ, каждые жестъ, поза, измѣненіе голоса были строго обдуманы и принаровлены къ характеру изображаемаго лица. Костюмы и гриммировка поражали своей точностью и художественнымъ вкусомъ. Сценическіе образы, создаваемые Каратыгинымъ, были цѣльными отъ начала до конца, какъ бы изваянными мастерскимъ рѣзцомъ скульптора. Каждая роль велась по продуманному плану и не допускала никакихъ уклоненій. На это полагалось много добросовѣстнаго труда, знаній и пониманія сценическаго искусства,—и въ этомъ—огромная заслуга Каратыгина.

Не обладая такою силою непосредственнаго вдохновенія, какая была у Мочалова, Каратыгинъ считался однако его знаменитымъ соперникомъ. На русской сценѣ никогда такъ ярко не иллюстрировались два рода сценическаго воплощенія—«вдохновеннаго», обусловленнаго внутренними порывами чувства, вспыхивающаго, какъ отблескъ молніи, и «искусственнаго», созданнаго разсудкомъ, строго обдуманнаго,—никогда, какъ въ эпоху одновременной дѣятельности Мочалова и Каратыгина. Москва гордилась Мочаловымъ и холодно относилась къ Каратыгину, Петербургъ—наоборотъ. И публика, и критика указывали достоинства своихъ любимцевъ, но никогда не могли убѣдить противниковъ. Когда Каратыгинъ игралъ въ Москвѣ, а Мочаловъ—въ Петербургѣ, то страсти поклонниковъ особенно разгорались. Судили любимцевъ и какъ артистовъ, и какъ людей. Въ Каратыгинѣ находили много несимпатичныхъ чертъ—гордость, скупость, сдержанность—и противопоставляли ихъ благороднымъ чертамъ характера Мочалова. Все это конечно ни къ чему не вело и не рѣшало вопросовъ искусства. Каждый изъ трагиковъ оставался самъ по себѣ, съ своими достоинствами и недостатками, и истинные театралы могли бы вѣроятно желать, чтобы Каратыгинъ и Мочаловъ гармонически составили собою одного идеальнаго представителя сценическаго искусства. Но это было бы фантастическое желаніе; слишкомъ существенная разница была между дарованіями и натурами трагиковъ. По мнѣнію Бѣлинскаго, въ Каратыгинѣ всегда былъ виденъ на сценѣ актеръ, а въ Мочаловѣ—изображаемый человѣкъ.

По картинному опредѣленію А. А. Григорьева, Каратыгинъ и Мочаловъ—два несовмѣстимыя явленія. «Каратыгинъ—изящно распланированный садъ съ чистыми аллеями, роскошными клумбами и бархатными лужайками, природа, подчиненная требованіямъ искусства,—умытая, подстриженная, выхоленная. Мочаловъ—лѣсъ дремучій: тутъ и громадная сосна, и плакучая береза, и дубъ великанъ растутъ себѣ въ перемежку, сплетаясь и корнями, и сучьями, словомъ—природа-матушка!»

VI.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ и Провъ Михайловичъ Садовскій.

Среди современныхъ Щепкину, Мочалову и Каратыгину актеровъ комическаго амплуа самыми замѣчательными были: на петербургской сценѣ Мартыновъ, а на московской—Садовскій.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ родился 12 іюля 1816 г. Отецъ его, бѣдный дворянинъ, служилъ управляющимъ имѣніями у одной богатой барыни. Ни обстоятельства, ни общественное положеніе отца Мартынова, пріѣхавшаго въ Петербургъ изъ провинціи доказывать свое дворянское происхожденіе, не давали никакихъ указаній на то, какая судьба ожидаетъ ребенка. Рѣшилъ все случай, вообще много значившій въ жизни Мартынова.

Дѣтство Мартынова прошло заурядно, какъ проходитъ у тысячъ дѣтей его круга. Когда мальчикъ подросъ, его отдали учиться въ пансіонъ, но скоро оттуда взяли. Барыня, у которой отецъ его служилъ управляющимъ, посовѣтовала пристроить сына въ театральное училище и даже оказала въ этомъ дѣлѣ свою протекцію. Ея знакомый, князь Гагаринъ, состоялъ членомъ театральнаго комитета и согласился на просьбу барыни принять сына ея управляющаго въ театральное училище. Оставалось только зачислиться въ составъ воспитанниковъ. Но судьба какъ будто противилась этому. Одинъ изъ театральныхъ чиновниковъ, отъ котораго по канцелярской іерархіи зависѣло окончательное принятіе дѣтей въ школу, почему-то рѣшительно воспротивился сдѣлать это относительно Мартынова. Случай явился и тутъ на выручку. Князь Гагаринъ увидалъ какъ-то маленькаго Мартынова на улицѣ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и узналъ, что въ школу его не приняли. Послѣдовало новое, болѣе внушительное, распоряженіе, и мальчика зачислили въ училище. Это произошло въ 1827 г.

Театральная школа того времени давала самое скудное общее образованіе. Главное вниманіе было сосредоточено на обученіи разнымъ тонкостямъ балетнаго искусства. Этого не избѣгалъ никто изъ учениковъ, даже если обладалъ способностями или чувствовалъ склонность къ какому нибудь другому роду сценическаго искусства или къ музыкѣ. Общая участь постигла и Мартынова. Онъ поступилъ въ балетный классъ къ извѣстному тогда балетмейстеру Дидло, человѣку талантливому и фанатику своего дѣла. «Дидло,—разсказывалъ впослѣдствіи Мартыновъ, — встрѣтилъ меня

съ огромною палкою, вродѣ жезла, осмотрѣлъ меня въ классѣ съ ногъ до головы, ощупалъ грудь и ноги и глубокомысленно сказалъ, что изъ этого тощаго вѣтрогона выйдетъ второй Дидло». Палка, съ которою не разставался балетмейстеръ, употреблялась имъ, какъ самое сильное педагогическое средство, для выколачиванія изъ неискусныхъ воспитанниковъ всевозможныхъ антраша. Не обошлась вѣроятно и Мартынову даромъ балетная наука.

Дидло былъ правъ, угадавши въ новичкѣ талантливаго танцора. Подъ руководствомъ учителя, Мартыновъ сталъ подавать большія надежды: пируэты, глиссады, па-де-зефиры, саботьерскіе и китайскіе танцы,—все это онъ постигъ и продѣлывалъ по всѣмъ правиламъ искусства. Но случай снова повернулъ дѣло въ иную сторону. Дидло вышелъ въ отставку, и Мартыновъ, проломавши ноги въ балетѣ нѣсколько лѣтъ, охладѣлъ къ танцамъ и поступилъ въ обученіе къ декоратору. Живопись Мартыновъ любилъ еще съ дѣтства, но нельзя было конечно назвать этимъ именемъ малеваніе декорацій и растираніе красокъ, которыми занимался онъ у новаго учителя.

Въ то время Мартыновъ становился уже юношей, способнымъ задумываться надъ своимъ будущимъ и опредѣлять свое призваніе. И снова случай указалъ ему наконецъ, куда надо идти.

Между воспитанниками школы былъ тогда обычай, въ свободное время разыгрывать заимствованныя изъ театральныхъ представленій пьесы. Мартыновъ сталъ на этихъ спектакляхъ копировать своихъ товарищей и знакомыхъ, и это ему удалось. Въ 1831 г. онъ безъ подготовки, шутя, сыгралъ роль лакея въ водевилѣ «Знакомые незнакомцы». Спектакль этотъ давался въ школѣ, но былъ дебютнымъ для воспитанниковъ и артистовъ и поэтому происходилъ въ присутствіи директора театровъ. Игра Мартынова обратила на себя вниманіе директора, и онъ распорядился перевести бывшаго танцора и декоратора въ драматическій классъ. Тутъ ему тоже сначала не посчастливилось. Учитель драматическаго класса, актеръ Брянскій, про этого бѣлокураго мальчика, небольшого роста, съ оживленной, но комичной физіономіей, говорилъ: «я заставилъ выучить его одну роль, прослушалъ его, но кажется лучше ему оставаться краскотеромъ,—выговоръ у него дурной, голосъ слабый и кажется изъ него толку не будетъ». Но преподаваніе скоро перешло отъ Брянскаго къ актеру Каратыгину, извѣстному водевилисту, брату трагика, и Мартыновъ, подъ его руководствомъ, съ жаромъ принялся за изученіе комическихъ ролей. Черезъ годъ Мартыновъ, будучи еще воспитанникомъ, дебютировалъ на большой

сценѣ въ водевилѣ «Филатка и Мирошка», потомъ вскорѣ еще въ другомъ водевилѣ, а въ 1835 г. былъ выпущенъ изъ школы на низшій окладъ жалованья.

Дебютъ въ водевилѣ былъ какъ бы зловѣщимъ предзнаменованіемъ для артистической будущности молодого комика. Водевильное творчество тогда царствовало на русской сценѣ, и Мартыновъ погрузился съ головою въ этотъ водевильный водоворотъ. Драматическимъ актерамъ представлялось обширное поприще для дѣятельности въ мелодрамахъ и трагедіяхъ, но комику, и притомъ такому сначала незамѣтному, какъ Мартыновъ, была одна сценическая дорожка—водевили. Просматривая репертуаръ Мартынова, удивляешься, какое огромное количество водевилей пришлось ему переиграть, сколько потратить силъ и времени на такое неблагодарное для развитія таланта занятіе, какъ разучиваніе водевилей. Въ этой темной водевильной массѣ лишь изрѣдка, какъ свѣтлыя точки, мелькаютъ пьесы Мольера, Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя и въ концѣ—Тургенева, Чернышева, Островскаго и А. Потѣхина.

Сценическій успѣхъ не сразу дался Мартынову. Играть приходилось такія роли, въ которыхъ быстро выдвинуться было нельзя. Въ «Ревизорѣ», поставленномъ въ 1836 г., онъ не участвовалъ. Въ «Недорослѣ» онъ сыгралъ въ 1837 г. Митрофанушку, но не обратилъ на себя особеннаго вниманія,—можетъ быть по недостатку еще опытности для такой трудной роли. Въ 1840 г. онъ блистательно сыгралъ заглавную роль въ извѣстномъ водевилѣ Ленскаго «Левъ Гуричъ Синичкинъ». Къ тому времени талантъ его былъ уже замѣченъ. Бѣлинскій уже предрекъ ему блестящую будущность и назвалъ его истиннымъ художникомъ съ непостижимымъ талантомъ и искусствомъ. «Если онъ будетъ изучать и учиться,—писалъ тонкій цѣнитель и горячій поклонникъ талантовъ,—то не только водевиль, но и комедія долго не осиротѣетъ на Александринскомъ театрѣ». Отзывъ очень лестный для водевильнаго комика, въ которомъ тогда никто и не подозрѣвалъ задатковъ сильнаго драматизма.

Менѣе удачно начиналась для Мартынова жизнь внѣ сцены. Съ самаго выхода изъ школы потянулась докучливая и тяжелая борьба съ нуждой. На 609 рублей ассигнаціями, которые ему были назначены при выпускѣ, надо было содержать и себя, и семью. Тутъ уже было не до привольнаго житья, когда приходилось самому себѣ чистить сапоги, или учить роли, за неимѣніемъ свѣчей, при естественномъ свѣтѣ луны. Трудно при такихъ условіяхъ «учиться и изучать» что-нибудь, кромѣ ролей, какъ совѣтовалъ Бѣлинскій молодому актеру.

Вотъ простой и трогательный разсказъ самого Мартынова объ одномъ изъ эпизодовъ тогдашней его горемычной жизни.

«Семейство мое,—вспоминалъ онъ,—состояло изъ отца, матери, трехъ моихъ сестеръ, брата и тетки. Отецъ трудится изо всѣхъ силъ, но тщетно, а моихъ 600 руб. ассигнаціями едва хватало для меня самого. Разъ, въ дождь и слякоть, рано утромъ, оставилъ я свою коморку и побѣжалъ въ театръ на репетицію новой пьесы. Я надѣлъ старенькій сюртучекъ, а весь гардеробъ свой, цѣною 400 руб. ассигнаціями, покрылъ простынею и, за неимѣніемъ шкафа, уложилъ въ своей комнатѣ на стулья. Изъ театра я не выходилъ во весь день. Наступилъ спектакль, я забылъ, что во весь день до вечера не съѣлъ крохи хлѣба. Сталъ играть. Помню, что вокругъ меня все шумѣло, кричали «браво!» Уже въ полночь я побѣжалъ домой было холодно, сюртучекъ мало грѣлъ. Я дрожалъ да и ѣсть хотѣлось. Прибѣгаю домой—все спитъ. Иду въ свою коморку, смотрю—стулья опустѣли, окно растворено: воры украли весь мой гардеробъ. Я подумалъ, перекрестился, досталъ изъ-подъ дивана кипу тетрадей, выбралъ между ними одну роль и, дрожа отъ холода, сталъ читать ее при свѣтѣ мѣсяца...»

Нужда, хотя впрочемъ и не горькая, не оставляла Мартынова и тогда, когда онъ уже сдѣлался первоклассным актеромъ и получалъ высшій окладъ жалованья. Семья у него была большая, а пользоваться милостями начальства, выпрашивать разныя льготы и прибавки и вообще пользоваться случаемъ «онъ не умѣлъ». Чтобы заработать лишнее, приходилось и ему, какъ Щепкину, путешествовать въ провинцію. Онъ не разъ игралъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Кременчугѣ, Казани и другихъ городахъ, а передъ смертью—въ Одессѣ.

Въ 40-хъ годахъ въ репертуаръ Мартынова, кромѣ водевильныхъ, стали входить и серьезныя комическія роли. Онъ игралъ Бобчинскаго и Хлестакова въ «Ревизорѣ», Подколесина въ «Женитьбѣ», Ихарева въ «Игрокахъ» Гоголя, Бартоло въ «Севильскомъ Цирульникѣ» Бомарше, Загорѣцкаго въ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова, могильщика въ «Гамлетѣ» Шекспира и нѣсколько мольеровскихъ типовъ: Гарпагона, Журденя, Сганареля и Жеронта. Но преобладали попрежнему роли въ водевиляхъ. Его заваливали этими ролями, изъ которыхъ особенно удачныя приходилось играть по нѣсколько разъ въ сезонъ Не только изучать, но даже заучивать роли не было иногда времени, и волей-неволей надо было пускать въ ходъ фантазію. Однажды Мартыновъ вышелъ на сцену, совершенно не зная роли. Онъ условился съ суфлеромъ, чтобы тотъ съ перерывами «подавалъ» ему слова, а самъ взялъ въ руки трубку и началъ роль. Попыхивая дымомъ, онъ прислушивался къ суфлеру и процѣживалъ сквозь зубы фразы. Роль была сыграна прекрасно и типъ вышелъ совершенно оригинальнымъ.

Казалось, легкое комическое амплуа Мартынова вполнѣ опре-

*

дѣлилось, и никто не подозрѣвалъ въ немъ выдающагося драматическаго дарованія. Однако вскорѣ пришлось въ этомъ убѣдиться. Первая роль съ драматическимъ оттѣнкомъ была роль Гарпагона и потомъ роль, тоже скупого, въ русской комедіи «Кощей». Въ послѣдней особенно Мартыновъ поражалъ неожиданнымъ проявленіемъ драматизма. Но сама пьеса была лишена литературнаго значенія. Это относилось къ концу 40-хъ годовъ.

Тогда наступала новая эпоха въ русской драматургіи—появились пьесы бытовыя: Островскаго, Потѣхина, Писемскаго и др. Въ первыхъ произведеніяхъ Островскаго Мартыновъ игралъ второстепенныя роли: Маломальскаго («Не въ свои сани не садись»), Еремку («Не такъ живи, какъ хочется»), Коршунова («Бѣдность не порокъ»), а изъ болѣе отвѣтственныхъ—Беневоленскаго («Бѣдная невѣста»). Первою ролью Мартынова, показавшею всю обширность и силу его таланта, была драматическая роль Михайлы («Чужое добро въ прокъ нейдетъ» А. Потѣхина), сыгранная имъ съ поразительною художественною правдою (1855 г.). Такое же сильное впечатлѣніе произвела въ исполненіи Мартынова и роль Боярышникова («Не въ деньгахъ счастье» Чернышева), сыгранная имъ въ 1859 г. Кромѣ того, въ этотъ періодъ Мартыновъ выступилъ между прочимъ въ слѣдующихъ роляхъ: Дурнопечинъ («Ипохондрикъ»), Расплюевъ («Свадьба Кречинскаго»), Фамусовъ («Горе отъ ума»), Бальзаминовъ («Праздничный сонъ до обѣда»), Калибанъ («Буря»), Ладыжкинъ («Женихъ изъ долгового отдѣленія»), Совѣтникъ («Бригадиръ») и Мошкинъ («Холостякъ»).

Переходъ Мартынова къ серьезному репертуару возбудилъ въ публикѣ необычайный интересъ. Мартыновымъ увлекались, въ его имени слышалось обаяніе имени геніальнаго артиста. Крупнѣйшіе представители литературы того времени: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Некрасовъ, Дружининъ и др., увлеченные талантомъ Мартынова, захотѣли публично выразить свое уваженіе къ его дарованію. Они устроили въ честь Мартынова обѣдъ, сопровождавшійся рѣчами, стихами и тостами со стороны литераторовъ и несвязными словами благодарности со стороны всегда застѣнчиваго, а теперь и совсѣмъ смущеннаго артиста. Въ стихотвореніи, посвященномъ этому чествованію, Некрасовъ говоритъ:

Тутъ не было ни почестей народныхъ,
Ни громкихъ хвалъ—однимъ ты дорогъ былъ:
Свободную семью людей свободныхъ
Мартыновъ вкругъ себя въ тотъ день соединилъ.
И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать.

Взволнованный, съ сердцемъ, переполненнымъ разнообразными чувствами, возвратился домой Мартыновъ. Молча отдалъ онъ женѣ поднесенные ему альбомъ и рѣчи, бросился на диванъ—и зарыдалъ.

Слабый организмъ Мартынова не могъ уже выдерживать сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Въ то время одной ногой онъ стоялъ уже на краю могилы. Съ половины 50-хъ годовъ здоровье его страшно пошатнулось. Масса работы на сценѣ, отсутствіе довольства въ домѣ, заботы о большой семьѣ, неправильный образъ жизни и увлеченіе пріятельскими пирушками—все это подрывало его и безъ того слабую натуру, надломленную быть можетъ во времена еще нужды. Въ 1858 и 1859 гг., лѣтомъ, Мартыновъ ѣздилъ лечиться за-границу, былъ въ Италіи, пилъ воды въ Эмсѣ, но возстановить здоровье было уже трудно. Чахотка дѣлала свое дѣло, да и нужно было бы бросить сцену, вести спокойную жизнь. Но развѣ можно было это сдѣлать, когда сцена для Мартынова была все — и личное счастье, и обезпеченіе семьи. Мартыновъ продолжалъ играть и имѣлъ еще настолько силъ, чтобы создать двѣ крупныя драматическія роли. Первою была роль Тихона Кабанова въ «Грозѣ» Островскаго, въ которой онъ заставлялъ публику плакать въ сценѣ послѣдняго акта. Второю, взятою имъ для бенефиса, въ началѣ 1860 г., была роль Трубина въ драмѣ Чернышева «Отецъ семейства». Въ этой роли уже совершенно не было комическаго элемента. Типъ деспота, нарисованный мрачными красками, могъ возбудить въ зрителяхъ лишь ужасъ, — и Мартыновъ явился высокимъ художникомъ въ разработкѣ и исполненіи этого характера.

Это былъ послѣдній бенефисъ и послѣдняя новая роль Мартынова. Весною, сыгравши на прощанье съ петербургской публикой роль Тихона Кабанова, Мартыновъ отправился на югъ, въ Крымъ, поправлять здоровье и давать спектакли. По пути Мартыновъ заѣхалъ въ Москву, чтобы сыграть нѣсколько ролей. Здѣсь его всегда восторженно встрѣчали. Предчувствіе смерти уже закрадывалось въ его душу. Изъ Москвы его вдругъ неудержимо потянуло въ Петербургъ—взглянуть еще разъ на семью. Въ трехдневный промежутокъ между спектаклями онъ съѣздилъ домой и на вѣки простился съ женой и дѣтьми.

Въ Крымъ Мартыновъ поѣхалъ вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ. По пути въ Одессу они заѣхали въ Воронежъ, гдѣ Мартыновъ сыгралъ три большихъ и утомительныхъ спектакля. Въ Одессѣ, гдѣ онъ тоже игралъ, стояла страшная жара, совершенно разслабившая больного. Поѣхали въ Ялту, но и здѣсь Мартыновъ не чув-

ствовалъ облегченія. Кашель усиливался все больше и больше. Томимый ожиданіемъ близкой смерти, больной пожелалъ скорѣе ѣхать домой. Изъ Одессы отправились 2 августа. Островскій все время сопровождалъ Мартынова. Подъѣзжая къ Харькову, больной говорилъ: «я умру въ Харьковѣ». Тутъ именно и суждено было совершиться печальному событію. Далеко отъ любимой семьи, среди которой онъ хотѣлъ умереть, Мартыновъ, въ присутствіи Островскаго, тихо скончался 16 августа 1860 года. Съ большою торжественностью проводили прахъ покойнаго въ Харьковѣ и Москвѣ. 13 сентября тысячи публики принимали участіе въ печальной процессіи въ Петербургѣ. Стеченіе народа оказалось небывалое. Погребальную колесницу везла публика, шествіе тянулось 5 часовъ, толпы народа стояли по улицамъ...

Могила Мартынова находится на Смоленскомъ кладбищѣ.

Всѣ любящіе театръ, все образованное общество искренно скорбѣли о ранней и тяжелой потерѣ для русской сцены Мартынова. Послѣ того необыкновеннаго успѣха, который сопровождалъ игру его въ послѣдніе годы въ драматическихъ роляхъ, какихъ созданій еще можно было ожидать отъ его таланта... Онъ умеръ, едва наступили зрѣлые годы и его дарованіе начало выражаться такъ ярко и такъ сильно. Въ эти годы Щепкинъ лишь начиналъ свою блестящую дѣятельность на московской сценѣ.

Сравненіе между двумя комиками вызывается невольно. Нѣкоторые считаютъ талантъ Мартынова равнымъ или даже превосходившимъ талантъ Щепкина. Но условія, при которыхъ развивались оба таланта, и результаты дѣятельности обоихъ комиковъ слишкомъ различны. Въ натурѣ Щепкина отъ природы было заложено животворное начало—стремленіе къ труду, къ самоусовершенствованію, къ развитію себя и своихъ дарованій. Это, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вывело его на широкій путь.

Не такъ было съ Мартыновымъ. Много лѣтъ потрачено было имъ безплодно и безвозвратно въ школѣ, и притомъ въ возрастѣ особенно дорогомъ для умственнаго развитія. Тамъ не только нельзя было получить никакого образованія, но нельзя и негдѣ было дѣлать наблюденій надъ людьми и жизнью. Самостоятельнаго же стремленія къ работѣ надъ собой Мартынову не было дано; поэтому по своему интеллектуальному развитію Мартыновъ стоялъ гораздо ниже Щепкина. Выйдя изъ школы, Мартыновъ сразу попадаетъ въ сферу водевильнаго творчества. Но и Щепкинъ шелъ по водевильной дорогѣ. Однако мы знаемъ, что мысль быть «вѣчнымъ дядей» изъ водевиля не давала ему покоя, онъ болѣлъ ду-

шою за свое прозябаніе и жаждалъ настоящей работой. Тяготили водевили и Мартынова, но онъ не дѣлалъ попытокъ стать выше этого репертуара. Онъ плыветъ по теченію и свыкается съ нимъ настолько, что даже сначала болѣе или менѣе равнодушно смотритъ на новое направленіе,—художественно-реальное, бытовое. И лишь потомъ геній озаряетъ его, даетъ ему силу на высокое творчество и обновляетъ его художественную жизнь. Но тутъ приходитъ смерть.

И по натурѣ своей Мартыновъ не могъ быть борцомъ противъ укоренившихся теченій, новаторомъ. Мартыновъ обладалъ нервною и нѣжною организаціею. Скромный, застѣнчивый, онъ былъ всегда недовѣрчивъ къ своимъ артистическимъ силамъ. Въ общемъ это былъ симпатичный человѣкъ, кроткій, впечатлительный, съ доброй душой и слабой волей, не любившій похвалъ и самохвальства и сознавшій свои недостатки.

Мартыновъ игралъ самыя разнообразныя роли и изображаемыя имъ лица всѣхъ званій, возрастовъ, состояній и проч. были всегда живыми людьми. Неподдѣльная простота, чувство, оригинальность, веселость били ключемъ, какъ бы ни была ничтожна роль. Но самое главное въ его игрѣ это было — творчество, благодаря которому незначительные водевильные герои становились типами и характерами, а грубая карикатура получала значеніе благородной сатиры. Когда пришлось наконецъ Мартынову, въ послѣдніе годы жизни, выступить въ серьезныхъ драматическихъ роляхъ бытового репертуара, то это творчество получило высшее значеніе: оно стало геніальнымъ. Въ этихъ роляхъ Мартыновъ явился, такъ сказать, Мочаловымъ—не трагикомъ, но бытовымъ Мочаловымъ. И, судя по впечатлѣніямъ современниковъ, обаяніе игры Мочалова имѣло въ себѣ существенное сходство съ обаяніемъ игры Мартынова. Художественная простота, естественность и глубокое чувство служили основою этого обаянія и у того, и у другого. И на русской сценѣ былъ только одинъ Мочаловъ и только одинъ Мартыновъ...

—

Въ исторіи театра наблюдается одно общее явленіе: каждое новое направленіе драматургіи ведетъ за собою и особую школу сценическихъ исполнителей. Имъ выпадаетъ доля — изображать совершенно новые на сценѣ типы, вводить зрителей въ психическій міръ людей, до той поры невѣдомыхъ ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ. Такъ было и при появленіи на русской сценѣ произведеній А. Н. Островскаго и другихъ писателей того же направленія. Создалась особая школа бытовыхъ актеровъ, однимъ изъ первыхъ

и самымъ выдающимся былъ Садовскій. Какъ имя Щепкина тѣсно связано съ именами Грибоѣдова и Гоголя, такъ имя Садовскаго нераздѣлимо отъ имени Островскаго.

Провъ Михайловичъ Садовскій родился 11 октября 1818 г. въ г. Ливнахъ, Орловской губерніи. Отецъ его, по фамиліи Ермиловъ, рязанскій мѣщанинъ, служилъ при откупахъ и былъ настолько зажиточенъ, что при его жизни семья существовала безбѣдно. Ребенку было 9 лѣтъ, когда умеръ отецъ, и обстоятельства семьи круто измѣнились. Нужда заглянула къ нимъ, и мать отдала маленькаго Прова на воспитаніе къ своему брату, провинціальному актеру Садовскому. Съ тѣхъ поръ Провъ не разставался съ театромъ, кочевалъ по провинціи вмѣстѣ съ труппами актеровъ и впослѣдствіи принялъ для сцены фамилію своего дяди. Мальчикъ постоянно бывалъ въ театрѣ, переписывалъ ноты и пьесы и постепенно свыкался съ жизнью провинціальнаго актера. Какова была вообще эта жизнь, мы отчасти уже разсказали въ біографіи Щепкина. Съ самаго дѣтства Садовскій окунулся въ этотъ бытъ и перенесъ всѣ его мытарства и невзгоды.

Оставшись послѣ смерти дяди 13-ти лѣтъ, Садовскій былъ взятъ другимъ дядей, жившимъ въ Тулѣ, и отданъ обучаться къ архитектору. Этотъ дядя былъ тоже актеръ. Садовскому, прожившему закулисною жизнью четыре года, было уже трудно пристроиться къ другому дѣлу. И вотъ, въ одну изъ отлучекъ дяди изъ Тулы, онъ поступилъ въ мѣстную труппу и дебютировалъ въ водевильной роли. Тогда ему было всего лишь 14 лѣтъ. Юноша съ самаго начала оказался для труппы полезнымъ работникомъ, переигралъ въ первый годъ около 15 ролей и множество ихъ переписалъ. За всѣ эти старанія антрепренеръ отблагодарилъ его *цѣлковымъ рублемъ*.

Начало артистической карьеры было сдѣлано. Садовскій могъ считать теперь себя настоящимъ актеромъ и искать лучшаго ангажемента. Вмѣстѣ съ дядей они отправились въ Калугу; на слѣдующій сезонъ Садовскій поѣхалъ въ Рязань, потомъ — въ Елецъ, Лебедянь, Воронежъ и т. д. За 7 лѣтъ, втеченіи которыхъ Садовскій скитался по провинціи, онъ натерпѣлся много всякаго горя и нужды. Даже сдѣлавшись замѣтною силой среди провинціальныхъ актеровъ, онъ получалъ всего лишь 15 рублей асс. въ мѣсяцъ жалованья, а случалось, при плохихъ дѣлахъ, и этого не было. Но провинціальная дѣятельность имѣла для Садовскаго то значеніе, что на сценѣ онъ проходилъ практическую школу игры, а внѣ сцены могъ много наблюдать, и это потомъ ему пригоди-

лось. Успѣхъ онъ пріобрѣлъ настолько быстро, что года черезъ 3-4 послѣ перваго дебюта публика его любила и радушно принимала.

Въ 1838 г. Садовскій игралъ въ Казани, когда туда пріѣхалъ на гастроли Щепкинъ. Знаменитому комику не надо было особенно долго наблюдать, чтобы замѣтить въ юномъ актерѣ задатки большого, самобытнаго таланта. Онъ обратилъ на него особенное вниманіе, поощрялъ его къ артистическому труду и первый заронилъ въ него мысль—поѣхать въ Москву и попробовать свои силы на Императорскомъ театрѣ. Скоро и на самомъ дѣлѣ мысль эта осуществилась, и Садовскій явился въ Москву. Но въ эту поѣздку ему не удалось поступить на казенную сцену. Во второй разъ Садовскій пріѣхалъ въ Москву въ слѣдующемъ году и добился дебюта великимъ постомъ на сценѣ театральнаго училища, въ водевилѣ «Любовное зелье», въ роли Жапо Бижу. Начальству дебютъ понравился, и съ 6-го апрѣля 1839 г. Садовскій былъ принятъ на службу «артистомъ драматической труппы 3-го разряда, съ жалованьемъ по 800 руб. ассигн. въ годъ».

Первое время Садовскій выступилъ въ роляхъ простаковъ и постепенно пріобрѣталъ репутацію даровитаго артиста, а со стороны начальства получалъ поощренія. Въ 1840 г. ему прибавили жалованье: назначили 343 руб. въ годъ на серебро и изъ третьяго разряда артистовъ перечисляли во второй. Въ слѣдующемъ году въ печати (въ «Москвитянинѣ» М. П. Погодина) появился очень сочувственный отзывъ о молодомъ артистѣ. Авторъ замѣтки предрекалъ, что Садовскій сдѣлается скоро любимцемъ публики и московской знаменитостью, если будетъ работать и учиться. «Живость, простота, ловкость, говорилось далѣе, — у него такія, какія встрѣчаются рѣдко. Натуры бездна. Показывается сердечная теплота. Жаль, что онъ рѣдко виденъ на сценѣ; между актерами у насъ есть какое-то чиноначаліе». Послѣднее замѣчаніе указываетъ на то, что Садовскому приходилось, чтобы выдвинуться впередъ, бороться съ извѣстными трудностями, обусловленными закулисными нравами и обычаями: молодой талантъ долженъ былъ уступать дорогу талантамъ заслуженнымъ. Но во всякомъ случаѣ движеніе впередъ было очень замѣтное. Въ 1841 г. Садовскій, по предписанію директора театровъ, былъ перечисленъ въ первый разрядъ артистовъ съ содержаніемъ въ 485 р въ годъ, въ 1842 г.—528 руб., въ 1844 г.—700 руб., въ 1846 г.—800 руб., а съ 1844 г. получалъ сначала половинные, а затѣмъ полные бенефисы. Къ тому времени Садовскій занимаетъ уже самостоятельное положеніе въ труппѣ, тогда какъ въ пер-

вое время ему случилось дублировать Щепкина и комика-буффъ Живокини. Къ числу сыгранныхъ имъ ролей уже принадлежали тогда роли Шута въ «Королѣ Лирѣ», Замухрышкина въ «Игрокахъ», Анучкина и Подколесина—въ «Женитьбѣ». Послѣдняя роль перешла къ нему послѣ неудачнаго исполненія ея Щепкинымъ, и Садовскій оказался въ ней выше своего знаменитаго сотоварища. Для недавно вступившаго на московскую сцену молодого артиста такое сравненіе было лучшей похвалой. Въ свой первый бенефисъ (19 апрѣля 1844 г.) Садовскій поставилъ мольеровскаго «Мѣщанина-дворянина» и сыгралъ главную роль Журденя. На этотъ разъ онъ не могъ замѣнить Щепкина, прекрасно игравшаго Журденя, и лишь въ позднѣйшее время выработалъ изъ этого типа живое лицо. Къ тому времени относится исполненіе Садовскимъ мольеровскихъ ролей: Аргапа въ «Мнимомъ больномъ» и Сганареля («Le mariage forcé»), Скалозуба и Осипа.

Въ концѣ 40-хъ годовъ Садовскій близко подружился съ А. Н. Островскимъ, принадлежавшимъ тогда къ кружку молодой редакціи «Москвитянина». Членами этого кружка, кромѣ Островскаго, были Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Алмазовъ, Эдельсонъ и др. Направленіе кружка было русское, съ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Садовскій часто бывалъ въ этомъ кружкѣ и проникался его воззрѣніями. Отчасти это отразилось въ горячей привязанности Садовскаго къ бытовымъ ролямъ репертуара Островскаго.

Первыя пьесы начинающаго драматурга («Свои люди сочтемся» и «Бѣдная невѣста») произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на Садовскаго. Но желаніе его выступить въ новомъ репертуарѣ пока оказалось невыполнимымъ: пьесы были запрещены театральной цензурой къ постановкѣ на сценѣ. Вмѣстѣ съ авторомъ это было ударомъ и для Садовскаго. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы воспроизводить новые типы, знакомые ему съ дѣтства и по наблюденіямъ въ провинціи и въ Москвѣ. Развернувшійся талантъ артиста требовалъ работы, а удовлетворять эту потребность приходилось исполненіемъ большей частью водевильныхъ ролей. Это обстоятельство, а можетъ быть настоянія друзей-литераторовъ побудили Садовскаго потребовать сыграть драматическую роль. Для своего бенефиса (1851 г.) онъ выбралъ «Короля Лира» и сыгралъ заглавную роль. Попытка эта возбудила общій интересъ, но кончилась полной неудачей. Наконецъ наступило время, когда Садовскій попалъ въ свою колею, изъ которой уже не выходилъ во всѣ остальныя 20 лѣтъ своей дѣятельности. Въ 1853 г. была поставлена комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись». Садовскій игралъ роль

Русакова, начавъ ею изображеніе длиннаго ряда бытовыхъ типовъ въ комедіяхъ Островскаго, Потѣхина, Писемскаго, Тургенева, Чаева, Турбина, Боборыкина и др. Въ томъ же году онъ сыгралъ Беневоленскаго въ «Бѣдной невѣстѣ»,—Смурова въ «Утрѣ молодого человѣка», а въ 1854 г.—Любима Торцова въ «Бѣдность не порокъ». За этими пьесами слѣдовали другія произведенія Островскаго, и почти въ каждомъ изъ нихъ у Садовскаго была роль. Изъ репертуара Островскаго Садовскій сыгралъ около 30-ти ролей; главными изъ нихъ, кромѣ названныхъ выше, были: Подхалюзинъ и Большовъ («Свои люди сочтемся»), Брусковъ («Въ чужомъ пиру похмѣлье» и «Тяжелые дни»), Юсовъ («Доходное мѣсто»), Дикой («Гроза»), Красновъ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»), Козьма Мининъ, Безсудный («На бойкомъ мѣстѣ»), Мамаевъ («На всякаго мудреца довольно простоты») и др.

Явившись превосходнымъ исполнителемъ ролей бытового репертуара, Садовскій въ то же время доказалъ, что и драматизмъ свойственъ его таланту. Такія роли, какъ Красновъ или Ананій («Горькая Судьбина»), требовали сильнаго драматическаго дарованія. Фамусовъ и Городничій не удались Садовскому.

Вопреки обычаю столичныхъ артистовъ, Садовскій не ѣздилъ въ провинцію на гастроли. Въ Петербургѣ онъ игралъ въ 1857 г. и имѣлъ огромный успѣхъ, а затѣмъ—въ 1870 — 71 г. Матеріальное положеніе Садовскаго улучшилось съ теченіемъ времени, такъ что онъ оставилъ послѣ себя состояніе. Прибавки ему были почти ежегодныя, хотя только въ 1856 г. онъ получилъ полный окладъ жалованья—1143 руб. въ годъ. Сюда еще надо причитать разовую плату, которая въ 1861 г. равнялась 35 руб. за спектакль, полубенефисъ и полный пенсіонъ за 20 лѣтъ службы. Въ 1870 г. поспектакльныя были увеличены до 45 руб., а взамѣнъ полнаго бенефиса назначено 2000 руб.

Современники характеризуютъ Садовскаго, какъ человѣка простодушнаго, добраго и чистаго сердца, но не особенно сообщительнаго, замкнутаго и флегматичнаго. Оживлялся онъ среди своихъ друзей, гдѣ чувствовалъ себя свободно, и былъ совершенно неузнаваемъ—сумраченъ, неловокъ, сердитъ, когда случалось быть въ большомъ, свѣтскомъ обществѣ. Садовскій славился своими бытовыми разсказами, которые мастерски передавалъ. Записанныхъ изъ его разсказовъ оставалось очень мало.

Съ половины 60-хъ годовъ Садовскій, по наблюденіямъ современниковъ, какъ-то опустился, сталъ какъ бы небрежнѣе относиться къ своему дѣлу, и если ему доставалась новая роль, онъ рѣдко

зналъ ее твердо, чего прежде съ нимъ не случалось. Причиной этого было ослабленіе памяти и начинавшійся общій упадокъ силъ, а отчасти, можно думать, и привычка играть роли легко достававшагося ему бытового репертуара, не требовавшаго усиленнаго труда. Много времени отнималъ у него и открытый въ Москвѣ Артистическій кружокъ, устройству котораго онъ очень сочувствовалъ.

Въ послѣдній годъ жизни здоровье Садовскаго замѣтно ослабѣло. Послѣдній разъ онъ игралъ 23 мая (роль купца Восьмибратова въ комедіи Островскаго «Лѣсъ»), а 16 іюля 1872 года Садовскаго не стало. Могила его—на Пятницкомъ кладбищѣ. Надъ нею чугунный безъ всякой надписи крестъ, а самая могила представляетъ картину начинающагося уже забвенія и запустѣнія. Имя Садовскаго встрѣчается и теперь еще въ афишахъ московскаго драматическаго театра въ лицѣ сына покойнаго артиста, поступившаго на казенную сцену еще при жизни отца.

Чтобы охарактеризовать талантъ Садовскаго, мы напомнимъ отзывъ о немъ критика, данный черезъ два года послѣ поступленія его на сцену. Тогда въ немъ признавались замѣчательная живость, ловкость и простота. Послѣднее качество, въ соединеніи съ задушевностью и естественностью, было тогда еще очень рѣдко, хотя Щепкинъ и давно уже показывалъ своею игрою примѣръ художественнаго реализма. У Садовскаго эти качества были вполнѣ самобытны, съ ними онъ явился изъ провинціи. Черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго отзыва критика опредѣлила талантъ Садовскаго, какъ комика въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Въ Садовскомъ, по мнѣнію критики, соединились всѣ особенности комическаго таланта: веселость, умѣнье живо схватывать и бойко передавать смѣшныя особенности людей различнаго званія, способность передавать комическія черты характера, когда самый изображаемый характеръ не сложенъ, когда въ немъ господствуетъ одна какая нибудь страсть—будь то скупость, трусость, лицемѣріе. Ему прежде всего являлся внутренній образъ изображаемаго лица, его психическія особенности, а къ этому уже присоединялась мастерская отдѣлка внѣшняго обличья. Внѣшняя отдѣлка, особенно бытовыхъ ролей, жестъ и мимика были верхомъ возможнаго совершенства. Удивительное самообладаніе, необычайное спокойствіе исполненія придавали особенную пластичность и законченность образамъ, созданнымъ Садовскимъ. Въ общемъ игра Садовскаго поражала замѣчательною цѣльностью и жизненностью.

Хотя Садовскій переигралъ массу ролей разнообразнаго характера, но настоящее свое призваніе онъ нашелъ въ исполненіи

бытовыхъ типовъ Островскаго. Будучи и сами по себѣ—одинъ замѣчательнымъ писателемъ, другой замѣчательнымъ актеромъ, Островскій и Садовскій еще сильнѣе взаимно выдвинули другъ друга въ ряды замѣчательныхъ дѣятелей, обрисовывая въ комедіи и воплощая на сценѣ типы живой русской дѣйствительности въ то время, когда съ особенною яркостью стало проявляться стремленіе изучать свою родную жизнь, свою плоть и кровь. Островскій и Садовскій были друзьями при жизни,—имена ихъ будутъ тѣсно связаны и въ исторіи русской литературы и русской сцены.

Заключеніе.

Условія артистической дѣятельности каждаго актера таковы, что послѣ того, какъ онъ сходитъ со сцены, не остается вещественныхъ слѣдовъ, которыми характеризовалась бы эта дѣятельность и опредѣлялось бы ея значеніе въ постепенномъ ходѣ общественнаго развитія. Отсюда не вытекаетъ однако, что искусство актера вноситъ свою частицу въ общую культуру лишь при непосредственномъ воздѣйствіи его на зрителей. Въ міровомъ круговоротѣ физическихъ и нравственныхъ явленій ничто не исчезаетъ безслѣдно. Нравственные результаты дѣятельности актера вполнѣ подчиняются этому закону.

Театръ, какъ воспитательное учрежденіе, просвѣщаетъ массу, а актеръ является главнымъ исполнителемъ задачъ и цѣлей театральнаго искусства. Это даетъ ему право стоять въ рядахъ учителей народа,—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,— и въ качествѣ таковыхъ бросать на почву общественнаго развитія сѣмена, рано или поздно созрѣвающія и приносящія свой плодъ. Чѣмъ талантливѣе актеръ, чѣмъ обширнѣе была его дѣятельность, тѣмъ обильнѣе плоды.

Такое общее значеніе имѣетъ и артистическая дѣятельность знаменитыхъ актеровъ, о которыхъ мы разсказали. Но помимо этого у каждаго изъ нихъ есть свои заслуги, и дѣятельность каждаго изъ нихъ имѣетъ свое значеніе въ развитіи сценическаго искусства и въ исторіи русскаго театра. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ между ними *Щепкинъ*.

Русскій театръ, созданный Волковымъ по иноземнымъ образцамъ, былъ въ началѣ чуждъ изображенію русскихъ людей и русской жизни. Произведенія русской драматургіи были переводами и подражаніями иностраннымъ образцамъ того же рода. Русскіе актеры, по первоначальному, усвоили пріемы игры, обычной тогда

для представителей сценическаго искусства западной Европы. Соотвѣтственно ложно-классическому направленію драматургіи, и игра актеровъ была неестественной, напыщенной, лишенной простоты и жизненной правды.

Ростъ и развитіе русскаго театра совершались быстро. Уже въ первыя десятилѣтія замѣчаются въ драматургіи и сценическомъ искусствѣ нарождающіеся признаки того направленія, которое впослѣдствіи стало сущностью русской литературы и русскаго искусства. Ростки, пущенные этими отдѣльными попытками, такъ быстро окрѣпли, что во второмъ полустолѣтіи русскаго театра новое направленіе, развивавшееся изъ нихъ, перейдя посредствующія ступени, стало господствующимъ и навсегда присущимъ русскому искусству и драматургіи, какъ художественный принципъ. Изображеніе въ художественныхъ произведеніяхъ дѣйствительности, то-есть русской жизни и быта, и проявленій народнаго духа создало реальное, или, другими словами, русское направленіе. Во главѣ его въ литературѣ стали Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и Гоголь, въ музыкѣ—Глинка, а въ сценическомъ искусствѣ—Щепкинъ. Одно уже сопоставленіе этихъ именъ дастъ относительное понятіе о заслугахъ Щепкина передъ русскимъ театромъ.

Читатели знаютъ, какъ выработалось въ Щепкинѣ сознаніе необходимости новаго пути въ искусствѣ актера, какъ оно укоренилось подъ вліяніемъ игры кн. Мещерскаго и актера Павлова. На долю Щепкина выпало утвердить на русской сценѣ художественный реализмъ, правду, естественность. На московскую сцену онъ явился уже убѣжденнымъ представителемъ новаго направленія и 40-лѣтнею дѣятельностью создалъ и упрочилъ новую школу русскаго сценическаго искусства.

«Школа» Щепкина вся была—въ практикѣ. Онъ самъ не получилъ никакой теоретической подготовки къ сценѣ и не оставилъ никакой теоріи своимъ послѣдователямъ. Необходимость теоріи сценическаго искусства онъ сознавалъ, но составить эту теорію такъ и осталось его мечтой. Живой примѣръ и непосредственныя наставленія создали учениковъ Щепкину. Втеченіи 40 лѣтъ, играя на московской, петербургской и провинціальныхъ сценахъ, Щепкинъ на глазахъ сотень актеровъ проводилъ свои взгляды на искусство—и въ самой игрѣ, и въ отношеніи своемъ къ артистическому дѣлу. Естественность и художественная правда на сценѣ и добросовѣстный, неутомимый трудъ—внѣ сцены—двѣ основы дѣятельности Щепкина, въ которыхъ актеры почерпали для себя уроки. Въ театральной школѣ, гдѣ впрочемъ

Щепкинъ преподавалъ недолго практику сцены, ученики еще ближе знакомились съ его воззрѣніями.

Вліяніе Щепкина въ театральномъ мірѣ, его нравственная и артистическая авторитетность были настолько велики, непосредственное обаяніе игры на столько сильно, что современные ему представители сцены не могли остаться внѣ усвоенія его художественныхъ принциповъ. Но и среди послѣдующихъ дѣятелей, не заставшихъ Щепкина въ живыхъ, коренятся и будутъ преемственно передаваться, какъ традиціи, эти взгляды, сдѣлавшіеся теперь уже основами сценическаго искусства.

Воззрѣнія Щепкина на задачи сценическаго искусства опредѣлились раньше, чѣмъ въ русской драматургіи появились произведенія Грибоѣдова и Гоголя. Комедіи этихъ писателей нашли въ Щепкинѣ того исполнителя на сценѣ, который могъ придать пьесамъ блескъ и силу, разъяснить публикѣ смыслъ ихъ своею игрой и тѣмъ самымъ неразрывно связать свое имя съ именами создателей русской комедіи. Отношенія къ одному изъ нихъ, къ Гоголю, не ограничились отношеніемъ актера къ драматургу,— они шли значительно дальше. Щепкинъ имѣлъ извѣстное вліяніе на творчество Гоголя, не только разсказывая ему свои многолѣтнія наблюденія надъ жизнью, но и принимая участіе въ разработкѣ этого матеріала, какъ это было напримѣръ съ «Женитьбой». Писательская дѣятельность самого Щепкина ограничилась записками изъ его жизни. Къ сожалѣнію, и эти записки, живо, просто написанныя, представляютъ лишь нѣсколько отрывковъ.

Положеніе, которое Щепкинъ занималъ среди писателей, ученыхъ и всего образованнаго общества, было исключительнымъ. Оно возвышало званіе актера и въ общество людей науки и литературы вводило элементъ искусства въ лицѣ его геніальнаго представителя. Щепкинъ оказалъ громадную услугу русскому актеру, убѣдивъ общество, что и актеръ можетъ занять высокое, въ нравственномъ смыслѣ, общественное положеніе. «И лицедѣи— люди», говорилъ Щепкинъ, и своей жизнью и дѣятельностью доказалъ, что лицедѣи не только люди, но что изъ ихъ среды могутъ выходить и замѣчательнѣйшіе общественные дѣятели.

Мочаловъ, самостоятельно пошедшій, по свойству своего таланта, тѣмъ же путемъ въ комедіи и драмѣ, какимъ шелъ Щепкинъ въ комедіи, не оставилъ однако такого богатаго наслѣдства, какъ послѣдній. Въ немъ геніальный талантъ не поддерживался и не развивался трудомъ. Положительные результаты его дѣятельности ограничились непосредственнымъ вліяніемъ его игры

на современныхъ зрителей въ моменты высокохудожественнаго наслажденія, разсказы о которыхъ отъ современниковъ Мочалова передаются къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Но въ то же время онъ показалъ, чѣмъ не долженъ быть дѣятель на поприщѣ искусства, чтобы даже и геніальный талантъ не достигъ полнаго расцвѣта.

Каратыгинъ, напротивъ, доказалъ, что и безъ генія, но развивая и поддерживая свое дарованіе трудомъ и образованіемъ, представитель искусства можетъ быть замѣчательнымъ дѣятелемъ.

Въ *Мартыновѣ* мы видимъ талантъ, способный на геніальное творчество, но, въ силу пренебреженія его развитіемъ, поздно себя проявляющій. Мартыновъ—представитель того же направленія, какъ и Щепкинъ,—въ концѣ своей дѣятельности, прерванной ранней смертью, является представителемъ новой отрасли этого направленія въ драматургіи—бытовой. Нѣсколько ролей изъ этого репертуара, сыгранныхъ имъ въ послѣдніе годы жизни, показали, что онъ могъ быть такимъ же геніальнымъ изобразителемъ новыхъ типовъ, какъ Щепкинъ—типовъ Гоголя и Грибоѣдова.

Въ лицѣ *Садовскаго* бытовой репертуаръ нашелъ своего выразителя на сценѣ. Садовскій создалъ цѣлую художественную галлерею типовъ и характеровъ изъ той среды, которая была перенесена на сцену въ произведеніяхъ Островскаго и другихъ бытовыхъ драматурговъ. Этими произведеніями и этою дѣятельностью Садовскаго было сказано въ «щепкинскомъ періодѣ» послѣднее слово русской драматургіи и русскаго сценическаго искусства.

«Щепкинскій періодъ», считая его съ перваго десятилѣтія и до конца 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, ознаменовался расцвѣтомъ русской драматургіи и появленіемъ на сценѣ многихъ талантливыхъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было время окончательнаго укрѣпленія на русской сценѣ художественнаго реализма. Театръ, основанный по образцу иноземныхъ, пошелъ впереди послѣднихъ въ смыслѣ пониманія задачъ искусства и исканія художественной правды. Въ этомъ значеніе щепкинскаго періода, а въ достигнутыхъ результатахъ – залогъ той свѣтлой будущности, когда русскій театръ станетъ народнымъ достояніемъ.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *Н. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединнена.* Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединнена.* Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Съ многими рис. Ц 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц 1 р
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис Ц. 60 к.
Который часъ? *Н. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц 40 к.
Записки желудка. Перев. съ 10 англ изд Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена.* Ц 1 р
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц 1 р.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р 75 к Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц 1 р 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис Ц. 1 р 75 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис) Ц 30 к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд Съ 100 рис Ц 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц. 1 р 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис Ц. 2 р. 50 к
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *К. Маневрье.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат свѣдѣніями о воздуш звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки.* Перев съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для практ. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис 2-е изд. Ц 2 р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц Ц. 1 р 50 к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тиссандье.* Съ 34 рисун Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис Бар. *Н. Корфа.* Ц 10 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис 2-е изд Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства *А Болотовскаго* Ц 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Клима.* Пер *Н. Корфа.* Ц 75 к.
Гигіена семьи. *Гебера.* Ц 50 к
Гигіена женщины. *Ж. Тило.* Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ.

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ**, Бальзакъ. Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Бевонъ, Беранже**, Клодъ-Бернаръ, **Берне. Бетховенъ**, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ**, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи**, Вирховъ, Вольтеръ. Гайднъ, **Галилей**, Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ**, Гогартъ, Гракхи. **Григорій VII. А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггерръ и Ніэпсъ. Даламберъ, Дантъ. Дарвинъ**, Декартъ, **Дефо, Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна, Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ. Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ**, Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйелль, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ**, Лессепсъ, **Лессингъ**, Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ**, Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, **Маколей, Мейерберъ**, Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль**, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ**, Мольтке, **Монтескье, Т. Моръ, Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I. **Ньютонъ**, Оуэнъ, Парнель, **Паскаль**, Пастеръ, **Песталоцци**, Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль**, Рембрандтъ. Рикардо, **Ришелье**, Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Сакіа Муни (Будда), Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли, Стефенсонъ и Фультонъ, Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли**. Цицеронъ, и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ** и **Морзе, Дж. Эліотъ**, Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ** и др.

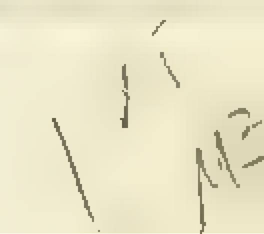
РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, **Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ**, Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ, Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ**, Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ Достоевскій**, Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, Канкринъ**, Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ**. Менделѣевъ, Мешниковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ. Новиковъ**, Островскій Перовъ, Петръ Великій, **Пироговъ**, Писемскій. Писаревъ, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій, Струве**. Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ Визинъ, Щепкинъ**, А. Н. Энгельгардтъ, Ѳедотовъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 іюля 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

Дозволено цензурою, С. Петербургъ, 10 іюля 1893 года.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. Г. ПЕРОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Дитерихса

Съ портретомъ Перова и 8-ю снимками съ его произведеній

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Бол. Подъяческая, 39.

1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцова.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами.* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— 1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *П. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназіи и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 руб.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—5 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэръ.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городскаго и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *Н. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Доминъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ много. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

В. Г. Перовъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

В. Г. ПЕРОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Дитерихса.

Съ портретомъ Перова и 8-ю снимками съ его произведеній.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Декабря 1892 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главнѣйшие источники и пособія.

1) *Н. П. Собко.* „Василій Григорьевичъ Перовъ, его жизнь и произведенія“. 60 фототипій съ его картинъ. Изданіе Ровинскаго. Спб. 1892 г.

2) *Его-же* „В. Г. Перовъ“. Статья въ журналѣ „Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“. 1883 г.

3) *Стасовъ.* „Двадцатипятилѣтіе Русскаго искусства“. „Вѣстникъ Европы“. 1882 г.

4) *Его-же.* „Тормазы Русскаго искусства“. „Вѣстн. Европы“. 1883 г.

5) *Его-же.* „Перовъ и Мусоргскій“. „Русская Старина“. 1883 г. „Крамской его жизнь и переписка“.

6) *В. Г. Перовъ.* „Наши учителя“.
„Фанни подъ № 30“.
„Генералъ Сафоновъ“.
„Подъ Крестомъ“.
„Медов. праздн. въ Москвѣ“.
} „Художественный Журналъ“. 1881, 82 и 83 гг.
„Тетушка Марья“. Журналъ „Пчела“.

Эпоха конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, имѣла огромное вліяніе на нашу общественную жизнь, на развитіе общественныхъ элементовъ. Начатая правительствомъ коренная реформа всего строя тогдашней русской жизни не замедлила отразиться на разнообразныхъ ея частяхъ. Наше общество само привлекло себя къ колоссальной работѣ, выдѣливъ для этого изъ своей среды людей наиболѣе способныхъ и чуткихъ.

Еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ появилась цѣлая группа людей, занятыхъ народными вопросами, изученіемъ русской жизни и собираніемъ матеріаловъ для этого. Пѣсни, поговорки, сказки, всевозможные предметы старины собирались, издавались и коллекціонировались. Нельзя сказать, чтобы эти труды были полны; они страдали въ большинствѣ случаевъ отсутствіемъ систематичности и какихъ либо обобщеній и выводовъ; въ этомъ впрочемъ были виноваты самыя условія тогдашней жизни.

Въ литературѣ за это же время все болѣе и болѣе прививалось сознаніе необходимости узнать и описать русскую жизнь такою, какою она есть, безъ прикрасъ и преувеличеній.

За Пушкинымъ и Гоголемъ потянулась цѣлая плеяда высокодаровитыхъ художниковъ, взявшихъ въ своихъ произведеніяхъ глубоко-правдивую народную ноту, которая чрезвычайно вѣрно отозвалась во всей тогдашней интеллигенціи. Почва была, значитъ, на столько готова, что оставалось только сѣять и пожинать. Вкусы публики замѣтно стали мѣняться, поддаваясь вліянію вѣрно и талантливо очерченныхъ типовъ и сценъ русской дѣйствительности.

Въ жизни каждаго общества бываютъ моменты, когда наступаетъ пора мѣнять свои идеалы и стремленія.

Двигателями его на этомъ пути бываютъ отдѣльныя личности, въ которыхъ какъ бы совмѣщается все, выработанное прошлымъ народнымъ опытомъ, вмѣстѣ съ прозрѣніемъ новыхъ путей и идеа-

ловъ. Въ исторіи есть не мало подобныхъ примѣровъ, когда усиліями одного или нѣсколькихъ лицъ преобразовывалась духовная и умственная жизнь цѣлаго народа. Довольно вспомнить эпоху гуманизма на западѣ, эпоху возрожденія, чтобы понять то значеніе, какое иногда имѣетъ появленіе сильнаго, могучаго ума, воодушевленнаго лучшими стремленіями. Нѣчто подобное мы видимъ и въ исторіи русскаго искусства. Съ появленіемъ Ѳедотова былъ подписанъ смертный приговоръ старому направленію. Но Ѳедотовъ, если можно такъ выразиться, былъ безсознательнымъ проводникомъ новыхъ идей и стремленій, впервые тогда появившихся среди нашего общества. Не смотря на всю свою талантливость, онъ или не ясно, или совсѣмъ не сознавалъ значенія своихъ произведеній и не вдумывался въ причину успѣха ихъ среди публики; не подозрѣвалъ, что его дѣятельность есть отраженіе народившихся новыхъ стремленій и идеаловъ общества, уставшаго довольствоваться старой стряпней и требовавшаго свѣжей пищи для ума.

Онъ такъ и умеръ, не сознавая всей значительности своего подвига, но были люди, еще при жизни его понявшіе значеніе этого подвига и постаравшіеся сохранить знамя, которое онъ безсознательно носилъ.

Это знамя было знаменемъ національнаго направленія въ нашемъ искусствѣ,—направленія, которое можно назвать возрожденіемъ русскаго искусства, ибо оно совпало съ тѣмъ высокимъ, возрождающимъ подъемомъ общественной мысли, который имѣлъ мѣсто въ началѣ 60 годовъ. Къ этому времени успѣхи въ изученіи русской народности подвинули русскую историческую и общественную науку далеко впередъ и открыли широкое поле для дѣятельности научной и художественной.

Завѣты, оставленные Ѳедотовымъ въ видѣ его картинъ, были сохранены, и кто хотѣлъ идти по этому пути, тому была предоставлена полная возможность черпать сюжеты изъ неизсякаемаго источника народной жизни. Къ услугамъ такихъ лицъ была, кромѣ личныхъ впечатлѣній и наблюденій, цѣлая литература съ національнымъ направленіемъ, полная самыхъ разнообразныхъ, вѣрно подмѣченныхъ, характерныхъ типовъ и сценъ.

Живопись не замедлила воспользоваться этимъ богатымъ достояніемъ. Художественная молодежь, поголовно, только что или выскочившая изъ классовъ Академіи, или даже продолжающая тамъ свое образованіе, какъ голодная, набросилась на эту здоровую пищу.

чутьемъ почуявши, что только этотъ путь ведетъ къ истинѣ, и, не задумываясь, бросила старыя традиціи классическаго искусства.

То время представляло разительные примѣры борьбы нарождающагося національнаго направленія со старымъ, классическимъ и романтическимъ, отживающимъ свой вѣкъ въ стѣнахъ и подъ покровительствомъ Академіи. Вездѣ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только горѣла борьба, — вездѣ побѣдительницей являлось новое искусство съ его восторженными и энергическими бойцами. Бывали примѣры героическихъ поступковъ. Вспомнимъ исторію отказа отъ конкурса на большую золотую медаль 13 молодыхъ людей, почти что всѣхъ очень талантливыхъ и поэтому имѣвшихъ надежду получить ее. Отказъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что они не находятъ возможнымъ писать картину, стѣсненные несвободнымъ выборомъ сюжета, и просятъ Академію разрѣшить писать каждому на свой сюжетъ. Академія, сохраняя свои постановленія, не могла уступить имъ, а они въ свою очередь не могли и не хотѣли идти на компромиссы со сложившимися у нихъ убѣжденіями и поэтому должны были выйти изъ Академіи. Нужно знать, что большинство этихъ молодыхъ людей не имѣло почти никакихъ средствъ, и отказъ этотъ ставилъ ихъ въ очень неприглядныя условія. Немного можно найти такихъ примѣровъ, гдѣ было бы видно подобное мужество и такая стойкость въ отстаиваніи своихъ идеаловъ. Эта группа молодыхъ художниковъ составила такъ называемую «Петербургскую артель художниковъ», впослѣдствіи отчасти перешедшую въ составъ новаго Товарищества передвижныхъ выставокъ, въ качествѣ его основателей и членовъ.

Но раньше чѣмъ все это случилось, на художественное поприще выступилъ такой человѣкъ, съ именемъ котораго у насъ привыкли связывать если не начало, то во всякомъ случаѣ побѣдоносное существованіе національнаго направленія въ искусствѣ. Это лицо, воспитанное исключительно тяжелыми условіями жизни, тѣмъ не менѣе обязано было только самому себѣ громкой славой своего имени. Направленіе этого художника было болѣе чѣмъ серьезно. Онъ не увлекался дешевыми сюжетами; онъ мыслилъ глубоко, и точность его психическаго анализа была до такой степени поразительна, что никто не могъ близко подойти къ нему въ этомъ отношеніи.

Но, черпая свои сюжеты исключительно изъ національной жизни, онъ въ то же время былъ наиболѣе доступенъ общечеловѣческимъ принципамъ. Это былъ художникъ-христіанинъ въ своихъ произве-

деніяхъ и потому, какъ воспитатель, имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующее развитіе русскаго искусства.

До него наша живопись блистала полнѣйшею безличностью па европейскихъ выставкахъ, безхарактерностью, фальшью и отсутствіемъ самобытной физіономіи—вотъ чѣмъ была она. Онъ первый далъ ей направленіе и физіономію, которая ее отличаетъ отъ искусства другихъ націй. Онъ заглянулъ во всѣ уголки русской жизни и если не въ картинахъ, то въ рисункахъ и эскизахъ воспроизвелъ эту жизнь въ большинствѣ ея проявленій, сохраняя къ ней теплое и участливое отношеніе. Склонность къ «обиженнымъ и оскорбленнымъ» была характерной чертой его высокаго дарованія.

Этотъ великій борецъ за правду въ искусствѣ былъ Василій Григорьевичъ Перовъ, имя котораго будетъ всегда жить неизгладимо въ исторіи развитія русской живописи. Его жизни и художественной дѣятельности мы посвящаемъ настоящій очеркъ.

I.

Происхожденіе Перова.—Его отецъ.—Постоянные переѣзды. Первые уроки грамоты.—Дьячекъ.—Болѣзнь и первое увлеченіе искусствомъ.—Поступленіе въ школу и непригладность ея условій.—Знакомство съ Безобразовымъ и его вліяніе на развитіе Перова.—Школа рисованія Ступина.—Жизнь и работа дома.—Первая самостоятельная картина—образъ «Распятіе».—Способъ, которымъ она была написана.—Патурщикъ Иванъ.—Колебанія родителей въ выборѣ дороги для сына.—Пріѣздъ Мюнцендорфа рѣшаетъ сомнѣнія.—Отправленіе въ Москву для поступленія въ Училище Живописи и Ваянія.

Василій Григорьевичъ Перовъ былъ сыномъ барона Григорія Карловича Криденера; рожденный (1832 г.) внѣ брака, онъ не могъ пользоваться фамиліей отца и связанными съ ней преимуществами, не смотря на то, что родители его вскорѣ послѣ его рожденія повѣнчались. По бумагамъ онъ долго прозывался—Васильевымъ, по фамиліи своего крестнаго отца. Отецъ Перова, баронъ Криденеръ, считался, по своему времени, очень образованнымъ, начитаннымъ и умнымъ человѣкомъ. Характеръ его былъ очень мягкій и гуманный. Вслѣдствіе интригъ и доносовъ онъ послѣ многолѣтней службы принужденъ былъ просить о переводѣ его во внутреннія губерніи Россіи, мотивируя впрочемъ свое желаніе тѣмъ, что Сибирь съ ея климатомъ пагубно вліяетъ на его здоровье.

Первый чинъ (1860 г.).

Баронъ былъ вскорѣ переведенъ прокуроромъ въ Архангельскъ и съ этого времени для маленькаго Василія, которому тогда еще не минуло и года, началась жизнь, полная тревогъ и почти что ежегодныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто.

Криденеры тронулись изъ Тобольска 4 декабря 1834 г. въ жестокій морозъ. Нужно вспомнить все неудобство тогдашняго способа передвиженій, состояніе дорогъ, которыя впрочемъ и теперь даютъ себя знать, чтобы понять, какъ мучительно было сдѣлать подобное путешествіе, имѣя на рукахъ маленькое существо, только что оправившееся отъ трудной болѣзни.

Не смотря однако на это, а также на то, что путешествіе длилось шесть недѣль, будущій художникъ выдержалъ его великолѣпно: онъ даже поправился и окрѣпъ за это время.

Въ Архангельскѣ барону Криденеру тоже не повезло по службѣ, и менѣе чѣмъ черезъ два года онъ долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе написанныхъ имъ французскихъ стиховъ на мѣстную администрацію. Эти стихи, должно быть, не пришлись по вкусу заправиламъ города, потому что они начали всячески преслѣдовать автора; пошли въ ходъ доносы, вслѣдствіе которыхъ баронъ принужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ. Получивъ ее, онъ уѣхалъ сначала со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, а потомъ переселился въ родовое имѣніе Суслепъ, около Дерпта, къ старшему брату своему Морицу. Тутъ мать стала обучать своего первенца русской грамотѣ; ему тогда еще не было и 5 лѣтъ; не смотря на это, онъ черезъ годъ уже порядочно читалъ и зналъ наизусть нѣсколько стихотвореній.

Черезъ годъ вся семья снова двинулась въ путь, на этотъ разъ въ Самарскую губернію, къ зятю Г. К. Криденера, Д. В. Папову, женатому на его дочери отъ первой жены; черезъ полгода Криденеръ со всей семьей переселился къ другому зятю П. Н. Степанову въ его имѣніе Кольцовку. Здѣсь для мальчика настало время систематическаго ученья. Послѣ непродолжительныхъ занятій съ матерью его отдали въ ученье сначала къ священнику, а затѣмъ къ заштатному дьячку. Немного нужно было въ то время маленькому ученику для того, чтобы пріохотиться къ ученью, и такими достоинствами вполнѣ обладалъ этотъ, на первый взглядъ, невзрачный учитель: отсутствіе педантизма, способность примѣняться къ дѣтскому возрасту, веселый, шутливый нравъ, соединенный съ умомъ и начитанностью,—все это было совершенно достаточно для того, чтобы

сухая матерія славянской грамоты, чистописанія и ариѳметики съ охотой была усвоена маленькимъ Василіемъ. Въ особенности онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ каллиграфіи.

Одновременно съ нимъ у дьячка занимался другой ученикъ, сынъ крестьянина, крайне безобразный на видъ и тупой въ ученіи. Въ то время, когда будущій художникъ старательно выводилъ букву за буквой,—этотъ мальчикъ то и дѣло, что болталъ ногами. Выведенный изъ терпѣнья такимъ отношеніемъ къ дѣлу, дьячекъ какъ-то разъ разбранилъ его: «куда тебѣ писать, тебѣ только ногами болтать, и будешь ты у меня Иванъ Болтовъ, а вотъ онъ (указывая на маленькаго Василія) будетъ у меня Василій Перовъ». Эти прозвища съ легкой руки дьячка остались навсегда за его учениками, и слѣдовательно исторія русскаго искусства до нѣкоторой степени обязана его находчивости и остроумію тѣмъ, что на ея страницахъ блещетъ фамилія Перова. Занятія съ дьячкомъ продолжались 2 года, и, когда Перову исполнилось 9 лѣтъ, отецъ его, получивъ мѣсто управляющаго у Языкова, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, принужденъ былъ со всѣмъ семействомъ переѣхать туда.

Въ скоромъ времени послѣ переѣзда въ Саблуково—такъ звали имѣніе Языкова — маленькій Василій, и безъ того отличавшійся некрѣпкимъ здоровьемъ и чрезвычайно нервнымъ организмомъ, заболѣлъ натуральной оспой, слѣды которой, въ видѣ слабости зрѣнія, остались у него на всю жизнь. Мать не отходила отъ его постели, и, благодаря ея заботливому уходу, а также вниманію врача, онъ остался живъ. Съ выздоровленіемъ, не смотря на строгій запретъ, живой, нервный характеръ мальчика не замедлилъ высказаться, и Василій вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ, томясь взаперти въ одной комнатѣ, своими шалостями и продѣлками не разъ выводилъ изъ себя добрую, самоотверженную мать, такъ что когда, послѣ позволенія выйти изъ запертой комнаты, нашлось для маленькаго Василія дѣло, то всѣ вздохнули свободно.

А дѣло было такое, что оставило въ впечатлительной душѣ мальчика глубокій слѣдъ и разъ навсегда опредѣлило направленіе и вселило ему желаніе идти тѣмъ путемъ. Дѣло въ томъ, что у отца Перова былъ портретъ, на которомъ онъ былъ изображенъ вмѣстѣ съ собакой, когда-то принадлежавшей ему; Григорію Карловичу вмѣсто этой собаки хотѣлось видѣть на портретѣ другую, въ то время бывшую у него, и для этого изъ Арзамаса былъ выписанъ живописецъ, который изъ старой собаки сдѣлалъ новую. Процессъ

письма, техническіе пріемы, растираніе красокъ, все это въ высшей степени занимало мальчика и до такой степени увлекло его, что по отъѣздѣ живописца онъ самъ вооружился карандашомъ и клочкомъ бумаги и принялся рисовать, и что въ особенности удивительно, это то, что онъ началъ прямо пробовать рисовать съ натуры, пытаясь передать ту или другую человѣческую фигуру. Не мало маленькій Перовъ извелъ бумаги и карандашей, а дѣло все не клеилось, покамѣстъ мать не посовѣтовала ему, вмѣсто рисованія съ натуры, приняться копировать какую нибудь изъ имѣющихся въ домѣ картину. Принявшись за это, мальчуганъ съ увлеченіемъ отдался этой работѣ, и вскорѣ всѣ стѣны, подоконники, заборы и прочія плоскости стали украшаться его рисунками, чѣмъ онъ не разъ навлекалъ на себя неудовольствіе матери, принужденной, смотря за порядкомъ въ домѣ, уничтожать эти первые опыты будущаго реформатора русскаго искусства.

Но что матери не нравилось, — отецъ, если и не одобрялъ, то во всякомъ случаѣ снисходительно дозволялъ дѣлать, и, благодаря ему, его страстной любви къ дѣтямъ, прощавшей имъ не только такіе проступки, но и болѣе крупныя шалости, мальчикъ продолжалъ заниматься рисованіемъ, изводя бумагу, уголь, мѣлъ и карандашъ. Упоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ, Перовъ съ особенныхъ чувствомъ вспоминаетъ объ отцѣ, когда подъ его музыку (баронъ Криденеръ былъ страстный музыкантъ, игралъ на скрипкѣ и любилъ разсказывать дѣтямъ о великихъ музыкантахъ) ему приходилось во время рисованія переноситься фантазіей въ далекія страны и недоступныя небесныя выси.

Но вся эта вольная жизнь должна была кончиться съ поступленіемъ въ школу. Его отдали въ арзамасское уѣздное училище, помѣстивъ на житье къ учителю Фаворскому. Разница между тѣмъ, что́ осталось дома, гдѣ все было такъ привлекательно, и тѣмъ, что́ представилось маленькому Васѣ въ школѣ, была такъ разительна, что онъ долгое время не могъ отдѣлаться отъ печальныхъ думъ и сравненій не въ пользу новаго своего мѣстопребыванія. Если и теперь иногда слово «училище» пугаетъ маленькихъ будущихъ школьниковъ, то въ прежнее время, когда ученики отдавались родителями въ безконтрольное распоряженіе наставниковъ, слово это дѣйствительно могло наводить ужасъ на такія нервныя натуры, какъ Перовъ. Ему не разъ доставалось отъ учителей за его рѣзвый характеръ, и, по неволѣ, онъ долженъ былъ смириться, вести себя

скромно, какъ это понималось училищнымъ начальствомъ, и прилежно учиться. Онъ и здѣсь, какъ у дьячка, заявилъ себя прекраснымъ почеркомъ, а также своей способностью къ рисованію, которымъ онъ продолжалъ заниматься, кромѣ обязательныхъ уроковъ въ классѣ, еще и на свободѣ, развивая въ себѣ наблюдательность и технику; конечно большей частью эти попытки не шли дальше копированія оригиналовъ, но все же его исключительная любовь къ такому занятію и тогда уже обращала вниманіе всѣхъ, что впрочемъ не мѣшало ему успѣвать и по другимъ предметамъ, благодаря его способностямъ и въ особенности развившейся любви къ чтенію, которая въ послѣдующіе годы перешла прямо въ страсть. Этому въ особенности помогло то обстоятельство, что баронъ Криденеръ познакомился съ однимъ изъ арзамасскихъ купцовъ, М. Г. Безобразовымъ, выдѣлявшимся среди тогдашняго купечества своимъ образованіемъ и знаніемъ иностранныхъ языковъ. Библіотекой, имѣющейся у него, часто пользовался Криденеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и его сынъ, который вскорѣ заслужилъ особенную любовь Безобразова, поощрявшаго даровитаго мальчика въ его занятіяхъ рисованіемъ, а также помогавшаго ему въ выборѣ книгъ для чтенія.

Въ то время, въ половинѣ 40-хъ годовъ, въ Арзамасѣ продолжала процвѣтать школа живописи академика А. В. Ступина, основанная имъ въ 1802 г. Конечно эта школа была далеко не идеальнымъ заведеніемъ подобнаго рода, а скорѣе походила на иконописную мастерскую, содержимую хозяиномъ-живописцемъ, правда гуманнымъ и честнымъ, но во всякомъ случаѣ не стоявшимъ на высотѣ своего положенія, хотя и пользовавшимся благоволеніемъ совѣта профессоровъ Академіи.

Это благоволеніе выражалось, какъ въ матеріальной помощи деньгами и классными пособіями, такъ и въ наградахъ самому Ступину и его ученикамъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдѣлялся Алексѣевъ. Ему то главнымъ образомъ и была обязана школа болѣе или менѣе правильной постановкой преподаванія, выгодно отличавшей ее отъ подобныхъ ей мастерскихъ.

Школа принимала заказы на всякаго рода живописныя издѣлія: иконостасы, портреты, пейзажи, даже историческія картины, и конечно все это, писанное учениками, выпускалось въ свѣтъ подъ фирмой самого Ступина, хотя и онъ иногда пописывалъ иконы и даже одинъ разъ написалъ видъ Арзамаса, находящійся теперь въ Таврическомъ дворцѣ, въ Петербургѣ.

Вотъ въ эту то школу, по совѣту Безобразова, и поступилъ Перовъ, предварительно выдержавъ сильное сопротивленіе матери, желавшей отдать его въ нижегородскую гимназію и опасавшейся за своего Васю въ случаѣ поступленія его къ Ступину, такъ какъ ученики его школы вообще пользовались очень худой славой въ городѣ, какъ безобразники и пьяницы. Побѣжденная доводами сына и Безобразова, мать наконецъ согласилась, и Г. К. Криденеръ, поѣхавъ къ Ступину, уговорился въ условіяхъ насчетъ поступленія сына. Тѣмъ не менѣе Перову пришлось пробыть въ школѣ всего только три мѣсяца, такъ какъ онъ чуть было не втянулся въ жизнь учениковъ Ступина, попавъ съ ними на пирушку къ какой то модисткѣ, откуда пришелъ домой навеселѣ. Мать пришла въ ужасъ и рѣшила взять своего Васиньку изъ школы; но этотъ перерывъ въ занятіяхъ продолжался не долго, такъ какъ почти одновременно съ нимъ отцу Перова было отказано отъ мѣста управляющаго, и онъ со всей семьей перебрался въ Арзамасъ, гдѣ нанялъ квартиру противъ школы Ступина. Близкое сосѣдство, а также возможность слѣдить за поведеніемъ мальчика снова позволили ему ходить въ школу, гдѣ онъ мало по малу завоевалъ себѣ расположеніе и похвалы Ступина. Послѣдній не разъ успокаивалъ сомнѣнія матери насчетъ будущности сына: «Ты, матушка, не безпокойся: Васенька не пропадетъ—у него талантъ, изъ него выйдетъ художникъ; это я тебѣ вѣрно говорю». Но, не смотря на такіе одобрительные отзывы, молодой Перовъ долгое время не могъ получить разрѣшенія Ступина писать масляными красками и, только благодаря маленькой хитрости, добился этого разрѣшенія. Одинъ ученикъ, Ивановскій, уговорилъ В. Г. тайкомъ отъ Ступина начать копировать красками этюдъ Брюлова «Старикъ». Ступинъ имѣлъ обыкновеніе во время обѣденнаго антракта приходить въ классы разсматривать работы учениковъ. Во избѣжаніе выговоровъ за самовольное разрѣшеніе писать красками, Перовъ пряталъ во время обѣда свою копію, но какъ то разъ позабылъ это сдѣлать, и она попалась на глаза Ступину. Однако, вмѣсто ожидаемаго выговора, Перовъ получилъ похвалу и поощреніе: «Хорошо, братъ, хорошо! Ты теперь пиши красками—пора уже». Перовъ былъ внѣ себя отъ радости.

Къ этому времени отецъ его снова получилъ мѣсто управляющаго въ селѣ Піяшиномъ, у директора московскаго опекунскаго совѣта, Михайлова, куда и переѣхалъ со всѣмъ семействомъ, оставивъ Василія въ Арзамасѣ у Ступина. Передъ отъѣздомъ Перовъ

далъ слово матери не водить компаніи съ учениками Ступина и дѣйствительно до такой степени держалъ свое слово, что не разъ подвергался оскорбленіямъ отъ товарищей. Натянутость этихъ отношеній кончилась полнымъ скандаломъ: какъ то за обѣдомъ одинъ изъ учениковъ обозвалъ Перова скотиной; это настолько вывело его изъ себя, что онъ, не долго думая, пустилъ въ обидчика тарелкой съ горячей кашей; обожженный ученикъ пожаловался Ступину, а тотъ, не разобравъ дѣла какъ слѣдуетъ, обвинилъ Василія Григорьевича. Обстоятельство это заставило его немедленно бросить школу. Насколько уже тогда проявлялась самостоятельность характера въ молодомъ художникѣ, видно изъ того, что онъ не остановился передъ перспективой пройти пѣшкомъ 35 верстъ до Ніяшина, заявивъ Ступину, что онъ отъ учениковъ его не намѣренъ сносить обиды и лучше уйдетъ изъ школы, чѣмъ останется въ ней.

Мать, а съ ней и всѣ родные были очень рады и довольны такимъ рѣшеніемъ Василія Григорьевича, и съ этихъ поръ онъ сталъ дома продолжать свое художественное образованіе, чему помогали тайкомъ отъ Ступина и бывшіе его товарищи, присылая ему разные оригиналы для копированія. Но копіи его больше уже не удовлетворяли, и онъ задумалъ сдѣлать что-нибудь оригинальное. Подъ вліяніемъ-ли великопостной службы, или желая написать человѣческое тѣло,—только онъ остановился на мысли написать «Распятіе».

Изъ числа дворовыхъ Перовъ былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ однимъ юношей, Иваномъ, съ которымъ, кромѣ совмѣстныхъ охотъ, еще и дѣлился своими художественными фантазіями. Съ этимъ то Иваномъ онъ пришелъ къ заключенію, что для написанія образа нужно сдѣлать крестъ и достать натурщика. Но кто согласится позировать въ такой трудной позѣ? Послѣ долгихъ размышленій и колебаній, Иванъ берется помочь этому горю, и вотъ они вдвоемъ сооружаютъ крестъ, ввинчиваютъ въ мѣстахъ, гдѣ должны находиться руки и ноги, желѣзныя кольца и переносятъ этотъ крестъ въ гостиную, причемъ Иванъ, раздѣвшись, продѣваетъ руки въ кольца и вполнѣ отдается въ распоряженіе молодого художника. Картина пишется весь великій постъ и все это время она, а еще болѣе добровольный натурщикъ привлекаютъ всеобщее любопытство; въ особенности крестьяне сожалѣли бѣднаго Ивана и пресерьезно были увѣрены въ томъ, что Перовъ прибиваетъ его гвоздями къ кресту. На страстной недѣлѣ картина была кончена и рѣшено было пожертвовать ее въ одну изъ сельскихъ церквей.

Эта первая самостоятельная работа Перова конечно грѣшила во многихъ отношеніяхъ, въ ней было еще много неумѣлаго, какъ въ техникѣ письма, такъ въ рисункѣ и колоритѣ, но въ общемъ она представляетъ довольно удачную попытку съ несомнѣнными признаками дарованія, настолько ясно выразившагося, что дальнѣйшія колебанія со стороны родителей въ выборѣ дороги для сына не могли имѣть мѣста. Картина теперь находится въ церкви с. Николаевскаго и помѣщена тамъ въ алтарѣ, какъ запрестольный образъ.

Перову въ это время шелъ 17-й годъ. Этотъ первый успѣхъ въ самостоятельной работѣ заставилъ его еще болѣе думать о продолженіи систематическаго художественнаго образованія и добиваться отъ родителей позволенія ѣхать въ Москву, въ чемъ ему помогъ родной племянникъ его отца, П. П. Мюнцендорфъ, пріѣхавшій послѣ окончанія Дерптскаго университета погостить на лѣто въ Піяшное. Съ нимъ Василій Григорьевичъ уговорилъ мать позволить ему попытать счастья въ Москвѣ, куда вмѣстѣ съ нею и отправился, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ.

Живя съ родителями въ Піяшномъ, онъ, кромѣ рисованія, занимался чтеніемъ и особенно любилъ дѣлить свое время съ крестьянами, среди которыхъ пріобрѣлъ много друзей. Впослѣдствіи такое времяпрепровожденіе много помогло ему въ выборѣ направленія художественной дѣятельности и дало много матерьяла для созданія глубоко правдивыхъ картинъ изъ крестьянской жизни. Его охотничьи симпатіи, вылившіяся такъ ясно въ лучшихъ его созданіяхъ, уже въ то время захватывали его и заставляли безъ устали, по цѣлымъ днямъ, бродить по лѣсамъ и болотамъ.

II.

(Общая характеристика училища.—Его преподаватели: Мокрицкій, Скотти и Зарянко.—Ихъ взгляды на искусство и постоянная взаимная вражда.—Поступленіе въ Училище и жизнь у г-жи Штрейтеръ.—Московскія впечатлѣнія.—Тяжелыя условія жизни.—Отчаяніе Перова.—Его рѣшимость просить мѣсто учителя рисованія.—Перемѣна обстоятельствъ.—Егоръ Яковлевичъ Васильевъ и жизнь у него.—Характеристика Егора Яковлевича.—Малая серебряная медаль.—«Пріѣздъ станового на слѣдствіе».—«Первый чинъ».—«Проповѣдь въ селѣ».—«Крестный ходъ на Пасхѣ».—«Чаепитіе въ Мытищахъ».—«Диллетантъ».—Перовъ—пенсіонеръ Академіи.—Женитьба и отъѣздъ за-границу.

Въ то время московское училище живописи и ваянія было далеко не тѣмъ разсадникомъ реализма въ искусствѣ, какимъ оно

стало впослѣдствіи, благодаря вліянію все того же Перова. Въ немъ царствовалъ такой же духъ классицизма и условности, какой былъ и въ Петербургской Академіи; но все-же, сравнительно съ послѣдней, тамъ дышалось для юношей съ самостоятельнымъ талантомъ несравненно легче, благодаря-ли болѣе близкому знакомству съ обыденной жизнью, или менѣе строгому преслѣдованію классическихъ преданій со стороны профессоровъ училища. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ училищѣ профессорами или преподавателями были: М. И. Скотти (историческая живопись), А. Н. Мокрицкій (портретная) и М. А. Рамазановъ (скульптура). Между ними постоянно шла то глухая, то открытая борьба изъ за направленія и методовъ преподаванія. Перовъ въ своемъ разсказѣ «Наши учителя» («Худож. Ж.» 1881 г.) далъ хорошія характеристики этихъ лицъ, какъ преподавателей. Вотъ какъ онъ описываетъ Мокрицкаго:

«Ученики очень любили его слушать. Ихъ увлекали его разсказы о великихъ мастерахъ, о живописныхъ мѣстностяхъ и очаровательныхъ картинахъ. И если бы Мокрицкій не былъ обольщенъ собою, какъ хорошимъ, даже выдающимся художникомъ; если бы онъ не предлагалъ каждому своей помощи и совѣта, даже тому, кто его объ этомъ не просилъ, а также и тѣмъ, которые отъ нихъ уже по нѣсколько разъ отказывались; если бы онъ не навязывалъ также копировать своихъ плохихъ произведеній, чуть не насильно всовывая ихъ въ руки оторопѣлыхъ учениковъ, то его навѣрно бы очень любила молодежь, и онъ несомнѣнно могъ бы сдѣлать много хорошаго и принести много пользы своими живыми и воодушевленными разсказами.» О преподаваніи живописи Мокрицкій имѣлъ самыя смутныя представленія: онъ увѣрялъ, что натура—дура! «Надо изучать великихъ мастеровъ. Изучая ихъ высокія творенія, только и возможно придти къ чему нибудь разумному, сознательному и изящному. Ученикъ, прежде чѣмъ пользоваться натурой, долженъ изучить рисунокъ и живопись по образцамъ великихъ мастеровъ... Пожалуйте вотъ ко мнѣ, я вамъ покажу и дамъ рисуночки изъ «Страшнаго Суда» Микель-Анджелло. Вы ихъ почертите побольше, и я ручаюсь, что это будетъ для васъ самое полезное... Скопируйте также что нибудь. Я вамъ помогу и въ этомъ случаѣ. У меня есть много прекрасныхъ образцовъ и, поработавши съ нихъ, вы сами увидите, какъ подвинетесь...»

Не мудрено, что Мокрицкій преподавалъ такимъ образомъ, когда его идеалъ, его «великій» учитель Брюловъ училъ тому же. Самъ Мокрицкій разсказывалъ однажды, какъ онъ принесъ къ Брюлову свой классный рисунокъ и какъ Брюловъ «внимательно про-

Проводы покойника (1865 г.).

смотрѣлъ и сдѣлалъ замѣчанія; потомъ взялъ карандашъ, нарисовалъ косточку, выправилъ слѣдки, просмотрѣлъ внимательно контуръ и, указывая на красоту линій, сказалъ: «Видите ли, какъ нужно смотрѣть на натуру; какъ бы ни былъ волнистъ контуръ, рисуйте его такъ, чтобы едва замѣтно было уклоненіе отъ общей линіи... смотрите почаще на антики: въ нихъ всегда выдержано спокойствіе, гармонія общей линіи, оттого они важны и величественны». Это былъ весь кодексъ, вся pia desideria не только великаго Брюлова, но и всѣхъ тогдашнихъ художниковъ, не исключая и Скотти. Этотъ послѣдній былъ всегда въ разладѣ съ Мокрицкимъ, и когда Мокрицкій увѣрялъ, что «натура—дура», то Скотти на слѣдующій мѣсяцъ говорилъ ученикамъ: «надо изучать натуру! Это—лучшій учитель», хотя самъ всю свою жизнь проработалъ безъ всякаго изученія натуры, довольствуясь тѣмъ готовымъ кодексомъ условныхъ принциповъ и понятій, который былъ въ ходу въ его время. Рамазановъ же пользовался постоянными пререканіями этихъ двухъ преподавателей и, не вмѣшиваясь лично въ дѣло преподаванія, извлекалъ изъ этого пользу для своихъ личныхъ цѣлей. На мѣсто уѣхавшаго въ Италію Скотти былъ приглашенъ преподавателемъ извѣстный портретистъ Зарянко. Этотъ уже былъ совершеннѣйшимъ антиподомъ Мокрицкому. На сколько Мокрицкій доводилъ свое увлеченіе «великими образцами» и антиками, на столько Зарянко совѣтовалъ рабски подражать натурѣ, отвергая при этомъ всякую мысль о свободномъ творчествѣ, вдохновеніи и требуя «математической точности» въ рисованіи и письмѣ.

Въ томъ же разсказѣ «Наши учителя» Перовъ описываетъ, какимъ образомъ съ помощью Зарянко писались не только классные этюды, но даже и картины для выставокъ. Для того чтобы нарисовать съ натуры какой либо предметъ, онъ рекомендовалъ ученикамъ всегда прибѣгать къ механическимъ приспособленіямъ для передачи вѣрнаго и «математически точнаго» внѣшняго очертанія этого предмета. Къ такимъ приспособленіямъ онъ относилъ всевозможныя мѣры и способы мѣрить и поощрялъ въ этомъ направленіи всякую попытку и изобрѣтательность учениковъ до смѣшныхъ размѣровъ. Такъ, не довольствуясь уже имѣющимися способами, одинъ ученикъ притащилъ въ классъ крѣпко сколоченный огромный крестъ, по которому измѣрялъ пропорціи натурщиковъ... Такихъ крайностей былъ большой любитель Зарянко, и нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ всѣхъ его стараній и разглагольствованій на тему

о математической точности—ничего не вышло, какъ только ученики его столкнулись съ живой дѣйствительностью. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было сильно чувство впечатлѣнія и способность къ творчеству, мигомъ сбросили съ себя навязанные Зарянко взгляды на искусство и сдѣлались вполнѣ самостоятельными художниками съ опредѣленной физіономіей; но такихъ къ сожалѣнію было меньшинство, а большинство изъ всей массы учащихся не имѣло этихъ противодѣйствующихъ началъ и поэтому, столкнувшись съ дѣйствительностью, погибло для искусства. Къ тому же постоянная рознь во взглядахъ, какъ на само искусство, такъ и на преподаваніе, между Зарянко и Мокрицкимъ еще болѣе способствовала затемнѣнію пониманія цѣлей и назначенія искусства, а существующее разногласіе вносило полный хаосъ въ умы учениковъ.

Но не таковъ былъ Перовъ. Несмотря на полную возможность погибнуть вмѣстѣ съ прочими своими сотоварищами, онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, вышелъ невредимымъ изъ этого училищнаго хаоса смутныхъ понятій и сталкивающихся, прямо противоположныхъ, интересовъ преподавателей.

Пріѣхавъ съ матерью въ Москву, молодой художникъ остановился у знакомой смотрительницы женскаго пріюта, Марьи Любимовны Штрейтеръ, и, не откладывая дѣла, сталъ разузнавать объ училищѣ и условіяхъ поступленія туда. Для этого, по предложенію племянника г-жи Штрейтеръ, онъ познакомился съ однимъ художникомъ, который, пересмотрѣвъ рисунки и этюды, привезенные Перовымъ изъ деревни, и, одобривъ ихъ, посовѣтовалъ обратиться къ инспектору училища, причемъ выразилъ полную увѣренность въ пріемѣ Перова. Василій Григорьевичъ былъ въ восторгѣ отъ похвалы художника и рѣшилъ на слѣдующій же день, несмотря на праздникъ, идти въ училище. Мать съ г-жей Штрейтеръ всячески уговаривали его переждать праздникъ, но Перовъ упорно стоялъ на своемъ, и на другой день, взявъ съ собой лучшіе рисунки и двугривенный для швейцара, отправился туда. Двугривенный, какъ водится, помогъ ему проникнуть къ Рамазанову, который очень сочувственно принялъ его, расспрашивалъ и разсматривалъ долго рисунки и объявилъ Перову, что въ сентябрѣ онъ можетъ придти къ нему: «Вы можете поступить въ училище и, если только вамъ никто не поправлялъ этого, то трудитесь, работайте,—изъ васъ будетъ художникъ, у васъ есть талантъ». Такой отзывъ извѣстнаго художника еще болѣе ободрилъ, какъ самого Перова, такъ и въ осо-

бенности его мать, успокоивъ ее насчетъ будущности сына. Оставивъ его въ Москвѣ у Штрейтера и снабдивъ кое-какими скудными средствами, она уѣхала домой, и съ тѣхъ поръ Перовъ предоставленъ былъ самому себѣ. Первое время Москва, развлеченія и весьма понятное желаніе немного позабавиться сильно занимали Перова и не позволяли ему, какъ слѣдуетъ, приняться за работу; но все-же онъ среди удовольствій всякаго рода не забывалъ карандаша и кистей, рисуя, что̀ попадалось на глаза. Съ отцомъ онъ велъ оживленную переписку, посылая ему почти все, что ни наработалъ. Въ письмахъ отца всегда находились указанія и совѣты, какъ жить и работать, съ предупрежденіями отъ соблазновъ столичной жизни; совѣты эти, хотя хорошо понимаемые Перовымъ, тѣмъ не менѣе не всегда производили должное вліяніе на него, и юное, задорное увлеченіе иногда пересиливало въ немъ голосъ благоразумія. Но вскорѣ все это прошло: подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности и неимѣнія средствъ, первоначальный лихорадочный пылъ смѣнился противуположными ощущеніями, къ которымъ примѣшалась нѣкоторая доза сомнѣнія въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ, а главное Перовъ сильно чувствовалъ недостаточность общаго и спеціальнаго образованія, мѣшавшую ему глубже и шире смотрѣть на вещи. Къ этому прибавилось еще одно горе: отецъ его, обремененный семьей, не только пересталъ присылать ему средства, но не могъ даже платить г-жѣ Штрейтеръ за его содержаніе, что ставило Перова въ невозможныя условія: благодаря только необыкновенной добротѣ Марьи Любимовны, онъ до самой ея смерти пользовался квартирой, гдѣ могъ имѣть пристанище и скудный кусокъ хлѣба. Больше этого г-жа Штрейтеръ не могла ему удѣлить изъ своихъ средствъ, и Перовъ мало по малу дошелъ до критическаго положенія.

Переходя отъ отчаянія къ апатіи, онъ пересталъ почти работать въ классѣ и дома; ему все надоѣло, карандашъ валился изъ рукъ, наблюденія новыхъ сценъ не давали ему, какъ прежде, богатаго матерьяла и даже перестали его интересовать. Часто въ это время тяжелаго отчаянія онъ уходилъ изъ дому на кладбище и тамъ предавался горькимъ думамъ о безотрадномъ будущемъ. Перовъ все больше и больше начиналъ мириться съ мыслью о невозможности продолжать художественное образованіе и подумывалъ объ исходѣ изъ своего отчаяннаго положенія. Такой исходъ представлялся ему въ полученіи мѣста учителя рисованія гдѣ нибудь въ уѣздномъ городишкѣ. Конечно этотъ выходъ былъ самый благоразумный и

устранялъ разомъ всѣ затрудненія, но Перовъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могли-бы рѣшиться такъ скоро и безповоротно потушить въ себѣ священный огонь. Онъ, среди отчаянія, минутами иногда надѣялся на невѣдомую судьбу, смутно вѣря въ то, что она поможетъ ему выйти изъ затрудненій. Эта помощь нежданно, негаданно явилась оттуда, откуда никакъ нельзя было ожидать ее. Такимъ образомъ будущность Перова была спасена и лѣтопись русской живописи могла внести на свои страницы его блестящее имя.

Все это случилось слѣдующимъ образомъ: въ числѣ преподавателей училища былъ одинъ, Егоръ Яковлевичъ Васильевъ, который, узнавъ о стѣсненныхъ обстоятельствахъ Перова, весьма деликатно, а главное во-время, оказалъ ему помощь, предложивъ ему поселиться у него на казенной квартирѣ и пользоваться столомъ. Перовъ въ письмѣ къ одному своему пріятелю описываетъ подробно эту перемѣну въ своей жизни:

«... Благодѣтельницы моей, Марьи Любимовны, нѣтъ уже въ живыхъ! До самой смерти тяготила ее забота о моей участи: какъ я останусь? что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ быть? Однако-жъ всѣ эти вопросы разрѣшились за нѣсколько дней до ея кончины, и она не унесла съ собой въ могилу скорбнаго чувства о моемъ сиротствѣ. Да, я понесъ въ лицѣ ея тяжелую утрату, но не осиротѣлъ совершенно. До сихъ поръ не могу хорошенько уяснить себѣ всего, что со мной случилось, и какъ могло случиться все то, что случилось. Постараюсь, на сколько могу, связно и по порядку разсказать тебѣ, какъ я устроился,—вѣрнѣе, какъ меня устроила сама судьба моя.

«Ты знаешь, что я хотѣлъ ѣхать въ провинцію учителемъ рисованія; откладывая со дня на день, я не рѣшался просить училище о выдачѣ диплома: какой то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что спѣшить этимъ не къ чему; при томъ же инстинктивно чувствовалось, что совершить нравственное самоубійство не долго, но и сознавать въ 22 года свою безполезность даже самому себѣ—невыносимо горько. Я медлилъ... на что надѣялся, чего ждалъ? право не знаю. Въ одинъ особенно прекрасный день я отправился, по обыкновенію, въ классъ; на душѣ было сумрачно и гадко,—я безпрестанно ожидалъ, что передо мной затворятъ двери училища за невнесеніе платы. Робко поднявшись по лѣстницѣ, я вошелъ въ швейцарскую, и между тѣмъ какъ снималъ галоши и вѣшалъ картузъ, старикъ-швейцаръ нашъ, подойдя, объявилъ мнѣ, что Егоръ Яковлевичъ меня спрашивалъ и приказалъ послать къ себѣ. У меня такъ и опустились руки;

ну, думаю, значитъ—конецъ; вѣроятно запретятъ посѣщать классы... и я печальный пошелъ въ античную залу. Проходя къ мѣсту, я увидѣлъ Е. Я., поправлявшаго кому то рисунокъ. Я раскланялся, но не рѣшился тотчасъ подойти къ нему,—мнѣ казалось неловкимъ объясняться съ нимъ при другихъ, да и боялся помѣшать ему, а потому, разложивъ свой портфейль, принялся за работу, по временамъ поглядывая на Е. Я,—онъ на сей разъ показался мнѣ очень серьезнымъ. Ты, думаю, догадываешься безъ объясненій, что Егоръ Яковлевичъ Васильевъ—никто другой, какъ учитель рисованія въ гипсовыхъ классахъ, куда я переведенъ недавно. До сихъ поръ я зналъ его очень мало, зналъ только, что онъ искательно со всѣми раскланивался, всѣмъ жметъ руку и очень любитъ разговаривать съ учениками, поправляя ихъ рисунки. На видъ Е. Я. маленькій, кругленькій, съ порядочной лысиной, коротко остриженными сѣрыми волосами на головѣ и таќими-же бакенбардами кругомъ всего лица; добрые черные глаза боязливо посматриваютъ во всѣ стороны, красивыя и рѣзко очерченныя губы всѣмъ привѣтливо улыбаются. Сюртукъ онъ постоянно застегиваетъ на всѣ пуговицы, точно военный; широкій галстукъ хомутомъ опутываетъ его шею, а подъ нимъ вокругъ шеи виднѣется бѣлый воротничекъ всегда чистой, хотя довольно толстой рубашки; широкіе черные штаны и неуклюжіе выростковые сапоги дополняютъ костюмъ его. Одни считаютъ его очень добрымъ, другіе называютъ подхалимой. Вотъ все, что зналъ я о Е. Я., и какимъ его видывалъ.

«Итакъ я сидѣлъ и тревожно на него поглядывалъ, а онъ рисовалъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ, безпрестанно вскидывая глаза на антикъ и опуская ихъ на рисунокъ. Такъ прошло не мало времени; я больше наблюдалъ, чѣмъ работалъ: голова занята была предстоящимъ объясненіемъ, а потому работа, какъ и слѣдовало ожидать, не клеилась,—ужъ хоть бы поскорѣй, думалъ я, рѣшили чѣмъ нибудь; все равно одинъ конецъ, а томительное ожиданіе нестерпимо. Въ это время вошелъ въ залу одинъ изъ учениковъ старшаго класса; мнѣ нужно было поговорить съ нимъ по поводу рисунковъ, которые я бралъ у него домой на квартиру. Торопливо сложивъ портфель, я вышелъ къ нему на середину, къ намъ подошли другіе ученики, и такимъ образомъ составился кружокъ, которому вошедшій разсказывалъ о счастливой находкѣ модели—старика богадѣльника. Вдругъ я почувствовалъ, что кто то дернулъ меня за полу; оборотясь, я увидѣлъ прошедшаго мимо Е. Я.; неужели это онъ дернулъ меня?—подумалъ я, глядя ему въ слѣдъ недоумѣлыми глазами. Между тѣмъ Е. Я., пройдя почти всю залу, какъ то странно, неуклюже манилъ меня къ себѣ рукой; по мѣрѣ моего приближенія онъ все болѣе и болѣе улыбался, и когда я уже совсѣмъ близко подошелъ къ нему,—

нерѣшительно и робко, точно не учитель ученику, а ученикъ учителю, совалъ мнѣ свою руку и говорилъ скороговоркой: «Если вамъ можно-съ, зайдите, пожалуйста, ко мнѣ-съ, въ мою квартиру; вы знаете, гдѣ я живу-съ?»—Какъ же, знаю,—отвѣчалъ я.—«Ну, такъ зайдите черезъ полчасика, мнѣ нужно съ вами поговорить-съ». Противной показалось мнѣ эта излишняя вѣжливость: хотятъ человѣка выгнать, выгнали бы уже просто,—такъ нѣтъ, съ соблюденіемъ утонченной деликатности и возможныхъ приличій, словно издѣваются.—Хорошо, приду, отвѣчалъ я грубо. Е. Я. удивленно посмотрѣлъ на меня, улыбаясь, раскланялся, повторилъ: «пожалуйста, зайдите» и ушелъ. Черезъ полчаса я позвонилъ у двери въ его квартиру, но мнѣ долго не отпирали; я понялъ, что позвонилъ ужъ слишкомъ осторожно и сильнѣе дернулъ ручку звонка. Въ квартирѣ хрипло залаяла собака, потомъ послышались шаги и наконецъ ключъ завертѣлся въ замкѣ; дверь отворила мнѣ горничная уже не первой молодости, маленькая, курносоватая и довольно не расторопная.

«— Дома Егоръ Яковлевичъ? — спросилъ я.—«Дома; идите вонъ туда»—отвѣчала она не ласково и показала рукой лѣстницу направо.

«Прямо противъ двери со входа стояла на полу большая неоконченная картина и изъ за нея раздавался голосъ напѣвающаго Е. Я.— Услышавъ шорохъ, онъ выглянулъ изъ за картины и засуетился. Я забылъ тебѣ сказать, что отъ самаго порога квартиры по всѣмъ комнатамъ меня сопровождалъ противный, толстый мопсъ; рыча и скаля зубы, онъ, казалось, выжидалъ удобный моментъ, какъ бы половчѣе схватить меня за ногу.

«— Пошелъ вонъ, каналья!—закричалъ на него Е. Я., смѣясь и топая ногой. — Извините-съ — продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ, — этотъ Домейка-съ ужасная бестія, такъ и норовитъ поймать кого нибудь за ногу-съ, но онъ не кусается, развѣ только пугаетъ; я очень радъ, что вы пришли,—добавилъ онъ скороговоркой и опять началъ нерѣшительно совать мнѣ свою руку.

«— Пожалуйте — вотъ сюда-съ; трубочки покурить не желаете-ли?—Вы курите?

«— Курю,—отвѣчалъ я сурово.

«— Ну такъ, пожалуйста, набейте вотъ эту-съ, она почище, закурите и садитесь вотъ здѣсь, мы потолкуемъ-съ. А мнѣ можно будетъ работать при васъ? Вы позволите-съ?

«— Пожалуйста,—сказалъ я, и мнѣ очень странной показалась такая подготовка къ ожидаемому объясненію, да и самъ Е. Я. казался какимъ то чудакомъ.

«Не безъ труда закуривъ поданную трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ, я усѣлся на стулѣ сбоку, а онъ не столько работалъ, сколько возился на своемъ табуретѣ, безпрестанно ко мнѣ поворачиваясь,—

въ одной рукѣ его была палитра, въ другой—кисти; наконецъ, усѣвшись плотно, онъ повелъ слѣдующую рѣчь:

«— Я васъ вотъ зачѣмъ пригласилъ-съ: вы извините пожалуйста, вы, какъ я вижу, человѣкъ не богатый-съ..

«И онъ глядѣлъ на меня, какъ будто просилъ прощенія за такое обидное открытіе.—Ну, подумалъ я, кончай скорѣе, и во мнѣ шевельнулось недоброе чувство.

«— Я это замѣтилъ-съ,—продолжалъ, запинаясь, Е. Я.,—и потому хочу предложить вамъ... —онъ опять взглянулъ на меня какъ то просительно,—не хотите ли вы у меня жить-съ?

«Я выпустилъ изо рта чубукъ и вытаращилъ на него глаза.

«— У меня квартира казенная, и вы мнѣ никакого убытка не принесете; напротивъ-съ, доставите большое удовольствіе своимъ товариществомъ... я теперь одинъ-съ; вотъ у меня маменька...—и онъ на минуту задумался и опустилъ глаза,—вотъ съ ней вамъ трудно будетъ поладить... ну, да вы ужъ какъ нибудь поладьте-съ... такъ вотъ-съ, у меня ужъ и жили два ученика, да одинъ уѣхалъ на мѣсто-съ, а другой получилъ званіе художника и работаетъ здѣсь, въ Москвѣ, и я теперь одинъ, а привыкъ, чтобы кто нибудь у меня жилъ-съ, а васъ то я приглашаю потому, что видѣлъ ваши эскизы; мнѣ кажется, у васъ хорошія способности и, Богъ дастъ, со временемъ изъ васъ выйдетъ хорошій художникъ-съ, а вотъ изъ тѣхъ то двоихъ, по совѣсти сказать, ничего не вышло-съ,—что дѣлать? не всякому Богъ даетъ дарованіе...—и Е. Я. вздохнулъ въ раздумьи—такъ какъ-же-съ, что вы на это скажете?—спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:—ѣдимъ мы не важно-съ, а сыты будемъ, спать вы будете вотъ здѣсь,—и онъ показалъ на дверь въ корридоръ изъ комнаты, въ которой мы находились,—такъ вотъ-съ; что выскажете? Подумайте хорошенько!—Я сидѣлъ, какъ остолбенѣлый, смутно понимая, что говорилъ мнѣ Е. Я. Напоръ мыслей и чувства до такой степени ошеломилъ меня, что я, кажется, во все время не моргнулъ ни разу: глядѣлъ и ничего не видѣлъ; сердце сильно билось и во всемъ чувствовалась какая-то нервная дрожь. Что я могъ сказать ему? Я вполнѣ сознавалъ безграничную доброту этого великодушнаго человѣка; понималъ его горячее участіе къ моему безотрадному положенію; глубоко чувствовалъ всю великость его благодѣянія и не могъ принудить себя сказать хоть бы слово благодарности,—языкъ оказался несостоятельнымъ, я задыхался и молчалъ. Егоръ Васильевичъ, казалось, догадался о моемъ душевномъ состояніи; онъ суетливо всталъ, зажегъ спичку и предложилъ закурить давно погасшую мою трубку.

«— Егоръ Васильевичъ!—наконецъ проговорилъ я, и хотѣлъ бро-

ситься къ его ногамъ, цѣловать руки, но онъ поспѣшно скользнулъ въ другую комнату.

«— Извините-съ, я сейчасъ,—говорилъ онъ, кланяясь съ порога,— я вотъ только дѣвушку кликну-съ.

«Оставшись одинъ, насилу смогъ я хоть нѣсколько овладѣть собой.

«— Вотъ-съ моя дѣвушка; онѣ намъ будутъ и бѣлье стирать, я ужъ говорилъ имъ-съ.

«— Е. Я., я не знаю, какъ мнѣ благодарить и васъ, и Бога,— хотѣлъ я сказать, но онъ перебилъ меня...

«— Такъ вы подумайте-съ, поговорите съ той дамой, гдѣ вы живете (онъ зналъ о ней изъ моихъ же разсказовъ при поправкѣ рисунковъ), и, если она ничего не будетъ имѣть противъ этого, переѣзжайте хоть завтра, хоть сегодня же, когда хотите, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше-съ; а теперь подите-ка, поговорите съ ней, да и сами подумайте и скажите мнѣ-съ, я буду ждать вашего отвѣта, прощайте-съ...

«И онъ съ обыкновенною своею манерой протянулъ мнѣ свою руку; я хотѣлъ поцѣловать ее, но Е. Я. быстро ее отдернулъ и, кланяясь, повторялъ: «до свиданья-съ, до свиданья-съ».

«— Ахъ, позвольте, я провожу васъ,—сказалъ онъ, когда я вышелъ уже изъ комнаты,—этотъ каналья Домейка, пожалуй, схватитъ васъ за ногу-съ...—Онъ проводилъ меня до лѣстницы, подождалъ, пока я сошелъ съ нея, и заперъ дверь, повторивъ еще разъ: «до свиданья».

«Какъ я сошелъ внизъ, какъ я надѣлъ въ швейцарской галоши и фуражку, какъ очутился на улицѣ,—право не помню: словно вѣтромъ несло меня вдоль Мѣщанской, гдѣ я жилъ; я никого не видѣлъ, ничего не замѣчалъ,—будто ничего и не существовало кругомъ меня, и только, войдя уже въ комнату, гдѣ въ креслѣ, у окна, сидѣла Марья Любимовна, опомнился и пришелъ въ себя.

«— Что съ вами?—спросила она, взглянувъ мнѣ въ лицо съ недоумѣніемъ. Я безсвязно и безтолково началъ разсказывать, что случилось со мной это утро, и когда кончилъ, глаза ея наполнились слезами.

«— Неужели моя грѣшная молитва дошла до Тебя, Царица Небесная!—шептала она, набожно крестясь и умильно смотря на висѣвшій передъ нею образъ.—Ну, мой другъ, большей радости и утѣшенія ты не могъ принести мнѣ,—прибавила она, задыхаясь, и вдругъ закашлялась. Долгій припадокъ мучительнаго кашля такъ утомилъ ее, что она всѣмъ тѣломъ откинулась на спинку кресла и въ изнеможеніи закрыла глаза; впалая грудь ея высоко поднималась,

Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ (1866 г.).

она тяжко дышала и судорожно перебирала исхудалыми пальцами, которые дрожали на ея колѣняхъ, какъ высохшіе листья.

«Черезъ нѣсколько дней ея не стало, и я переѣхалъ къ Е. Я.»

Это письмо прекрасно характеризуетъ Перова. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые свои надежды основываютъ не на русскомъ «авось», а только на самомъ себѣ. Поэтому такъ понятны его недоумѣніе и изумленіе, когда совершенно посторонній человѣкъ, какимъ былъ Е. Я., предлагаетъ ему свое покровительство и выходъ изъ отчаяннаго положенія. Ему въ голову не приходила мысль, что могутъ найтись добрые люди, способные войти въ его положеніе. Ему, заброшенному родной семьей, такое дѣло казалось просто изумительнымъ. Восторгъ, съ какимъ онъ встрѣтилъ рѣшеніе добрѣйшаго Егора Яковлевича, проявленіе этого восторга—эта готовность цѣловать руки и чувствовать безконечную благодарность—показываютъ, что все это было для Перова совершенно неожиданно; а та искренность, которою дышетъ всякое слово этого письма, была натурой его, была ему присуща, что онъ и доказалъ всей своей художественною дѣятельностью.

Егоръ Яковлевичъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ относительно дарованій Перова, который, избавившись отъ тяжелыхъ думъ и заботъ о будущемъ, всѣми силами старался показать этому добрѣйшему человѣку свою глубочайшую благодарность.

Цѣлыми днями онъ занимался то въ классѣ, то у себя дома. Надѣленный необыкновенной наблюдательностью, молодой художникъ заносилъ въ свой альбомъ все, что такъ или иначе останавливало его вниманіе; трезвая правда, съ которой онъ трактовалъ интересовавшіе его сюжеты, уже тогда ясно показывала, какой художникъ изъ него можетъ выработаться. Нельзя сказать, чтобы такое направленіе было по душѣ его преподавателямъ; хотя они и не мѣшали развиваться даровитому ученику, но ихъ мнѣніе, направленіе ихъ преподаванія, наконецъ постоянныя разглагольствованія Мокрицкаго и Зарянко могли въ неопытномъ умѣ посѣять сначала недоумѣніе, а потомъ самый ужасный хаосъ мнѣній и понятій.

Къ счастью, съ Перовымъ этого не случилось; благодаря самостоятельности во взглядахъ, самобытности его художественной физіономіи, до него не коснулись отжившія теоріи Мокрицкаго и новаторская дѣятельность Зарянко. Въ разсказѣ «Наши учителя» Перовъ очень подробно останавливается на этихъ личностяхъ. Это не только портреты Мокрицкаго и Зарянки, въ особенности послѣдняго, но

даже, можно сказать, типы, которые и по днесь встрѣчаются. Одному нравится Венера, другому—Аксинья; одинъ всѣми силами старается доказать, что подражать нужно Рафаэлю и Тиціану, другой-же полагаетъ все спасеніе въ изображеніи каждой поры на кожѣ, каждой случайной складки въ костюмѣ натурщика.

Изъ сотенъ учениковъ, поступающихъ въ наши художественныя школы, лишь небольшой процентъ съумѣетъ сохранить свою физіономію, данную ему Богомъ, а бóльшая часть или искалѣчится, или погибнетъ для искусства.

Между тѣмъ, будь преподаваніе поставлено правильно, умѣй преподаватели примѣняться къ каждому ученику, разгадай они его способности (всѣ ученики поступаютъ въ школу по предварительному экзамену, слѣдовательно имъ сама школа выдаетъ аттестатъ въ томъ, что они способны на дальнѣйшее развитіе), не могло бы быть столько грустныхъ примѣровъ. Впрочемъ неизвѣстно, можно-ли въ такой массѣ учениковъ разобраться, разгадать и правильно направить ихъ дарованія. Лучшіе умы настоящаго времени пришли къ убѣжденію, что художественныя школы съ ихъ системой преподаванія, съ ихъ способомъ награждать и отличать успѣхи, кромѣ вреда, ничего не приносятъ.

Знаменитый художественный писатель, самъ художникъ-архитекторъ Violet le Duc въ статьѣ «Reponse à M. Vitet à propos de l'enseignement des arts du dessin» спрашиваетъ:

«...развѣ академическое преподаваніе устроено такъ, чтобы развивать интеллигенцію ученика?» и на это самъ отвѣчаетъ: «академическая метода представляетъ двѣ опасности: первая та, что ученики, вовсе не одаренные способностями къ искусствамъ, научаются рисовать, стряпать произведенія, такъ какъ для этого есть способы чисто механическіе; вторая та, что развивается исполненіе чисто условное, въ ущербъ работѣ мысли... Нѣтъ, надо начинать съ расширенія и увеличенія интеллигенціи учащагося; не слѣдуетъ ограничивать его горизонтъ стѣнами школы или мастерской, а доказывать ему, что все должно быть предметомъ его наблюденія, что онъ долженъ сперва на живой натурѣ, и раньше чѣмъ на картинахъ и статуяхъ мастеровъ, схватывать выраженіе человѣческихъ чувствъ посредствомъ изученія жеста; что онъ долженъ разбирать внѣшнее проявленіе формъ, эффекты свѣта и красокъ...»

Дѣйствительно, если мы будемъ изучать интеллигенцію не только учениковъ, но даже самихъ преподавателей, то окажется, что будетъ, отъ чего придти въ ужасъ и усумниться въ успѣхахъ худо-

жественнаго развитія, поставленнаго въ зависимость отъ методовъ и пріемовъ, практикуемыхъ нынѣ. Да и можно-ли назвать, собственно говоря, этотъ способъ преподаванія методомъ? Это скорѣе шатаніе съ завязанными глазами, корабль безъ компаса и туманной цѣлью впереди—вотъ, что это такое, а ужъ никакъ съ разумно сознанная цѣль и раціональная метода преподаванія! Егоръ Яковлевичъ вѣроятно былъ не изъ числа такихъ преподавателей, когда заинтересовался судьбой Перова. Самъ лишенный дарованія, онъ не смотрѣлъ завистливо на дарованія другихъ и всегда умѣлъ вѣрно цѣнить и понимать людей. Личность Е. Я. Васильева обрисована Перовымъ въ его разсказѣ «На натурѣ». Это былъ въ высшей степени добрѣйшій человѣкъ, котораго любили и уважали ученики. Свою квартиру онъ постоянно раздѣлялъ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, по его выбору, причемъ ученикъ безвозмездно пользовался кромѣ того стиркой и столомъ. Конечно бо́льшаго Е. Я. изъ своихъ скудныхъ средствъ не могъ удѣлить имъ, и Перовъ поэтому часто, за неимѣніемъ пальто и теплаго платья, въ сильные морозы сидѣлъ дома. Только впослѣдствіи, когда къ Егору Яковлевичу переселился Прянишниковъ, Перовъ сталъ пользоваться его шубой, что позволило ему бывать чаще въ училищѣ, тогда какъ прежде посѣщенія училища были не частыя.

Съ переѣздомъ въ квартиру Е. Я. Перовъ повеселѣлъ, вновь принялся за работу и вскорѣ сталъ считаться однимъ изъ выдающихся по дарованію учениковъ.

Въ 1856 году въ Академію былъ посланъ портретъ его работы, изображавшій его меньшого брата, Николая. Академія присудила ему малую серебряную медаль. Эта первая награда ободрила Перова, и онъ съ жаромъ принялся за картину на большую серебряную медаль. Сюжетомъ онъ выбралъ пріѣздъ становаго на слѣдствіе. Становой, съ бурбонской, грубой физіономіей, только что, должно быть, пріѣхалъ въ волостное правленіе; дорожный погребецъ раскрытъ, изъ него вынута закуска; графинъ съ водкой вноситъ волостной старшина, видимо старающійся всѣми силами заслужить благосклонность начальства. Письмоводитель съ жалкимъ подвязаннымъ лицомъ копается въ бумагахъ, не забывая впрочемъ скосить глаза на подносъ съ соблазнительной сороковкой. Передъ становымъ въ разорванной рубашкѣ, со связанными руками, стоитъ несчастная жертва его правосудія, которую подъ руку ведетъ сельскій староста со значкомъ на кафтанѣ. У порога волостного суда

мужичонка вяжетъ пучекъ розогъ. Таково не хитрое содержаніе этой картины. Между тѣмъ, вдумываясь глубже въ него, увидимъ, что Перовъ затронулъ этой картиной одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашей общественной жизни.

Въ литературѣ уже появились «Губернскіе очерки» Щедрина, гдѣ были задѣты и безпощадно разобраны нѣкоторыя явленія русской дореформенной жизни. Правда и искренность, звучавшія въ этихъ очеркахъ, обратили вниманіе тогдашняго общества на жизнь, заставили его подумать о многомъ. Всегда серьезно настроенный и чуткій къ проявленіямъ народной жизни, Перовъ ухватился за блеснувшую мысль изобразить неприглядную сторону этой жизни; юношескія впечатлѣнія помогли выбрать сюжетъ, а любовь къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» довершила остальное. Посланная въ Академію, картина обратила всеобщее вниманіе на себя; объ ней заговорили въ печати, осыпали ее похвалами и предсказывали молодому автору блестящую будущность.

Вотъ что писалъ Рамазановъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Въ этомъ произведеніи юнаго художника видно, кромѣ природнаго дарованія къ изображенію сценъ народнаго быта, еще и замѣчательное художественное исполненіе: задуманный сюжетъ сочиненъ, обставленъ и исполненъ весьма удовлетворительно; что касается до характеровъ, то въ каждой фигурѣ видимъ мы столько выраженія, что при большей опытности художникъ обѣщаетъ быть на ряду съ лучшими жанристами. Разсмотрите эту картину внимательнѣе...»

Большинство критиковъ находило въ картинѣ большія достоинства; она чрезвычайно вѣрно звучала въ унисонъ общему направленію и кромѣ этого безспорно была трактована съ большой наблюдательностью и передана художественно правдиво.

Академія удостоила Перова большой серебряной медали. Нужно было теперь заработать малую золотую. Для этой цѣли Перовъ взялъ сюжетомъ «Сцену на могилѣ» на слова пѣсни: «мать плачетъ, какъ рѣка льется; сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; жена плачетъ, какъ роса падетъ—взойдетъ солнышко, росу высушитъ». Степень горя, высказываемаго этими женщинами, занимала Перова; изобразить это въ картинѣ было и ново, и чрезвычайно трогательно. Сочинивъ эскизъ, онъ принялся за работу. Посрединѣ комнаты было сооружено возвышеніе, вродѣ надгробной насыпи, изъ всевозможнаго домашняго хлама. Натурщиками служили ему старуха, мать Егора Яковлевича, горничная и кухарка. Всю осень и часть зимы

1858 года Перовъ проработалъ надъ этой картиной; но, несмотря на похвалы всѣхъ видѣвшихъ ее, остался недоволенъ и поэтому не послалъ ее въ Академію; почему-то ему показалось, что онъ еще слабъ въ рисункѣ; это предположеніе заставило его снова засѣсть въ гипсовые классы училища и наравнѣ съ прочими учениками штудировать всевозможныхъ Аполлоновъ, Венеръ и Психей. Конечно это не могло продолжаться долго: человѣкъ, вкусившій всю прелесть творчества и самостоятельной работы, долженъ былъ соскучиться на простой механической передачѣ, и притомъ Перовъ вовсе не былъ такъ слабъ въ рисункѣ. Если ему чего и недоставало въ то время, такъ это—большей сочности письма и красокъ, чѣмъ онъ впрочемъ страдалъ почти цѣлую жизнь, избавясь отъ этого недостатка только подъ самый конецъ своей дѣятельности.

Подвернувшійся мотивъ для новой картины заставилъ его бросить вечерніе классы и приняться за композицію. Картина должна была изображать сына дьячка, получившаго первый чинъ. Какъ въ картинѣ Ѳедотова «Первый орденъ», такъ и у Перова главное дѣйствующее лицо—надутый, безмозглый чиновникъ изъ писцовъ, сознающій, что съ этой наградой снизошли на него всѣ привилегіи и льготы, связанныя съ нею.

Это сознаніе своего исключительнаго положенія, эта жажда поскорѣй узнать на дѣлѣ, что значитъ коллежскій регистраторъ и Станиславъ 3-й степени, такъ и выразились у нихъ на лицахъ. Ѳедотовъ все-жъ таки представилъ намъ чиновника симпатичнѣе, чѣмъ Перовъ. У этого послѣдняго онъ вышелъ такимъ, какимъ только можетъ выйти изъ семьи такого папеньки, какъ изображенный дьячекъ, и такой маменьки. Сколько самаго безсмысленнаго, животнаго восторга свѣтится въ глазахъ чадолюбивыхъ родителей! Сколько тупой чванливости на лицѣ у виновника этихъ восторговъ! Узкій лобъ, крупныя губы и развитыя челюсти—все это такіе признаки, при которыхъ люди, ихъ имѣющіе, никакъ не могутъ назваться симпатичными и внушать довѣріе; эти люди чуть только почувствуютъ почву подъ ногами и нѣкоторую безнаказанность, становятся деспотами, и при томъ самыми тупыми, безсмысленными, деспотами не по характеру и наклонностямъ, а прямо изъ желанія быть ими. Во всей фигурѣ, въ позѣ, осанкѣ вы чувствуете, что это—будущій гроза подчиненныхъ и искатель у начальства! И рядомъ съ этой олимпійской фигурой—маленькій, тщедушный портной съ моткомъ нитокъ и съ мѣломъ въ рукѣ. Выра-

женіе его—смѣсь почтительности и въ то же время ироніи: «какъ ты не топорщься и не раздувайся, а ты не больше, какъ коллежскій регистраторъ—китайскій императоръ», думаетъ онъ.

Вообще сторона характеровъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ картинѣ разработана и выражена превосходно. Въ то же время тщательное, добросовѣстное, все же впрочемъ нѣсколько сухое письмо вполнѣ заслуживало малой золотой медали. На выставкѣ эта картина, а также и «Сцена на могилѣ» (Перовъ отправилъ обѣ картины въ Академію) обратили на него вниманіе всѣхъ. Въ печати опять появилась масса хвалебныхъ статей. Его сравнивали и съ Островскимъ, и съ Щедринымъ, находили, что Перовъ—продолжатель Ѳедотова. Мельниковъ въ «Свѣточѣ», сопоставляя этихъ двухъ художниковъ, писалъ, что:

«Не разъ уже перо комика и карандашъ художника преслѣдовали и осмѣивали эту несчастную слабость нашихъ простыхъ людей гоняться за переходомъ въ высшее сословіе... Но, всматриваясь въ дѣло внимательно, кто не сознается, что подъ комическимъ складомъ этой стороны жизни, видна и оборотная сторона медали, возбуждающая что-то другое, кромѣ смѣха... Пусть же литература рисуетъ намъ эти жалкіе типы въ сатирѣ, пусть карандашъ и кисть осмѣиваютъ ихъ въ карикатурѣ, мы будемъ смѣяться, но такъ, какъ учили насъ Гоголь и Островскій.»

Въ особенности хорошо было разгадано направленіе дарованія Перова въ статьѣ журнала «Искусство». Въ ней было прямо сказано, что сила Перова—въ его знаніи почвы, въ его народности, подобно Островскому. Эта вѣрность оцѣнки оправдалась впослѣдствіи, когда Перовъ, уѣхавши за-границу, принужденъ былъ вернуться назадъ именно вслѣдствіе того, что потерялъ почву подъ ногами.

Картина дѣйствительно обратила на себя вниманіе, и многими извѣстными литераторами по поводу ея были написаны статьи. Укажемъ на статьи Я. Полонскаго и Ковалевскаго. Почти всѣ статьи были хвалебныя, какъ того и стоила картина, и только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не раздѣляли всеобщаго восторга, находя, что картина скучна по мысли и суха по исполненію.

Но въ особенности полемика была сильна, когда Перовъ написалъ картину «Проповѣдь въ селѣ» и «Крестный ходъ на Пасхѣ».

По поводу послѣдней картины вступили въ горячій споръ два лица, оба прикосновенныя такъ или иначе къ художественному міру. Одинъ изъ нихъ—извѣстный критикъ В. Стасовъ, а другой—не менѣе извѣстный художникъ Микѣшинъ. Первый хвалилъ за правду

и искренность, за вѣрно подмѣченные и переданные типы, находилъ, что искусство должно заняться подобнаго рода сюжетами; второй писалъ, что подобное направленіе убиваетъ настоящее высокое искусство, унижаетъ его, показывая только грязную сторону жизни, что̀ не можетъ служить цѣлью для него; жалѣлъ о былыхъ временахъ, о сюжетахъ изъ Иліады и Одиссеи и вообще наговорилъ не мало. Кто изъ нихъ былъ правъ—судить не трудно. Реальное направленіе съ того времени и до нашего тянется непрерывно; оно воспитало и продолжаетъ воспитывать многихъ нашихъ знаменитыхъ художниковъ, и понятно, что искусство отъ этого не будетъ ни унижено, ни тѣмъ паче убито.

Даже администрація вмѣшалась. Академія получила предписаніе немедленно снять картину «Крестный ходъ», а купившій ее, извѣстный владѣлецъ галереи картинъ, Третьяковъ, былъ обязанъ подпиской не давать ее ни на какія публичныя выставки.

Кромѣ этихъ двухъ картинъ, на той же выставкѣ была и третья—«Чаепитіе въ Мытищахъ». Сюжетомъ послужила сцена, видѣнная Перовымъ во время одной его поѣздки по московскимъ окрестностямъ. Слишкомъ сильная доза тенденціи и нѣкотораго обличительнаго отношенія не могла такъ подкупить и публику, и критику, какъ въ картинѣ «Крестный ходъ», въ которой, кромѣ этого, было то, чего не хватало въ «Чаепитіи», именно новизна и оригинальная смѣлость сюжета, что всегда, особенно въ то время, привлекало къ ней вниманіе и симпатіи многихъ.

На выставкѣ 1862 года появилась его прелестная картина «Дилетантъ». Маіоръ, возвратившись съ ученья домой, сидитъ у мольберта съ палитрой и кистями въ одной рукѣ и съ трубкой въ другой. Откинувъ голову назадъ, онъ любуется своимъ произведеніемъ, вѣроятно какимъ нибудь «ландшафтомъ» съ мостиками, ручейками, бесѣдками и т. п. Сзади него, съ ребенкомъ на одной рукѣ, стоитъ его жена въ утреннемъ костюмѣ и не можетъ оторваться отъ мазни своего благовѣрнаго. «Ахъ, какъ хорошо! Ты бы, Николаша, вотъ сюда написалъ бы лодочку, а въ лодочкѣ—меня и себя, когда мы были женихъ и невѣста...»

— Ну, матушка, чего захотѣла... не прикажешь-ли изобразить и твою матушку?..—Эта цѣлая, чрезвычайно милая и вѣрная жанровая сценка прошла почти незамѣченной въ тогдашней печати. Что станете дѣлать? То было время горячей и упорной борьбы, и такіе сюжеты не могли привлекать вниманія: требовалось отъ художника

большей чуткости къ общественнымъ интересамъ и большей пряности, если можно такъ выразиться, въ выборѣ сюжетовъ.

Несмотря на разнорѣчивыя мнѣнія и можетъ быть вслѣдствіе того интереса, который былъ возбужденъ появленіемъ «Проповѣди въ селѣ» и «Крестнаго хода на Пасхѣ», Академія сочла нужнымъ признать Перова заслуживающимъ большую золотую медаль.

Эта награда давала ему возможность побывать на средства казны заграницей; но онъ еще не сейчасъ воспользовался ею, а все лѣто, вмѣстѣ съ Прянишниковымъ, провелъ около Москвы, часто пріѣзжая туда къ своей невѣстѣ, Еленѣ Эдм. Шейнидъ, племянницѣ Рѣзанова. Только весною 1862 г., уже женатымъ, уѣхалъ онъ за-границу.

III.

Жизнь заграницей.—Парижъ.—Просьба о дозволеніи возвратиться.—Мотивировка этой просьбы. — Ходатайство совѣта Академіи. —Возвращеніе.—«Трапеза». — «Проводы покойника». — «Очередная у бассейна». — «Тройка». — «Пріѣздъ гувернантки». — «Сцена на почтовой станціи». — «Гитаристъ». — «Мальчикъ мастеровой».—«Чистый понедѣльникъ».—«Учитель рисованія».—«Божія Матерь и Христосъ».—Перовъ начинаетъ заниматься портретной живописью.—Лучшія его вещи въ этомъ родѣ.—«Послѣдній кабакъ».—«Сцена у желѣзной дороги».—«Птицеловъ».—Разрывъ съ Академіей.

Вся художественная дѣятельность Перова можетъ дѣлиться на три эпохи: увлеченіе его почти что исключительно сюжетами этическаго и сатирическаго направленія, куда входитъ все время его пребыванія въ училищѣ и Академіи вплоть до полученія большой золотой медали; вторая эпоха—время болѣе спокойнаго и менѣе тенденціознаго направленія, время его пребыванія въ числѣ членовъ Товарищества передвижныхъ выставокъ; и наконецъ послѣдняя—время исключительнаго занятія русской исторіей и религіозными сюжетами. Двѣ первыя эпохи вполнѣ опредѣляютъ его художественную физіономію; послѣдняя тоже не мало что дополняетъ къ его репутаціи; можетъ быть, поживи онъ дольше, ему бы и удалось сдѣлать больше въ этой области. На это указываетъ его колоссальная картина «Никита Пустосвятъ», нѣкоторыя фигуры которой могутъ послужить намъ для вѣрной оцѣнки его пониманія исторіи. Но объ этомъ мы скажемъ въ свое время, а теперь займемся продолженіемъ его біографіи. Итакъ, съ женой онъ уѣхалъ

Птицеловъ (1870 г.).

заграницу. Побывавъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, онъ пріѣхалъ въ Парижъ и рѣшилъ здѣсь остаться на годъ или на два. Въ своемъ донесеніи конференцъ-секретарю Ѳ. Ѳ. Львову онъ пишетъ:

«По отъѣздѣ моемъ заграницу, я до сихъ поръ еще не могъ извѣстить васъ о мѣстѣ постояннаго моего жительства; но теперь, остановившись въ Парижѣ, я думаю прожить здѣсь около года, а потомъ отправиться ненадолго въ Италію, и оттуда буду просить позволенія возвратиться въ Россію. Осмотрѣвши галереи въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ и въ Парижѣ, я съ нетерпѣніемъ ожидаю выставку, которая откроется 1-го мая. Кромѣ того я имѣлъ случай быть въ мастерскихъ обоихъ Ахенбаховъ, Іордана и Вотье, чѣмъ обязанъ г. Ляму, который въ прошедшемъ году изъ нашей Академіи получилъ званіе академика; онъ просилъ меня передать вамъ его искреннюю благодарность за вниманіе къ нему, причемъ просилъ сказать, чтобы русскіе, отъѣзжающіе за-границу, адресовались къ нему, а онъ очень будетъ радъ показать все замѣчательное въ Дюссельдорфѣ. Я нанялъ въ Парижѣ мастерскую, работать же начну только съ 15 апрѣля, потому что ранѣе не освободится ни одной мастерской. Не знаю, удастся-ли мнѣ до здѣшней выставки съѣздить въ Лондонъ, потому что тамъ тоже будетъ выставка, и мнѣ бы очень хотѣлось побывать тамъ. Вчера мы съ Н. П. Соколовымъ были на вновь открывшейся постоянной выставкѣ; тамъ много картинъ, но мало хорошаго, кромѣ 2-хъ или 3-хъ, и то не знаменитыхъ. Въ отношеніи художественномъ Парижъ представляетъ много интереснаго: сцены на каждомъ шагу и занимательны по разнообразію; я сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ, но на которомъ остановлюсь—не знаю, и потому не могу вамъ написать, какой сюжетъ буду исполнять. Хочу попробовать писать на доскѣ, изучая Месонье,—не знаю, какъ пойдетъ. Болѣе сообщить ничего не имѣю, а когда начну писать, то пришлю чертежъ своего сюжета.»

Судя по слѣдующимъ его письмамъ въ Академію, можно видѣть, что онъ нѣсколько разъ брался за кисти. Такъ, онъ началъ большую картину съ очень сложной композиціей «Праздникъ въ окрестностяхъ Парижа» и другую—«Продавецъ пѣсенниковъ», обѣщалъ прислать фотографическіе снимки съ нихъ, но не могъ ни кончить этихъ картинъ, ни исполнить своего обѣщанія.

Причину этого мы находимъ въ его письмѣ къ конференцъ-секретарю отъ 4 іюня 1864 года. Вотъ что онъ въ немъ пишетъ

«Осмѣливаюсь просить Совѣтъ о позволеніи мнѣ возвратиться въ Россію. Причины, побуждающія просить меня объ этомъ, я постараюсь здѣсь представить: живя заграницей почти два года и не смотря на все мое желаніе, я не могъ исполнить ни одной картины, кото-

рая была бы удовлетворительна,—*незнаніе характера и нравственной жизни народа дѣлаетъ невозможнымъ довести до конца ни одной изъ моихъ работъ;* я увѣдомлялъ совѣтъ Академіи о начатыхъ мною работахъ, которыми я занимаюсь и въ настоящее время, и буду имѣть честь ихъ представить въ Академію въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года, но не какъ конченныя картины, а какъ труды для разработки технической стороны искусства; посвятить же себя на изученіе страны чужой нѣсколько лѣтъ я нахожу менѣе полезнымъ, чѣмъ по возможности изучить и разработать безчисленное богатство сюжетовъ, какъ городской, такъ и сельской жизни нашего отечества. Имѣю въ виду нѣсколько сюжетовъ изъ русской жизни, которые я бы исполнилъ съ любовью и сочувствіемъ и, надѣюсь, болѣе успѣшно, чѣмъ изъ жизни народа мнѣ мало знакомаго; при этомъ желаніе сдѣлать что нибудь положительное и тѣмъ оправдать милостивое вниманіе ко мнѣ Совѣта—даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на снисхожденіе къ моей покорнѣйшей просьбѣ. При всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи Совѣта Академіи о моемъ возвращеніи въ Россію, я прошу прислать мнѣ подъемныя деньги на обратный путь. Получивши разрѣшеніе и деньги, поѣду на два мѣсяца по Италіи, откуда возвращусь прямо въ Россію, гдѣ надѣюсь написать зимою картину, а лѣто 1865 года посвятить на этюды и путешествія.»

Напечатанныя курсивомъ слова—чрезвычайно значительны не только для полной характеристики художественной и нравственной личности Перова, но и для всей послѣдующей исторіи развитія русскаго искусства.

Еще покойный А. Ивановъ писалъ, что русскому художнику незачѣмъ ѣздить за-границу, но не такъ ясно съумѣлъ формулировать свою мысль, какъ Перовъ.

Этотъ послѣдній поставилъ вопросъ ребромъ и вся его художественная profession de foi выразилась въ этихъ немногихъ словахъ, общій смыслъ которыхъ выражалъ, что художнику прежде всего необходимо быть правдивымъ; гдѣ же лучше и вѣрнѣе достигалось это качество, какъ не дома, на родинѣ, гдѣ все знакомо и мило его сердцу?

Эти слова вошли въ основу художественныхъ понятій всего нынѣшняго поколѣнія художниковъ. Быть можетъ ими немного и злоупотребляли, но «гдѣ рубятъ лѣсъ, тамъ щепки летятъ», а что приходилось дѣйствительно расчищать дремучій лѣсъ спутанныхъ понятій и представленій объ искусствѣ, это мы видимъ на примѣрѣ многолѣтней борьбы Товарищества передвижныхъ выставокъ съ Академіей.

Какъ бы тамъ ни было, Совѣтъ Академіи въ этомъ случаѣ поступилъ согласно желанію Перова. Въ іюлѣ былъ представленъ докладъ Министру Двора:

«Находящійся заграницею пенсіонеръ Академіи по живописи народныхъ сценъ (genre), Перовъ, проситъ о дозволеніи возвратиться въ Россію, не ожидая окончанія 3-хъ лѣтняго срока, назначеннаго по § 132-му устава Академіи 30 августа 1859 года для занятій заграницей, объясняя, что втеченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія его въ чужихъ краяхъ онъ постояннымъ изученіемъ успѣлъ уже разработать техническую сторону живописи, на сколько ему силы позволили, и теперь желалъ бы исключительно заняться сюжетами изъ городской и сельской жизни въ Россіи, какъ болѣе ему знакомой. Академія, принимая во вниманіе доказанный пенсіонеромъ Перовымъ талантъ и любовь его къ изученію русскаго народнаго быта, находитъ, что возвращеніе его въ Россію послѣ двухлѣтнихъ занятій заграницею, съ прибавкою остающагося невыданнымъ ему заграницею пенсіона на одинъ годъ къ 3-хъ лѣтнему содержанію для путешествія по Россіи, было бы весьма для него полезно,—имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство объ испрошеніи на то Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.»

Вслѣдствіе такого ходатайства Академіи Перову было Высочайше разрѣшено возвратиться въ Россію.

Въ письмѣ ко Львову онъ чрезвычайно благодаритъ его за успѣшное исполненіе просьбы и въ то же время сообщаетъ, что онъ, Перовъ, присылаетъ двѣ картинки: «Нищіе на парижскомъ бульварѣ» и «Парижскій Шифонье» для выставки и прибавляетъ: «а большія картины я оставилъ писать: *нѣтъ силъ, не достаетъ терпѣнія кончить вещи, начатыя по неопытности*».

Чѣмъ больше вникаешь въ характеръ такой личности, какъ Перовъ, тѣмъ больше и больше изумляешься той громадной правдивости, которая была въ немъ и составляла его неотъемлемую часть. Мы будемъ имѣть еще нѣсколько разъ случай констатировать эту черту его характера, которая иногда мѣшала ему во многомъ, а главное конечно въ умѣніи устроиться болѣе обезпеченно.

Осенью 1864 года Перовъ возвратился въ Россію и поселился въ Москвѣ въ домѣ Рѣзанова, дяди своей жены. Теперь для него настала пора самой продуктивной работы. Масса типовъ, знакомыхъ сценъ и положеній обступила его съ перваго же дня, и онъ горячо принялся за работу.

Еще будучи заграницей, онъ задумалъ большую, сложную кар-

тину изъ монастырской жизни, имѣющую по тенденціи много общаго съ «Чаепитіемъ въ Мытищахъ».

Сцена представляетъ монастырскую трапезу. Огромная, свѣтлая зала вся уставлена столами, которые ломятся подъ тяжестью обильныхъ яствъ и питій.—Идутъ поминки послѣ похоронъ какого-то богатаго купца. Со стѣнъ трапезы на пирующихъ монаховъ сурово смотрятъ изможденные лики святыхъ... въ глубинѣ залы высится огромное распятіе. Раскраснѣвшіяся лица пирующихъ полны самаго разнообразнаго выраженія. Одни еще не успѣли достаточно вкусить отъ плодовъ земныхъ и поэтому ведутъ бесѣду о сладости плодовъ небесныхъ; другіе-же всѣ свои помышленія въ настоящее время устремляютъ на соблазнительныя яства, такъ вкусно и аппетитно выглядывающія. Нѣкоторые заняты опоражниваніемъ блюдъ въ свои огромные карманы... другіе ссорятся съ лакеями, черезъ-чуръ медленно исполняющими приказанія... но всѣ видимо довольны поминками, обиліемъ кушаній и весело поминаютъ покойничка и благодарятъ щедрыхъ наслѣдниковъ. Только въ углу, у самыхъ дверей трапезы, пріютились какія-то сморщенныя, несчастныя существа, какъ будто бы даже не совсѣмъ гармонирующія съ общимъ веселымъ и довольнымъ настроеніемъ... Подобная впрочемъ дисгармонія нисколько не нарушаетъ аппетита пирующихъ: къ этому они привыкли...

Такова общая композиція этой картины. Вслѣдствіе различныхъ условій она не была на выставкѣ 1866 года, и появилась только публично на посмертной выставкѣ произведеній Перова, довольно сильно переписанная имъ. Кромѣ ея, Перовъ написалъ для конкурсовъ въ Московскомъ и Петербургскомъ обществахъ любителей художествъ и поощренія художниковъ двѣ картинки: «Проводы покойника въ деревнѣ» и «Очередная у бассейна».

Съ картины «Проводы покойника» начинается вторая эпоха художественной дѣятельности Перова. Видимо онъ сталъ уже не удовлетворяться сатирическимъ направленіемъ и перешелъ къ болѣе драматическимъ сюжетамъ, полнымъ грусти и сожалѣнія объ «обиженныхъ и оскорбленныхъ». Нужно признаться, что такой оборотъ отъ слишкомъ тенденціозныхъ сюжетовъ къ сюжетамъ болѣе спокойнымъ, и поэтому болѣе художественнымъ, былъ въ пользу Перову. Направленіе осталось то же, но отношеніе къ жизни явилось другое: не было уже того задорнаго, юношескаго пыла, когда хочется поучать другихъ, когда кажется, что своими произведеніями

можно перемѣнить общій взглядъ, когда хочется все накипѣвшее негодованіе вылить въ образахъ, ярко и сильно освѣщенныхъ, сопоставить массу противоположностей, когда вѣрится, что такимъ путемъ можно достичь намѣченной цѣли.

Но сила жизни понемногу дѣлала свое дѣло и задоръ молодости смѣнился болѣе спокойнымъ и объективнымъ отношеніемъ. Перовъ уже болѣе не поучаетъ, не старается путемъ сатиры будить общественную мысль; тѣмъ не менѣе симпатіи его остаются все тѣ же: обездоленные, несчастные занимаютъ главное мѣсто въ его картинахъ; грусть, а иногда и ужасъ охватываютъ зрителя при взглядѣ на эти глубоко-прочувствованныя сцены, на эти изможденныя лица и на драматизмъ положеній... Такова первая, въ ряду этого цикла, картина «Проводы покойника».

Глухая зимняя пора. Сугробы снѣга намелъ по сторонамъ дороги лихой вѣтеръ. Макушки оголенныхъ деревьевъ качаются и скрипятъ, по небу ползутъ тяжелыя тучи... сѣро на небѣ, сѣро на землѣ и тяжело на душѣ у бѣдной бабы, везущей на погостъ гробъ съ тѣломъ мужа. Сидя на переднемъ концѣ гроба, она кажется забыла объ окружающемъ ее мірѣ, не чувствуетъ ни вѣтра, что треплетъ концы ея платка, ни мороза, проникающаго сквозь ея заплатанный, старый полушубокъ. Она вся ушла въ тяжелую думу: «что дѣлать, чѣмъ жить и кто поддержитъ ее въ непосильной работѣ?.. Жилъ покойникъ—было, какъ будто, хорошо, а, можетъ быть, и не хорошо, и не богато, но за то нужда тяжелая, изъ которой выбиться нельзя и которой конца краю нѣтъ, не смѣла заглянуть въ ихъ избенку. А теперь...?» И она все ниже и ниже склоняетъ свою голову, все тяжелѣе становится у ней на душѣ... А по сторонамъ гроба, въ розвальняхъ, лежатъ, укутанные въ рваную одежду, ребята. Они притихли; они понимаютъ, что мамкѣ тяжело и не до нихъ. Кляченка съ голоду тяжело переступаетъ съ ноги на ногу; вѣтеръ рветъ ея косматую гриву и треплетъ изъ стороны въ сторону ея хвостъ; тяжело ей везти всю семью, взбираясь на пригорокъ, откуда уже вдали виднѣется, утонувшая въ сугробахъ, убогая церковь...

Саврасушка, трогай...
Натягивай крѣпче гужи...
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разъ послужи...

Одинъ Сѣрко не унываетъ... Задравши хвостъ, онъ весело бѣ-

житъ рядомъ съ розвальнями... Ему и при покойничкѣ не доводилось сытно ѣсть, такъ теперь и не привыкать стать къ голодухѣ.

«Очередная у бассейна» принадлежитъ къ тому же роду картинъ. Непроглядная нищета и убожество видны у этихъ собравшихся около фонтана людей, ждущихъ своей очереди нацѣдить ведерко воды. Обѣ картины, посланныя—первая въ Петербургъ въ Общество поощренія художниковъ, а другая—въ Московское общество любителей художествъ, заслужили на конкурсѣ первыя преміи. Нашъ извѣстный писатель Д. В. Григоровичъ, будучи въ то время секретаремъ Общества поощренія художниковъ, слѣдующимъ образомъ выразился про картину:

«Произведеніе Перова въ ряду лучшихъ произведеній того же рода русскихъ художниковъ—достойно занять всегда видное мѣсто... Картина эта показываетъ художника, одареннаго истиннымъ, живымъ и совершенно самобытнымъ талантомъ, художника, обдумывающаго свои произведенія, творящаго безъ спѣха, съ тою любовью и вниманіемъ, какія можетъ дать человѣкъ, смотрящій серьезно на искусство, которому служитъ.»

«Тройка или Ученики-мастеровые», «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ» и «Сцена на почтовой станціи» рисуютъ намъ тяжелое положеніе наемныхъ людей, принужденныхъ путемъ такой работы становиться сплошь и рядомъ въ унизительныя положенія.

Въ особенности характерна въ этомъ отношеніи картина «Пріѣздъ гувернантки». Вся купеческая семья высыпала на встрѣчу бѣдной женщинѣ. «Самъ» такъ торопился познакомиться съ будущей воспитательницей своихъ чадъ, что даже не потрудился одѣться приличнѣе: какъ былъ въ халатѣ, такъ и вышелъ въ переднюю. Безконечная тупость и самодурство разлиты во всей его фигурѣ; «моему праву не препятствуй» чувствуется въ этомъ ожирѣломъ тѣлѣ, въ этихъ скотскихъ, безсмысленно устремленныхъ на пріѣзжую, глазахъ. А что за фруктъ этотъ сынокъ, стоящій у притолоки, можно догадаться по выраженію, съ которымъ онъ смотритъ на гувернантку. Тяжело придется ей въ этой семейкѣ, и не много нужно прозорливости, чтобы рѣшить, что она, промаявшись съ сорванцами нѣкоторое время, сбѣжитъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ.

«Тройка» рисуетъ намъ дѣтей, отданныхъ въ ученье къ мастеровому и, вмѣсто того, чтобы учиться, принужденныхъ исполнять всевозможныя хозяйственныя и домашнія работы и надобности. Такъ, теперь хозяинъ приказалъ имъ привезти бочку воды, и они,

надрываясь и коченѣя отъ жестокаго мороза, спѣшатъ исполнить это приказаніе. Тяжело тянуть имъ въ гору огромную обледенѣлую бочку мимо кремлевскихъ стѣнъ, съ которыхъ вѣтеръ несетъ имъ прямо въ лицо заиндевѣлый снѣгъ, больно сѣкущій ихъ изможденныя физіономіи.

На ряду съ картинами подобнаго содержанія, Перовъ пишетъ картинки, если можно такъ выразиться, безъ всякаго содержанія, но за то отличающіяся необыкновенно тонкой выпиской, очень мало или почти не уступающей Мейсонье, котораго произведенія Перовъ особенно любилъ и изучалъ, будучи заграницей. Изъ картинъ подобнаго рода назовемъ «Гитариста» и «Мальчика-мастерового, засмотрѣвшагося на попугая».

Давая отчетъ Академіи, какъ ея пенсіонеръ, Перовъ въ своемъ донесеніи, при описаніи своихъ работъ, говоритъ, что «со всѣхъ моихъ картинъ, какъ прежде написанныхъ, такъ и тѣхъ, которыя пишу теперь, я предпринялъ снять фотографіи и составить альбомъ; первая тетрадь уже готова, и потому имѣю честь предложить Совѣту принять ее и слѣдующія тетради въ видѣ полнаго отчета о моихъ занятіяхъ прошедшаго и будущаго времени».

На парижскую всемірную выставку 1867 года были посланы въ числѣ прочихъ картинъ русской школы также и произведенія Перова, которыя заняли одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ художественномъ отдѣлѣ и заслужили всеобщія похвалы французской и иностранной печати. Публика также не прошла мимо этихъ маленькихъ полотенъ, гдѣ такъ ярко и сильно выразилось міровоззрѣніе русскаго художника.

Въ томъ же году Перовъ прислалъ на академическую выставку четыре картины: «Чистый понедѣльникъ», «Учитель рисованія», «Утопленница» и «Божья Матерь и Христосъ у житейскаго моря».

Обычная грустная нота звучитъ въ «Учителѣ рисованія» и «Утопленницѣ». Первая картина изображаетъ стараго учителя, дожидающаго прихода своего богатаго ученика. Онъ, сидя у стола, на которомъ разложены бумага и оригиналы, грустно задумался о своей погубленной жизни. Быть можетъ у него былъ талантъ, но тяжелыя условія жизни заставили его взяться за преподаваніе; и вотъ, въ молодости мечтавшій о великихъ твореніяхъ, онъ въ старости принужденъ поправлять носы и губы, нарисованные какимъ-нибудь богатымъ ученикомъ. Грустная и глубоко правдивая картина! Вѣроятно на эту тему натолкнула Перова печальная участь

художника Шмелькова, при всемъ талантѣ принужденнаго существовать исключительно уроками.

Еще болѣе захватывающее впечатлѣніе производитъ «Утопленница». Сѣрое утро только что наступило, и туманъ, еще не успѣвшій подняться, заволакиваетъ весь заднiй планъ. На берегу, разметавшись, лежитъ вынутый изъ воды трупъ молодой женщины... Примостившись къ вытянутой на берегъ лодкѣ, сидитъ городовой и съ полнымъ безучастіемъ, покуривая свою носогрѣйку, смотритъ на трупъ... Въ этой скромной, маленькой картинкѣ заключается такая жгучая сатира на наши общественные нравы и взаимныя отношенія, такой вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго билось и продолжаетъ биться не мало философовъ. Многое можно передумать и понять, смотря на нее...; въ ней Перовъ поднялся почти до высоты философскаго разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ, и, обладай живопись болѣе могучими средствами, чѣмъ краски и кисти, эта картинка, быть можетъ, произвела бы не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ цѣлый рядъ проповѣдей о любви и состраданіи къ ближнему.

На эту тему Перовымъ впослѣдствіи былъ написанъ чрезвычайно поэтичный разсказъ «Фанни подъ № 30», гдѣ описывалась фигура несчастнаго созданія, грѣшнаго тѣломъ, но цѣломудреннаго душой; объ этомъ разсказѣ и о другихъ литературныхъ опытахъ Перова мы поведемъ рѣчь въ свое время.

«Чистый понедѣльникъ» изображаетъ московскихъ Филимона и Бавкиду, возвращающихся изъ бани домой, съ вѣниками подъ мышкой и связкой бубликовъ въ рукахъ... На лицахъ у этой четы написано полное довольство отъ сознанія важности исполненнаго долга: «вотъ и довелось попариться, теперь бы за самоварчикъ», приблизительно такъ думаютъ они.

«Божья Матерь и Христосъ у житейскаго моря», какъ серьезная картина на религіозную тему, быть можетъ и удовлетворяетъ потребностямъ мистически настроеннаго ума, но своимъ появленіемъ на выставкѣ возбудила не мало толковъ въ печати и въ публикѣ. Г. Стасовъ находилъ совсѣмъ неудачною эту картину, какъ по мысли, изображающей воздержаніе отъ страстей, такъ и по исполненію. Вообще можно сказать, что этотъ родъ живописи никогда не давался Перову, не смотря на неоднократныя попытки его.

Академія за эти картины присудила ему званіе академика и ходатайствовала черезъ Министра Двора у Государя Императора о продленіи его пенсіонерскаго содержанія еще на два года въ виду того, чтобы

Рыболовъ (1871 г.).

«дать ему возможность трудиться еще нѣкоторое время безъ заботы о насущномъ содержаніи, особенно въ настоящее тяжелое для художниковъ время, когда нѣтъ сбыта ихъ произведеніямъ».

На этой выставкѣ случился инцидентъ, имѣвшій вліяніе на послѣдующую дѣятельность Перова. Дѣло въ томъ, что одинъ ученикъ московскаго училища живописи и ваянія, нѣкто Брызгаловъ, желая избѣжать солдатчины, съ отчаяніемъ сталъ просить Перова помочь ему въ этомъ. Перовъ согласился руководить его работой, и хотя Брызгаловъ написалъ чрезвычайно плохо свой этюдъ «Старикъ-читальщикъ», но все-же получилъ званіе художника вслѣдствіе того, что Перовъ прошелъ этотъ этюдъ съ начала и до конца.

Мало того—Брызгалову присуждена золотая медаль за экспрессію, чего не имѣлъ даже самъ Перовъ. Удивленный такимъ успѣхомъ, онъ рѣшился начать писать картины крупныхъ размѣровъ, а также приняться за портреты въ натуральную величину.

Съ этого времени Перовъ начинаетъ заниматься портретами въ натуральную величину. На академической выставкѣ 1868 года появились два такихъ его произведенія; одинъ — этюдъ юродиваго «Ѳомушки-Сыча», другой—портретъ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова.

Первый—«Ѳомушка-Сычъ»—считается однимъ изъ лучшихъ созданій Перова по глубинѣ и вѣрности, съ которыми передана психическая сторона этого лица. Въ этомъ отношеніи Перовъ еще до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперниковъ среди нашихъ современныхъ художниковъ. Это былъ необыкновенно тонкій психологъ, умѣвшій часто на лету схватывать характеристическія черты лица и переносить ихъ на полотно. Для Перова всегда на первомъ планѣ стояли данныя внутренняго, психофизическаго свойства. Начиная писать чей-нибудь портретъ, онъ старался проникнуть въ его душу, поймать характерную черту этой души; онъ не довольствовался, подобно другимъ портретистамъ, передачей только внѣшняго облика; поэтому всѣ его портреты такъ живы, что невольно съ языка, смотря на нихъ, срывается восклицаніе: «какъ живой!» Всѣ его картины точно также носятъ въ себѣ слѣды упорнаго и сосредоточеннаго исканія психической стороны, разрѣшенія психической задачи или, подобно «Ѳомушкѣ-Сычу», попытки рѣшить и передать живую психологическую загадку. Перова ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать прекраснымъ живописцемъ: онъ не владѣлъ красотой формъ и красокъ и кажется никогда особенно не гнался

за этимъ, но за то онъ былъ великій художникъ, поэтъ кисти и тонкій психологъ.

На той же выставкѣ были также его двѣ картины: «Послѣдній кабакъ у заставы» и «Сцена у полотна желѣзной дороги». Первая изъ нихъ представляла глубоко-прочувствованный мотивъ: пара крестьянскихъ саней, запряженныхъ въ одну лошадь, стоятъ у кабака, изъ оконъ котораго льется свѣтъ на зимнюю дорогу.

Вторая—«Сцена у полотна желѣзной дороги» представляетъ кучку мужиковъ и бабъ, стоящихъ въ изумленіи передъ паровозомъ желѣзной дороги. Разнообразіе выраженій у мужиковъ показываетъ, насколько Перовъ относился добросовѣстно къ задачѣ и какимъ психологомъ онъ былъ. Эта картина получила первую премію отъ Московскаго общества любителей художествъ на конкурсѣ 1868 г. Изъ портретовъ, писанныхъ въ 1869 году, обращаютъ на себя вниманіе: портреты В. В. Безсонова, А. Ѳ. Писемскаго и А. А. Борисовскаго. Эти портреты, какъ и прежніе, замѣчательны по своей тонкой психологіи, а портретъ Борисовскаго—кромѣ того большимъ успѣхомъ въ колоритѣ. Приготовляясь писать его, Перовъ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы скопировать въ Эрмитажѣ нѣсколько портретовъ старинныхъ мастеровъ: Ванъ-Дика, Веласкеза, Криспи.

Перову были не чужды также и элегическіе мотивы. Раньше мы упоминали о томъ, что онъ былъ записной охотникъ, страстно любившій всѣ виды этого развлеченія; постоянная усидчивая работа мысли, направленная почти исключительно въ отрицательную сторону, утомляла его, и онъ иногда для развлеченія отправлялся въ глушь, на охоту, и тамъ, со свойственной ему наблюдательностью, подмѣчалъ характеры, типы и сцены. Перовъ, авторъ «Проповѣди въ селѣ», «Крестнаго хода на Пасхѣ» и другихъ вещей съ рѣзкой тенденціей, въ то же время былъ авторъ «Птицелова», «Рыболова» и «Охотниковъ на привалѣ». Въ этихъ вещахъ вы встрѣчаетесь уже съ новой стороной его художественнаго дарованія. Насколько онъ былъ силенъ и рѣзокъ въ картинахъ съ обличительнымъ содержаніемъ, настолько въ своихъ элегическихъ произведеніяхъ онъ дѣлался поэтомъ природы и мирныхъ занятій. Добродушный юморъ, вѣрно подмѣченная невинная страстишка разлиты въ этихъ картинахъ. Обыкновенно его мастерство разсказать сюжетъ, подчеркнуть незамѣтно для зрителя то, на что нужно обратить вниманіе, тонкость экспрессіи—все это приковывало всеобщее вниманіе.

«Птицеловъ» появился на выставкѣ 1870 года...

Старикъ, вѣроятно бывшій дворецкій, растянулся на землѣ и, насвистывая въ дудочку, жадно слѣдитъ за западней, держа на готовѣ въ рукѣ конецъ веревки. Сзади него сидитъ внучекъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда можно будетъ бѣжать вынимать попавшуюся птичку.

Чрезвычайно характерна фигура старика; кому приходилось видѣть этотъ, уже теперь вымирающій, типъ старыхъ слугъ, живущихъ на покоѣ и на пенсіи отъ господъ, тотъ несомнѣнно сейчасъ же можетъ узнать въ немъ одного изъ представителей высшей деревенской іерархіи. Мнѣ онъ представляется непремѣнно дворецкимъ, какимъ моя память сохранила этотъ типъ. Лежа на землѣ за толстыми деревьями, въ бархатныхъ сапогахъ, «Птицеловъ» тихонько посвистываетъ въ дудочку. Онъ весь ушелъ въ это занятіе, въ тоже время зорко наблюдая старческими, немного подслѣповатыми глазами за западней. Кругомъ тихій, теплый осенній день—листья уже достаточно пожелтѣли и устилаютъ пушистымъ ковромъ землю.

Можно прямо сказать, что въ этой картинѣ Перовъ превзошелъ самого себя. Вмѣстѣ съ «Проводами покойника» эта картина — лучшее произведеніе его, доходящее по силѣ разсказа почти до высоты литературнаго произведенія. Здѣсь все понятно, взято чрезвычайно поэтично и въ то-же время чрезвычайно просто.

В. В. Стасовъ находитъ много общаго между Тургеневымъ и Перовымъ. Это сравненіе, по нашему мнѣнію, очень удачно, гораздо удачнѣе параллели между Мусоргскимъ и Перовымъ. «Птицеловъ» какъ-будто выхваченъ изъ лучшихъ разсказовъ Тургенева, разсказанъ не менѣе талантливо, живо и увлекательно и полонъ самой ясной свѣжести и задушевной прелести. Въ чисто техническомъ отношеніи эта картина представляетъ шагъ впередъ: она даже колоритна, что было замѣчено всѣми знатоками и присяжной критикой. За нее Перовъ получилъ званіе профессора, оставаясь въ тоже время пенсіонеромъ Академіи.

Любопытенъ его эскизъ «Бесѣда двухъ студентовъ съ монахомъ», сдѣланный имъ тогда же. Это совсѣмъ неоконченное произведеніе, но, не смотря на то, зритель вполнѣ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Два противоположныя направленія случайно встрѣтились и не преминули сначала вступить въ разговоръ, а потомъ—завести и споръ.

«Помилуйте, что вы говорите», усовѣщиваетъ одинъ студентъ монаха, «...Дарвинъ въ своемъ трудѣ «Происхожденіе видовъ» говоритъ, что...» и пошелъ чесать, сыпля термины, вставляя цитаты.

Монахъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, припертъ къ стѣнѣ и ему ничего не остается дѣлать, какъ, возведя очи горе, отдаться великодушію побѣдителей. Гдѣ ему, наивно и чисто вѣрующему, съ душой, въ которой никогда до этой встрѣчи не западало сомнѣній въ правотѣ исповѣдуемыхъ убѣжденій, спорить съ такими учеными господами, каковы эти студенты. И пойдетъ онъ отъ нихъ съ отуманенной головой, понявши изъ пятаго въ десятый всю эту ученую рацею... Прощай, душевный миръ и ничѣмъ невозмутимое спокойствіе!

Въ 1870-мъ году Перовъ послѣдній разъ участвовалъ своими произведеніями на академической выставкѣ.

Слѣдующій годъ онъ провелъ въ хлопотахъ по организаціи Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ, членомъ котораго онъ былъ около пяти лѣтъ. Объ этомъ мы скажемъ болѣе подробно въ слѣдующей главѣ, а теперь упомянемъ, что въ 1867 г. Перовъ перенесъ большое горе: у него умерла сначала жена, а потомъ — двое старшихъ дѣтей: сынъ и дочь; остался въ живыхъ только младшій, Владиміръ. Кромѣ того, потрясенный этою потерею, онъ самъ опасно заболѣлъ.

Впослѣдствіи, въ 1874 году, ясно впервые выразились признаки той болѣзни, которая преждевременно свела его въ могилу.

IV.

Товарищество передвижныхъ выставокъ. — «Охотники на привалѣ». — «Рыболовъ». — «Выгрузка извести». — Перемѣна въ Перовѣ. — Размолвка съ членами Товарищества. — Письмо къ Крамскому. — Его дѣятельность въ качествѣ преподавателя. — Взглядъ на искусство. — Верещагинская выставка и письма Перова къ В. Стасову. — «Пугачевцы». — «Никита Пустосвятъ». — Значеніе этой картины. — Письмо Лѣскова. — Религіозные сюжеты. — Литературная дѣятельность Перова. — Его разсказы. — Портретъ Государя Императора. — Болѣзнь. — Смерть. — Посмертная выставка.

Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ устроилось на развалинахъ бывшей С.-Петербургской артели художниковъ, большинство членовъ которой вступило въ составъ Товарищества. Артель образовалась изъ 13 молодыхъ академистовъ, отказавшихся въ 1863 году отъ конкурса на большую золотую медаль. Мотивомъ этого отказа было нежеланіе конкурентовъ писать программу на заданную тему, что они считали стѣсненіемъ ихъ художественной

свободы; такъ какъ Академія не могла согласиться предоставить имъ свободный выборъ сюжетовъ, то они принуждены были выйти изъ нея и образовали вышеупомянутую артель на началахъ товарищества и общности интересовъ.

Это была первая и довольно успѣшная попытка избавиться отъ академической опеки; попытка эта къ сожалѣнію продолжалась немного болѣе шести лѣтъ, и уже ко времени образованія Товарищества между членами Артели была непріязненность, доходившая иногда до рѣзкихъ выходокъ и полнаго разрыва. Идея Товарищества подоспѣла какъ нельзя болѣе кстати для того, чтобы снова сплотить разрушающуюся Артель и сохранить принципы, которыми она руководилась, но только подъ другой фирмой. Собственно говоря, Товарищество есть естественное продолженіе Артели, возникшей по иниціативѣ Крамского. Съ первыхъ же шаговъ своего существованія, оно заявило себя приверженцемъ національнаго направленія въ искусствѣ, съ которымъ было связано представленіе о правдѣ и вѣрности.

Характеръ этотъ за всѣ 22 года существованія Товарищества неуклонно проявлялся на каждой выставкѣ и пріобрѣталъ все большее и большее число поклонниковъ и адептовъ.

Не лишнимъ будетъ вспомнить исторію возникновенія Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Иниціатива этого предпріятія принадлежитъ извѣстному художнику Г. Г. Мясоѣдову. Будучи еще пенсіонеромъ Академіи за-границей, онъ задумалъ основать такое общество художниковъ, которое могло бы существовать вполнѣ самостоятельно отъ Академіи. По возвращеніи въ Россію онъ сталъ часто посѣщать собранія членовъ Артели и однажды, на одномъ изъ такихъ собраній, подалъ мысль объ устройствѣ Товарищества. Члены Артели приняли эту идею довольно холодно, и Мясоѣдовъ принужденъ былъ искать поддержки и сочувствія среди московскихъ художниковъ, изъ числа которыхъ Перовъ первымъ примкнулъ къ нему. Вдвоемъ они успѣли навербовать въ Москвѣ лицъ, сочувствовавшихъ ихъ идеѣ, и тогда снова попытались провести ее между художниками Петербурга. Однако и на этотъ разъ ихъ попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Члены Артели хотя и не такъ холодно приняли ее, но все же не могли согласиться со многимъ.

Они находили, что «устройство передвижныхъ выставокъ въ Россіи—дѣло до того новое, что невозможно заранѣе опредѣлить всѣхъ

его обстоятельствъ, а потому было-бы неудобно заранѣе установить какія либо правила для такихъ выставокъ и ходатайствовать объ ихъ утвержденіи установленнымъ порядкомъ».

Артель предлагала вмѣсто новаго устава—довольствоваться ея уставомъ, дававшимъ ей право устраивать выставки повсемѣстно; но московскіе художники не соглашались на такую комбинацію и настаивали на своемъ предложеніи. Они писали въ Артель, что «нужно хлопотать объ утвержденіи устава передвижныхъ выставокъ по городамъ имперіи—это главное» и что «главная идея устава, помимо матеріальной цѣли, есть распространеніе искусства, но отнюдь не желаніе идти въ разрѣзъ съ какимъ либо другимъ художественнымъ учрежденіемъ».

Какъ бы тамъ ни было, только вся эта исторія кончилась благополучно и ко взаимному удовольствію.

Уставъ «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ» былъ подписанъ 15 художниками (Перовъ, Мясоѣдовъ, Каменевъ, Саврасовъ, Прянишниковъ, Крамской, М. К. и М. П. Клодтъ, Шишкинъ, К. Е. и В. Е. Маковскіе, Якоби, Корзухинъ и Лемохъ) и утвержденъ 2-го ноября 1870 года министромъ внутреннихъ дѣлъ. Черезъ годъ, въ декабрѣ 1871 года, открылась въ Петербургѣ первая передвижная выставка картинъ, съ которой можно считать начало золотого вѣка нашего искусства.

Еще раньше утвержденія устава Товарищества между Перовымъ и Академіей происходили постоянныя неудовольствія. Такъ, онъ въ 1869 году обратился въ правленіе Академіи съ письмомъ, въ которомъ писалъ слѣдующее:

«Прошу покорнѣйше Правленіе увѣдомить меня, когда я получу наконецъ слѣдующую треть, которую я долженъ былъ бы получить въ сентябрѣ мѣсяцѣ; вотъ ужъ прошелъ октябрь, ноябрь и декабрь, но я не имѣю никакого свѣдѣнія, не смотря на мою убѣдительную просьбу. Кромѣ того, я взялъ на срокъ для академической выставки портреты Писемскаго и Борисовскаго и долгое время не получаю ихъ обратно. Подобная неаккуратность доведетъ до того, что никто не будетъ давать вещей для выставки, а потому прошу покорнѣйше Правленіе увѣдомить меня, чтобы я могъ дать положительный отвѣтъ владѣльцамъ портретовъ, когда они могутъ получить ихъ, а также кстати написать, когда я получу сентябрьскую треть. Если Правленіе не можетъ выдать мнѣ третныя деньги въ скоромъ времени, то я прошу извиненія въ томъ, что обращусь къ Министру Двора, потому что въ настоящее время, по моимъ занятіямъ, нахожу это необходимымъ.»

Это письмо конечно должно было произвести разрывъ между Перовымъ и Академіей и способствовало его переходу въ Товарищество. Взявъ на себя обязанность члена правленія, Перовъ шесть лѣтъ исполнялъ эту должность и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ дѣятельнымъ членомъ Товарищества. На первой выставкѣ были двѣ его картины: «Охотники на привалѣ» и «Рыболовъ».

Кому неизвѣстно довольно распространенное мнѣніе, что нѣтъ бо̀льшихъ лгуновъ, чѣмъ среди охотниковъ. Страсть преувеличивать свои подвиги у многихъ изъ нихъ доходитъ до карикатурности, до небывалыхъ размѣровъ. Немвродъ, этотъ первый охотникъ и «большой ловецъ передъ Господомъ», вѣроятно и первый подалъ примѣръ такому обычаю; Мюнхгаузенъ продолжалъ съ большимъ искусствомъ поддерживать эту репутацію, которая въ наши дни распространена во всѣхъ частяхъ свѣта. Но это лганье бываетъ по большей части самаго невиннаго свойства, такого, про который обыкновенно говорятъ добродушно: «не любо—не слушай, а врать не мѣшай». Одинъ изъ такихъ записныхъ лгуновъ и представленъ на картинѣ Перова. Расположившись на привалѣ вмѣстѣ съ товарищемъ по охотѣ, молодымъ еще и неопытнымъ охотникомъ, онъ разсказываетъ этому послѣднему какое-то ужасное происшествіе изъ своей охотничьей практики, немилосердно прикрашивая и перевирая его. «Представьте себѣ: этакій, чортъ возьми, медвѣдь... ростомъ сажени полторы, лапищи—вотъ какія! А у меня ружье заряжено бекасинникомъ... Что дѣлать? Подлая Альфа конечно—стрекача; кругомъ ни деревца, ни кустика, гладко, какъ ладонь. Э, была не-была, думаю себѣ, приложился прямо между глазъ... да, съ Божьей помощью, и всадилъ весь зарядъ ему въ лобъ. Представьте,—на повалъ!» — «Ну и здоровъ-же баринъ врать», думаетъ, ухмыляясь, мужичонка-проводникъ.

Эта картина принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій Перова и мало чѣмъ уступаетъ въ техническомъ отношеніи «Птицелову». Игра лицъ такъ выразительна, что доходитъ почти до иллюзіи, чему помогаетъ и большая величина какъ самаго полотна, такъ и его фигуръ. Колоритъ картины уступаетъ колориту «Птицелова», она вся написана въ довольно смутномъ, сѣромъ тонѣ.

Другая картина—«Рыболовъ», подобно «Птицелову», чисто элегическаго характера; это—поэма въ краскахъ или, скорѣе, талантливѣйшій разсказъ, съ вѣрно подмѣченной характеристикой дѣйствующаго лица и волнующихъ его ощущеній. Мы упоминали уже,

что Перовъ, со времени успѣха картины Брызгалова «Читальщикъ», принялся за портреты въ большую величину. Но, начавъ писать ихъ, онъ не писалъ всѣхъ, кто только къ нему обращался, а задумалъ своей кистью оставить потомству черты нашихъ лучшихъ представителей науки, искусства и литературы.

Онъ написалъ цѣлую галерею подобныхъ портретовъ и былъ у насъ первымъ художникомъ, который понялъ всю важность подобной галереи для исторіи развитія русской мысли. За нимъ уже пошли Крамской, Рѣпинъ и другіе, съ своими не менѣе замѣчательными портретами русскихъ дѣятелей.

Еще на академическихъ выставкахъ Перовъ помѣстилъ три такихъ портрета: Николая и Антона Рубинштейна и Писемскаго. Затѣмъ на передвижныхъ выставкахъ онъ выставилъ цѣлую плеяду нашихъ знаменитостей: Погодина, Тургенева, Даля, Аполлона Майкова, и наконецъ самый лучшій вообще изъ всѣхъ написанныхъ имъ портретъ Ѳ. М. Достоевскаго.

Всѣ эти портреты отличаются, кромѣ необыкновеннаго сходства съ оригиналомъ, еще и вѣрной передачей его души и наклонностей. Вниманіемъ нашей присяжной критики въ особенности пользовался портретъ Достоевскаго, который, кромѣ того, въ техническомъ отношеніи былъ избавленъ отъ обыкновенныхъ недостатковъ Перова, т. е. краски его были свѣжѣе и колоритнѣе, чѣмъ въ остальныхъ портретахъ. Вообще, какъ портретистъ, Перовъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ не только у насъ, въ Россіи, но и за-границей. Но онъ былъ портретистъ серьезной школы, не увлекающійся эффектомъ обстановки въ ущербъ самому портрету, какъ это мы видимъ у большинства современныхъ художниковъ. Если онъ писалъ чей нибудь портретъ, то въ рѣдкихъ только случаяхъ приписывалъ на фонѣ какую нибудь подробность, ограничиваясь обыкновенно сплошнымъ, воздушнымъ фономъ.

На второй передвижной выставкѣ была его картина «Выгрузка извести на Днѣпрѣ», въ общемъ слабая и недостигающая эффекта, задуманнаго Перовымъ. Распорядители выставки назвали эту картину въ каталогѣ эскизомъ, чѣмъ былъ очень недоволенъ Перовъ, возлагавшій на нее большія надежды. Но въ данномъ случаѣ онъ былъ не правъ, такъ какъ, кромѣ небрежности исполненія, картина эта страдала еще и отсутствіемъ сюжета.

Съ этого времени начинаются его постоянныя размолвки съ членами Товарищества, хотя онъ еще года два участвуетъ на передвиж-

Охотники на привалѣ (1871 г.).

ныхъ выставкахъ. Но картины, присылаемыя имъ на эти выставки, уже больше не напоминали прежняго Перова. Это были все большей частью какія-то апатичныя, лишенныя энергіи и жизни вещи, съ вялымъ и сухимъ исполненіемъ. Изъ картинъ, написанныхъ въ этотъ періодъ времени, самою лучшей можно считать «Юродиваго».

Эта картина опять какъ будто напоминала манеру прежняго Перова и произвела сильное впечатлѣніе. У стѣны одной изъ московскихъ церквей стоитъ полуголое существо, на которомъ ветхую, рваную рубашку рветъ сердитый зимній вѣтеръ; юродивый этотъ весь обвѣшанъ веригами, которыя глухо стучатъ другъ объ друга. Онъ глупо, безсмысленно смѣется и бормочетъ про себя вѣроятно одну изъ тѣхъ рѣчей, до смысла которыхъ труднѣе добраться, чѣмъ разобрать клинообразныя надписи на стѣнахъ Ниневіи. Кто видѣлъ подобныя фигуры, теперь уже исчезающія, тотъ вполнѣ отдастъ справедливость Перову за необыкновенный реализмъ и психологическую сторону картины. Но нельзя похвалить такимъ же образомъ другія его картины: «Отпѣтый», «Возвращеніе съ купанья», «Странникъ-семинаристъ».

Словно что-то нашло на Перова въ это время, измѣнило его душевное состояніе и унесло его постоянную ясность ума. Все болѣе и болѣе онъ начинаетъ сердиться на своихъ сотоварищей и наконецъ, по поводу требованія отъ него петербургскими членами отчета по завѣдыванію дѣлами Товарищества, онъ начинаетъ писать одно за другимъ очень рѣзкія письма.

«На письмо ваше, — писалъ онъ 5 февраля 1876 года,—я могу отвѣтить слѣдующее: отчетъ, вами посланный, получилъ, но онъ такъ сложенъ и запутанъ, что добиться сути его не легко. Что онъ вамъ кажется вѣренъ, то это очень естественно. Что же касается до того, что вы молчаніе мое приняли за согласіе, то это мнѣ показалось страннымъ, хотя я не утверждаю того, что мой отчетъ вѣренъ. Нужно прежде узнать: позволяли-ли мнѣ время и здоровье заниматься пересмотромъ отчета, и тѣмъ болѣе, что я не считаю себя обязаннымъ немедленно и безъ всякихъ возраженій исполнять чье бы то ни было предписаніе. Состоя съ открытія общества членомъ правленія и кассиромъ московскаго отдѣленія, жертвуя временемъ и трудомъ во имя только чего-то, я думалъ, что этимъ дѣлаю одолженіе обществу, а никакъ не общество мнѣ. Въ настоящее время я нанялъ бухгалтера, который приводитъ въ полный порядокъ отчетъ мой за всѣ года, который по окончаніи будетъ присланъ вамъ. Такъ какъ я боленъ, то покорнѣйше прошу Васъ обращаться съ дѣлами

общества къ другому члену правленія, т. е. къ Маковскому... Относительно себя ничего опредѣленнаго не могу сказать; если успѣю, то пришлю на выставку картину, размѣромъ 2 арш. въ вышину и $1^1/_2$ арш. ширины.»

«Препровождаю при семъ,—писалъ онъ 15 марта того же года,—отчетъ московскаго отдѣленія за время существованія нашего общества, который приведенъ въ полный порядокъ. За четверть года оказалось недочету 155 р. 80 к., которые я и просилъ московскихъ членовъ пополнить изъ моего фонда. Въ настоящее время я передалъ всѣ дѣла по обществу Вл. Ег. Маковскому, котораго московскіе члены избрали кассиромъ. Надѣюсь, что моя пятилѣтняя посильная служба обществу даетъ мнѣ право просить Товарищество не избирать меня болѣе въ члены правленія на будущее время, такъ какъ эту обязанность нахожу справедливымъ раздѣлить на всѣхъ поровну. Я къ сожалѣнію не кончилъ своихъ картинъ, а потому и не могъ прислать ихъ на выставку настоящаго года.»

Послѣднимъ его письмомъ, касающимся Товарищества, былъ отвѣтъ Крамскому, 13 апрѣля 1877 года, ироническій по тону, гдѣ онъ отказывался отъ членства. Чрезвычайно жаль, что не сохранилось письма Крамского, такъ какъ это давало бы возможность судить намъ о степени правоты Перова по отношенію къ Крамскому и другимъ членамъ Товарищества. Приводимъ это письмо цѣликомъ:

«Получилъ я ваше наилюбезнѣйшее письмо, въ которомъ вы хотя и предоставляете мнѣ право не отвѣчать вамъ (вѣроятно зная мою лѣность писать письма), но тѣмъ не менѣе я не только съ удовольствіемъ отвѣчаю на ваше письмо, но даже хочу еще разъ высказать причины, побуждающія меня оставить общество Товарищества. Вы говорите въ письмѣ вашемъ, что вполнѣ понимаете мотивы серьезные, когда вранье есть подлость. Я иду дальше и хочу считать гадостью всякое вранье и во всякіе моменты жизни. Если вы не вѣрили мнѣ, когда я вамъ высказалъ мой взглядъ на дѣла нашего общества, что было прошедшей зимой, то мнѣ остается сожалѣть о томъ, что я ошибся въ вашей искренности, ибо вы не только не возражали мнѣ за нѣкоторымъ исключеніемъ, но какъ будто соглашались со мной во многомъ. Все, что было уже разъ сказано мною, повторяю теперь въ письмѣ, и болѣе для того, что писанному принято вѣрить больше, чѣмъ сказанному.

«Выхожу я изъ общества, потому что не раздѣляю идеи, которой руководится въ настоящее время большинство членовъ. Я не согласенъ съ дѣйствіями общества и нахожу многія изъ нихъ не только не основательными, но даже и несправедливыми, и потому

считаю себя не вправѣ быть членомъ того общества, которое не могу не порицать.

«Шесть лѣтъ тому назадъ первому пришла идея основать общество Гр. Гр. Мясоѣдову, на основаніи того, что Академія не совсѣмъ справедливо получала большіе доходы съ произведеній художниковъ и при этомъ считала лишнимъ даже озаботиться послать картину обратно къ ея автору. Указывая между прочимъ на это обстоятельство, Г. Г. Мясоѣдовъ совершенно справедливо сказалъ: «Отчего сами художники не собираютъ доходовъ со своихъ трудовъ?» Вотъ основа общества. Многимъ понравилась мысль его, и составилось Товарищество. Никакихъ же гуманныхъ иллюзій и патріотическихъ чувствъ совсѣмъ и не было: они бы вытекали сами собой изъ простого дѣйствія товарищества. Такъ точно, какъ если бы кто пожелалъ украсить свой домъ картинами, то по необходимости долженъ бы былъ обратиться къ художникамъ и тѣмъ принести имъ пользу. Рѣшили также посылать иногда картины и въ провинцію, если это будетъ не иначе какъ выгодно. Положеніе художника въ Россіи не завидное, а потому и главной цѣлью основателя общества было, если не обезпечить, то по крайней мѣрѣ сколько нибудь улучшить его положеніе. Такъ думали вначалѣ. Теперь общество преслѣдуетъ уже другую цѣль: оно положило себѣ задачей заботиться не столько о пользѣ своихъ членовъ, сколько старается о развитіи или привитіи потребности къ искусству въ русскомъ обществѣ. Я не спорю, что эта цѣль высокая и прекрасная и была бы совершенно умѣстна, если бы всѣ члены общества были одинаково обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, чего къ сожалѣнію нѣтъ. Да и не всѣ способны на безкорыстныя жертвы: по крайней мѣрѣ я первый отказываюсь работать во имя этой идеи, а потому и не хочу незаслуженно пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ интеллигентнаго общества, о которомъ вы пишете.

«Я люблю искусство и не менѣе художниковъ, а именно тѣхъ, которыхъ я знаю лично, или другихъ, по ихъ произведеніямъ, и съ большой охотой готовъ и буду заботиться объ ихъ пользѣ въ настоящемъ (ежели когда либо составится такое общество), но объ искусствѣ и художникахъ будущаго вѣка, мнѣ кажется, забота не наша. Зерно, брошенное въ землю, если только попало на хорошую почву, не требуетъ ухода; если же, по несчастью, оно упало на каменистую, то какъ вы его ни поливайте, плода не будетъ, а ежели и будетъ оный, то такой несчастный, что, пожалуй, лучше бы ему и не быть.

«Что наше Товарищество не совсѣмъ удачно прививаетъ искусство, доказательствомъ тому можетъ служить то, что провинція все менѣе и менѣе даетъ пользы Товариществу или, сказать другими словами въ духѣ нѣкоторыхъ членовъ, что любовь и потребность

4*

къ искусству или эстетическая жажда не увеличивается, а скорѣе уменьшается сравнительно съ прежними годами. Вы можетъ быть скажете, что нельзя же все вдругъ,—хорошее еще въ будущемъ. Пусть такъ, хотя я не вполнѣ этому вѣрю. Но въ чемъ не сомнѣваюсь, то это въ томъ, что польза въ настоящее время — одному сопровождающему выставку. Онъ получаетъ гораздо и гораздо болѣе, чѣмъ каждый членъ (за исключеніемъ немногихъ), если даже сложить вмѣстѣ его годовой заработокъ съ получаемымъ дивидендомъ.

«Что-же касается второго пункта, что я нахожу нѣкоторыя дѣйствія Общества несправедливыми,—то прошу извинить меня, если я по поводу этого не скажу, что я думаю, тѣмъ болѣе, (что) высказывая откровенно свои мнѣнія, пришлось-бы коснуться нѣкоторыхъ лицъ, а также и дѣйствій Собранія. Не желая объясненій, я этимъ ограждаю себя, на прощаніе, отъ могущихъ возникнуть непріязненныхъ отношеній съ товарищами. Но скажу лишь одно, что мнѣ многое не нравится въ дѣйствіяхъ Общества, и прошу васъ на сей разъ повѣрить, что письмо мое на столько-же искренно, какъ и ваше.

«P. S. Меня не мало удивляетъ, зачѣмъ Товарищество прислало картину Г. Литовченко, которая, сказать по правдѣ, никому не нравится въ Москвѣ, да я думаю, что также не много приходящихъ въ восторгъ отъ нея и въ Петербургѣ, а дивидендъ она вѣроятно потребуетъ не малый. Это странно тѣмъ болѣе, что Г. Литовченко даже не членъ Общества. Изъ этого я вижу ложный принципъ дѣйствій Общества и какъ будто желаніе какъ можно болѣе набрать членовъ, чтобы уменьшить и безъ того уже ничтожный доходъ. И потомъ, количество членовъ не есть еще процвѣтаніе Общества, а скорѣе его упадокъ. Въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ и думаю, гдѣ много собравшихся, тамъ конечно можно ожидать много и хорошаго, а еще болѣе дурного, что и было, какъ я слышалъ, съ Артелью художниковъ, когда-то существовавшей въ Петербургѣ.»

Перовъ, какъ извѣстно, былъ преподавателемъ живописи въ классахъ Московскаго училища Живописи и Ваянія. Онъ былъ приглашенъ на эту должность въ 1871 году и до самой смерти исполнялъ ее со свойственной ему добросовѣстностью. Лѣтопись Московскаго училища не можетъ указать болѣе лучшаго руководителя молодого поколѣнія художниковъ, чѣмъ Перовъ.

На сколько онъ былъ талантливъ, какъ художникъ, на столько же и какъ профессоръ. Нѣсколько десятковъ извѣстныхъ именъ можно насчитать среди бывшихъ учениковъ Перова, которому они обязаны всѣмъ своимъ художественнымъ развитіемъ. Онъ училъ и говорилъ то, что дѣлалъ, и такой примѣръ конечно не могъ не имѣть авторитетности въ глазахъ учениковъ и обаянія на нихъ. Для при-

мѣра приведемъ здѣсь нѣкоторыя его мнѣнія относительно задачъ искусства, которыя онъ вложилъ въ уста своего бывшаго учителя Мокрицкаго, но которыя были собственно его profession de foi:

«Чтобы быть вполнѣ художникомъ,—говоритъ онъ тамъ,—нужно быть творцомъ; а чтобы быть творцомъ, нужно изучать жизнь, нужно воспитать умъ и сердце; воспитать — не изученіемъ казенныхъ натурщиковъ, а неусыпной наблюдательностью и упражненіемъ въ воспроизведеніи типовъ и имъ присущихъ наклонностей... Этимъ изученіемъ нужно такъ настроить чувствительность воспринимать впечатлѣнія, чтобы ни одинъ предметъ не прошелъ мимо васъ, не отразившись въ васъ, какъ въ чистомъ и правильномъ зеркалѣ... Художникъ долженъ быть поэтъ, мечтатель, а главное — неусыпный труженикъ... Желающій быть художникомъ долженъ сдѣлаться полнымъ фанатикомъ,—человѣкомъ, живущимъ и питающимся однимъ искусствомъ и только искусствомъ.»

«Конечно,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того-же разсказа по поводу Зарянко,—никто не станетъ считать передачу одной внѣшней стороны, хотя бы даже исполненной и до обмана глазъ, за истинное искусство. Къ великому однако сожалѣнію, публика, любители, а нерѣдко даже и сами художники падки на эти приманки. Зачастую и эти послѣдніе восторгаются и восхищаются какой-нибудь до того натурально написанной шляпой, что отъ восторга въ нее хочется только плюнуть; восхищаются кувшиномъ на громадной картинѣ, забывая о цѣлой сотнѣ хорошо исполненныхъ фигуръ; восхищаются старинной серебряной кружкой, персидскимъ ковромъ и всякой всячиной, не имѣющей ровно никакого смысла, кромѣ виртуознаго исполненія и другихъ техническихъ достоинствъ.»

Всю жизнь онъ исповѣдывалъ эти убѣжденія и ни на одинъ шагъ не отступалъ отъ нихъ, чему доказательствомъ могутъ служить всѣ его произведенія, каждое въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ. Если-бы пришлось когда-нибудь собрать всѣ произведенія Перова въ одномъ мѣстѣ, чего къ сожалѣнію нельзя сдѣлать, то мы были-бы изумлены той необыкновенной цѣльностью впечатлѣнія и послѣдовательностью, которыя въ общемъ они давали-бы намъ.

Какъ чуткій человѣкъ, Перовъ не могъ пропустить мимо такого необыкновеннаго явленія, какъ выставка туркестанскихъ картинъ Верещагина. Въ письмѣ къ извѣстному критику В. Стасову онъ жалуется на равнодушіе москвичей къ этимъ картинамъ:

«Мое мнѣніе таково, что искусство совершенно лишнее украшеніе для матушки Руси, а можетъ еще не пришло время, когда

мода на искусство выразится сильнѣе, а потому и любовь къ нему будетъ замѣтнѣе.»

Въ другомъ письмѣ къ В. В. Стасову, на просьбу этого послѣдняго высказать свое мнѣніе о картинахъ Верещагина, онъ пишетъ слѣдующее:

«Вы мнѣ задали многотрудную работу — высказать мое мнѣніе, а также и другихъ московскихъ художниковъ, по поводу картинъ В. В. Верещагина; тѣмъ болѣе это трудно, что я знаю по опыту, какъ опасно писать людямъ, пишущимъ критическія статьи,—я говорю вообще, васъ-же я считаю великодушнѣе другихъ, а потому и пишу съ большей увѣренностью въ томъ, что мои смиренныя строки не будутъ представлены на обсужденіе и порицаніе всего читающаго люда... По моему мнѣнію, картины г-на Верещагина представляютъ книгу большого объема, которую нужно сначала разобрать, понять ея смыслъ, и тогда уже, не увлекаясь ни похвалой, ни порицаніемъ, воздать должное творцу и сотворенному, и, вслѣдствіе такого моего взгляда на вещи, я въ настоящее время о картинахъ г-на Верещагина сказать ничего не могу, потому что еще самъ не понялъ ихъ смысла, ни ихъ значенія въ той степени, въ какой-бы желалъ понять и уяснить ихъ для себя.» Письмо это онъ заключалъ такъ:

«Статью Тютрюмова не читалъ, а потому и не могу какъ согласиться, такъ и не согласиться съ его мнѣніемъ; мнѣ кажется, что большинство московскихъ художниковъ не читало этой статьи — и слава Богу! Судя по вашимъ отзывамъ, статья не заслуживаетъ никакого вниманія, какъ и большинство статей по части искусства.»

Въ 1873 году Перовъ, можетъ быть подъ вліяніемъ романа графа Саліаса «Пугачевцы», задумалъ написать цѣлую серію картинъ изъ этой исторической эпохи и для этого ѣздилъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ писалъ этюды съ мѣстныхъ типовъ и знакомился съ ихъ характеромъ. Онъ хотѣлъ изобразить въ задуманныхъ картинахъ стихійность народнаго движенія, не разбиравшаго ни правыхъ, ни виноватыхъ, но такая задача ему, уже больному, оказалась не подъ силу.

Послѣ его смерти остались двѣ редакціи одной и той-же картины «Пугачевцы», изъ которыхъ первая была несравненно удачнѣе второй. Обѣ онѣ изображали судъ надъ помѣщиками.

На крыльцѣ помѣщичьяго дома сидитъ Пугачевъ, окруженный толпой своихъ приближенныхъ, разбойничьи лица которыхъ чрезвычайно характерны. Идетъ церемонія присяги, которую производитъ жалкій, несчастный, трясущійся отъ страху, священникъ. На

дворѣ, передъ Пугачевымъ, скучена толпа народа, въ первыхъ рядахъ которой стоитъ помѣщичье семейство, члены котораго, кто съ отчаяніемъ, кто съ твердостію и мужествомъ, относятся къ своему положенію. На заднемъ планѣ, на зловѣщемъ фонѣ пожара, силуэтами вырисовываются висѣлицы.

Будь эта картина въ первой ея редакціи кончена, она была-бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ для русскаго искусства. Большинство типовъ даетъ чрезвычайное впечатлѣніе, а въ общемъ вся сцена — нѣчто ужасное. Жаль только, что фигура Пугачева вышла не совсѣмъ удачна, хотя видимо Перовъ работалъ надъ ней больше всего.

Къ тому-же роду картинъ принадлежатъ также «Поволжскіе хищники». Но самая значительная его картина на историческую тему—«Никита Пустосвятъ», которая и по размѣрамъ своимъ больше всѣхъ другихъ картинъ. Сцена представляетъ внутренность Грановитой палаты. Никита, разъяренный споромъ и удачнымъ ударомъ по головѣ суздальскаго митрополита Афанасія, упавшаго навзничъ на ступеньки трона, наступаетъ на патріарха съ сжатыми кулаками. Эта фигура одна могла-бы быть цѣлой картиной; во всей русской школѣ живописи нельзя найти другой, подобной ей, гдѣ-бы такъ поразительно вѣрно разгаданъ былъ характеръ этого фанатика раскола. Кругомъ его толпа раскольниковъ, пришедшая защищать съ нимъ общее дѣло. Она состоитъ изъ всевозможныхъ типовъ, различно выражающихъ свое сочувствіе поступку Никиты, бросающихся избавить Никиту отъ насѣвшихъ на него стрѣльцовъ. Картина полна сильнаго движенія и драматическихъ положеній.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь мнѣніе Н. С. Лѣскова, знатока нашего раскола, съ которымъ, т. е. съ мнѣніемъ, онъ выступилъ въ письмѣ къ г. Александрову, редактору «Художественнаго Журнала». На предложеніе этого послѣдняго высказаться печатно по поводу картины Перова, Лѣсковъ написалъ слѣдующее:

«Вы хотите знать мое мнѣніе о картинѣ Перова съ точки зрѣнія человѣка, нѣсколько разумѣющаго исторію раскола. Я полагаю, что съ этой точки картина «Никита Пустосвятъ» представляетъ собою удивительный фактъ художественнаго проникновенія. Расколъ у насъ считали, а многіе до сихъ поръ считаютъ, исключительнымъ дѣломъ темныхъ фанатиковъ съ одной стороны и упрямыхъ церковниковъ съ другой. Тѣ будто о пустякахъ начали спорить, а эти и пустяковъ не хотѣли уступить. И выходитъ какъ будто такъ, что будь столпы господствующей церкви податливѣе, то раскола у насъ бы и совсѣмъ

не было. Такъ это всегда и на картинахъ писывали: однихъ изображали тупицами, а другихъ—безучастными формалистами.

«Щаповъ началъ выводить разсколъ изъ политики и былъ близко у истины, но не стерпѣлъ ея и наговорилъ вздора. Это была треба, которую онъ совершилъ передъ одуряющимъ идеаломъ направленія. Суворинъ въ превосходно написанной и тщательно пройденной рукою графа Льва Толстого брошюрѣ «Патріархъ Никонъ» подошелъ къ предмету еще ближе. Тамъ вы уже видите не политику, какъ хотѣлось Щапову,—а именно религіозную партійность. И Суворинъ правъ. Расколъ есть дѣло не фанатиковъ и не политиковъ, а это дѣло неугомонныхъ московскихъ честолюбцевъ и интригановъ, образовавшихъ религіозную партію, у которой были выгоды враждовать съ «грамотѣями», ибо эти, при своей образованности, видимо «забирали верхъ» при дворахъ царскомъ и патріаршемъ. Такъ это чувствовалось и угадывалось людьми, которые истину любятъ болѣе, чѣмъ свои предвзятыя идеи. Но въ 1882 году въ послѣдней посмертной исторической работѣ усопшаго митрополита Макарія Булгакова мы получили уже фактическія драгоцѣнныя указанія на то, что правительство и церковь готовы были сдѣлать полныя уступки желаніямъ партіи, которую водили за собой враждебные патріарху московскіе протопопы, но тѣ не хотѣли этихъ уступокъ и скрывали ихъ отъ народа. Почему? Обыкновенно думали—будто по тупости. Но митрополитъ Макарій привелъ ясныя доказательства, что тутъ дѣйствовало иное, именно борьба за существованіе. Вожди раскола, поднявшіе религіозную распрю изъ буквенныхъ споровъ, дорожили этою распрею, какъ средствомъ возобладать надъ грамотѣями, которыхъ они имѣли всѣ причины ненавидѣть и бояться. А потому, что̀ бы имъ ни уступало правительство и церковь, для нихъ все было не выгодно, ибо они не хотѣли, не могли хотѣть примиренія, такъ какъ оно уничтожало всякое ихъ значеніе. Споръ и распря, даже самые неудачные, для нихъ были во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе, и они ихъ поддерживали, фанатизируя народъ «сказываніемъ чудесъ». Монахи же, которымъ дѣло религіозное было виднѣй, часто сами недоумѣвали, изъ за чего спорить и куда ихъ тянутъ «дворскіе протопопы». Первый, кто разсмотрѣлъ настоящую суть этой махинаціи,—была Софья, и въ остромъ взглядѣ ея круглыхъ глазъ на картинѣ, при видѣ безумнаго азарта Никиты, надо кажется видѣть именно тотъ моментъ когда она поняла, что тутъ никакія уступки не помогутъ и сказала себѣ:—Это слишкомъ далеко мѣтить!

«Непримиримъ, какъ видите на картинѣ, одинъ Никита, который уже хватилъ крестомъ по лицу архіерея и изъ себя рвется запечатлѣть тѣмъ же патріарха. Съ этимъ человѣкомъ уже нечего и не о чемъ говорить,—ему нужны не уступки, мирящія совѣсть вѣрую-

Никита Пустосвятъ (1871 г.).

9

9

щихъ, а ему нужны распря и бой за преобладаніе его партіи. Онъ одинъ и вождь, и политикъ всего движенія. Фанатики съ нимъ конечно есть, и чрезвычайно типичные, очень похожіе на идолопоклонниковъ; но это все хвостъ, который Никита можетъ откинуть, въ какую ему угодно сторону. Пусть они тычутъ вверхъ иконы и книги, но онъ все это можетъ «замирить», если захочетъ. Всѣхъ безжалостнѣе и спокойнѣе стоятъ за своими аналоями иноки. Два изъ нихъ еще что то доказываютъ, но очень спокойно, а третій справа уже пріумолкъ. Онъ задумался и, выслушавъ доводы и уступки, не знаетъ: стоитъ-ли о чемъ дальше спорить? И не о чемъ дѣйствительно было бы спорить, если бы это было дѣло церковное, а не дѣло партіи придворныхъ интригановъ, которые выпускали такихъ бойцовъ, какъ Никита. Все было подогрѣваемо ими и безъ нихъ все пришло бы къ тому покою, въ которомъ смежилъ свои уста инокъ, стоящій справа за аналоемъ. Въ этихъ трехъ фигурахъ, въ Никитѣ, въ Софьѣ и въ умолкшемъ инокѣ, читается вся драма. Оробѣвшій и повидимому дрожащій патріархъ, пересѣменивающій слабою рукою по цѣпи своей панагіи, репрезентуетъ церковь. Авторитетная власть безъ всякой силы животворящей идеи. Ее можно и не брать въ разсчетъ. Понимаютъ дѣло только уставшій монахъ, Никита, да Софья. Монаху все равно, что сдѣлать,—онъ пойдетъ, гдѣ «трапезнѣе», къ старовѣрамъ или къ нововѣрамъ. Правительство, въ лицѣ Софьи, яснѣе всѣхъ видитъ, что интрига затѣяла съ нимъ долгую распрю и осѣнила ее священнымъ стягомъ вѣры. Оно презираетъ эту дѣйствительно достойную презрѣнія интригу, готовую играть судьбою государства, и рѣшаетъ не дать ей потачки. Интрига лѣзетъ на все, потому что ей уже нечего терять, и у нея нѣтъ никакихъ путей отступленія. Въ общемъ же все это является какъ какой-то историческій фатумъ.

«Въ картинѣ есть кажется лицо, назначенное выражать собой и самую пройдошескую московскую интригу. Мнѣ думается, будто это тотъ коварный толстякъ, который держитъ Пустосвята за одежду. Всмотритесь въ его лицо; не говоритъ ли онъ: «Оставь, отче,—мы его вдругорядь доспѣемъ».

«Можетъ быть я и ошибаюсь, но вѣдь такъ чувствуется, когда я всматриваюсь въ это жирное, безчестное лицо съ отливомъ кощунственной набожности и предательскаго коварства. И потому я гляжу на эту картину, какъ на проникновеніе въ самую задушевную суть историческаго момента, который она изображаетъ.»

Эта картина, какъ и «Пугачевцы», тоже не кончена: вся лѣвая сторона ея, гдѣ царевна Софья, Голицынъ и православное духовенство,—немного болѣе чѣмъ подмалевана, и поэтому не производитъ такого впечатлѣнія, какъ правая.

Не смотря на это, «Никита Пустосвятъ»—одно изъ сильнѣйшихъ

созданій во всей исторической живописи нашего искусства, какъ со стороны «проникновенія», по выраженію Лѣскова, такъ и со стороны техники и красокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношенія она вмѣстѣ съ «Птицеловомъ» составляетъ счастливое исключеніе изъ всѣхъ картинъ Перова. Въ ней онъ даже показалъ удивительную виртуозность кисти: напримѣръ, цвѣтныя стекла въ окнахъ, сквозь которыя льются потоки солнечныхъ лучей, освѣщая и окрашивая сверху бѣснующуюся толпу фанатиковъ. Это такой tour de force техники, который подъ силу только выдающимся колористамъ.

Какъ раньше было сказано, Перовъ также писалъ религіозные сюжеты; онъ очень увлекался чтеніемъ Евангелія и хотѣлъ изобразить всю исторію страданій Христа; но эти сюжеты ему не давались, вѣроятно потому, что характеръ его дарованія не подходилъ къ требованіямъ религіозной живописи. Изъ такихъ картинъ его мы назовемъ: «Страданія Христа въ Геѳсиманскомъ саду» и «Снятіе со креста». Кромѣ того имъ была написана «Голова Іоанна Крестителя на блюдѣ», наиболѣе удачная изъ всѣхъ его картинъ религіознаго содержанія.

Но особенно странной по содержанію являлась его аллегорическая картина «Весна». Ничто въ художественномъ прошломъ Перова не могло дать возможности предугадать появленіе подобной картины, такъ что когда она появилась на посмертной выставкѣ его произведеній—всѣ были буквально поражены.

Существуетъ предположеніе, что она была воспоминаніемъ объ одной дѣвушкѣ, позировавшей какъ-то Перову, или, какъ увѣряли «Московскія Вѣдомости», это была дань молодости, протекшей у Перова въ преслѣдованіи однихъ серьезныхъ мотивовъ.

Подъ вліяніемъ вѣроятно болѣзни, Перовъ въ послѣднее время изъ веселаго и живого превратился въ раздражительнаго и подозрительнаго человѣка. Онъ уже пересталъ довѣрчиво относиться какъ къ людямъ, такъ даже и къ самому себѣ. Ему казалось, что всѣ его картины не стоютъ того вниманія и тѣхъ похвалъ, которыя онѣ заслужили, и сталъ все больше и больше сомнѣваться въ своихъ силахъ и дарованіи.

Хотя и прежде онъ часто бывалъ недоволенъ своими произведеніями, говаривая, что «хорошо-то—хорошо, но думаю, что можно и могу лучше написать»,—теперь это недовольство собой превратилось въ хроническую болѣзнь съ примѣсью какого то озлобленія даже. Онъ уничтожалъ свои картины, передѣлывалъ и портилъ

иногда прекрасныя вещи, какъ напримѣръ «Троицу», вырѣзывалъ изъ картинъ цѣлыя куски и вообще самымъ варварскимъ образомъ относился къ своимъ произведеніямъ. Такъ, онъ уничтожилъ свою прекрасную картину «Старики родители у могилы сына», вырѣзавъ изъ нея отдѣльныя фигуры старичка и старушки, разрѣзалъ на части «Пугачевскій бунтъ» въ первой, лучшей, его редакціи; изъ «Дѣвушки, бросающейся въ воду», сдѣлалъ «Плачъ Ярославны». Вообще душевное его состояніе—рядъ самыхъ необъяснимыхъ загадокъ и противорѣчій. Видимо, что болѣзнь въ это время уже сильно начала подтачивать его крѣпкій организмъ. Чахотка, полученная имъ отъ простуды на охотѣ, впервые ясно выразилась въ 1874 году; съ тѣхъ поръ и начали проявляться его странности.

Оставимъ это на нѣкоторое время и перейдемъ къ его литературной дѣятельности. которая, къ слову сказать, была хоть и не продолжительна, зато показала, что Перовъ обладалъ несомнѣннымъ талантомъ. Большинство его разсказовъ носитъ на себѣ слѣды личныхъ воспоминаній и отмѣчены присущей ему наблюдательностью. Изъ нихъ лучшими можно считать «Наши учителя», «Фанни подъ № 30» и «Генералъ Сафоновъ». «Наши учителя» представляютъ намъ портреты трехъ преподавателей училища живописи и ваянія: Мокрицкаго, Скотти и Зарянко. Несмотря на нѣкоторую видимую иронію, проглядывающую въ описаніи Мокрицкаго, все-таки чувствуется, что авторъ болѣе симпатично относится къ нему, чѣмъ къ другимъ.

Воззрѣнія Мокрицкаго на искусство были въ высшей степени идеальны, и къ тому же онъ былъ наиболѣе знающій и образованный изъ всѣхъ трехъ; онъ былъ хорошо знакомъ съ исторіей итальянской живописи, что впрочемъ ему сильно иногда мѣшало въ пониманіи современныхъ требованій отъ искусства. Его преклоненіе передъ Брюловымъ доходило до смѣшного, и на этой его слабой стрункѣ играли не только его сослуживцы по школѣ, но даже и ученики. Мокрицкій не былъ сильнымъ художникомъ, зато былъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ съ гуманными и чистыми взглядами, и не будь постояннаго соперничества его съ другими преподавателями,—соперничества, въ которомъ онъ всегда проигрывалъ, благодаря безтактности, а также смѣшному способу вести себя, онъ несомнѣнно имѣлъ-бы большое вліяніе на развитіе своихъ учениковъ.

Скотти былъ человѣкъ въ высшей степени самоувѣренный. держалъ себя съ учениками гордо и неприступно, и хотя тоже

былъ не ахти какимъ художникомъ, но, какъ техникъ, стоялъ неизмѣримо выше Мокрицкаго. Его портретъ въ разсказѣ обрисованъ наименѣе удачно. Третій изъ учителей, знаменитый портретистъ Зарянко, представляетъ изъ себя типъ возмутительнаго деспотизма и крайней узости во взглядахъ. Его вліяніе крайне прискорбно отразилось на многихъ молодыхъ талантахъ. Желаніе Зарянко измѣнить преподаваніе перспективы, исходя изъ того взгляда, что у человѣка два глаза и поэтому двѣ точки зрѣнія,—было крайней нелѣпицей, точно такъ-же, какъ и всѣ его воззрѣнія на искусство.

«Генералъ Сафоновъ» представляетъ трогательную страничку изъ училищной хроники. Этотъ старикъ-генералъ былъ единственнымъ меценатомъ и покровителемъ молодыхъ талантовъ. Посѣщая раза три въ годъ училище, онъ каждый разъ покупалъ не малое количество всякой мазни у учениковъ, нисколько не стѣсняясь иногда крайне плохимъ исполненіемъ. Типъ его въ разсказѣ обрисованъ Перовымъ съ большой задушевностью и признательностью къ его памяти.

«Фанни подъ № 30»—лучшій и поэтичнѣйшій разсказъ Перова. Разсказъ этотъ сдѣлалъ-бы честь записнымъ литераторамъ по своей мысли, по сердечности, а также и по живости изложенія. Въ немъ просвѣчиваетъ огромное, любвеобильное сердце автора, нашедшее даже и у несчастнаго, отверженнаго существа, какова выведенная на сцену проститутка, живую Божью искру.

Остальные разсказы блещутъ, нѣкоторые—остроуміемъ, юморомъ, другіе полны грусти и пессимистическихъ воззрѣній.

Достойно сожалѣнія, что начатая Перовымъ автобіографія пропала безслѣдно. Г. Александровъ, редакторъ «Художественнаго Журнала», въ своей статьѣ о Перовѣ, написанной сейчасъ-же послѣ его смерти, упоминаетъ о существованіи начала автобіографіи. Нѣкоторыя неясности, существующія въ настоящее время въ біографіяхъ Перова, получили-бы тогда можетъ быть разрѣшеніе.

Почти всѣ его разсказы, кромѣ «Тетушки Марьи», помѣщенной въ «Пчелѣ» Микѣшина, напечатаны въ «Художественномъ Журналѣ» въ 1881 и 82 годахъ.

Послѣдней работой Перова былъ портретъ Государя Императора Александра III, заказанный ему владимірскимъ земствомъ и повторенный имъ для училища живописи и ваянія. Для того, чтобы сдѣлать портретъ наивозможно похоже, онъ черезъ конференцъ-секретаря Академіи просилъ Президента Академіи о полученіи сеанса,

вслѣдствіе чего имѣлъ возможность присутствовать на литургіи во дворцѣ въ Петергофѣ и удостоился личнаго разговора съ Государемъ; послѣ этого онъ быстро поправилъ сдѣланный имъ по фотографіи портретъ. Это было въ началѣ лѣта 1881 года, а ровно черезъ годъ Перова уже не стало.

Въ 1882 году состояніе его здоровья значительно ухудшилось. У него сдѣлалось воспаленіе клѣтчатки таза. Призванные на помощь лучшіе доктора Москвы, Захарьинъ, Остроумовъ, Горячевъ и родной братъ Перова, А. Г. Криденеръ, употребляли всѣ средства, чтобы продлить его жизнь. Передъ Пасхой Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, извѣстный владѣлецъ картинной галереи и большой почитатель таланта Перова, предложилъ ему переселиться къ нему на дачу, подъ Москвою, въ село Тарасовку; но Перовъ недолго тамъ пробылъ и вслѣдствіе усиленія болѣзни принужденъ былъ переѣхать къ роднымъ въ имѣнье князя Голицына, Кузьмино. Здѣсь онъ слегъ окончательно. Жена его, Елисавета Егоровна (Перовъ вторично женился въ 1872 году), все время самоотверженно ухаживала за нимъ, не отходя отъ его постели. Она утѣшала, ободряла его и читала ему, чтобы не давать ему много говорить. За это время Перовъ перечиталъ массу книгъ, главнымъ образомъ по исторіи раскола, изъ которой онъ задумалъ писать еще одну картину. Кстати сказать, Перовъ вообще терпѣть не могъ нашей газетной литературы, но чрезвычайно уважалъ и любилъ нашихъ классиковъ, и изъ нихъ въ особенности отдавалъ предпочтеніе Некрасову, Достоевскому и Льву Толстому; изъ иностранныхъ авторовъ онъ болѣе всего увлекался Томасомъ Гудомъ, поэма котораго «Пѣснь о рубашкѣ» натолкнула его на картину «Утопленница».

Задыхаясь отъ кашля и неимовѣрно страдая, Перовъ не разъ молилъ, какъ о милости, лишить его жизни... За нѣсколько часовъ до смерти онъ выслалъ жену изъ комнаты, и въ ея отсутствіе просилъ своего брата-доктора сократить агонію, на сколько возможно... Онъ умеръ тихо, точно заснулъ, 29 мая 1882 года.

Отчаяніе родныхъ было ужасно, въ особенности убивалась его жена: «Что мнѣ теперь жизнь!—говорила она,—жизнь моя разбита... я лишилась такого друга... такого... я дѣлила всегда съ нимъ всѣ мысли, всю жизнь; между нами ничего не было тайнаго; я привыкла жить только для него... мнѣ теперь только и легче, когда я сижу у его могилы...»

Похороны Перова были очень торжественны. Гробъ, встрѣчен-

ный у заставы многочисленными учениками покойнаго, былъ снятъ съ погребальныхъ дрогъ и на рукахъ черезъ всю Москву перенесенъ въ церковь училища, откуда послѣ заупокойной литургіи, также на рукахъ, въ сопровожденіи многочисленной толпы, перенесенъ въ Даниловскій монастырь, гдѣ В. Г. Перовъ и похороненъ.

Д. В. Григоровичъ на могилѣ сказалъ въ высшей степени прочувствованную рѣчь, въ которой кратко обрисовалъ Перова, какъ художника и какъ человѣка.—Вотъ эта рѣчь:

«Присутствующіе!.. вмѣстѣ съ гробомъ, который мы только что опустили въ землю, соединяются не только для всѣхъ насъ, но и для всего русскаго общества, двѣ крупныя потери: съ одной стороны, русское искусство лишилось одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ представителей, съ другой—русское общество лишилось высокой нравственной личности, а онѣ въ настоящее время такъ рѣдки... Не мѣсто здѣсь оцѣнять достоинства Перова, какъ художника,—скажемъ только и, думаю, не ошибемся въ нашемъ замѣчаніи, что Перовъ есть настоящій представитель того рода живописи, который теперь преслѣдуютъ всѣ русскіе художники. Первую картину изъ обыденной жизни въ тридцатыхъ годахъ написалъ Венеціановъ—«Причащеніе больной»; но Венеціановъ—живописецъ сентиментальный... За нимъ явился Ѳедотовъ; но Ѳедотовъ—сатирикъ. Одинъ Перовъ, и онъ первый изъ художниковъ, познакомилъ насъ съ правдивымъ направленіемъ этого рода живописи; но кромѣ того Перовъ—и живописецъ-поэтъ. Поэзія его—это задушевность; онъ—поэтъ чувствъ, поэтъ задушевныхъ движеній... Припомнимъ его картину «Похороны». Передъ нами—сани съ женщиной и дѣтьми. Видна только спина женщины. Какъ сдѣлалъ художникъ, мы не знаемъ,—это тайна его высокаго таланта; но, глядя на эту одну спину, сердце сжимается, хочется плакать... Заплачемъ и мы: не стало того, который писалъ эту чудную картину,—его ужъ нѣтъ, нѣтъ и не будетъ...

«Припомнимъ еще одну картину: «Проповѣдь сельскаго священника». Тамъ, въ срединѣ картины, овдовѣвшій мужикъ и двое его сиротъ. Много видѣлъ я въ живописи передачи душевныхъ проявленій; но такихъ лицъ, какъ этихъ двухъ дѣтей, я еще не встрѣчалъ. Здѣсь какъ-бы исчезаютъ и краски, и кисть, и искусство... Все это какъ-бы истекаетъ изъ одного глубокаго, задушевнаго чувства. Такъ писать могъ человѣкъ, который самъ глубоко чувствовалъ. Но думаю, я не преувеличу, когда скажу, что нравственная высота Перова была еще выше его таланта...

«Господа, вспомните, кто здѣсь теперь лежитъ въ землѣ передъ нами. Мы похоронили Перова... Проникнитесь хорошенько этимъ

словомъ «Перова». И чтожъ, этотъ человѣкъ, украсившій русское искусство такими знаменательными произведеніями, сошелъ въ могилу, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ своихъ картинъ. Какой примѣръ для васъ, молодыхъ людей, здѣсь присутствующихъ!.. Вы, молодежь и ученики, его окружавшіе, если хотите жить честно, сохраните на всегда въ вашей памяти эту высокую, благородную личность; и пока она будетъ служить вамъ примѣромъ, она предохранитъ васъ отъ соблазновъ, которые въ наше время такъ сильно проникли въ наше искусство и такъ вредно дѣйствуютъ на его нравственную сторону...

«Вы плачете, г-жа Перова; но на минуту утрите ваши слезы и взгляните на насъ: мы всѣ также плачемъ, глубоко сознавая ту утрату, которую понесли въ лицѣ Василія Григорьевича... А вы, всѣ ученики Василія Григорьевича, дайте себѣ слово поддержать ту руку г-жи Перовой, которую, любя, цѣловалъ Перовъ...

«Да будетъ миръ надъ тобою, славный русскій художникъ и благородный русскій человѣкъ!...»

Послѣ смерти Перова, друзья и почитатели художника стараніями Н. П. Собко устроили двѣ выставки его произведеній: одну—въ Москвѣ осенью того-же года, а другую—въ Петербургѣ въ началѣ зимы 1883 года. На этихъ выставкахъ были собраны почти всѣ произведенія Перова, какъ картины, такъ и рисунки. Это былъ настоящій тріумфъ, достойный его памяти. Огромная академическая зала, а также и конференцъ-зала были установлены произведеніями Перова и давали ясный отчетъ о томъ, какъ работалъ, жилъ и мыслилъ этотъ художникъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до составленія нашего очерка вышла въ свѣтъ біографія Перова, написанная Н. П. Собко, съ приложеніемъ фототипическихъ снимковъ съ 60-ти его картинъ. Упоминая въ концѣ біографіи о нѣкоторыхъ попыткахъ освѣтить личность Перова, авторъ говоритъ, что «все-таки въ натурѣ Перова осталось не мало необъясненнаго и лишь полное собраніе его литературныхъ произведеній (писемъ, замѣтокъ, разсказовъ), въ дополненіе къ снимкамъ съ его художественныхъ работъ, можетъ пролить свѣтъ на эту въ высшей степени своеобразную личность».

Издатель этой біографіи, извѣстный изслѣдователь русской старины и библіографъ, сенаторъ Д. А. Ровинскій, въ предисловіи къ ней, говоря о существованіи рисунковъ Перова, пишетъ, что онъ не теряетъ надежды «издать ихъ современемъ особымъ томомъ, вмѣстѣ съ литературными трудами Перова и его письмами».

Будемъ надѣяться, что это удастся сдѣлать, и въ такомъ случаѣ къ великимъ заслугамъ Д. А. Ровинскаго передъ исторіей русскаго искусства прибавится еще одна, не менѣе значительная.

Въ «Художественномъ Журналѣ» 1882 года было напечатано такое сообщеніе: «Ученики художника В. Г. Перова составили проэктъ памятника на могилу своего любимаго учителя и намѣрены ходатайствовать объ открытіи повсемѣстной въ Имперіи подписки на сооруженіе памятника».

Намъ кажется, что такой дѣятель, какъ Перовъ,—достоенъ памятника не только на могилѣ, но и на одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣстъ Москвы, напримѣръ передъ Училищемъ Живописи, Зодчества и Ваянія, гдѣ протекла вся его художественная дѣятельность, отъ ученической скамейки вплоть до профессорской каѳедры включительно.

КОНЕЦЪ.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чедльвитъ. Цѣна каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—3 р. 25 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Авѳелева.* Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающие огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной.* Съ 44 рисунками. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ переплетѣ—1 р. 60 к

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р. 25 к

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ переплетѣ 2 р.

Хорошие люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переп. 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Послушаемъ! Дѣт. разсказы. *Нольде.* Съ 28 рис въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 35 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.) Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к. въ переп., 60 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ-Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. 2 р. 80 к.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 75 коп.

Математические софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц. 40 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р. въ переп. 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофера.* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к. въ переп. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к. въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера* Съ иллюстраціями. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р 25 к. Въ переплетѣ 2 р.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова.* 3-е изд., съ 353 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галуаньева.* Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика *Н. Засодимскаго.* Ц. каждой книжки по 35 к

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рисун Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер 2 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис Ц. 2 р. въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р 30 к

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. Ц. 50 к. Въ папкѣ 75 к. Въ переп.—1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. 25 к — 17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к — 21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к —30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Беконъ, Беранже,** Клодъ-Бернаръ, **Берне, Бетховенъ,** Бисмаркъ, **Боккачіо,** Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ,** Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи,** Вирховъ, Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей,** Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,** Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ,** Декартъ, **Дефо, Дженнеръ,** Дидро, **Диккенсъ,** Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ,** Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ,** Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйелль, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ** Лессепсъ, **Лессингъ,** Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойла, Локкъ,** Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, **Маколей, Мейерберъ,** Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль,** Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ,** Мольтке, **Монтескье, Т. Моръ, Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ,** Оуэнъ, Парнель, **Паскаль,** Пастеръ, **Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье,** Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Сакіа-Муни, (Будда), Свифтъ,** Сервантесъ, **В. Скоттъ,** А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли, Стефенсонъ и Фультонъ, Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Франциск-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли,** Цицеронъ и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ** и **Морзе, Дж. Эліотъ,** Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ** и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, **Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ,** Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ, Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь,** Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ,** Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ, Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, Канкринъ,** Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ,** Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ,** Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ, Новиковъ,** Островскій, Перовъ, Петръ Великій, **Пироговъ,** Писемскій, Писаревъ, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій, Струве,** Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Щепкинъ.** А. Н. Энгельгардтъ, Өедотовъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка,** *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 іюля 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб., Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 12 іюля 1893 года.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ЭМ. КАНТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова,
Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ портретомъ Эм. Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяческая, 39.
1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1р. 50к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцова.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н К. Михайловскаго.* Ц 1р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35к

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *В. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшие русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Перепл для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 руб.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1р. 50к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэрь.* 3-е изд. Ц. 1 р

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской,* подъ ред. *Н. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмариона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ,** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Доминъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Дозв. ценз. Спб. 20 августа 1893 г. Тип. тов. „Общ. польза" Б. Подъяч., 3

Э. Кантъ.

[77]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ЭМ. КАНТЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова

Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ портретомъ Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедановъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Іюня 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Литература о Кантѣ настолько обширна, что мы ограничиваемся указанiемъ лишь на главнѣйшiя сочиненiя, въ которыхъ можно найти чисто бiографическiя свѣдѣнiя.

1. Borowski. «Darstellung des Lebens und Charakters Kants. 1804.»

2. Jachmann. «Kant». 1804.

3. Wasianski. «Kant». 1804.

4. Schubert. «Kants Biographie» (Kants Werke herausgegeben von Rosenkranz и Schubert. Bd. XI).

5. Kuno Fischer. «Kant» (III томъ его Исторiи Философiи) Heidelberg. 1889. Бiографiя и изложенiе ученiя Канта.

5. E. Arnoldt. «Kants Jugend».

Изъ изданiй сочиненiй Канта полнѣйшiя и лучшiя—Розенкранца и Гартенштейна, а популярнѣйшее изданiе главныхъ произведенiй Канта принадлежитъ Рекламу и редактировано Кербахомъ.

I.

Происхожденіе.—Дѣтство.—Піэтизмъ.—Школьные учителя и товарищи — Раннее развитіе характера.

Въ началѣ XVIII столѣтія городъ Кенигсбергъ сталъ быстро развиваться въ промышленномъ и въ умственномъ отношеніи. Польское владычество, съ его постоянными неурядицами, съ преобладаніемъ землевладѣльческихъ интересовъ и отсутствіемъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ центровъ, мало способствовало развитію средняго сословія. Съ тѣхъ поръ однако, какъ великій курфюрстъ утвердилъ господство Бранденбурга надъ южнымъ берегомъ Балтійскаго моря, торговое значеніе Кенигсберга быстро возрасло. Кенигсбергъ сталъ главнымъ пунктомъ сношеній между земледѣльческой Польшей и торговыми странами Запада — Голландіей и Англіей. Вмѣстѣ съ торговлей развились и ремесла, занесенныя сюда главнымъ образомъ нѣмецкими выходцами. Городъ все болѣе и болѣе сталъ принимать нѣмецкое обличье, улицы получили нѣмецкія названія, протестантскія кирки явились на мѣсто костеловъ.

Кромѣ выходцевъ изъ Германіи, въ Кенигсбергѣ было много иностранцевъ разныхъ національностей, болѣе всего шведовъ, англичанъ, шотландцевъ, голландцевъ. Къ числу такихъ выходцевъ принадлежалъ и дѣдъ знаменитаго Канта. Въ концѣ XVII вѣка политическія и религіозныя причины вызвали усиленную эмиграцію изъ Шотландіи. Неизвѣстно, какія причины побудили дѣда великаго философа поселиться въ Тильзитѣ. Еще отецъ Канта, Іоганнъ-Георгъ, считалъ себя шотландцемъ и писалъ свою фамилію по шотландскому правописанію (Cant вмѣсто Kant). Такъ подписывался первоначально и самъ философъ, но, замѣтивъ, что нѣкоторые нѣмцы произносятъ его фамилію неправильно (Цантъ вмѣсто Кантъ), усвоилъ нѣмецкую ороографію.

Шотландское происхожденіе Канта — по крайней мѣрѣ по отцовской линіи—представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что сближаетъ Канта по крови съ философомъ, наиболѣе родственнымъ Канту по духу, а именно съ Юмомъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что по матери Кантъ былъ чисто нѣмецкаго происхожденія—мать его называлась въ дѣвичествѣ Рейтеръ. Среда, въ которой воспитывался Кантъ, состояла почти исключительно изъ мелкихъ нѣмецкихъ бюргеровъ, купцовъ и ремесленниковъ. Съ англійскими купцами, принадлежавшими къ составу лучшаго кенигсбергскаго общества, Кантъ сблизился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Отецъ Канта былъ по ремеслу сѣдельнымъ мастеромъ и жилъ въ такъ называемомъ Сѣдельномъ переулкѣ, подлѣ Зеленаго моста, центра рѣчной торговли Кенигсберга. Въ скромномъ домикѣ, на которомъ красовалась вывѣска его отца, родился 22-го апрѣля 1724 года Эммануилъ Кантъ. Изъ одиннадцати братьевъ и сестеръ Кантъ былъ четвертымъ; у него было три брата и семь сестеръ. Шестеро изъ одиннадцати умерли въ раннемъ дѣтствѣ. Единственный оставшійся въ живыхъ братъ Канта былъ на одиннадцать лѣтъ моложе философа, отличался хорошими, но ни въ какомъ случаѣ не геніальными способностями, изучалъ богословіе, исторію и филологію, къ философіи питалъ мало склонности и никогда не могъ понять умозрѣній своего брата. Этотъ Іоганнъ-Гейнрихъ Кантъ жилъ почти постоянно въ Митавѣ, гдѣ былъ священникомъ. Было время, и это время совпадаетъ съ расцвѣтомъ философской дѣятельности Эммануила Канта, когда братья совсѣмъ прекратили переписку, возобновившуюся лишь въ 1790 году. Братъ Канта умеръ нѣсколько раньше философа (въ 1800 году). Единственная черта сходства между братьями—энергія характера: въ этомъ они оба походили на мать.

О родителяхъ Канта извѣстно немногое, и притомъ главнымъ образомъ лишь со словъ самого Канта. Въ началѣ XVIII вѣка въ Кенигсбергѣ, какъ и во многихъ городахъ сѣверной Пруссіи, былъ значительно распространенъ піэтизмъ, созерцательное религіозное настроеніе, представлявшее рѣзкій контрастъ съ проникнутымъ канцелярскими началами правовѣрнымъ протестантизмомъ. При умѣренно мистическомъ направленіи, піэтизмъ имѣлъ по преимуществу моральный характеръ и господствовалъ, главнымъ образомъ, среди ремесленниковъ и низшаго духовенства. Какъ и во всякомъ религіозномъ сектантствѣ, въ піэтистическомъ направленіи былъ не малый элементъ ханжества. Но оно было

совершенно чуждо той скромной средѣ, въ которой вращался Кантъ.

Вліяніе піэтизма прежде всего отразилось на чисто внѣшнихъ сторонахъ его домашней обстановки. По словамъ самого Канта, никогда онъ не слышалъ отъ своихъ родителей ничего неприличнаго и не видѣлъ ничего недостойнаго. Любопытны еще слѣдующія слова Канта, высказанныя имъ Ринку:

Хотя религіозныя представленія того времени и понятія о томъ, что такое добродѣтель и набожность, были весьма неясны, но соотвѣтствовавшія имъ вещи были найдены. Пусть говорятъ, что угодно, о піэтизмѣ, но люди, относившіеся къ нему серьезно, были люди почтенные. Они обладали наивысшимъ возможнымъ для человѣка спокойствіемъ, веселостью, внутреннимъ миромъ, не смущались никакими страстями, не боялись никакой нужды, никакихъ преслѣдованій. Никакой вызовъ, никакое задирательство не смущало ихъ внутренняго мира и не побуждало ихъ къ гнѣву и враждѣ. Словомъ, всякій наблюдатель невольно долженъ былъ уважать ихъ. Я помню еще теперь, какъ однажды начался споръ о правахъ между двумя цехами — шорниками (выдѣлывавшими ремни) и сѣдельниками. Мой отецъ сильно пострадалъ въ этомъ дѣлѣ; но даже при домашнемъ обсужденіи этой ссоры въ словахъ моихъ родныхъ было столько пощады и любви къ противникамъ, что, хотя я былъ небольшимъ мальчикомъ, мысль объ этомъ никогда меня не оставитъ».

Эти слова характеризуютъ всю ту нравственную атмосферу, въ которой вращался Кантъ. По общему свидѣтельству его первыхъ біографовъ, мать Канта оказала на сына болѣе значительное вліяніе, нежели отецъ.

Кантъ походилъ на мать характеромъ и тѣлосложеніемъ; отъ нея онъ унаслѣдовалъ впалую слабую грудь. Съ ранняго дѣтства Кантъ отличался слабымъ здоровьемъ. Мать нѣжно любила хилаго ребенка, холила его и много занималась его воспитаніемъ. Мальчикъ съ малыхъ лѣтъ обнаруживалъ острую наблюдательность и пытливость. Говорятъ, что мать, не смотря на свое ограниченное образованіе, значительно развивала пытливость мальчика. Гуляя съ нимъ, она постоянно обращала вниманіе сына на окружающую природу, поясняя свои слова цитатами изъ псалмовъ и другихъ мѣстъ Библіи, въ которыхъ восхваляется благость и премудрость Творца. Такимъ образомъ то доказательство бытія Божія, которое извѣстно подъ названіемъ физико-теологическаго и которое Кантъ цѣнилъ даже послѣ того, какъ отвергъ его, было ему извѣстно, въ наивной и простодушной формѣ, еще въ младенческіе годы. Съ нимъ связывались для Канта лучшія воспоминанія дѣтства, оно вызывало въ его памяти первые уроки матери. Все это чрезвычайно важно въ психологическомъ отношеніи. Любопытно, что и

нравственное ученіе Канта имѣетъ несомнѣнную психологическую связь съ первыми впечатлѣніями его дѣтства. Связь эту открыто признавалъ самъ философъ. На семьдесятъ четвертомъ году жизни онъ писалъ епископу Линдблому, что можетъ, относительно своего генеалогическаго дерева, похвастать лишь однимъ, а именно, что и отецъ, и мать его были ремесленники, отличавшіеся честностью, нравственной пристойностью и образцовой порядочностью, не имѣя состоянія, но за то и долговъ, «и дали мнѣ (по словамъ Канта) воспитаніе, которое, съ моральной точки зрѣнія, не могло быть лучшимъ». По словамъ Канта, каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о томъ, чѣмъ обязанъ родителямъ съ нравственной стороны, онъ чувствовалъ себя преисполненнымъ трогательною благодарностью.

Существуютъ и болѣе опредѣленныя указанія на характеръ нравственнаго воспитанія, полученнаго Кантомъ. По словамъ одного изъ старшихъ біографовъ, отецъ Канта требовалъ отъ дѣтей «труда и честности, въ особенности избѣганія всякой лжи; мать требовала еще бо́льшаго, именно святости. По всей вѣроятности, это и способствовало той непреклонной строгости, которую впослѣдствіи обнаружилъ Кантъ въ своемъ нравственномъ ученьи». Самъ Кантъ говаривалъ, что унаслѣдовалъ отъ матери черты лица и характера.

«Я никогда не забуду своей матери. Она насадила и взлелѣяла во мнѣ первый зародышъ добра, она открыла мое сердце впечатлѣніямъ природы, она возбудила и расширила мои понятія, и ея поученія оказали непрерывное спасительное вліяніе на всю мою жизнь».

Этихъ фактовъ и показаній совершенно достаточно для того, чтобы доказать, что первыя основы кантовской морали слѣдуетъ искать не у его философскихъ предшественниковъ и не въ его теоретическихъ размышленіяхъ, а въ той практической области, которая окружала его съ ранняго дѣтства.

Не только нравственнымъ, но и умственнымъ воспитаніемъ Кантъ много обязанъ родителямъ, и особенно матери. Замѣтивъ способности сына, мать рѣшила, что маленькій Эммануилъ не долженъ продолжать занятія отца. Съ ея точки зрѣнія, на вершинѣ умственнаго развитія стояли ея духовные учителя; поэтому мать Канта рѣшила подготовить сына къ духовному званію. Прежде чѣмъ принять это рѣшеніе, она пригласила своего духовника д-ра Франца Шульца, чтобы посовѣтоваться на счетъ дальнѣйшаго воспитанія сына, до тѣхъ поръ посѣщавшаго одну изъ начальныхъ

школъ, какія появились въ изобиліи во всѣхъ предмѣстьяхъ Кенигсберга.

Какъ разъ къ тому времени д-ръ Шульцъ взялъ на себя руководство коллегіей Фридриха (Collegium Fridericianum) въ Кенигсбергѣ. Шульцъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ представителей піэтистическаго направленія. Прибывъ въ 1731 году въ Кенигсбергъ, онъ былъ сначала проповѣдникомъ и совѣтникомъ консисторіи, затѣмъ сталъ профессоромъ богословія и директоромъ коллегіи Фридриха, не задолго передъ тѣмъ превращенной изъ частнаго заведенія въ государственное. Шульцъ пользовался довѣріемъ берлинскаго двора; впослѣдствіи ему даже поручили надзоръ за всѣмъ школьнымъ и церковнымъ дѣломъ Пруссіи. Онъ считался краснорѣчивымъ проповѣдникомъ и ученымъ догматикомъ. Въ бытность свою въ Галле, Шульцъ слушалъ лекціи разныхъ выдающихся піэтистовъ и въ то-же время былъ ученикомъ Вольфа, крупнѣйшаго изъ послѣдователей Лейбница. Систематичность ученія Вольфа, отличавшая его отъ нѣсколько безпорядочнаго изложенія Лейбница, его обширныя познанія и ловкій эклектизмъ, при помощи котораго онъ мирилъ религію съ философіей и наукой, все это внушало мысль, будто Вольфъ создалъ какую то самостоятельную систему. Эта система втеченіи долгаго времени считалась даже вѣнцомъ философскаго мышленія, и господство ея въ Германіи было безгранично вплоть до появленія философіи Канта. Даже насмѣшливый Вольтеръ, не щадившій Лейбница, высоко чтилъ его ученика, стоявшаго не выше философской посредственности, и однажды написалъ извѣстную фразу: Wolfio docente, rege philosopho regnante (когда училъ Вольфъ и царствовалъ король-философъ), одинаково лестную для Вольфа и для Фридриха II.

Было время суровой реакціи, когда ученіе Вольфа, по существу далеко не революціонное, считалось опаснымъ. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха II настали лучшія времена. Податливость ученія Вольфа много способствовала сближенію его съ піэтизмомъ. Когда Шульцъ находился въ Галле, здѣсь религія и философія давно торжествовали полное примиреніе, до сихъ поръ отыскиваемое многими философскими школами. Самъ Вольфъ считалъ Шульца однимъ изъ способнѣйшихъ своихъ учениковъ; другимъ ученикомъ того же Вольфа былъ кенигсбергскій профессоръ Кнутценъ, котораго, въ противоположность Шульцу, привлекала не богословско-нравственная, а физико-математическая сторона ученія Вольфа.

Шульцъ и Кнутценъ были учителями, оказавшими на Канта

въ его юношескіе годы наибольшее вліяніе. Черезъ ихъ посредство Кантъ примыкаетъ къ такъ называемой лейбнице-вольфовской школѣ, бывшей колыбелью новой германской философіи и составляющей естественный переходъ отъ схоластической метафизики къ ученію Канта.

Канту было менѣе десяти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ коллегію Фридриха. Хотя это училище отстояло дальше всѣхъ среднихъ школъ отъ дома, гдѣ жили родители Канта, мать не задумалась поручить сына высоко-уважаемому ею д-ру Шульцу. Несмотря на робость и застѣнчивость мальчика, Шульцъ угадалъ въ немъ выдающіяся способности и одобрилъ выборъ матери, совѣтуя Канту изучать богословіе.

Піэтистическій духъ, господствовавшій въ коллегіи Фридриха, исходилъ не отъ одного Шульца, но еще въ большей степени отъ ея основателя, д-ра Генриха Лизія, который даже по пріобрѣтеніи школою казенныхъ правъ неограниченно распоряжался назначеніемъ учителей. Въ особой церкви этого заведенія богословы піэтистическаго направленія читали священную исторію, произносили поученія и проповѣди. Не ограничиваясь частымъ посѣщеніемъ этихъ чтеній, Кантъ съ матерью посѣщалъ молитвенные часы профессора Шульца, что тотъ особенно рекомендовалъ своимъ ученикамъ. На этихъ часахъ произносились проповѣди, возбуждавшія религіозный энтузіазмъ. О содержаніи ихъ можно судить уже по названіямъ; такъ, одна изъ проповѣдей была озаглавлена: «О блистательной борьбѣ Іисуса». Пылкое краснорѣчіе Шульца производило на малолѣтняго Канта сильное впечатлѣніе. Шульцъ не ограничивался духовной помощью прихожанамъ и ученикамъ. Слѣдуя правилу: «вѣра безъ дѣлъ мертва», онъ поддерживалъ прихожанъ, чѣмъ могъ: кого совѣтомъ, кого утѣшеніемъ, кого деньгами, пищей и одеждой. Родители Канта не нуждались въ насущномъ хлѣбѣ и никогда не обращались къ благотворительности. Тѣмъ не менѣе Шульцъ считалъ своей обязанностью оказывать имъ маленькую помощь въ видѣ подарка къ праздникамъ. Ко дню Рождества родители Канта получали отъ добраго профессора дрова, которыя даже привозились къ нимъ на домъ. Часто Шульцъ помогалъ матери Канта совѣтомъ, даже самъ являлся къ ней и указывалъ на способности ея Эммануила. Въ глубокой старости Кантъ хотѣлъ изъ чувствъ признательности «поставить Шульцу почетный памятникъ» въ своихъ сочиненіяхъ, и только предсмертный упадокъ силъ помѣшалъ философу исполнить это намѣреніе.

О ранней юности Канта извѣстно немногое. Слабость здоровья, природная робость и значительная разсѣянность много мѣшали успѣшности его занятій, а между тѣмъ не всѣ учителя отличались проницательностью Шульца и умѣли видѣть способности подъ оболочкой застѣнчивости. Дисциплина въ школѣ отличалась суровостью, и нельзя сказать, чтобы Кантъ впослѣдствіи одобрялъ духъ, господствовавшій въ школѣ. Еще о начальной школѣ онъ отзывался въ довольно неодобрительныхъ выраженіяхъ. По его словамъ, большинство учителей отличалось сердитымъ нравомъ и чрезмѣрной строгостью; тѣмъ не менѣе въ начальной школѣ дисциплина соблюдалась лишь у одного учителя, болѣзненнаго и весьма неказистой наружности, но любимаго учениками за его знанія и преподавательскія способности. Немногимъ лучше было въ коллегіи, гдѣ Кантъ учился втеченіи семи лѣтъ. Кромѣ Шульца, сравнительными достоинствами отличался преподаватель латинскаго языка Гейденрейхъ; за то математика и логика были въ совершенномъ загонѣ и преподавали ихъ совершенно ничтожныя личности, вродѣ Кухловіуса. Впослѣдствіи Кантъ, вспоминая о той математикѣ и логикѣ, которою его пичкали въ школѣ, съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха...«Эти господа,—сказалъ онъ однажды своему бывшему школьному товарищу Кунде,—не могли зажечь въ насъ даже малѣйшей искры». «Скорѣе могли затушить»,—отвѣтилъ на это Кунде.

Названный Кунде вмѣстѣ съ Кантомъ и будущимъ знаменитымъ филологомъ Рункеномъ составляли родъ тріумвирата, связаннаго узами тѣснѣйшей дружбы. Изъ всѣхъ преподавателей одинъ только учитель латинскаго языка успѣлъ заинтересовать «тріумвировъ», а потому и неудивительно, что они на школьной скамьѣ вообразили себя будущими филологами. Въ виду этого, они поспѣшили передѣлать на латинскій ладъ свои имена и называли себя Кундеусъ, Кантіусъ и Рункеніусъ. Изъ троихъ только одинъ Рункенъ остался вѣренъ юношескому выбору, и дѣйствительно прославился, какъ филологъ. Главнымъ мѣстомъ его дѣятельности сталъ Лейденъ, откуда много лѣтъ спустя (10 марта 1771 года) Рункенъ написалъ Канту любопытное письмо, рисующее ихъ школьныя отношенія. Изъ письма этого видно между прочимъ, какъ незначительны были въ концѣ XVIII вѣка сношенія между учеными столь близкихъ между собою странъ, каковы Голландія и Германія. Рункенъ пишетъ, что ему рѣдко удавалось доставать написанныя на нѣмецкомъ языкѣ сочиненія Канта, о которыхъ онъ узнавалъ главнымъ образомъ изъ газетныхъ отзывовъ. Жалѣя о томъ, что Кантъ мало пишетъ по ла-

тыни, и замѣчая, что нѣмецкій языкъ дѣлаетъ сочиненія Канта «мало доступными» и мѣшаетъ ихъ распространенію среди ученыхъ всего міра, Рункенъ напоминаетъ школьному товарищу о томъ времени, когда они вмѣстѣ мечтали и говорили по латыни. «Для тебя было бы не трудно писать по латыни,—замѣчаетъ Рункенъ.—Тогда и англичане, и голландцы могли бы понять тебя. Ты вѣдь еще въ школѣ прекрасно писалъ по латыни. Судя по твоимъ способностямъ, всѣ предсказывали, что ты достигнешь блестящей будущности на поприщѣ словесности». Но особенно любопытно замѣчаніе Рункена объ общемъ духѣ школьнаго ученія. «Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ въ своемъ латинскомъ посланіи,—какъ мы съ тобою подвергались скучной дисциплинѣ фанатиковъ, хотя въ ученіи было кое что полезное, о чемъ нечего жалѣть». Этотъ самый Рункенъ, какъ богатѣйшій изъ троихъ, доставалъ дорогія книги, которыя читались сообща.

Кантъ, вмѣсто замѣчательнаго филолога, сталъ первымъ философомъ своего вѣка. Что касается третьяго члена тріумвирата, способнаго Кунде, судьба его была печальна. Не умѣя выбраться изъ нужды и подняться выше окружающей обстановки, онъ перебивался кое какъ, занимая ничтожную должность и не достигнувъ даже скромной извѣстности.

Изъ прочихъ товарищей Канта, съ которыми онъ дружилъ на школьной скамьѣ, можно указать на Вилькеза и Труммера. Вилькезъ интересенъ потому, что онъ чуть ли не первый занесъ идеи Канта въ Россію, куда уѣхалъ, ставъ гувернеромъ у дѣтей князя Волконскаго. Онъ жилъ впослѣдствіи въ Москвѣ, но въ 1771 г. пріѣхалъ на время въ Кенигсбергъ, а оттуда—въ Голландію. Узнавъ отъ Вилькеза подробности о дѣятельности Канта, Рункенъ вздумалъ вступить съ философомъ въ переписку. Переписка однако не завязалась, быть можетъ потому, что въ то время Кантъ уже нѣсколько отвыкъ думать по латыни и испытывалъ нѣкоторое затрудненіе въ латинской стилистикѣ, а отвѣчать по нѣмецки знаменитому филологу не хотѣлъ.

Труммеръ былъ однимъ изъ тѣхъ товарищей, къ которымъ Кантъ питалъ сильную привязанность. Онъ былъ единственнымъ врачемъ, которому Кантъ довѣрялъ настолько, что соглашался принимать прописанныя имъ слабительныя пилюли,—единственное лѣкарство, признанное для себя Кантомъ.

По словамъ одного изъ школьныхъ товарищей Канта, въ школѣ Кантъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ философіи, и

никому даже не могло придти въ голову, что изъ него «выйдетъ философъ». Отчасти это слѣдуетъ отнести на счетъ разныхъ Кухловіусовъ, преподававшихъ логику и другіе близкіе къ философіи предметы по схоластическому методу. Но помимо этого, о Кантѣ слѣдуетъ сказать, что умъ его, какъ и Ньютона, развился сравнительно поздно. Въ немъ не было признаковъ той ранней геніальности, которою отличались напр. Лейбницъ и Паскаль. Если не считать такъ называемой «геніальной разсѣянности», которою Кантъ, подобно Ньютону, отличался съ дѣтства, то трудно указать признаки, которые характеризовали бы Канта въ ранней юности, какъ будущаго реформатора философіи. О разсѣянности Канта сложилось немало анекдотовъ, изъ которыхъ достаточно привести одинъ. Еще въ начальной школѣ онъ часто терпѣлъ отъ учителей за то, что являлся безъ книгъ, о чемъ обыкновенно вспоминалъ лишь въ тотъ моментъ, когда входилъ въ классъ. Однажды онъ вывелъ изъ себя учителя заявленіемъ, что онъ раньше забылъ, куда положилъ книгу, но вспомнилъ объ этомъ какъ разъ въ моментъ, когда его объ этомъ спросили: учитель конечно не повѣрилъ и приписалъ это нежеланію учиться.

Весьма рано обнаружилась у Канта характеризовавшая его способность побѣждать свои душевныя волненія. Въ дѣтствѣ Кантъ, какъ и бо́льшая часть дѣтей хилыхъ, слабогрудыхъ и малокровныхъ, не отличался особенной храбростью. Но въ минуту дѣйствительной опасности онъ съумѣлъ обнаружить удивительное присутствіе духа. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ однажды вздумалъ перейти черезъ глубокую канаву съ водою по перекинутому бревну. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ голова его закружилась. Онъ хотѣлъ вернуться назадъ, но бревно закачалось и готово было совсѣмъ скатиться. Тогда маленькій Кантъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, стараясь не смотрѣть внизъ, устремилъ глаза на одну точку по ту сторону канавы; смотря пристально и не поддаваясь чувству страха, онъ благополучно переправился на ту сторону.

Побѣдивъ въ себѣ природную робость, зависѣвшую отъ деликатности его нервной организаціи, Кантъ не съумѣлъ въ такой же степени отдѣлаться отъ застѣнчивости. Это его качество изгладилось лишь въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, перейдя постепенно въ скромность, отличавшую Канта даже въ то время, когда онъ былъ на верху своей славы.

II.

Университетскіе годы. — Вліяніе Кнутцена. — Самоотверженіе матери Канта.—Ея смерть.—Богословская подготовка и другія занятія.

Исключая знанія латинскаго языка и моральнаго вліянія богословскихъ поученій Шульца, средняя школа ничего не дала Канту и быть можетъ даже задержала развитіе его генія. Значительно благотворнѣе повліялъ на него университетъ. Въ то время кёнигсбергскій университетъ еще не былъ, какъ значительно позднѣе, пріютомъ для «прусскихъ лейтенантовъ». Здѣсь находились крупныя научныя силы и — что въ особенности было важно для Канта,—какъ разъ физико-математическія науки, загнанныя и униженныя въ коллегіи Фридриха, здѣсь находились въ большомъ почетѣ. Изъ профессоровъ, оказавшихъ особое вліяніе на Канта, необходимо указать на Мартина Кнутцена, читавшаго философію и математику. О Кнутценѣ было уже упомянуто (на ряду съ Шульцемъ), какъ объ ученикѣ Вольфа.

Подобно Канту, Кнутценъ былъ уроженецъ Кенигсберга. Свою карьеру онъ началъ блистательно, получивъ еще на 21 году жизни каѳедру логики и метафизики. Этотъ талантливый и трудолюбивый молодой ученый былъ однимъ изъ первыхъ въ Германіи, взявшихъ на себя задачу популяризировать безсмертныя произведенія Ньютона.

Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Кнутценъ, какъ послѣдователь лейбнице-вольфовской философіи, тѣмъ самымъ былъ, до извѣстной степени, предрасположенъ не въ пользу англійской философіи вообще и умозрѣній Ньютона въ особенности.

Кнутценъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ (1751), вскорѣ послѣ того, какъ отпраздновалъ свою 37 годовщину. Онъ былъ лишь десятью годами старше своего геніальнаго ученика. Вліяніе Кнутцена на Канта не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ первый отклонилъ Канта отъ филологическихъ занятій, указавъ ему на необозримое поле натуральной и моральной философіи. Насколько самостоятельно относился самъ Кнутценъ къ господствовавшему въ Германіи философскому эклектизму, доказывается не только глубокимъ уваженіемъ къ Ньютону, которое онъ питалъ самъ и вселялъ своимъ ученикамъ, но и его собственными философскими умозрѣніями, довольно замѣчательными для своего времени. Въ своемъ вступительномъ сочиненіи (какія пишутся въ Германіи для полученія каѳедры) Кнутценъ разобралъ вопросъ о связи между душою и тѣломъ (1733), причемъ рѣшительно отвергъ

ученіе Лейбница о предустановленной гармоніи. Въ то время какъ Вольфъ, не рѣшаясь разстаться съ «гармоніей», ограничился тѣмъ, что вмѣсто «міровой гармоніи» призналъ лишь «антропологическую», т. е. допустилъ ее для души по отношенію къ тѣлу, Кнутценъ поступилъ гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе, допустивъ чисто физическое вліяніе или «естественное взаимодѣйствіе между душою и тѣломъ, составляющее необходимое послѣдствіе естественнаго взаимодѣйствія между всѣми вещами въ мірѣ». Отношеніе между душою и тѣломъ было, съ точки зрѣнія Кнутцена, лишь частнымъ случаемъ великаго закона «дѣйствія равнаго противодѣйствію», установленнаго (съ чисто механической точки зрѣнія) Ньютономъ. X

Исходя изъ этихъ началъ, Кнутценъ развилъ цѣлое философское ученіе, изложенное въ его главномъ сочиненіи: «Система дѣйствующихъ причинъ» (1745), которое стоитъ гораздо ближе къ англійскому эмпиризму, чѣмъ къ философіи Лейбница. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы молодой Кантъ, даже въ началѣ своего философскаго поприща, сталъ клясться словами учителя. Работы Кнутцена повліяли на него побудительнымъ, но не убѣдительнымъ образомъ. Механическое міросозерцаніе казалось Канту слишкомъ узкимъ и, не принимая безусловно ни философіи Лейбница, ни какой либо иной философской системы, Кантъ уже на первыхъ порахъ обнаружилъ проницательный критическій талантъ, не позволявшій ему увлечься какою либо односторонней догмой.

Университетская карьера Канта находится въ тѣсной связи съ его семейными обстоятельствами. Еще до вступленія въ университетъ (на 13 году жизни) Кантъ потерялъ мать.

Потеря эта была для него чрезвычайно чувствительна. До глубокой старости Кантъ не могъ говорить безъ признаковъ сильнаго душевнаго волненія о подробностяхъ смерти своей матери, которая умерла, какъ жила, ставъ жертвою любви къ ближнему. Одна ея нѣжно любимая подруга была обручена съ человѣкомъ, который обманулъ невѣсту и женился на другой. Обманутая заболѣла, желала смерти и не хотѣла принимать лѣкарствъ. Мать Канта ухаживала за больной, замѣняла сидѣлку и убѣждала подругу принять какую-то микстуру. Для большей убѣдительности, она сама выпила изъ ложки, которую употребляла больная. Между тѣмъ у больной оказался тифъ. Мать Канта заразилась и сверхъ того вообще была мнительна къ болѣзнямъ, что содѣйствовало потрясенію ея нервной системы. Черезъ нѣсколько дней она сама слегла и вскорѣ умерла.

По смерти матери Канта дѣла отца сильно запутались и, если бы

не дядя по матери, ремесленникъ Рихтеръ, Кантъ не имѣлъ бы средствъ для поступленія въ университетъ. Исполняя завѣтъ матери, Кантъ записался первоначально на богословскій факультетъ и весьма усердно посѣщалъ лекціи нѣкоторыхъ богослововъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Кантъ въ началѣ своего студенческаго поприща серьезно и добросовѣстно готовился къ священническому званію и лишь постепенно пришелъ къ убѣжденію, что не чувствуетъ призванія къ этого рода дѣятельности. Между прочимъ, чтеніе пробныхъ проповѣдей убѣдило его въ слабости его голоса.

Само собою разумѣется, что посѣщеніе богословскихъ лекцій и штудированіе своихъ записокъ по богословію занимало лишь часть времени Канта. Кромѣ лекцій Кнутцена по математикѣ и философіи, онъ съ увлеченіемъ слѣдилъ за лекціями Теске по физикѣ. Изученіе физико-математическихъ наукъ дало умственной дѣятельности Канта совершенно новое направленіе. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ товарищей (Гейльсберга), въ концѣ своей студенческой жизни Кантъ едва ли могъ считаться «завзятымъ студентомъ теологіи». Вообще никто изъ товарищей Канта не могъ понять, къ какой житейской карьерѣ онъ готовится. Планъ его университетскихъ занятій, въ которомъ физико-математическія науки перемѣшивались съ богословіемъ, съ языкознаніемъ и т. д., казался его товарищамъ настоящей загадкой. Даже ближайшій университетскій другъ и товарищъ Канта, д-ръ Труммеръ, ничего не зналъ объ этомъ, исключая того, что Кантъ по преимуществу занимался нравственными и словесными науками, но въ то же время и математикой, и латинскими классиками, и философіей. «Къ чему ему все это?»—спрашивали нѣкоторые товарищи, думавшіе, что изъ Канта выйдетъ хорошій сельскій священникъ.

III.

Смерть отца.—Башмачникъ Рихтеръ издаетъ первое сочиненіе Канта.— Первый вызовъ метафизикамъ.

Кантъ провелъ на студенческой скамьѣ пять лѣтъ (1740—1745),—срокъ, который считался нормальнымъ для студента съ средними способностями. Такимъ образомъ даже въ университетѣ Кантъ не успѣлъ ничѣмъ проявить своихъ особенныхъ дарованій и философской глубины мысли. Случай для этого представился вскорѣ по окончаніи имъ университетскаго курса.

Во время пребыванія Канта на студенческой скамьѣ матеріаль-

нын обстоятельства его были весьма плохи. За ничтожную плату преподавалъ онъ математику и другіе предметы. Чаще всего онъ занимался съ богатыми товарищами, репетируя съ ними затруднявшія ихъ лекціи. Было время, когда Кантъ добивался вакантнаго мѣста учителя въ латинской школѣ въ Кнейпгофѣ. Должность эта была чрезвычайно обременительна, все время поглощалось занятіями съ учениками и исправленіемъ ихъ тетрадей, но Канта прельщала мысль о томъ, что эта должность давала доступъ къ богатой дворцовой библіотекѣ. Канту предпочли другого конкурента—круглаго невѣжду, нѣкоего Каперта—и, быть можетъ, философъ выигралъ отъ того, что не былъ вынужденъ тянуть лямку, которая могла преградить ему доступъ къ академической карьерѣ.

24 марта 1746 г. умеръ отецъ Канта. Это новое семейное горе глубоко опечалило его. Самъ Кантъ вписалъ это событіе, по протестантскому обычаю, въ семейную библію, причемъ замѣтилъ между прочимъ, что на долю его отца выпало немного радостей въ жизни.

По смерти отца, матеріальное положеніе Канта, только что окончившаго университетскій курсъ, стало почти отчаяннымъ. По счастію, его двоюродный дядя по матери, честный башмачникъ Рихтеръ, оказывавшій поддержку Канту, когда тотъ былъ еще студентомъ, и теперь взялся поддержать первые шаги молодого ученаго. Нѣмецкіе ремесленные классы могутъ съ справедливою гордостью указать на то, что первое печатное произведеніе величайшаго философа Германіи было издано на свой страхъ и рискъ простымъ башмачникомъ, съумѣвшимъ оцѣнить въ племянникѣ способнаго и подающаго надежды человѣка. Первымъ появившимся въ печати сочиненіемъ Канта была, напечатанная на счетъ Рихтера, брошюра: «Мысли объ истинной оцѣнкѣ живыхъ силъ въ природѣ».

Это первое печатное произведеніе Канта (автору было въ то время 23 года) проникнуто пыломъ молодости и, въ противоположность позднѣйшимъ его сочиненіямъ, отличается даже нѣкоторымъ задоромъ. «Теперь,—пишетъ онъ,—мы смѣло попытаемся счесть за ничто авторитетъ Ньютона и Лейбница, разъ мы можемъ противопоставить ихъ утвержденіямъ открытіе истины. Мы не будемъ повиноваться никакимъ убѣжденіямъ, исключая внушеній разсудка.» «Я предначерталъ себѣ путь,—пишетъ далѣе Кантъ,—которому намѣренъ слѣдовать. Ничто не совратитъ меня съ этого пути.»

Сочиненіе это любопытно лишь съ чисто-исторической и біографической точки зрѣнія, какъ первая проба пера геніальнаго философа. Впрочемъ, въ немъ нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ весьма

мѣткихъ и глубокихъ замѣчаніяхъ. Здѣсь уже видна первая попытка рѣшить вопросъ о природѣ пространства. Кантъ замѣчаетъ, что трехмѣрность и другія свойства пространства зависятъ быть можетъ отъ «особаго способа представленія, свойственнаго нашей душѣ». Кантъ говоритъ здѣсь, что постарается въ будущемъ возвратиться къ обсужденію этого вопроса.

Подобно своему любимому профессору Кнутцену, Кантъ рѣшительно отстаиваетъ ученіе Ньютона о всемірномъ тяготѣніи противъ картезіанцевъ и правовѣрныхъ сторонниковъ Лейбница. Въ сложности и искусственности системы Декарта Кантъ видитъ доказательство ея ошибочности. «То мнѣніе должно одержать верхъ,—говоритъ Кантъ,—которое описываетъ природу такою, какова она есть, т. е. простою и безъ безчисленныхъ окольныхъ путей.» Любопытна также первая вылазка Канта противъ ходячей метафизики.

«Наша метафизика,—пишетъ онъ, подобно многимъ другимъ наукамъ, стоитъ лишь на порогѣ вполнѣ основательнаго познанія. Богъ знаетъ, когда она перешагнетъ этотъ порогъ. Не трудно видѣть ея слабость во многихъ ея предпріятіяхъ. Весьма часто мы видимъ, что сильнѣйшей опорой ея доказательствъ служитъ предразсудокъ. Виною въ этомъ чаще всего является господствующая склонность тѣхъ, кто стремится расширить человѣческое познаніе. Они предпочитаютъ весьма обширную мудрость основательному знанію.»

Такимъ образомъ въ первомъ произведеніи Канта уже слегка намѣченъ вопросъ о необходимыхъ границахъ познанія. Самая постановка этого вопроса на научной почвѣ была совершенно чужда и богословскому догматизму, и метафизическому раціонализму. Для богослова границею разума была вѣра: метафизикъ считалъ область познанія безграничною. Надо было поставить вопросъ, не можетъ ли разумъ изслѣдовать свои собственныя границы? Въ постановкѣ и рѣшеніи этого вопроса состоитъ главная заслуга критической философіи Канта.

IV.

Кантъ въ роли домашняго учителя.—Гюльзены и Кайзерлинги.—Защита трехъ диссертацій.—Физическая монадологія.—Пятнадцать лѣтъ приватъ-доцентства.—Кантъ—русскій подданный.—Прошеніе на имя императрицы Елисаветы.—Разныя неудачи.—Кантъ получаетъ каѳедру.

Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства побудили Канта искать средствъ къ жизни. За неимѣніемъ ничего лучшаго, онъ занялся домашнимъ учительствомъ и втеченіи девяти лѣтъ преподавалъ въ разныхъ частныхъ домахъ. Самъ Кантъ считалъ себя въ

области педагогіи хорошимъ теоретикомъ, но посредственнымъ практикомъ. Однажды онъ высказалъ о себѣ самомъ слѣдующее мнѣніе: «Я никогда не умѣлъ примѣнять на дѣлѣ мои собственныя педагогическія правила». Сужденіе это слѣдуетъ всецѣло отнести на счетъ скромности Канта; по крайней мѣрѣ ни родители, ни ученики не раздѣляли этого мнѣнія, и одинъ только Кантъ говорилъ о своей педагогической практикѣ: «Трудно представить себѣ худшаго гувернера, нежели я». Прежде всего Кантъ былъ учителемъ въ домѣ реформатскаго проповѣдника Андерша, затѣмъ — въ дворянской семьѣ ф. Гюльзена, наконецъ — въ домѣ графа Кайзерлинга. Всѣ эти семьи навсегда сохранили къ нему дружбу и признательность. Одинъ изъ молодыхъ Гюльзеновъ впослѣдствіи жилъ у Канта въ качествѣ пансіонера. О вліяніи Канта на своихъ воспитанниковъ можно судить по одному тому факту, что молодой Гюльзенъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ прусскихъ помѣщиковъ, добровольно освободившихъ крестьянъ отъ барщины.

Лично для Канта наиболѣе значенія и интереса представляло его продолжительное пребываніе въ домѣ графа Кайзерлинга. Семья графа проводила зиму въ Кенигсбергѣ, лѣто—въ деревенскомъ домѣ графа, въ Раутенбургѣ. Графиня Кайзерлингъ, урожденная имперская графиня фонъ-Труксессъ, была извѣстна, какъ одна изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Она высоко цѣнила Канта; Кантъ въ свою очередь усвоилъ въ домѣ графини изящныя манеры, которыми впослѣдствіи удивлялъ всѣхъ, ожидавшихъ встрѣтить глубокомысленнаго кабинетнаго мудреца. Втеченіи тридцати лѣтъ, до самой смерти графини, Кантъ оставался близкимъ другомъ ея дома.

Кантъ терпѣть не могъ излишней церемонности и надутаго чванства; но у такъ называемыхъ аристократовъ онъ цѣнилъ изящество манеръ и умѣнье владѣть собою, причемъ часто говорилъ, что считаетъ эти качества необходимыми для всякаго развитого человѣка. Помимо манеръ, въ домѣ графа Кайзерлинга Канта привлекали бесѣды о французской, итальянской и англійской литературѣ; бесѣды эти происходили большей частью во время обѣда, и отсюда возникла у Канта страсть къ застольнымъ бесѣдамъ, которую онъ сохранилъ до глубокой старости.

Въ 1755 году Канту удалось наконецъ получить каѳедру при кенигсбергскомъ университетѣ. 12 іюня онъ представилъ на магистерскую степень латинское сочиненіе «Объ огнѣ». Бывшій учитель Канта, профессоръ физики Тескe, прочитавъ этотъ трактатъ, ска-

залъ: «это сочиненіе выше всякихъ похвалъ; я самъ научился кое-чему отсюда». Факультетъ единогласно провозгласилъ Канта магистромъ словесности (magister artium). Нѣсколько позднѣе, 27 сентября того же года, Кантъ представилъ другое сочиненіе: «О принципахъ метафизическаго познанія», которое защищалъ публично, послѣ чего получилъ каѳедру философіи въ качествѣ приватъ-доцента. Королевскій указъ 1749 года предписалъ однако, чтобы каждый, занимающій каѳедру, диспутировалъ публично не менѣе трехъ разъ. Въ виду этого, Кантъ защищалъ еще разъ, именно въ апрѣлѣ 1756 года, сочиненіе «О физической монадологіи».

Двѣ изъ названныхъ диссертацій Канта, а именно «Объ огнѣ» и «О физической монадологіи», находятся въ тѣсной связи съ упомянутымъ уже юношескимъ трактатомъ объ измѣреніи силъ. Во всѣхъ физическихъ трактатахъ Канта нельзя не видѣть одной общей идеи, а именно динамизма. Кантъ утверждаетъ, что сцѣпленіе и упругость тѣлъ зависятъ отъ той же упругой матеріи, которая является причиною теплоты и огня (горѣнія). «Волнообразное движеніе этой матеріи,—пишетъ Кантъ,—и есть то, что получило названіе теплоты. Матерія теплоты есть не что иное, какъ эѳиръ, иначе называемый матеріей свѣта». Этотъ эѳиръ наполняетъ всѣ промежутки или поры между частицами матеріи, которыя своимъ взаимнымъ притяженіемъ сжимаютъ эѳиръ, между ними находящійся.

Въ общихъ чертахъ это ученіе Канта немногимъ отличается отъ современныхъ взглядовъ на «обыкновенную» и «эѳирную» матерію.

Не менѣе любопытны разсужденія Канта о физической монадологіи. Поставивъ себѣ задачей согласовать монадологію съ физикой, Кантъ выбрасываетъ за бортъ всякія «простыя сущности» и откровенно объясняетъ, что будетъ имѣть дѣло съ «физическими монадами», другими словами,—съ атомами. Монады недѣлимы, пространство наоборотъ дѣлимо до безконечности. Является вопросъ, какимъ образомъ возможно существованіе монадъ въ пространствѣ? Кантъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, заявляя, что монада есть сила (или центръ силы, по терминологіи позднѣйшихъ физиковъ), имѣющая опредѣленную *сферу дѣйствія*. Такимъ образомъ сила «наполняетъ пространство», оставаясь однако недѣлимою, подобно математической точкѣ. (Здѣсь многіе видятъ зародышъ ученія о такъ называемомъ *потенціалѣ*). Кантъ допускаетъ постоянное взаимодѣйствіе притягательныхъ и отталкивающихъ силъ и этимъ способомъ объясняетъ непроницаемость и массу тѣлъ. Значительный интересъ представляютъ также разсужденія Канта объ относитель-

номъ движеніи. Кантъ отвергаетъ существованіе абсолютнаго покоя и считаетъ всѣ движенія относительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ и ученіе о «силѣ инерціи» въ той формѣ, какую придаютъ этому ученію даже многіе новѣйшіе учебники механики и физики.

Несмотря на то, что Кантъ успѣлъ обратить на себя вниманіе университета, академическая карьера его подвигалась необыкновенно туго. Втеченіи *пятнадцати* лѣтъ онъ вынужденъ былъ оставаться приватъ-доцентомъ. Различныя обстоятельства послужили для него серьезной помѣхой. Еще въ 1751 году умеръ любимый профессоръ Канта, Кнутценъ, и по смерти его каѳедра логики и метафизики втеченіи долгаго времени оставалась незанятою. Въ 1755 году Кантъ началъ въ зимнемъ семестрѣ рядъ академическихъ чтеній по математикѣ и физикѣ. По тогдашнимъ правиламъ, каждый молодой профессоръ долженъ былъ слѣдовать какому-либо признанному авторитету. Кантъ избралъ своимъ авторитетомъ Вольфа въ области математики, и Эбергардта—по физикѣ. Но насколько самостоятельно относился онъ къ своимъ оффиціальнымъ руководителямъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ Канта, находящихся въ его «Физической монадологіи»: «Я знаю, —пишетъ онъ,—что тѣ господа, которые привыкли выбрасывать вонъ, какъ ненужный соръ, все, что не имѣетъ на себѣ клейма вольфовой или какой-либо иной знаменитой фабрики, сочтутъ мои мысли не стоющими вниманія».

Лекціи Канта имѣли значительный успѣхъ. Кантъ пытался обратиться къ прусскому правительству съ цѣлью добыть экстраординарную профессуру. Но какъ разъ въ это время началась семилѣтняя война, и правительству было не до раздачи каѳедръ. Прошеніе Канта было оставлено, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, безъ послѣдствій.

Два года спустя (1758) стала вакантною каѳедра ординарной профессуры по логикѣ и метафизикѣ. Еще въ началѣ этого года русскія войска овладѣли провинціей Пруссіей и 22-го января вступили въ Кенигсбергъ. Все управленіе краемъ, включая и университетскую администрацію, попало въ руки русскаго генерала (изъ нѣмцевъ) барона ф. Корфа. Жители Кенигсберга были приведены къ присягѣ, въ городѣ праздновались русскіе царскіе дни и профессора піитики слагали въ честь императрицы Елисаветы хвалебныя вирши.

При такихъ обстоятельствахъ Кантъ долженъ былъ ожидать милостей отъ русскаго правительства, и онъ обратился къ императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, которое лишь въ 1893 году было сообщено въ печати. Документъ этотъ не находится ни въ одномъ

нѣмецкомъ изданіи сочиненій Канта, его нѣтъ и ни въ одной изъ до сихъ поръ изданныхъ біографій великаго философа, поэтому мы считаемъ себя вправѣ помѣстить его здѣсь цѣликомъ.

Пресвѣтлѣйшая, всесильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивѣйшая Государыня и великая жена!

«Вслѣдствіе смерти покойнаго доктора и профессора Кипке (Kypke) Professio ordinaria логики и метафизики, которую онъ занималъ въ здѣшнемъ кенигсбергскомъ университетѣ, стала вакантною. Эти науки всегда составляли главнѣйшій предметъ моихъ занятій. Въ продолженіи тѣхъ лѣтъ, когда я находился въ здѣшнемъ университетѣ, я каждый семестръ читалъ объ эти науки, на частныхъ урокахъ. Я имѣлъ въ этихъ наукахъ двѣ публичныя dissertationes и, кромѣ того, стремился ознакомить съ результатами моихъ работъ въ четырехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ кенигсбергскомъ ученомъ сочиненіи (Intelligenzwerk), въ трехъ программахъ и трехъ другихъ философскихъ tractata. Надежда, съ которою я льщу себя посвятить службѣ академіи наукъ, а главнымъ образомъ всемилостивѣйшее желаніе Вашего Императорскаго Величества оказывать наукамъ высокое покровительство и Всемилостивѣйшую поддержку, побуждаютъ меня всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать мнѣ освободившуюся professionem ordinariam и надѣюсь, что senatus academicus, въ виду обладанія мною необходимыми способностями, сопроводитъ мое всеподданнѣйшее прошеніе не неблагопріятными свидѣтельствами. Я умираю въ глубочайшей devotion Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Эммануилъ Кантъ. Кенигсбергъ 14 декабря 1758 г.»

Прошеніе это снабжено помѣткой: «magister artium (магистръ словесныхъ наукъ) Эммануилъ Кантъ умоляетъ всеподданѣйше Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать ему освободившуюся каѳедру логики и матафизики».

Судьба этого прошенія довольно поучительна. Въ одно время съ Кантомъ той же каѳедры добивался нѣкій приватъ-доцентъ Буккъ, имѣвшій передъ Кантомъ преимущество старшинства по университетской службѣ. Кандидатуру Канта поддерживалъ его бывшій учитель Шульцъ, который не безъ огорченія видѣлъ, что тотъ самый Кантъ, который нѣкогда готовился въ богословы и даже читалъ пробныя проповѣди, теперь окончательно уклонился въ сторону

физико-математическихъ наукъ. По старой памяти, Шульцъ любилъ Канта и искренно желалъ помочь ему; но прежде всего онъ рѣшился выяснить нѣкоторыя мучившія его сомнѣнія.

Шульцъ призвалъ къ себѣ Канта, и какъ только молодой философъ переступилъ его порогъ, Шульцъ спросилъ особо-торжественнымъ тономъ: «Боитесь ли вы Бога отъ всего сердца?» Кантъ, ни мало не ожидавшій подобнаго вопроса, прямо взглянулъ въ глаза Шульцу и сказалъ: «Я не колеблюсь дать утвердительный отвѣтъ». Лишь послѣ этого Шульцъ рѣшился хлопотать за Канта, но и это не помогло. Генералъ Корфъ поступилъ, какъ настоящій служака. Онъ счелъ число лѣтъ преподавательской дѣятельности двухъ конкурентовъ и предпочелъ Канту ничтожнаго Букка.

Пять лѣтъ находились русскія войска въ Кенигсбергѣ, и это пребываніе не осталось безслѣднымъ въ исторіи русскаго развитія. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время вся русская интеллигенція несла военную службу и въ числѣ офицеровъ, попавшихъ въ Кенигсбергъ, были не одни кутилы, но и люди мыслящіе. Стоитъ прочесть записки Болотова, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ много способствовало пребываніе русскихъ войскъ въ прусскихъ провинціяхъ сближенію русскаго общества съ движеніемъ нѣмецкой науки и философіи. Между прочимъ и Кантъ познакомился съ многими русскими офицерами, и одинъ изъ офицерскихъ кружковъ предложилъ даже Канту читать для военныхъ лекціи по физикѣ и физической географіи. Вообще въ это военное время Кантъ, потерпѣвъ неудачу съ своимъ прошеніемъ, усиленно давалъ частные уроки по самымъ разнообразнымъ предметамъ: онъ преподавалъ даже фортификацію и пиротехнику. Въ это же время Кантъ держалъ у себя на квартирѣ нѣсколько молодыхъ дворянъ въ качествѣ пансіонеровъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Петра III для Канта не сразу настали лучшія времена. Обстоятельства сложились такъ, что замѣна русскаго владычества — прусскимъ на первый разъ принесла Канту мало пользы.

Немедленно по своемъ воцареніи, Петръ III, какъ извѣстно, возвратилъ Фридриху II все, что было отнято у него войсками Елисаветы. Кенигсбергскій университетъ вновь сталъ подчиненнымъ прусской администраціи. Казалось, что король-философъ, еще до начала семилѣтней войны лишившійся Вольфа (Вольфъ умеръ въ 1753 г.), долженъ былъ обратить вниманіе на Канта, который былъ наконецъ замѣченъ берлинской академіей наукъ по слѣдующему поводу.

Въ 1762 году Кантъ написалъ сочиненіе на премію, предло-

женную берлинской академіей. Другимъ соискателемъ на ту же премію явился извѣстный другъ Лессинга, философъ Мендельсонъ, иниціаторъ такъ называемой «еврейской реформаціи» въ Германіи. Заданная академіей тема касалась вопроса о философской очевидности.

Премія была получена Мендельсономъ: сочиненіе Канта признано изъ числа многихъ, представленныхъ на конкурсъ, вторымъ по достоинству и напечатано безъ подписи Канта рядомъ съ премированнымъ трактатомъ Мендельсона. Во всякомъ случаѣ на Канта обратили вниманіе, и всѣ были увѣрены, что онъ получитъ первую вакантную каѳедру въ Кенигсбергѣ. Въ этомъ смыслѣ писало даже прусское правительство кенигсбергскимъ университетскимъ властямъ. Къ несчастію для Канта, первая открывшаяся вакансія оказалась каѳедрой піитики. Помимо малаго интереса, который вообще представляла эта каѳедра для Канта, она была соединена съ совершенно несоотвѣтствовавшей склонностямъ Канта обязанностью цензора и юбилейнаго стихотворца. Профессоръ піитики былъ обязанъ не только цензировать всѣ добровольческія юбилейныя изліянія, но и писать стихи по случаю всѣхъ университетскихъ празднествъ, ко дню Рождества, ко дню коронаціи прусскаго короля и проч.

Одинъ изъ прусскихъ министровъ, которому былъ порученъ общій надзоръ за университетами, написалъ въ Кенигсбергъ запросъ, въ которомъ сказано, что, по дошедшимъ до министерства свѣдѣніямъ, въ кенигсбергскомъ университетѣ находится нѣкій магистръ Кантъ, который, судя по нѣкоторымъ его сочиненіямъ, отличается весьма основательною ученостью. Министръ желаетъ узнать, имѣетъ-ли Кантъ необходимыя дарованія и склонность стать профессоромъ піитики? Кантъ отклонилъ предложенную ему должность, прося правительство имѣть его въ виду при болѣе удобномъ случаѣ.

Такой случай представился въ 1766 году. Кантъ все еще не получилъ каѳедры, но ему было по крайней мѣрѣ предоставлено мѣсто помощника библіотекаря въ королевской дворцовой библіотекѣ. Мѣсто это оплачивалось болѣе чѣмъ скромнымъ жалованіемъ—62 талера въ годъ. Въ королевскомъ приказѣ о назначеніи Канта сказано, что мѣсто это предоставляется «искусному и прославившемуся своими учеными сочиненіями магистру Канту».

Лишь въ 1770 году Кантъ наконецъ добился давно желанной цѣли. Еще въ ноябрѣ предшествующаго года онъ получилъ приглашеніе на ординарную каѳедру въ Эрлангенъ; въ январѣ 1770 года его звали въ Іену. Кантъ собирался уѣхать въ Эрлангенъ, но вскорѣ въ самомъ Кенигсбергѣ открылась вакансія на ту самую ка-

ѳедру, которой онъ напрасно добивался въ эпоху русскаго господства: его прежній конкурентъ Буккъ предпочелъ занять каѳедру математики и очистилъ мѣсто Канту.

20 августа 1770 года былъ знаменательный день въ жизни Канта. Канту было уже 46 лѣтъ; тѣмъ не менѣе публичная защита сочиненія, представленнаго имъ для полученія профессорской каѳедры, возбудила въ немъ юношескій пылъ. Сочиненіе это было озаглавлено: «О формѣ и принципахъ чувственнаго и умственнаго міра». 1770 годъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ жизни Канта. Передъ нимъ открылось обширное поприще дѣятельности; и какъ разъ въ это время въ умѣ Канта вырабатывались въ вполнѣ законченной формѣ начала его критической философіи.

Съ этого времени дѣятельность Канта характеризуется слѣдующимъ образомъ: онъ предпринимаетъ величайшую реформу, когда либо задуманную со времени возникновенія новой философіи, и идя спокойнымъ, медленнымъ, обдуманнымъ шагомъ, доводитъ ее до конца. Съ внѣшней стороны жизнь Канта съ этихъ поръ представляетъ мало замѣчательнаго. Онъ постепенно освобождается отъ механическихъ занятій, вродѣ работы библіотекаря, и подымается вверхъ по лѣстницѣ академическихъ почестей, вступаетъ сначала въ университетскій сенатъ, затѣмъ дважды сряду избирается на постъ ректора университета и съ 1792 года считается сеніоромъ (старѣйшиной) философскаго факультета и цѣлаго университета. Что касается экономическаго положенія Канта, оно остается всегда скромнымъ, но, разумѣется, о прежней нуждѣ не можетъ быть и рѣчи. Наивысшее казенное жалованье, какое получалъ когда-либо Кантъ, не превышало 620 талеровъ въ годъ; но, имѣя всегда значительное число слушателей, Кантъ получалъ порядочные гонорары отъ студентовъ, исключая бѣдныхъ, которыхъ сплошь и рядомъ онъ освобождалъ отъ всякой платы.

Профессорская дѣятельность Канта находилась въ тѣснѣйшей связи съ его философскими работами. По этой причинѣ удобнѣе всего сдѣлать параллельный обзоръ его чтеній и появившихся въ печати произведеній.

V.

Профессорская и литературная дѣятельность Канта.—Космическая гипотеза.—Защита оптимизма и борьба съ мистицизмомъ.—Сведенборгъ.—Сновидѣнія духовидца.

По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ Канта, онъ былъ въ первыя двадцать или двадцать пять лѣтъ своей профессорской дѣятельности превосходнымъ лекторомъ.

Первую свою лекцію Кантъ прочелъ, ставъ приватъ-доцентомъ, еще осенью 1755 года. Въ то время онъ жилъ въ домѣ профессора Кипе, въ части города, называемой Нейштадтомъ. Въ то время многіе профессора читали у себя на дому. У Канта была своя обширная аудиторія, въ которой онъ раньше читалъ частнымъ лицамъ. Студенты успѣли уже наслышаться объ учености Канта; любопытство привлекло многихъ слушателей съ разныхъ факультетовъ. Аудиторія была полна народу, даже въ передней и на лѣстницѣ стояла огромная толпа студентовъ. Кантъ отъ непривычки къ публичнымъ чтеніямъ смѣшался, даже потерялъ обычное присутствіе духа; онъ и безъ того имѣлъ слабый голосъ: на этотъ разъ Кантъ говорилъ еще тише обыкновеннаго, часто поправлялся и повторялся. Любопытно однако, что именно эта застѣнчивость Канта еще болѣе способствовала энтузіазму студентовъ, которые по немногому, сказанному Кантомъ, успѣли все-таки получить нѣкоторое понятіе о необычайной глубинѣ его учености. Слѣдующія лекціи Канта оправдали первое впечатлѣніе, и на этотъ разъ философъ чувствовалъ себя уже вполнѣ свободно и въ своей сферѣ.

Пока Кантъ былъ приватъ-доцентомъ, онъ продолжалъ читать въ своей аудиторіи, кромѣ студентовъ, многимъ частнымъ лицамъ, какъ напр. герцогу Гольштейнъ-Беккскому. По нѣмецкому обычаю, Кантъ подраздѣлилъ свои лекціи на публичныя (которыя обыкновенно читаются безплатно—publice et gratis), приватныя и приватиссимія. Читалъ онъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, начиная съ фортификаціи и кончая метафизикой. Логика, естественное право, мораль, физическая географія были его главными предметами. Кантъ не имѣлъ дурной привычки, свойственной плохимъ профессорамъ, читать по вызубренному тексту и даже по подробному конспекту. Онъ читалъ иногда по замѣткамъ, сдѣланнымъ на поляхъ указанныхъ имъ студентамъ учебниковъ—эти замѣтки замѣняли для него подробный конспектъ,—или же по самому ска-

тому конспекту, набросанному на полоскахъ бумаги. Рекомендуя студентамъ учебникъ логики Мейера и «Метафизику» Баумгартена, Кантъ пользовался лишь рубриками этихъ сочиненій, часто указывая на несостоятельность тѣхъ или иныхъ положеній. Изъ приватныхъ лекцій Канта сравнительно популярными считались его чтенія по логикѣ. Кантъ постоянно говорилъ слушателямъ, что вовсе не задается цѣлью научить ихъ логикѣ. «Я стараюсь научить васъ методически мыслить»—говорилъ онъ. Особенно нравился студентамъ пріемъ, къ которому Кантъ прибѣгалъ, когда дѣло шло объ опредѣленіяхъ. Онъ велъ лекцію такъ, какъ будто искалъ истину, одинаково неизвѣстную его слушателямъ и ему самому. Сначала Кантъ дѣлалъ какъ будто попытки дать опредѣленіе, причемъ получалъ лишь первую грубую формулу; затѣмъ онъ постепенно исправлялъ ее, пока наконецъ не получалось вполнѣ строгое и научное опредѣленіе. Можно безъ всякихъ преувеличеній сказать, что Кантъ старался ввести студентовъ въ свою философскую «мастерскую», показывая имъ на дѣлѣ, какимъ образомъ ищутъ истину. Внимательные слушатели Канта дѣйствительно учились многому; бывали конечно и такіе, которые, по невниманію и нежеланію мыслить, хватались за самое первое указанное имъ опредѣленіе, вписывали его въ свои тетрадки и уходили домой, пропуская послѣдующія лекціи. Изъ такихъ странныхъ слушателей вербовались впослѣдствіи люди, для которыхъ имя кантіанца (ученика Канта) было лишь рекламой и которые безсовѣстно искажали идеи своего учителя. Къ счастью, такіе ученики Канта составляли меньшинство: лишь въ новѣйшее время опять развелось не мало людей (особенно у насъ въ Россіи), которыхъ смѣло можно назвать лже-кантіанцами.

Наиболѣе трудными считались лекціи Канта по метафизикѣ. Самъ Кантъ говорилъ, что читаетъ этотъ предметъ для студентовъ, получившихъ основательную подготовку; начинающимъ онъ рекомендовалъ слушать сначала профессора Кнутцена.

Менѣе всего посѣтителей имѣлъ Кантъ на своихъ лекціяхъ по раціональному богословію, въ которыхъ онъ давалъ разумныя объясненія разныхъ вопросовъ религіи. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что безусловно всѣ, посѣщавшіе эти лекціи, впослѣдствіи оказались замѣчательными богословами. Всего болѣе слушателей было у Канта на лекціяхъ по антропологіи и физической географіи. Кромѣ студентовъ, эти необычайно интересныя и вполнѣ популярныя лекціи посѣщались многими лицами: напр. однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей былъ тайный юстиціи совѣтникъ Моргенбессеръ. На пуб-

личныхъ лекціяхъ Канта, особенно въ началѣ семестра, всегда присутствовала необычайно многолюдная публика.

Единственнымъ недостаткомъ Канта, какъ лектора, былъ его слабый голосъ. Зная это, слушатели сидѣли на его лекціяхъ, не шевелясь, стараясь не проронить ни одного слова и не шаркая ногами (по странному нѣмецкому обычаю) при появленіи запаздывающихъ. Да рѣдко кто и запаздывалъ на лекціи Канта.

Кантъ никогда не искалъ дешевой популярности и не любилъ пересыпать лекціи не идущими къ дѣлу шуточками. Но онъ былъ по природѣ остроуменъ. Его остроуміе сравнивали съ «молніей», и такія блестки часто развлекали слушателей, возбуждая дружный смѣхъ, нарушавшій обычное почтительное молчаніе.

Какъ сказано, Кантъ почти импровизировалъ свои лекціи. Но онъ не могъ вынести ничего, отвлекавшаго въ сторону его собственное сосредоточенное вниманіе. Малѣйшая перемѣна обстановки раздражала Канта и нерѣдко даже вліяла на качество его лекцій. Чтобы вывести Канта изъ обычной колеи, требовалось немногое: для этого было достаточно напр. появленіе какого-нибудь студента въ такъ называемомъ «геніальномъ костюмѣ», т. е. съ растрепанной прической и безъ воротничка: такъ одѣвались въ то время нѣкоторые студенты, мѣтившіе въ геніи. Кантъ имѣлъ обыкновеніе во все время лекціи устремлять взоръ на одного изъ студентовъ, сидѣвшихъ на передней скамьѣ. Однажды случилось такъ, что Кантъ избралъ студента, у котораго не хватало на сюртукѣ пуговицы. Этотъ пробѣлъ въ костюмѣ молодого человѣка до такой степени нарушилъ покой Канта, что онъ былъ крайне разсѣянъ, сбивался и вообще прочелъ совсѣмъ неудачную лекцію. Кантъ вообще не любилъ «пробѣловъ». Онъ чувствовалъ нервное раздраженіе, когда видѣлъ напр. человѣка съ неполнымъ рядомъ зубовъ, и говорилъ, что когда видишь такого человѣка, то противъ воли стараешься смотрѣть на пустое мѣсто. Это замѣчаніе Кантъ внесъ даже въ лекціи по антропологіи.

Кантъ внушалъ своимъ слушателямъ необычайное уваженіе. Къ Канту конечно нельзя примѣнить пословицу: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Студенты обожали Канта и открыто выражали это при всякомъ удобномъ случаѣ. О впечатлѣніи, которое производили его лекціи, можно судить по отзывамъ его первыхъ біографовъ—Боровскаго и Яхманна, а также изъ словъ знаменитаго Гердера. Гердеръ прибылъ въ Кенигсбергъ въ 1762 году и слушалъ Канта втеченіи трехъ лѣтъ. Свое первое посѣщеніе лекцій

Канта онъ описывалъ въ восторженныхъ выраженіяхъ, а вообще о Кантѣ, какъ профессорѣ, писалъ впослѣдствіи слѣдующее:

«Я имѣлъ счастье знать философа, который былъ моимъ учителемъ. Въ свои цвѣтущіе годы онъ былъ веселъ, какъ юноша, и такимъ вѣроятно остался до глубокой старости. Его открытый, созданный для мысли, лобъ выражалъ несокрушимое веселіе и радость, его полная мысли рѣчь текла изъ устъ, шутка и остроуміе были въ его распоряженіи, его поучительныя лекціи имѣли характеръ интереснѣйшей бесѣды. Съ тѣмъ же умомъ, который онъ проявлялъ при изслѣдованіи системъ Лейбница, Вольфа, Баумгартена, Крузіуса, Юма и при изложеніи законовъ Ньютона, Кеплера и физиковъ, онъ разбиралъ и появлявшіяся тогда сочиненія Руссо, его Эмиля и Элоизу; говорилъ о всякомъ новомъ открытіи въ области естествознанія и постоянно возвращался къ истинному познанію природы и къ нравственному достоинству человѣка. Исторія человѣка, народовъ и природы, естествознаніе и опытъ были источниками, которыми онъ оживлялъ свою бесѣду; ничто достойное познанія не было для него безразличнымъ; никакая интрига, никакая секта, предразсудокъ или честолюбіе не имѣли для него ни малѣйшей привлекательности и не заставляли его уклониться отъ распространенія и разъясненія истины. Онъ ободрялъ и побуждалъ къ самостоятельному мышленію; деспотизмъ былъ чуждъ его натурѣ».

Особенно воодушевлялся Кантъ, когда читалъ лекціи, касавшіяся вопросовъ морали. Объ этомъ пишетъ его біографъ Яхманнъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Канта:

«Когда рѣчь шла о морали, Кантъ становился красноречивымъ ораторомъ, увлекавшимъ умъ и чувство. Часто онъ доводилъ насъ до слезъ, поднимая духъ изъ оковъ себялюбиваго эвдемонизма до высокаго сознанія чистой свободы воли, безусловно подчиненной законамъ разума и двигаемый высокимъ чувствомъ безкорыстнаго подчиненія долгу. Въ такія минуты казалось, что Кантъ былъ одушевленъ небеснымъ огнемъ. Его слушатели чувствовали себя нравственно очищенными.»

Содержаніе лекцій Канта было необычайно разнообразно. Въ общемъ, онѣ являлись комментаріемъ и популярнымъ изложеніемъ взглядовъ, развитыхъ въ его главныхъ сочиненіяхъ. Вполнѣ умѣстно поэтому перейти къ обозрѣнію литературной дѣятельности Канта.

Нѣмецкіе историки философіи, какъ напр. Ибервегъ и Куно-Фишеръ, подраздѣляютъ обыкновенно литературную дѣятельность Канта на два главныхъ періода: до-критическій и критическій. Куно-Фишеръ, особенно подробно изучившій исторію развитія философской системы Канта, видитъ въ ней слѣдующіе періоды: предварительный (натуръ-философскій), когда Кантъ стоялъ еще на раціоналистической точкѣ зрѣнія; затѣмъ эмпирическій, вызванный вліяніемъ Юма и вообще шотландской и англійской философіи; наконецъ критическій, когда Кантъ окончательно выступилъ на самостоятельный путь.

Такое подраздѣленіе на періоды представляетъ удобства для изложенія, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что самостоятельное отношеніе Канта къ господствовавшимъ до него философскимъ школамъ обнаруживается во всѣхъ его сочиненіяхъ, начиная съ самаго ранняго труда объ измѣреніи силъ. Ходячая метафизика никогда не удовлетворяла его, что видно уже изъ сочиненія Канта о физической монадологіи, которую онъ противопоставилъ системѣ Лейбница. Точно также самостоятельно отнесся Кантъ и къ различнымъ научнымъ теоріямъ, и почти въ самомъ началѣ своего профессорскаго поприща построилъ геніальную космогонію (т. е. ученіе объ образованіи солнечной и другихъ системъ), втеченіи долгаго времени неоцѣненную присяжными учеными, пока наконецъ открытія Гершеля и математическія изслѣдованія Лапласа не послужили основаніемъ системъ, по существу тождественныхъ съ теоріей Канта.

Неизвѣстно, въ какой степени Лапласъ воспользовался идеями Канта: извѣстно только, что онъ выступилъ вполнѣ самостоятельно, не упомянувъ о своемъ великомъ предшественникѣ. Въ настоящее время ученые всѣхъ странъ, не исключая Франціи, признали справедливость утвержденія Гельмгольца, впервые подчеркнувшаго поразительное сходство между гипотезами Канта и Лапласа. Появившіяся впослѣдствіи космогоническія гипотезы до сихъ поръ не успѣли вытѣснить той, которая была предложена Кантомъ.

Кантъ изложилъ свои космогоническіе взгляды въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Всеобщая естественная исторія и теорія неба». Работа эта принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Канта. По нѣкоторымъ даннымъ можно утверждать, что планъ этого сочиненія былъ задуманъ Кантомъ еще въ то время, когда онъ писалъ объ измѣреніи дѣйствія силъ. Затруднительныя матеріальныя обстоятельства задерживали печатаніе этого сочиненія: оно появилось въ печати лишь въ 1755 году, какъ разъ въ то время, когда Кантъ сталъ приватъ-доцентомъ. Трактатъ Канта, составившій эпоху въ исторіи физической астрономіи, на первыхъ порахъ остался незамѣченнымъ. Извѣстный Ламбертъ, математикъ, отличавшійся чрезвычайно оригинальнымъ умомъ, ровно ничего не зналъ о работахъ Канта, когда писалъ свои «Космологическія письма» (1761), нѣсколько напоминающія гипотезу Канта. Знаменитое «Изложеніе системы міра», составленное Лапласомъ, относится къ значительно позднѣйшей эпохѣ (1796). Что касается работъ Гершеля, то самъ Кантъ привѣтствовалъ ихъ, какъ подтвержденіе своего ученія.

Кантъ сознавалъ трудность своей задачи. Ньютонъ открылъ

основной законъ, позволяющій объяснить движенія планетъ, и былъ поэтому основателемъ небесной механики; но онъ не задавался вопросомъ о *происхожденіи* солнечной системы и принималъ ее просто за данную величину. Не видя принципа, позволяющаго объяснить тѣ или иныя отношенія между массами и разстояніями планетъ, Ньютонъ утверждалъ, что эти отношенія даны самимъ божествомъ. Здѣсь начиналась задача Канта. Одна мысль о механической космогоніи, о естественномъ объясненіи происхожденія солнечной системы, казалась въ эпоху Канта чуть ли не еретическимъ посягательствомъ на тайны Провидѣнія. «Я вижу всѣ трудности,—заявляетъ самъ Кантъ,—но не впадаю въ малодушіе. Я чувствую всю силу препятствій, но не робѣю. Я предпринялъ опасное путешествіе, руководствуясь слабой догадкой, но вижу уже предгорья новыхъ странъ».

Кантъ разбираетъ космогонію древнихъ и новыхъ философовъ и доказываетъ ихъ несостоятельность. Эпикуръ выводитъ міозданіе изъ случая; но говорить о «случайности»—значитъ просто указывать на недостатокъ знанія о причинахъ событія. Декартъ не могъ достичь ничего, потому что признавалъ лишь отталкиваніе и не зналъ о притяженіи. «Теперь,—говоритъ Кантъ, исходя изъ началъ Ньютона,—можно смѣло сказать, дайте мнѣ матерію, и я построю вамъ изъ нея цѣлый міръ».

Передавать содержаніе ученія Канта мы не станемъ: оно излагается во всѣхъ учебникахъ физической астрономіи. Напомнимъ только, что сущность гипотезы Канта состоитъ въ образованіи системъ, подобныхъ солнечной, изъ туманнаго вещества; причемъ происходитъ сгущеніе матеріи и разсѣяніе теплоты, образуется центральное свѣтящееся тѣло, выдѣляющее кольца, изъ которыхъ потомъ образуются планеты съ ихъ спутниками, и т. д.

Чтобы показать остроуміе Канта въ дѣлѣ объясненія фактовъ и составленія гипотезъ, достаточно одного примѣра. Однимъ изъ лучшихъ доводовъ въ пользу его теоріи былъ бы фактъ одинаковости состава солнца и планетъ. «Если всѣ планеты произошли изъ солнечной матеріи,—говоритъ Кантъ,—то слѣдуетъ полагать, что плотность солнца приблизительно равна средней плотности всѣхъ планетъ, взятыхъ вмѣстѣ.» По вычисленію Бюффона, дѣйствительно оказалось, что искомое отношеніе плотности солнца и совокупности планетныхъ тѣлъ равно 64 : 65, т. е. почти равно единицѣ. «Этого одного факта достаточно,—заявляетъ Кантъ,—чтобы поднять настоящую теорію отъ уровня гипотезы до формальной достовѣрности.» X

О сочиненіяхъ, представленныхъ Кантомъ въ качествѣ диссер-

тацій, было уже сказано. Съ 1756 по 1770 годъ Кантъ написалъ рядъ сочиненій естественно-историческаго, антропологическаго и философскаго содержанія. Извѣстное лиссабонское землетрясеніе 1755 года, вызвавшее пессимистическое стихотвореніе Вольтера и пламенную отповѣдь со стороны Руссо, побудило и Канта написать три статьи о причинахъ землетрясеній, появившіяся въ газетѣ «Кенигсбергскія Извѣстія» и отдѣльнымъ изданіемъ. Нѣсколько позднѣе Кантъ написалъ свои соображенія по теоріи вѣтровъ, причемъ объяснилъ происхожденіе пассатовъ и муссоновъ, указавъ на вліяніе вращенія земли. Кантъ подробно излагалъ ту же теорію въ своихъ лекціяхъ по физической географіи, привлекавшихъ массу слушателей. Онъ написалъ и родъ программы или конспекта по физической географіи, замѣчательнаго въ томъ отношеніи, что здѣсь Кантъ указалъ на огромное значеніе искусственнаго подбора въ дѣлѣ образованія новыхъ породъ домашнихъ животныхъ. Нѣкоторыя выраженія Канта настолько замѣчательны, что въ нихъ можно видѣть неясное предчувствіе теоріи естественнаго подбора, ровно черезъ столѣтіе выработанной Дарвиномъ.

Къ тому же, такъ называемому «до-критическому», періоду литературной дѣятельности Канта относятся сочиненія: «Объ оптимизмѣ» (1759) и «О мистицизмѣ» (статьи 1763—66 годовъ). На этихъ работахъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онѣ характеризуютъ исторію развитія философскихъ идей самого Канта.

Небольшая статья Канта объ *оптимизмѣ* представляетъ весьма малый философскій интересъ, но за то важна въ біографическомъ отношеніи. Въ своихъ позднѣйшихъ философскихъ умозрѣніяхъ Кантъ значительно уклоняется отъ оптимизма лейбнице-вольфовской школы; въ разсматриваемомъ трактатѣ онъ наоборотъ является ученикомъ Лейбница. Было бы поэтому крайне несправедливо и неосновательно считать трактатъ объ оптимизмѣ окончательнымъ выраженіемъ идеи Канта о человѣческомъ счастіи. Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно привести показанія его перваго біографа и близкаго пріятеля Боровскаго. За нѣсколько лѣтъ до смерти Канта, Боровскій просилъ Канта дать ему экземпляръ брошюры «Объ оптимизмѣ», съ цѣлью послать въ Геттингенъ его другу Планку. Кантъ съ «торжественной серьезностью» отвѣтилъ Боровскому: «Прошу васъ болѣе не упоминать объ этомъ сочиненіи, никому его не давать и вездѣ немедленно кассировать». Добрякъ Боровскій никакъ не могъ понять, откуда у Канта явилась такая ненависть къ своему произведенію. Это наивное заявленіе Боровскаг

ясно доказываетъ, что онъ былъ неспособенъ понять исторію развитія идей Канта.

Въ «Опытѣ объ оптимизмѣ» Кантъ стоитъ на совершенно метафизической почвѣ, чѣмъ и объясняется позднѣйшее отвращеніе Канта къ этому сочиненію. Кантъ развиваетъ идеи Лейбница о наилучшемъ изъ міровъ, только ходъ его доказательствъ нѣсколько иной, чѣмъ у Лейбница. По словамъ Канта, божество должно обладать идеей совершеннѣйшаго міра. Утверждать противное,—значитъ допускать, что существуетъ еще лучшій міръ, чѣмъ всѣ міры, мыслимые Творцомъ. Но разъ мы допустимъ, что божество представляетъ себѣ наилучшій міръ, то нельзя допустить, чтобы оно предпочло худшее лучшему, и благость Творца противорѣчитъ утвержденію, что божество создало міръ по произволу. Стало быть, божество создало наилучшій изъ представляемыхъ имъ, другими словами, наилучшій изъ возможныхъ міровъ.

Но какъ примирить этотъ взглядъ съ эмпирическими данными, доказывающими, что въ мірѣ много несовершенства, несчастія и зла? Кантъ полагаетъ, что нашелъ истинное опроверженіе, указывая на міръ, какъ на цѣлое, и утверждая, что благо цѣлаго является цѣлью Творца, хотя бы оно было несовмѣстимо съ благомъ отдѣльныхъ частей.

Нечего и говорить, что вся эта теорія основана на рядѣ метафизическихъ гипотезъ. Мы ничего не можемъ *знать* ни о представленіяхъ божества, ни о свойствахъ божественной воли, ни о цѣляхъ творческой силы. Что касается міра, какъ цѣлаго, это совершенно условное и произвольное понятіе. Міръ тѣмъ шире для человѣка, чѣмъ обширнѣе его знанія и чѣмъ глубже и сильнѣе его чувства. Если же подъ міромъ, какъ цѣлымъ, подразумѣвать міръ трансцендентный, стоящій внѣ сознанія человѣка и вообще всѣхъ мыслящихъ существъ, то объ этомъ мірѣ мы ровно ничего не можемъ знать. Всѣ эти истины впослѣдствіи были установлены самимъ Кантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пало и основаніе для его прежней оптимистической доктрины.

Гораздо ближе по духу къ критической философіи Канта упомянутыя уже сочиненія, направленныя Кантомъ противъ мистицизма вообще и въ частности противъ тогдашняго моднаго увлеченія духовидѣньемъ, ясновидѣньемъ и тому подобными психопатическими явленіями, въ то время еще не получившими названія спиритизма, но по существу дѣла тожественными съ этимъ заблужденіемъ.

Въ 1763 году Кантъ написалъ письмо своей знакомой дѣвицѣ

Шарлоттѣ фонъ-Кноблохъ, которая, подобно большинству тогдашнихъ свѣтскихъ женщинъ, чрезвычайно интересовалась откровеніями пресловутаго шведскаго ясновидца и чудотворца Сведенборга. Сведенборгъ былъ уже чрезвычайно старъ, но слава его продолжала гремѣть во всемъ европейскомъ мірѣ. Сведенборгъ былъ по профессіи горный инженеръ, много путешествовалъ, сдѣлалъ нѣсколько механическихъ изобрѣтеній и написалъ рядъ сочиненій по математикѣ, физикѣ и минералогіи. Затѣмъ онъ перешелъ къ натурфилософіи, писалъ о безконечности и о цѣляхъ мірозданія; въ концѣ концовъ вдался въ мистицизмъ и магію. Пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду Сведенборгъ, выражаясь языкомъ современныхъ спиритовъ, сталъ медіумомъ или духовидцемъ, ему началъ являться Христосъ, онъ сталъ слышать небесныя откровенія, толковалъ по своему священное писаніе и пророчилъ появленіе «новаго Іерусалима или апокалиптической церкви». Ученіе Сведенборга особенно распространилось на его родинѣ, въ Швеціи, но также въ Англіи и ея американскихъ колоніяхъ. Втеченіи 1749—56 годовъ были изданы восемь томовъ его «Небесныхъ тайнъ», напечатанныхъ въ Лондонѣ.

О Сведенборгѣ разсказывали гораздо большія чудеса, чѣмъ о нынѣшнихъ медіумахъ и русскихъ, и западныхъ чудотворцахъ. По обыкновенію, всѣ эти чудеса подтверждались самыми достовѣрными свидѣтелями. Для Сведенборга не существовало ни времени, ни пространства, онъ видѣлъ отдаленное и сокровенное, былъ,какъ у себя дома,въ царствѣ мертвецовъ и привидѣній, которые помогали даже при уплатѣ векселей его кліентамъ. Ювелиръ Кроонъ въ Стокгольмѣ сдѣлалъ серебряный сервизъ по заказу голландскаго посланника Мартевилля. Посланникъ умеръ; жена его была увѣрена, что счетъ уплаченъ, но ювелиръ требовалъ платы, ссылаясь на то, что вдова не могла предъявить расписки. На помощь вдовѣ явился Сведенборгъ, по всей вѣроятности, знавшій, при помощи подкупленныхъ слугъ, гдѣ находится знаменитая расписка. Ясновидецъ вызвалъ духъ покойнаго посланника,который указалъ ему,что расписка спрятана въ потайномъ ящикѣ шкапа, находившагося въ верхней комнатѣ,и ювелиръ былъ пристыженъ, а слава духовидца увеличилась.

Объ этомъ происшествіи узнала шведская королева Луиза-Ульрика, сестра Фридриха Великаго, отличавшаяся,подобно брату, нѣсколько философскими наклонностями и нѣкоторымъ скептицизмомъ. Желая испытать Сведенборга, она предложила ему вопросъ, касавшійся чрезвычайно интимной стороны ея жизни. Королева была увѣрена, что, кромѣ нея самой, никто не зналъ ея тайны. Неиз-

вѣстно, обладалъ ли Сведенборгъ дѣйствительнымъ искусствомъ «чтенія мыслей», или и въ этомъ случаѣ ему помогли люди, знающіе чужіе секреты, но онъ далъ королевѣ вполнѣ правильный отвѣтъ, чрезвычайно ее изумившій. Королева сообщила объ этомъ новомъ чудѣ нѣсколькимъ иностраннымъ посланникамъ. Съ тѣхъ поръ Сведенборгъ формально сталъ чудомъ свѣта. Это было за два года до переписки Канта съ дѣвицею ф. Кноблохъ.

Кантъ былъ слишкомъ осторожнымъ и черезчуръ добросовѣстнымъ мыслителемъ для того, чтобы осудить кого бы то ни было, хотя бы Сведенборга, не собравъ достаточнаго матеріала. Въ своемъ письмѣ къ дѣвицѣ ф. Кноблохъ Кантъ ограничился поэтому документальной передачей того, что успѣлъ узнать о Сведенборгѣ и немногими замѣчаніями въ томъ смыслѣ, что до поры до времени онъ воздерживается отъ окончательнаго сужденія. «Въ подобномъ щекотливомъ вопросѣ,—говоритъ Кантъ,—нельзя ничего сказать безъ изслѣдованія дѣла. По всему видно, что въ явленіяхъ, вродѣ тѣхъ, какія приписываютъ Сведенборгу, весьма важную роль играетъ обманъ». Собственно о Сведенборгѣ Кантъ не берется утверждать, что имѣетъ дѣло съ обманщикомъ. «Въ пользу Сведенборга говорятъ свидѣтели, заслуживающіе такого довѣрія, что имъ трудно не повѣрить; но самъ я,—говоритъ Кантъ,—все таки обладаю недостаточными свѣдѣніями, а поэтому ожидаю болѣе точныхъ и съ нетерпѣніемъ жду появленія книги, печатаемой Сведенборгомъ въ Лондонѣ».

Изъ этого письма видно только одно: что Кантъ, какъ и всякій добросовѣстный мыслитель, не составилъ себѣ предвзятаго мнѣнія о вліяніяхъ, повидимому необъяснимыхъ, но прежде всего старался познакомиться съ дѣломъ изъ первыхъ рукъ. Съ этою цѣлью Кантъ не только вошелъ въ сношенія съ выдающимися сведенборгіанцами, но и обратился съ вопросами къ самому Сведенборгу. Письмо Канта осталось однако безъ отвѣта; Сведенборгъ заявилъ послѣ того, что на всѣ предлагаемые ему вопросы онъ отвѣтитъ въ своемъ лондонскомъ трудѣ. Понятно нетерпѣніе, съ которымъ Кантъ ждалъ этого отвѣта, но совершенно непонятно, какимъ образомъ послѣдователи Сведенборга и ихъ преемники—спириты вывели изъ всей этой исторіи заключеніе, будто Кантъ сталъ приверженцемъ Сведенборга. Это лишь одно изъ многочисленныхъ доказательствъ недобросовѣстности мистиковъ, хвастающихъ тѣмъ, что они одни обладаютъ будто бы знаніемъ абсолютной истины.

Съ большимъ трудомъ досталъ наконецъ Кантъ пресловутыя «Небесныя тайны», которыя стоили весьма дорого, но не въ мораль-

номъ смыслѣ, такъ какъ за откровенія Сведенборга съ покупщиковъ книги взималась весьма высокая сумма. Книга эта въ одномъ только отношеніи принесла пользу Канту, который и раньше не отличался склонностью къ мистицизму. Она внушила ему непобѣдимое отвращеніе ко всѣмъ мистическимъ откровеніямъ. Плодомъ чтенія объемистаго творенія Сведенборга была философская сатира Канта, знаменующая собою не только презрѣніе къ мистицизму, но и окончательный разрывъ съ туманнымъ догматизмомъ Вольфа. Сатира озаглавлена: «Сновидѣнія духовидца, поясненныя сновидѣніями метафизики». Изъ одного этого заглавія видно, что рѣчь идетъ о параллели между суевѣріями мистиковъ и заблужденіями метафизики. Это сочиненіе Канта стоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ его произведеній. Оно блещетъ юморомъ и пересыпано шутками, какія мы не привыкли встрѣчать у Канта. Очевидно, что Кантъ, имѣя въ виду серьезную цѣль—уничтоженіе мистическаго настроенія, свойственнаго многимъ его современникамъ, оцѣнилъ однако по достоинству откровенія Сведенборга и не могъ отнестись къ нимъ, какъ къ серьезному философскому ученію, стоющему тяжеловѣсной полемики.

Въ легкой и шутливой формѣ Кантъ высказываетъ однако весьма серьезныя мысли, и его возраженія духовидцамъ отличаются безпощадной логичностью. Въ этомъ сочиненіи Кантъ уже не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой метафизикой. Оно написано въ 1766 году, стало быть за четыре года до 1770 года, считаемаго обыкновенно поворотнымъ пунктомъ въ исторіи его философскаго развитія. Мы видѣли, что въ 1759 году Кантъ писалъ объ оптимизмѣ еще въ чисто метафизическомъ духѣ: въ 1763 году онъ пытался дать новыя физико-теологическія доказательства въ пользу бытія Божія. Въ 1764 году Кантъ впервые основательно знакомится съ Руссо и необычайно увлекается имъ. Два года спустя, онъ борется съ мистицизмомъ и съ метафизикой. Сопоставленіе этихъ данныхъ показываетъ, что первый рѣшительный поворотъ, опредѣлившій дальнѣйшую философскую дѣятельность Канта, долженъ быть отнесенъ къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и произошелъ вслѣдствіе единовременнаго вліянія на Канта сочиненій Руссо и философскихъ произведеній Юма. Первыя повліяли на его чувство и на его моральное ученіе, вторыя подготовили теоретическія работы Канта.

Въ разсматриваемой нами философской сатирѣ Канта уже ясно сказываются слѣды поворота. Нѣмецкихъ метафизиковъ Кантъ на-

зываетъ здѣсь «воздушными строителями (Luftbaumeister), сооружающими исключительно мысленные міры». По словамъ Канта, Вольфъ построилъ міровой порядокъ, «взявъ немножко опыта, но гораздо болѣе—подтасованныхъ понятій». Что касается противника Вольфа, благочестиваго Крузія, онъ создалъ міръ изъ ничего посредствомъ магической силы фразъ о мыслимомъ и немыслимомъ. Нечего удивляться тому, что эти господа противорѣчатъ другъ другу. Надо подождать, пока противники выспятся и проснутся. Придетъ время, когда философія станетъ такой же точной наукой, какъ математика. Нѣмецкая метафизика ничѣмъ не лучше сновидѣній духовидцевъ.

Обращаясь къ вопросу о духовидѣніи, Кантъ ставитъ его ребромъ. Прежде всего необходимо узнать, существуютъ ли вообще духи, которыхъ мы такъ или иначе въ состояніи познать? Для того, чтобы духи могли быть познаваемы, они должны существовать въ формѣ, доступной нашему познанію, т. е. должны имѣть отношеніе къ тѣлесному міру, должны пребывать и проявлять свою дѣятельность въ пространствѣ. Съ другой стороны однако духи не матеріальны, не должны имѣть ни протяженія, ни фигуры, стало быть не должны наполнять пространства. Какимъ образомъ возможны существа, занимающія пространство, не наполняя его, пространственныя и въ то же время не пространственныя?

На этотъ вопросъ, болѣе ста лѣтъ тому заданный Кантомъ, конечно не съумѣетъ отвѣтить ни одинъ изъ современныхъ спиритовъ. Если спириты укажутъ на такъ называемую «матеріализацію духовъ», то этимъ лишь увеличатъ путаницу, потому что явится новый вопросъ: какимъ образомъ не матеріальное можетъ стать матеріальнымъ? Что касается вопроса о пространственныхъ отношеніяхъ духовъ, спириты, какъ извѣстно, нашли лазейку при помощи «четвертаго измѣренія». Но эта увертка съ ихъ стороны показываетъ лишь грубое непониманіе математическаго обобщенія, позволяющаго разсуждать не только о четырехъ, но и о любомъ числѣ измѣреній, причемъ однако ни одному математику не придетъ въ голову отрицать, что объемъ имѣетъ три измѣренія, поверхность—два, а длина—лишь одно измѣреніе и что законы движенія и проникновенія тѣлъ подчиняются геометріи и механикѣ, а не капризамъ матеріализованныхъ духовъ. Но возвратимся къ Канту.

Кантъ озаглавливаетъ одну изъ главъ своей сатиры:

«Метафизическій узелъ, который можно по произволу распутать или разрубить». Здѣсь Кантъ становится уже вполнѣ ясно

на критическую точку зрѣнія, отвергая возможность познать связь между духомъ и тѣломъ и уничтожая незаконныя притязанія такъ называемой раціональной, т. е. спиритуалистической психологіи. Кантъ иронически называетъ спиритуализмъ лейбнице-вольфовской школы «тайною философіей, открывающей способы общенія съ духовнымъ міромъ» и чрезвычайно остроумно доказываетъ, что метафизическій спиритуализмъ—родной братъ духовидѣнія. Тотъ, кто воображаетъ, что природа есть лѣстница, на которой расположены духовныя существа, обладающія разной степенью духовности, легко приходитъ къ мысли, что все есть духъ, а стало быть безъ всякаго затрудненія допускаетъ общеніе съ духами. Отъ общенія духа съ тѣломъ слѣдуетъ отличать общеніе духовъ между собою. Но и этотъ вопросъ Кантъ рѣшаетъ не въ спиритуалистическомъ, а въ эмпирическомъ и моральномъ смыслѣ. Существуетъ два рода общенія между духами: моральное и мистическое. Первое имѣетъ своимъ источникомъ нравственное чувство: это путь, избранный англійскими философами и Руссо. Источникомъ второго является сверхъестественное ясновидѣніе: это путь, указанный Сведенборгомъ и вполнѣ аналогичный умозрѣніямъ лейбнице-вольфовской школы.

Всѣ разумныя существа чувствуютъ стремленіе къ общенію; это взаимное стремленіе Кантъ сравниваетъ съ всемірнымъ тяготѣніемъ. Въ мірѣ духовномъ любовь то-же, что тяготѣніе въ мірѣ матеріальномъ. Руссо дополнилъ Ньютона. Всѣ мы, какъ духовныя существа, чувствуемъ себя зависящими отъ «правила всеобщей воли, и въ мірѣ мыслящихъ существъ это чувство порождаетъ «моральное единство» и систему отношеній, подчиняющихся единственно духовнымъ законамъ». Ньютонъ изслѣдовалъ законъ о взаимодѣйствіи матеріи и отдѣлилъ математическій вопросъ отъ несносныхъ философскихъ споровъ о причинѣ тяготѣнія; нельзя ли, спрашиваетъ Кантъ, найти и въ моральномъ мірѣ аналогичное общее начало? Нельзя ли счесть нравственное чувство сознаніемъ зависимости частной воли отъ общей воли и слѣдствіемъ взаимнаго вліянія, посредствомъ котораго нравственный міръ достигаетъ единства?

Здѣсь очевидно вліяніе идей Руссо. Кантъ лишь нѣсколько углубляетъ ихъ, стараясь найти психологическую основу вмѣсто той морально-юридической, которая господствуетъ въ воззрѣніяхъ женевскаго философа.

Зато спиритуалистическія воззрѣнія на духовное существованіе отбрасываются Кантомъ окончательно, какъ иллюзія, близкая къ сновидѣнію. Духи не могутъ быть ощущаемы и воспринимаемы, мы не мо-

жемъ ни видѣть ихъ, ни слышать: поэтому всѣ «духовныя явленія» въ смыслѣ появленія духовъ или призраковъ не болѣе какъ продукты воображенія. Духовныя представленія могутъ пріобрѣтать такую живость и яркость, что фантазія превращаетъ ихъ въ чувственные образы, которые наконецъ могутъ даже одержать верхъ надъ образами, получаемыми отъ впечатлѣній внѣшняго міра. Въ этомъ — источникъ всѣхъ сновидѣній, иллюзій и патологическихъ разстройствъ воображенія. Когда плодъ воображенія превращается въ предметъ чувствъ, его сплетенія становятся призраками. Духовидцы не что иное, какъ бодрствующіе сновидцы. У спящаго притуплены внѣшнія чувства, но воображеніе работаетъ; у духовидца объекты внѣшнихъ чувствъ перемѣшиваются съ созданіями воображенія. Еще Аристотель понялъ истинное различіе между сномъ и дѣйствительностью. «Когда мы бодрствуемъ,—сказалъ онъ,—у всѣхъ насъ (разумныхъ людей)—одинъ общій міръ; когда мы спимъ, у каждаго образуется свой собственный». Кантъ оборачиваетъ это предложеніе и говоритъ: «если изъ различныхъ людей каждый имѣетъ свой собственный міръ, то можно предполагать, что всѣ они спятъ и видятъ сны». Общій міръ есть міръ чувствъ, область опыта, недоступная для призраковъ. Если мы считаемъ продукты нашего воображенія образами, если мы превращаемъ внутреннія воспріятія во внѣшнія, это значитъ, что мы имѣемъ «сновидѣнія чувствъ». Сверхъ того бываютъ еще «сновидѣнія разума», состоящія въ томъ, что мы принимаемъ созданія нашего разума за реальности, идеи — за дѣйствительность. Это участь всѣхъ метафизиковъ.

Обращаясь спеціально къ духовидцамъ и къ Сведенборгу, Кантъ говоритъ:

«Представимъ себѣ, что, вслѣдствіе поврежденія мозга, движенія въ нервахъ происходятъ по такимъ направленіямъ, которыя скрещиваются внѣ мозга. Тогда, соотвѣтственно съ этимъ, образуется мнимый фокусъ отъ мыслящаго субъекта, и образъ, бывшій плодомъ простого воображенія, представляется, какъ предметъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому я не посѣтую на читателя, если онъ, вмѣсто того, чтобы отнестись къ духовидцамъ, какъ къ полугражданамъ того свѣта, взглянетъ на нихъ просто, какъ на кандидатовъ въ госпиталь.»

Чтеніе твореній Сведенборга, какъ видно, сильно раздражило Канта, думавшаго найти въ нихъ хотя каплю смысла, но въ концѣ чтенія убѣдившагося, что трудъ его потерянъ. Этимъ объясняются рѣзкія и даже банальныя выходки философа, который въ концѣ концовъ заявляетъ, что духовидцевъ надо лѣчить слабительными средствами.

«Было время,—говоритъ онъ, когда чародѣевъ сожигали, теперь достаточно будетъ *очищать* ихъ. Я полагаю, что причины разстройства скрываются не такъ глубоко, какъ думаютъ. Если во внутренностяхъ свирѣпствуетъ ипохондрическій вѣтеръ, онъ можетъ принять одно изъ двухъ направленій: либо вверхъ — тогда получаются явленія духовидѣнія, либо внизъ — тогда выходитъ нѣчто иное».

Это чуть ли не единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Канта, которое скорѣе умѣстно въ сатирѣ Свифта или въ романахъ Смоллета, чѣмъ въ философскомъ трактатѣ.

Самого Сведенборга Кантъ называетъ «архидуховидцемъ и архифантазеромъ», а объ его чудесахъ, послѣ тщательной провѣрки всѣхъ показаній, говоритъ, что повѣрить такимъ вещамъ можетъ лишь тотъ, кто не боится стать посмѣшищемъ.

VI.

Обыденная жизнь и характеръ Канта. —Гигіена.—Общительность.—Взглядъ на женщину. Почему Кантъ не женился.—Домашняя обстановка. Дружба послѣ вызова на дуэль.—Слуга великаго человѣка. Правила Канта. —Его правдивость.

Вся жизнь Канта была примѣненіемъ его философскихъ принциповъ, развитыхъ въ «Критикѣ чистаго разума». Трудно найти другого философа, у котораго слово до такой степени согласовалось бы съ дѣломъ, какъ у Канта. Изъ философовъ древности съ Кантомъ ближе всего можно сравнить Сократа. Кантъ былъ не кабинетнымъ мыслителемъ, а мудрецомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Все, начиная съ гигіены и оканчивая глубочайшими нравственными вопросами, согласовалось у него съ принципами разума; вотъ почему философія и жизнь у Канта составляли одно нераздѣльное цѣлое.

Кантъ не принадлежалъ къ числу людей, считающихъ чувственныя удовольствія главной цѣлью жизни; но онъ высоко цѣнилъ физическое здоровье, какъ необходимое условіе бодрости духа. Кантъ тѣмъ болѣе имѣлъ права дорожить этимъ благомъ, что былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, главнымъ виновникомъ относительнаго физическаго благосостоянія, которымъ пользовался въ зрѣлые годы и до глубокой старости. Природа не надѣлила Канта ни атлетическимъ сложеніемъ, ни вполнѣ нормальными органами. Онъ былъ малъ ростомъ —по словамъ Яхманна менѣе пяти футовъ—имѣлъ узкую и чрезвычайно впалую грудь и правое плечо его было сложено неправильно: лопатка слишкомъ выдавалась назадъ.

Мускулатура его отличалась слабостью; Кантъ былъ до того сухощавъ, что портные постоянно ошибались въ покроѣ его платья, и добродушный философъ самъ нерѣдко говорилъ, шутя, что онъ отличается отъ другихъ людей отсутствіемъ икръ. Нервы его были чрезвычайно деликатны, дыханіе слабое; онъ сильно чихалъ отъ одного запаха свѣжей типографской краски при чтеніи утренней газеты.

Наружность Канта была симпатична. Благодаря строгому гигіеническому образу жизни, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ не имѣлъ болѣзненнаго вида. Это былъ блондинъ съ румяными щеками—румянецъ сохранился у Канта до старости—и сѣровато-голубыми глазами. Кантъ почему то былъ очень доволенъ цвѣтомъ своихъ глазъ.

Авторъ «Критики чистаго разума» никогда не говорилъ о своихъ умственныхъ или нравственныхъ качествахъ, но чрезвычайно охотно распространялся о своей физической организаціи. Благодаря разумному образу жизни, онъ никогда не былъ боленъ, хотя, по его собственному признанію, почти никогда не былъ и вполнѣ здоровъ. Онъ страдалъ главнымъ образомъ затрудненіемъ пищеваренія и головными болями — очевидныя послѣдствія сидячей жизни и упорнаго умственнаго труда.

Когда докторъ Яхманнъ (братъ біографа) указалъ Канту на первые признаки приближающагося маразма (старческаго безсилія), Кантъ вспылилъ и сказалъ съ гнѣвомъ: «Повѣрьте, что я изъ за этого не застрѣлюсь!»

Кантъ выработалъ для себя правила гигіенической жизни путемъ терпѣливыхъ наблюденій надъ своимъ организмомъ.

Въ молодые годы онъ нерѣдко съ цѣлью мѣнялъ образъ жизни, испытывая, что лучше; но, выработавъ извѣстныя правила, держался ихъ съ строгостью, которую можно принять за мелочный педантизмъ, если не вникнуть въ дѣло. Дѣйствительно, лишь благодаря необычайно точному распредѣленію времени и поразительно правильному образу жизни, Кантъ могъ дожить до глубокой старости и, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ жизни, ни мало не утрачивалъ силы и свѣжести ума.

Правильный образъ жизни Канта вошелъ въ пословицу. Даже среди аккуратныхъ и точныхъ нѣмцевъ онъ казался чудомъ аккуратности. Кантъ вставалъ всегда въ 5 часовъ утра, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Въ три четверти пятаго его старый слуга будилъ барина; причемъ, по приказанію Канта, былъ неумолимъ и не отставалъ до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что баринъ не заснетъ

снова. Кантъ считалъ однимъ изъ главныхъ правилъ своей гигіены спать не болѣе, но и не менѣе, семи часовъ; причемъ ложился спать всегда ровно въ 10 ч. вечера. Каждый день онъ распредѣлялъ совершенно одинаково. Вставъ съ постели, Кантъ облекался въ шлафрокъ и надѣвалъ сверхъ колпака маленькую треугольную шляпу. Въ этомъ видѣ онъ направлялся въ свой рабочій кабинетъ. Проработавъ до 7 часовъ утра, онъ одѣвался и отправлялся въ аудиторію; послѣ чтенія лекцій возвращался въ кабинетъ, снова облекаясь въ халатъ и туфли, и работалъ до трехъ четвертей перваго, никогда не больше, но и не меньше,—затѣмъ одѣвался къ обѣду. Обѣдъ былъ для Канта также главнымъ временемъ бесѣды съ гостями: онъ никогда не обѣдалъ одинъ, просиживалъ за столомъ нѣсколько часовъ, много ѣлъ, но еще больше разговаривалъ. Послѣ обѣда, если погода была хороша, онъ отправлялся гулять большей частью одинъ, но иногда и въ компаніи. Во время одиночныхъ прогулокъ Кантъ нерѣдко обдумывалъ самыя глубокомысленныя изъ своихъ идей. Въ подобныхъ случаяхъ онъ первоначально гулялъ по такъ называемой «философской дорогѣ»; но это подмѣтили нищіе и попрошайки, въ тѣ времена изобиловавшіе въ Кенигсбергѣ. Ихъ приставанье сильно надоѣло Канту, и онъ сталъ гулять въ королевскомъ саду. Во время прогулокъ, особенно если это было зимою или осенью, Кантъ также строго соблюдалъ правила гигіены. Онъ шелъ медленно, чтобы не вызвать испарины, и если дулъ свѣжій вѣтеръ, Кантъ старался гулять одинъ, чтобы не разговаривать, такъ какъ считалъ однимъ изъ главныхъ правилъ гигіены дышать холоднымъ воздухомъ лишь черезъ ноздри. Въ своихъ лекціяхъ по антропологіи Кантъ указывалъ, что даже дикари знаютъ это гигіеническое правило, нерѣдко забываемое людьми цивилизованными.

Если не считать нѣсколькихъ чашекъ весьма слабаго чая, то можно сказать, что Кантъ ѣлъ лишь разъ въ день, т. е. за обѣдомъ, причемъ довольствовался тремя сытными блюдами, къ которымъ добавлялъ сыръ или фрукты. Къ немалому удивленію своихъ соотечественниковъ, Кантъ никогда не пилъ пива, довольствуясь главнымъ образомъ водою и незначительнымъ количествомъ вина: полубутылка медоку была его обычной порціей. О пивѣ Кантъ говорилъ: «это не напитокъ, а пища дурного качества». Чтобы не выпить по разсѣянности болѣе вина, чѣмъ слѣдуетъ, особенно если онъ обѣдалъ не у себя дома, Кантъ принялъ за правило наливать себѣ всегда не болѣе четверти стакана и почти автоматически велъ счетъ этимъ порціямъ.

Кантъ не былъ гастрономомъ, т. е. не гонялся за изысканными блюдами, но любилъ, чтобы простая пища была вкусно и хорошо приготовлена. Въ этомъ смыслѣ его признавали знатокомъ: кёнигсбергскія дамы охотно угощали его, какъ человѣка, понимающаго толкъ, и въ то же время боялись его критики. Одинъ изъ пріятелей Канта сказалъ однажды философу: «вы могли бы съ большимъ успѣхомъ написать критику чистаго поварского искусства». Придавая поваренному дѣлу главнымъ образомъ гигіеническое значеніе, Кантъ часто говорилъ, что напрасно нѣкоторыя дамы считаютъ это дѣло ниже своего достоинства. Общее образованіе, говорилъ онъ, необходимо женщинѣ, но необходимы и спеціальныя знанія, соотвѣтствующія обязанности матери и хозяйки.

— Вы, кажется, считаете насъ всѣхъ только кухарками,—сказала однажды Канту одна дама, обиженная тѣмъ, что философъ все время бесѣдовалъ съ нею о способѣ приготовленія кушаньевъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ Кантъ,—но я желалъ бы, чтобы самое искусство кухарки было поставлено серьезнѣе. Слѣдовало бы, чтобы молодымъ дѣвицамъ преподавали поварское искусство ученые повара, точно также, какъ танцмейстеры преподаютъ имъ танцы; первое даже важнѣе послѣдняго.

Кантъ находилъ, что брянчанье на фортепіано и пѣніе сентиментальныхъ романсовъ нисколько не выше кулинарнаго дѣла. «Мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—что всякій мужъ предпочтетъ хорошее блюдо безъ музыки, чѣмъ музыку безъ хорошаго блюда». Узнавъ, что въ Шотландіи дѣвицы изъ лучшихъ семействъ дѣйствительно берутъ у поваровъ уроки поваренпаго искусства, Кантъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ. Вообще во взглядахъ Канта на роль женщины въ семьѣ нельзя не видѣть смѣшенія нѣкоторыхъ вполнѣ вѣрныхъ мнѣній съ тѣми, которыя онъ вынесъ изъ нѣмецкой мѣщанской среды: иногда онъ поэтому пересаливалъ. Кантъ питалъ антипатію къ женщинамъ-амазонкамъ и женщинамъ-синимъ чулкамъ. Одна дама, считавшая себя весьма ученою, надоѣла философу своими вопросами о его системѣ. Кантъ долго старался перевести разговоръ на другія темы. Наконецъ дама замѣтила это и сказала.

— Развѣ вы думаете, что дамы не способны философски размышлять?

— Ахъ, да, конечно... рѣзко сказалъ Кантъ, и по тону его собесѣдница поняла, что Кантъ оцѣнилъ ее по достоинству.

Въ данномъ случаѣ онъ былъ вѣроятно правъ; но вообще

нельзя не замѣтить, что Кантъ отсталъ въ этомъ отношеніи отъ Лейбница, необычайно охотно бесѣдовавшаго съ образованными женщинами о философскихъ предметахъ, и Лейбницъ едва ли проигралъ отъ своихъ бесѣдъ съ королевой Софіей-Шарлоттой. Къ сожалѣнію, Кантъ не встрѣтилъ въ своемъ кёнигсбергскомъ захолустьѣ ни одной подобной женщины; а что онъ былъ способенъ къ увлеченію женскимъ умомъ и характеромъ, доказываютъ его чрезвычайно сердечныя отношенія къ графинѣ Кайзерлингъ и ея дочери, впослѣдствіи по мужу фонъ-деръ-Рекке. Эта послѣдняя пишетъ о Кантѣ:

«Я не знаю его по его сочиненіямъ: его метафизическія умозрѣнія стоятъ за предѣлами моего пониманія. Но я обязана этому знаменитому человѣку многими прекрасными умными бесѣдами. Ежедневно приходилось мнѣ разговаривать съ этимъ другомъ нашего дома, который былъ чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ... Часто онъ бесѣдовалъ такъ мило, что никогда нельзя было бы заподозрить въ немъ глубокаго отвлеченнаго мыслителя, совершившаго подобный переворотъ въ философіи. Бесѣдуя въ обществѣ, онъ умѣлъ нерѣдко облекать даже отвлеченнѣйшія идеи въ прекрасную форму: каждое свое мнѣніе онъ излагалъ необычайно ясно. Онъ увлекательно острилъ и бесѣда его была часто приправлена легкой сатирой, причемъ онъ умѣлъ острить, сохраняя невозмутимый видъ и полную непринужденность.»

По этому показанію можно судить, что не всѣхъ женщинъ Кантъ считалъ кухарками или же синими чулками, и что не совсѣмъ его вина, если въ кёнигсбергскомъ обществѣ было мало женщинъ, подобныхъ графинѣ Кайзерлингъ и Элизѣ фонъ-Рекке. Это упускаютъ изъ виду многіе, слишкомъ строго осуждающіе Канта за его взгляды на женщинъ и забывающіе, что этотъ философъ дѣлалъ выводы изъ окружавшей его дѣйствительности. Для дальнѣйшей характеристики взглядовъ Канта на женщину необходимо привести его сужденіе о взглядахъ Руссо. Извѣстно, что пламенный защитникъ правъ природы и человѣка отнесся нѣсколько свысока къ женщинѣ, которая для него, какъ и для большинства современныхъ швейцарцевъ и французовъ, была скорѣе цвѣткомъ, чѣмъ серьезною подругою жизни. Нельзя сказать, чтобы Кантъ одобрилъ этотъ взглядъ. „Любезничанье съ женщинами,—писалъ Кантъ въ своемъ сочиненіи о прекрасномъ и возвышенномъ,—есть спеціальность французовъ и основа ихъ искусства жить. Обыкновенно любезничаютъ только съ дѣтьми. Руссо сказалъ, что женщина никогда не станетъ ничѣмъ большимъ, чѣмъ взрослымъ ребенкомъ. «Это дерзкое выраженіе,—говоритъ Кантъ,—и я ни за какую цѣну не рѣшился бы высказать его; но чтобы понять слова Руссо, надо помнить, что они написаны

во Франціи». Кантъ утверждаетъ, что женщины должны дѣйствовать на мужчинъ облагораживающимъ образомъ; но во Франціи сами женщины предпочитаютъ любезничанье труду. «Жаль,—говоритъ Кантъ,—что лиліи не прядутъ» [1]).

Кантъ не былъ женатъ и долгое время полагали, что онъ никогда не былъ влюбленъ. Повѣрить этому было бы трудно даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли положительнаго свидѣтельства одного изъ самыхъ достовѣрныхъ біографовъ Канта въ пользу противнаго. Біографъ этотъ не берется ничего сказать о молодости Канта, ограничиваясь замѣчаніемъ: «судя по темпераменту, онъ вѣроятно былъ влюбленъ»; за то категорично утверждаетъ, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ Кантъ былъ влюбленъ и даже два раза. «Я не называю именъ,—говоритъ этотъ біографъ,—потому что для кого же это важно?» Легко допустить, что и въ молодости Кантъ увлекался, но, какъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, не рѣшался составить семьи, пока самъ находился въ матеріальной зависимости отъ родственниковъ. Что касается вопроса, почему Кантъ и впослѣдствіи остался холостякомъ, это объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ ранней молодости Кантъ былъ очень застѣнчивъ съ женщинами; съ лѣтами это прошло въ обыденныхъ случаяхъ, но въ вопросѣ настолько щекотливомъ, каково объясненіе въ любви, онъ остался крайне нерѣшительнымъ, и, по словамъ біографа, одна изъ возлюбленныхъ Канта уѣхала, такъ и не узнавъ о его страсти, а другая, видя его колебанія и нерѣшительность, предпочла болѣе энергичнаго и смѣлаго соискателя. Постепенно Кантъ втянулся въ одинокую жизнь холостяка и на старости у него образовалось совершенно разсудочное, можно сказать, даже черезъ чуръ прозаичное отношеніе къ браку. Задолго до Шопенгауэра (который и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, утрировалъ идеи Канта) Кантъ провозгласилъ, что истинной подкладкой всякой любви къ женщинѣ является половое влеченіе. Въ трактатѣ «о прекрасномъ и возвышенномъ» мы читаемъ буквально:

«Все очарованіе, которое оказываетъ на насъ прекрасный полъ, въ основѣ является распространеннымъ половымъ влеченіемъ. Природа преслѣдуетъ свою великую цѣль, и всѣ тонкости, которыя сюда присоединяются, пока

[1]) Тотъ изъ германскихъ поэтовъ, который наиболѣе подчинился вліянію философіи Канта и открыто признавалъ это вліяніе—мы говоримъ о Шиллерѣ—какъ извѣстно, болѣе всѣхъ способствовалъ серьезному отношенію поэзіи къ женщинѣ: достаточно указать на рядъ чудныхъ женскихъ типовъ, составляющихъ главную прелесть драматическихъ произведеній Шиллера.

димому весьма далекія отъ полового инстинкта, въ концѣ концовъ являются лишь его подкрашиваніемъ и вся ихъ прелесть заимствована изъ того же источника.

Но Кантъ далекъ отъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этого впослѣдствіи Шопенгауэромъ. Хотя половой инстинктъ—чувство весьма грубое, но «презирать его», по словамъ Канта, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что этотъ инстинктъ дѣлаетъ возможнымъ самое удобное и правильное охраненіе порядка природы. Философъ ни мало не отрицаетъ и того, что высшія формы любви отличаются отъ низшихъ, хотя и имѣютъ общій съ ними источникъ. Любовь, основанная *только* на половомъ влеченіи, по его словамъ, легко вырождается въ разнузданность и распущенность, потому что «огонь, зажженный въ насъ одной особой, весьма легко можетъ быть погашенъ другою».

Что самъ Кантъ далеко былъ неравнодушенъ къ женской красотѣ, въ этомъ убѣждаютъ многія показанія. Помимо всякой любви, онъ охотно видѣлъ красивыя женскія лица, относясь къ нимъ съ чисто эстетической точки зрѣнія. Даже семидесяти лѣтъ отъ роду, когда одинъ его глазъ былъ пораженъ болѣзнью, Кантъ, обѣдая по воскресеньямъ въ домѣ своего пріятеля, англійскаго купца Мотерби, любилъ смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ и постоянно сажалъ подлѣ себя за обѣдомъ, со стороны здороваго глаза, красавицу миссъ А., причемъ вполнѣ откровенно объяснялъ, что, смотря на нее, испытываетъ большое удовольствіе.

Когда Кантъ былъ уже далеко не въ первой молодости, одинъ добродушный пасторъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ сватать его къ какой-то дѣвицѣ. Для лучшаго успѣха этотъ священникъ написалъ и издалъ на свой счетъ брошюрку, озаглавленную «Рафаилъ и Товія», назидательно-религіознаго содержанія, на тему: «не хорошо человѣку быть одному». Кантъ былъ крайне озадаченъ и брошюрой, и неожиданнымъ предложеніемъ пастора; въ концѣ концовъ онъ ограничился тѣмъ, что уплатилъ по счету типографіи, возвративъ пастору его расходы. Впослѣдствіи Кантъ любилъ разсказывать этотъ эпизодъ своимъ застольнымъ собесѣдникамъ, много шутилъ по этому поводу и смѣялся, вспоминая, какъ его чуть не женили.

Впрочемъ Кантъ въ свою очередь иногда любилъ играть роль свата. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда руководствовался практическими соображеніями, совѣтуя молодымъ людямъ «благоразуміе» въ выборѣ невѣсты.

Вообще жизнь холостяка не могла не наложить на Канта из-

вѣстнаго отпечатка: читая разсказы его біографовъ, иногда кажется, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ добродушныхъ типовъ, изображенныхъ Диккенсомъ. Добродушіе Канта и его заботливость о непричиненіи кому-либо вреда нерѣдко граничили съ комизмомъ. Разъ его старый слуга Лампе во время обѣда разбилъ стаканъ. Опасаясь, чтобы кто-либо изъ гостей или самъ Лампе не порѣзалъ себѣ ногу, Кантъ велѣлъ слугѣ немедленно собрать всѣ кусочки. Но тутъ ему пришло на умъ, что во-первыхъ слуга, собирая куски стекла, можетъ по неосторожности поранить себѣ руку; во-вторыхъ по халатности не соберетъ всѣхъ кусковъ. Поэтому Кантъ самъ всталъ и тщательно собралъ все въ бумажку. По окончаніи обѣда Кантъ всталъ и сказалъ своимъ гостямъ: «Ну, господа, теперь пойдемъ въ садъ и сами закопаемъ это стекло. Я не могу довѣрить этого слугѣ». Взявъ лопату, Кантъ отправился; гости за нимъ. Тутъ явилось новое затрудненіе. Гдѣ закопать стекло такъ, чтобы оно никому не причинило вреда? Послѣ долгаго обдумыванія, Кантъ наконецъ рѣшилъ этотъ трудный вопросъ.

Обстановка у Канта была весьма скромная. Всего требовательнѣе онъ былъ относительно мѣстоположенія своего рабочаго кабинета. Не мало трудовъ стоило Канту устроиться сколько нибудь удобно. Потребность въ крайне сосредоточенномъ мышленіи сдѣлала Канта чрезвычайно требовательнымъ. Онъ не выносилъ никакого шума или рѣзкихъ звуковъ, способныхъ нарушить его покой во время занятій; поэтому, при всемъ своемъ консерватизмѣ относительно привычекъ, Кантъ часто мѣнялъ квартиру. Сначала онъ жилъ на берегу рѣки: здѣсь ему мѣшали крики польскихъ лодочниковъ. Другую квартиру Кантъ долженъ былъ оставить по тому поводу, что у его сосѣда былъ несносный пѣтухъ, своимъ крикомъ мѣшавшій философу. Кантъ предлагалъ сосѣду за пѣтуха какую угодно сумму, но тотъ упорствовалъ и дѣло кончилось переѣздомъ Канта на другую квартиру. Наконецъ въ 1783 году Канту удалось на сдѣланныя сбереженія купить маленькій, скромный домикъ; но и здѣсь его покой оказался невполнѣ обезпеченнымъ. Недалеко отъ домика Канта находилась городская тюрьма. Для нравственнаго исправленія арестантовъ было придумано средство въ чисто протестантскомъ духѣ: они должны были нѣсколько часовъ сряду пѣть псалмы. Громкое нестройное пѣніе при открытыхъ окнахъ тюрьмы сильно раздражало Канта. Долго терпѣлъ Кантъ, наконецъ написалъ письмо первому бургомистру, своему пріятелю Гиппелю, прося его принять мѣры «для прекращенія скандала». Письмо Канта довольно курь-

сано. Онъ пишетъ, что проситъ отъ имени своего и другихъ жителей этого квартала придумать мѣры противъ «громогласнаго благочестія этихъ ханжей». «Не думаю,— пишетъ Кантъ,— чтобы они имѣли поводъ жаловаться и утверждать, что ихъ души находятся въ опасности, если ихъ голоса во время пѣнія будутъ умѣрены тѣмъ, что они станутъ пѣть при закрытыхъ окнахъ, да и въ этомъ случаѣ имъ не слѣдовало бы кричать изо всѣхъ силъ. Все равно сторожъ выдастъ имъ свидѣтельство, о которомъ собственно они и хлопочутъ, и тамъ будетъ сказано, что они весьма богобоязненны; ихъ услышатъ и въ томъ случаѣ, если они перестанутъ будить своимъ ревомъ набожныхъ гражданъ нашего добраго города». Просьба Канта была уважена, но тутъ явилась новая бѣда. По сосѣдству постоянно играли танцы и эта игра порою выводила философа изъ терпѣнія. Въ концѣ концовъ, Кантъ вообще не взлюбилъ музыку и часто называлъ ее несноснымъ искусствомъ, которое умудрилось внести элементъ назойливости въ самую эстетику. Впрочемъ, Кантъ охотно посѣщалъ концерты всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Кенигсбергъ знаменитостей.

Стараясь углубиться въ свои размышленія, Кантъ часто во время сумерекъ устремлялъ взоръ на какой либо отдаленный предметъ, большей частью на Лёбенихтскую башню. Съ теченіемъ времени передъ башнею выросли тополи въ саду сосѣда, настолько высокіе, что листья ихъ прикрыли башню. Эта перемѣна стала безпокоить Канта, и онъ до тѣхъ поръ упрашивалъ сосѣда, пока тотъ не приказалъ обрубить верхушки своихъ тополей.

Купивъ собственный домикъ, Кантъ устроился въ немъ просто, но уютно. Меблировка его комнатъ была необычайно скромна. Единственнымъ украшеніемъ его кабинета былъ портретъ любимаго его автора Руссо. Насколько Кантъ увлекался чтеніемъ Руссо, видно изъ того, что ради произведеній женевскаго философа онъ нарушилъ порядокъ своей жизни. Когда появился «Эмиль», Кантъ забылъ свое распредѣленіе времени и читалъ запоемъ до поздней ночи. Кантъ зналъ главныя сочиненія Руссо почти наизусть и часто цитировалъ ихъ въ устномъ преподаваніи. Само собою разумѣется, что такой мощный, оригинальный и въ то же время методическій и спокойный умъ, каковъ былъ у Канта, не могъ всецѣло подчиниться вліянію пламенной, но нерѣдко парадоксальной проповѣди Руссо; одно несомнѣнно, что протестъ Руссо противъ современной цивилизаціи способствовалъ развитію взглядовъ Канта не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ логичный, но сравнительно холодный скептицизмъ Юма.

Быть можетъ контрастъ натуры Руссо съ его собственною особенно привлекалъ Канта, у котораго умъ преобладалъ надъ чувствомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой у Руссо сердце господствовало надъ логикой. Контрастъ этотъ проявляется во всемъ. Насколько Руссо былъ неуживчивъ и нелюдимъ, настолько же Кантъ отличался уживчивостью, умѣньемъ поддерживать общественныя сношенія, привѣтливостью и гостепріимствомъ. Онъ не искалъ большого общества, но любилъ, чтобы число гостей за столомъ достигало числа музъ. Кантъ особенно дружилъ съ нѣсколькими англійскими семействами. Самымъ оригинальнымъ изъ его друзей былъ англійскій купецъ Гринъ. О знакомствѣ Канта съ Гриномъ сохранился разсказъ, въ точности котораго сомнѣвались нѣкоторые біографы; по нашему мнѣнію, разсказъ этотъ имѣетъ несомнѣнно историческую основу, лишь эпоха нѣсколько перепутана. За нѣсколько лѣтъ до начала войны между Англіей и ея американскими колоніями, впослѣдствіи образовавшими Соединенные Штаты, отношенія были уже крайне натянуты, и въ такомъ торговомъ городѣ, каковъ Кенигсбергъ, носились конечно слухи о возможныхъ столкновеніяхъ. Кантъ былъ горячимъ поборникомъ свободы и открыто выражалъ свои мнѣнія, порицая деспотическія дѣйствія англійскаго правительства. Однажды Кантъ, гуляя въ Дёнгофскомъ саду, встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ и незнакомыхъ людей, бесѣдовавшихъ объ американскихъ дѣлахъ, и рѣзко выразился о дѣйствіяхъ Англіи. Находившійся въ числѣ собесѣдниковъ англичанинъ Гринъ, незнавшій Канта, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ британскомъ патріотизмѣ, въ страстныхъ выраженіяхъ отвѣтилъ Канту и наконецъ вызвалъ его на дуэль, требуя кроваваго удовлетворенія. Кантъ, ни мало не потерявъ присутствія духа, спокойно и разсудительно отвѣтилъ противнику, что готовъ принять его вызовъ, но первоначально требуетъ, чтобы его выслушали до конца. Доводы Канта въ пользу праваго дѣла поразили Грина, и дѣло кончилось тѣмъ, что Гринъ пожалъ Канту руку, проводилъ его домой и съ тѣхъ поръ они стали лучшими друзьями.

Гринъ былъ чрезвычайно оригиналенъ, въ чисто англійскомъ вкусѣ. Достаточно сказать, что онъ былъ еще пунктуальнѣе Канта: его звали: «человѣкъ, заведенный по часамъ». Однажды вечеромъ Кантъ обѣщалъ Грину сопровождать его на слѣдующее утро въ восемь часовъ во время прогулки. Въ три четверти восьмого Гринъ уже нервно шагалъ по комнатѣ съ часами въ рукахъ; въ 7 часовъ 59 минутъ онъ надѣлъ шляпу, взялъ палку и какъ только пробило

восемь, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ. Выѣзжая онъ встрѣтилъ Канта, который подходилъ къ его дому, опоздавъ лишь на двѣ минуты. Гринъ однако не остановилъ коляски и проѣхалъ мимо, чтобы наказать Канта за неаккуратность.

Кромѣ безусловной честности, Гринъ отличался также проницательнымъ умомъ, хотя и не имѣлъ основательнаго образованія. Самъ Кантъ сказалъ однажды: «Въ моей «Критикѣ чистагоразума» нѣтъ ни одного предложенія, котораго я не прочелъ бы Грину и не просилъ бы обсудить его». Нѣсколько лѣтъ сряду Кантъ проводилъ у Грина послѣобѣденные часы, причемъ иногда происходили сцены, достойныя кисти художника. Явясь къ Грину, Кантъ заставалъ его спящимъ въ креслѣ; онъ самъ садился въ другое кресло и также засыпалъ. Затѣмъ являлся директоръ банка Руффманъ и, въ свою очередь, начиналъ храпѣть. Въ опредѣленный часъ приходилъ купецъ Мотерби и будилъ всѣхъ троихъ; тогда начинались самыя поучительныя бесѣды, которыя длились ровно до семи часовъ вечера. Пунктуальность собесѣдниковъ была такъ велика, что они замѣняли часы для обывателей того околотка. Часто говорили: «Нѣтъ еще семи часовъ: профессоръ Кантъ еще не вышелъ отъ Грина».

Смерть Грина глубоко опечалила Канта. На время онъ даже отказался отъ своихъ обѣденныхъ собраній и бесѣдъ; до самой глубокой старости Кантъ не могъ забыть своего друга. Со дня смерти Грина Кантъ ни разу не ужиналъ въ обществѣ: это онъ дѣлалъ лишь ради Грина. Очень друженъ былъ Кантъ также съ семьею Мотерби, гдѣ было много маленькихъ дѣтей. Кантъ чрезвычайно любилъ дѣтей, умѣлъ обращаться съ ними и входить въ ихъ міросозерцаніе. «Трогательно было видѣть,—пишетъ одинъ изъ его біографовъ,—какъ этотъ глубокомысленный мудрецъ интересовался дѣтскими играми и болтовнею».

Кантъ вообще обладалъ способностью входить въ чужой міръ. Онъ одинаково цѣнилъ всѣхъ людей, не разбирая ни пола, ни сословія, ни возраста, ни общественнаго положенія, видя прежде всего въ каждомъ человѣкѣ—человѣческое достоинство. Поэтому въ числѣ его друзей были и свѣтскія дамы, вродѣ графини Кайзерлингъ, и купцы, и простые люди, вродѣ лѣсничаго Вобсера, котораго Кантъ называлъ «истинно нѣмецкимъ мужемъ», увѣковѣчивъ его память въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Къ этому Вобсеру Кантъ уѣзжалъ за нѣсколько верстъ отъ Кенигсберга—чуть ли не самое далекое путешествіе, которое онъ позволялъ себѣ, никогда не отлучаясь изъ родного города. Въ домикѣ Вобсера, въ идиллической обстановкѣ,

Кантъ написалъ свой трактатъ: «О прекрасномъ и возвышенномъ». Кантъ отъ природы былъ веселаго нрава и даже съ нѣкоторой склонностью къ сатирѣ. Онъ говорилъ, что любитъ литовцевъ за ихъ сатирическія наклонности, и еще въ молодости дружилъ съ нѣсколькими литовскими весельчаками. Кантъ охотно читалъ сатирическихъ писателей и утверждалъ, что сатирики принесли болѣе пользы, чѣмъ всѣ схоластики и метафизики. Особенно онъ цѣнилъ Эразма, замѣчая, что одна его сатира стоитъ сотни философскихъ трактатовъ. Въ самомъ Кантѣ было однако недостаточно желчи и слишкомъ много спокойствія для того, чтобы стать сатирикомъ въ полномъ смыслѣ слова. Слѣдуетъ замѣтить, что спокойствіе Канта и его удивительное самообладаніе было не столько природнымъ качечествомъ, сколько продуктомъ работы надъ самимъ собою. Отъ природы Кантъ былъ вспыльчивъ, но съумѣлъ подавить въ себѣ это качество. Единственный человѣкъ, съ которымъ Кантъ не могъ постоянно оставаться спокойнымъ, былъ его старый слуга Лампе. Находились даже люди, которыхъ смущалъ рѣзкій тонъ Канта по отношенію къ слугѣ. Присмотрѣвшись ближе, они убѣдились, что никакое, даже ангельское, терпѣніе не могло устоять противъ глупости и упрямства этого служителя, который особенно возомнилъ о себѣ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что Кантъ—великій философъ. Лампе приписывалъ себѣ часть славы Канта, а между тѣмъ былъ крайне ограниченъ и вороватъ. Втеченіи многихъ лѣтъ Кантъ безусловно довѣрялъ ему; наконецъ убѣдившись, что при всей своей негодности, Лампе еще и нечестенъ, Кантъ съ болью въ сердцѣ разсчиталъ слугу.

Кантъ вообще жилъ по придуманнымъ для себя правиламъ или, какъ онъ выражался, максимамъ. До чего доходила его страсть сочинять законы для своего поведенія, показываетъ слѣдующій случай. Однажды Кантъ возвращался съ своей обычной прогулки. Какъ разъ въ то время, когда философъ собирался повернуть въ свою улицу, онъ увидѣлъ графа N., ѣхавшаго въ кабріолетѣ. Графъ, необычайно вѣжливый человѣкъ, тотчасъ остановилъ кабріолетъ, сошелъ и сталъ просить Канта, по случаю хорошей погоды, совершить съ нимъ небольшую прогулку. Подчиняясь первому впечатлѣнію, Кантъ принялъ предложеніе и сѣлъ въ кабріолетъ. Ржаніе кровныхъ рысаковъ и покрикиванія графа начинаютъ смущать Канта, хотя графъ увѣряетъ, что онъ правитъ, какъ самый лучшій кучеръ. Графъ ѣдетъ за городъ, посѣщаетъ свои имѣнія, затѣмъ предлагаетъ Канту еще посѣтить съ нимъ одного добраго друга, живу-

*

щаго за милю отъ города. Изъ вѣжливости Кантъ, скрѣпя сердце, соглашается на все. Къ десяти часамъ вечера графъ привозитъ Канта домой. Кантъ потерялъ весь день, испыталъ вмѣсто удовольствія лишь тревогу и досаду. Съ тѣхъ поръ Кантъ придумалъ для себя правило: *никогда болѣе не ѣздить въ коляскѣ, не имъ самимъ нанятой и не находящейся въ его распоряженіи, и никогда ни съ кѣмъ не кататься.* Это правило Кантъ соблюдалъ съ тѣхъ поръ съ такою непоколебимою твердостью, что никакія блага въ мірѣ не заставили бы его сѣсть въ чужую коляску.

Было уже замѣчено, что Кантъ выработалъ въ себѣ твердость характера. Кантъ и въ другихъ чтилъ характеръ столько же, какъ и умъ. Онъ особенно цѣнилъ людей, обязанныхъ самимъ себѣ своимъ умственнымъ или нравственнымъ развитіемъ. У Канта не было ни малѣйшаго признака зависти или пренебреженія къ чужимъ заслугамъ—черты, слишкомъ часто свойственныя даже великимъ людямъ (достаточно напомнить эпизодъ Лейбница съ Ньютономъ). Самого себя Кантъ мѣрилъ слишкомъ малою мѣрою. Въ немъ не было ни капли самоуничиженія, но скромность Канта была все-таки весьма велика. Говоря однажды о Ньютонѣ, Кантъ сказалъ: «Въ наукѣ о природѣ я самъ слѣдую Ньютону, если только можно сравнить малое съ великимъ». Но свои собственныя заслуги въ области философіи Кантъ сознавалъ вполнѣ. Цѣня другихъ, говоря съ уваженіемъ даже о своихъ противникахъ, Кантъ не допускалъ и съ чужой стороны ни чванства, ни нахальства и, наоборотъ, съ благодарностью и умиленіемъ принималъ выраженія почтенія со стороны учениковъ и поклонниковъ.

Чванливости и самолюбія Кантъ не терпѣлъ ни въ комъ. Однажды пріѣхалъ въ Кенигсбергъ знакомый Канта, графъ С., который былъ недоволенъ послѣдней статьей Канта и на этомъ основаніи не посѣтилъ философа. Графъ обѣдалъ у пріятеля. Канта пригласили къ обѣду, пояснивъ, что «его ждетъ графъ». Кантъ отвѣтилъ, что не пріѣдетъ, такъ какъ, по обычаю, слѣдовало графу къ нему заѣхать. Свиданіе разстроилось, но въ слѣдующій свой пріѣздъ графъ понялъ неумѣстность своего поведенія и посѣтилъ Канта.

Когда нѣкоторые философскіе противники Канта стали писать о его работахъ тономъ учителей, Кантъ написалъ статью: «О слишкомъ приподнятомъ и надменномъ тонѣ въ философіи», въ которой осмѣялъ претензіи своихъ критиковъ.

Одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ Канта была его безусловная правдивость, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ:

того же онъ требовалъ и отъ другихъ. Если Канту случалось передать съ чужихъ словъ какое-либо даже самое маловажное происшествіе и если потомъ онъ узнавалъ, что сообщенныя ему другимъ лицомъ свѣдѣнія не вполнѣ точны, онъ спѣшилъ исправить неточность. Особенно строгъ былъ Кантъ ко всякому обману. Онъ сплошь и рядомъ освобождалъ недостаточныхъ студентовъ отъ уплаты гонорара за свои лекціи. Разъ одинъ студентъ, не имѣвшій средствъ, изъ ложнаго стыда не заявилъ объ этомъ Канту, но, наоборотъ, сказалъ, что навѣрное внесетъ такого-то числа. Срокъ прошелъ, а деньги не были внесены; наконецъ студентъ сознался, что никогда и не разсчитывалъ уплатить. Кантъ сурово упрекнулъ студента, хотя и разрѣшилъ ему продолжать посѣщеніе лекцій. Нѣсколько времени спустя тотъ же студентъ просилъ Канта назначить его въ числѣ оппонентовъ на одномъ докторскомъ диспутѣ. Кантъ отказалъ. «Вѣдь вы и на этотъ разъ можете оказаться неаккуратнымъ,— пояснилъ Кантъ.—Что если вы не явитесь на диспутъ? Вѣдь тогда изъ-за васъ все дѣло пропало!» (По обычаю, непремѣнно долженъ былъ оппонировать кто-либо изъ студентовъ). Молодой человѣкъ впослѣдствіи самъ сознавался, что этотъ урокъ морали принесъ ему больше пользы въ жизни, чѣмъ сотня лекцій о моральномъ поведеніи.

VII.

Главные философскіе труды Канта; ихъ исторія. — Кантъ подвергается преслѣдованію со стороны придворныхъ ханжей.—Послѣдніе годы жизни Канта.

Было уже выяснено, что философское міросозерцаніе Канта выработалось въ окончательномъ видѣ втеченіи 1762—1765 годовъ. Трактатъ объ оптимизмѣ былъ послѣдней данью, принесенной Кантомъ догматической философіи. Въ сочиненіи: «Объ отрицательныхъ величинахъ и о реальномъ основаніи» (1763 г.) Кантъ занимаетъ среднее положеніе между эмпиризмомъ и раціонализмомъ; въ «Сновидѣніяхъ духовидца» (1766 г.) онъ приближается къ скептицизму Юма; а два года спустя (1768 г.) пишетъ небольшой трактатъ: «О первомъ основаніи различія областей въ пространствѣ», особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ эмпиризма къ критицизму.

Кантъ задается здѣсь вопросомъ: что такое пространство и чѣмъ обусловливаются его свойства? Не могутъ же наглядныя сужденія (интуиціи), какія содержатся въ геометріи, дать очевидное доказа-

тельство того, что «абсолютное пространство имѣетъ реальность независимо отъ существованія всякой матеріи».

Постановка этого вопроса важна въ томъ отношеніи, что указываетъ, какимъ путемъ Кантъ постепенно пришелъ къ мысли, что пространство вовсе не имѣетъ *«своей собственной реальности»*, но является лишь «формою» нашей чувственности.

Пространственныя отношенія вещей сводятся къ ихъ положенію. Вещи въ пространствѣ находятся между собою въ извѣстныхъ разстояніяхъ и каждая вещь занимаетъ свое мѣсто. Взаимныя отношенія положеній Кантъ называетъ *областями*. Понятіе области включаетъ въ себѣ не только разстояніе, но и направленіе. Пояснимъ это примѣромъ: двѣ точки находятся между собою въ разстояніи одного аршина. Если одну точку принять за данную, то положеніе другой еще не опредѣлено: она можетъ находиться въ любомъ мѣстѣ поверхности шара, радіусъ котораго равенъ одному аршину, а центръ находится въ первой точкѣ. Надо еще знать, каково направленіе радіуса; тогда другая точка будетъ вполнѣ опредѣлена. Но направленіе можно задать лишь по отношенію къ какому-либо другому радіусу, принятому за данную величину. Въ концѣ концовъ оказывается, что необходимо принять нѣкоторое постоянное направленіе, но постояннымъ оно можетъ считаться лишь относительно наблюдателя.

Кантъ даетъ еще болѣе простой примѣръ. Напишемъ на листѣ бумаги два раза одно и то же слово, напр.: человѣкъ, человѣкъ.

Буквы однѣ и тѣ-же, порядокъ ихъ расположенія тотъ же, но одно слово напечатано направо, другое налѣво. Говоря: «направо», «налѣво», мы относимъ положеніе буквъ къ наблюдателю. Еслибы свойства пространства зависѣли исключительно отъ взаимныхъ отношеній между частями объектовъ, мы не могли бы различить два предмета, отличающіеся между собою лишь тѣмъ, что одинъ поставленъ налѣво, другой направо.

Любопытно, что Кантъ выводитъ изъ этого, что понятія «налѣво, направо, вверху, внизу, спереди, сзади» являются выраженіемъ свойствъ «абсолютнаго пространства» и лишь послѣ этого рѣшается отнести ихъ также къ свойствамъ самого наблюдателя. При этомъ Кантъ выставляетъ слѣдующія въ высшей степени важныя соображенія, являющіяся чуть-ли не лучшей попыткой объяснить *трехмѣрность* пространства. *Строеніе нашего тѣла опредѣляетъ для насъ три основныя плоскости, къ которымъ мы и относимъ всѣ предметы внѣшняго міра.* Плоскость симметріи

раздѣляетъ наше тѣло на правую и лѣвую части; другая плоскость соотвѣтствуетъ положенію нашихъ органовъ чувствъ: глаза, ротъ, ноздри расположены у насъ спереди, чѣмъ обусловливается рѣзкое различіе между передней и задней областью; наконецъ положеніе нашей головы дѣлаетъ необходимымъ различеніе между верхомъ и низомъ. Это, такъ сказать, физіологическое объясненіе трехмѣрности пространства составляетъ первый шагъ къ психологическому истолкованію. Очевидно, говоритъ Кантъ, что мы воспринимаемъ области въ пространствѣ лишь по отношенію къ нашему собственному тѣлу. Кантъ допускаетъ «особое пространственное чувство» (Raumgefühl) или чувство пространственнаго существованія нашего тѣла. Онъ еще не рѣшается однако перенести весь центръ тяжести изъ объекта въ субъектъ, и полагаетъ, что «абсолютное пространство» трехмѣрно не только по отношенію къ нашему тѣлу, но и само по себѣ; точно также и другія свойства пространства объясняются не только свойствами субъекта, но и свойствами самаго абсолютнаго пространства, какъ своеобразнаго объекта, отличающагося отъ предметовъ внѣшнихъ чувствъ и способнаго воздѣйствовать лишь на спеціальное «пространственное чувство».

Канту оставалось еще сдѣлать одинъ шагъ: онъ и былъ сдѣланъ въ «трансцендентальной эстетикѣ», т. е. въ ученіи объ апріорныхъ *формахъ* чувственности, которое составляетъ важнѣйшую часть «Критики чистаго разума».

Этотъ капитальнѣйшій изъ всѣхъ трудовъ Канта появился въ печати первымъ изданіемъ въ 1781 году; вторымъ — значительно измѣненнымъ въ 1787 году; позднѣйшія изданія, вышедшія при жизни Канта, не отличаются отъ второго, которое Кантъ считалъ слѣдовательно окончательнымъ выраженіемъ своихъ взглядовъ. Со времени Шопенгауэра въ нѣмецкой литературѣ начался цѣлый споръ о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ изданій. Шопенгауэръ провозгласилъ, что второе изданіе есть искаженіе перваго: его мнѣніе раздѣляется и теперь многими идеалистами, которые не могутъ простить Канту того, что во второмъ изданіи онъ напечаталъ подробное опроверженіе идеалистическихъ ученій. Если самого Канта называютъ идеалистомъ, и если онъ самъ не вполнѣ отрекся отъ этого имени, то необходимо помнить, что идеализмъ Канта совершенно особеннаго рода. Это идеализмъ критическій или *трансцендентальный*. Подъ словомъ *трансцендентальный* — и это необходимо твердо помнить — Кантъ *подразумѣваетъ не то, что стоитъ выше опыта, а то, что предшествуетъ опыту, какъ его не-*

обходимое условіе, и что безъ послѣдующаго за нимъ опыта лишено всякаго содержанія, а стало быть и всякаго смысла. Изъ этого видно, что идеализмъ Канта гораздо болѣе родственъ съ философскимъ реализмомъ, чѣмъ съ идеалистическими системами вродѣ картезіанизма, не говоря уже объ ученіи Беркли. То, что стоитъ выше и внѣ всякаго опыта, Кантъ называлъ не трансцендентальнымъ, а *трансцендентнымъ* и рѣзко осуждалъ всякія теоретическія экскурсіи въ эту область, признавая ея значеніе единственно въ вопросахъ нравственныхъ или практическихъ.

Въ 1770 году, какъ мы уже знаемъ, Кантъ, послѣ многолѣтняго ожиданія, получилъ каѳедру логики и метафизики и 20 августа этого года защищалъ вступительную диссертацію: „О формѣ и принципахъ чувственнаго и постигаемаго (intelligibeln) міра». Недѣлю спустя Кантъ, посылая экземпляръ этой диссертаціи Ламберту, писалъ ему: «Около года уже я льщу себя мыслью, что достигъ того понятія, которое никогда во мнѣ не измѣнится, но конечно расширится, и которое дозволяетъ испытывать всѣ метафизическіе вопросы по совершенно вѣрнымъ и легкимъ мѣриламъ, причемъ можно съ полною увѣренностью сказать, насколько эти вопросы разрѣшимы или нѣтъ».

Очевидно такимъ образомъ со словъ самого Канта, что въ 1769 году онъ окончательно вступилъ на путь критической философіи. Это ни мало не противорѣчитъ мнѣнію, что такой путь подготовлялся въ умѣ Канта постепенно еще съ 1763 года, не считая болѣе раннихъ отдѣльныхъ проблесковъ критическаго направленія. Для исторіи развитія идей Канта особенное значеніе представляютъ письма, адресованныя имъ втеченіи 1770—1781 гг. одному изъ любимѣйшихъ своихъ учениковъ, Марку Герцу. Этотъ самый Герцъ былъ оппонентомъ Канта на диспутѣ 1770 г., затѣмъ уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ вступилъ въ близкія отношенія съ извѣстнымъ еврейскимъ реформаторомъ Мендельсономъ. Впослѣдствіи Герцъ сталъ выдающимся врачемъ и пріобрѣлъ также извѣстность своими философскими работами. Въ 1779 году онъ женился на дочери португальско-еврейскаго врача, Генріеттѣ, которая славилась во всемъ Берлинѣ столько же умомъ и образованіемъ, сколько красотою; ея домъ сталъ сборнымъ пунктомъ берлинскихъ философовъ и ученыхъ.

Кантъ постоянно сообщалъ Герцу о планѣ капитальнаго философскаго труда, задуманнаго имъ въ 1770 году, вскорѣ послѣ защиты диссертаціи. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Кантъ сообщаетъ, что намѣренъ написать сочиненіе подъ заглавіемъ: «О границахъ

чувственности и разума». По словамъ Канта, чрезвычайно важно не только для философовъ, но и для всѣхъ, вообще, важнѣйшихъ человѣческихъ цѣлей провести различіе между тѣмъ, что относится къ природѣ нашей познавательной способности, и тѣмъ, что относится къ *природѣ предметовъ*: необходимо также знать, «что основано на субъективныхъ принципахъ человѣческихъ душевныхъ силъ, исходящихъ не только изъ чувственности, но также изъ разсудка». Въ письмѣ отъ 1772 года Кантъ пишетъ: «Втеченіи долгаго времени мнѣ недоставало еще кое чего существеннаго, что на самомъ дѣлѣ является ключемъ ко всѣмъ тайнамъ метафизики, которая до сихъ поръ сама себя не понимала. Я спросилъ себя именно: на чемъ основано отношеніе представленія къ предмету?»

Прежніе философы прибѣгали для рѣшенія этого вопроса къ разнымъ сверхъестественнымъ началамъ. Платонъ и Мальбраншъ допускали какое то наитіе или откровеніе свыше, Лейбницъ сочинилъ предъустановленную гармонію. «Но, по словамъ Канта, допускать, что Deus ex machina опредѣляетъ происхожденіе и значеніе нашихъ познаній, это нелѣпѣйшее изъ предположеній, какое только можно избрать». «Теперь — пишетъ Кантъ — я въ состояніи изложить критику *чистаго* разума». Кантъ полагалъ, что окончитъ весь трудъ, включая критику *практическаго* разума, втеченіи «примѣрно трехъ мѣсяцевъ».

На самомъ дѣлѣ Канту понадобилось, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, девять лѣтъ на исполненіе лишь одной изъ намѣченныхъ имъ задачъ, на созданіе критики теоретическаго разума. Не слѣдуетъ думать, что Кантъ писалъ и передѣлывалъ написанное: работа происходила въ его головѣ. Въ своихъ письмахъ 1777—1778 годовъ Кантъ жалуется на состояніе своего здоровья. Въ 1778 году онъ пишетъ, что съ нѣкотораго времени привыкъ считать здоровьемъ весьма относительное благосостояніе, которое многіе почли бы болѣзнью. По возможности, онъ щадилъ свои силы и старался отдохнуть. Лишь въ 1780 году Кантъ вновь усиленно принимается за работу. 1 мая слѣдующаго года онъ пишетъ Герцу, что вскорѣ издатель Гарткнохъ напечатаетъ написанную имъ наконецъ книгу «Критика чистаго разума». По первоначальному плану Канта, предполагалась брошюра въ нѣсколько печатныхъ листовъ: девять лѣтъ размышленія довели ее до размѣра объемистаго тома въ 856 страницъ (по первому изданію). Въ одномъ изъ писемъ къ Мендельсону Кантъ говоритъ, что онъ обдумывалъ свое сочиненіе «по малой мѣрѣ втеченіи 12 лѣтъ,» и дѣйствительно 1769 годъ былъ, какъ мы

знаемъ, рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ. Но написана была вся книга, по словамъ самого Канта: «въ какіе нибудь 4—5 мѣсяцевъ, какъ бы на скоро, правда съ величайшимъ вниманіемъ къ содержанію, но съ малымъ прилежаніемъ относительно изложенія и доступности для читателя». Не подлежащее никакому сомнѣнію заявленіе Канта, что книга была написана втеченіи 5 мѣсяцевъ, показываетъ, что онъ писалъ, когда идеи окончательно созрѣли въ его умѣ. Въ противномъ случаѣ даже такой умственный колоссъ не могъ бы справиться съ задачей написать болѣе десяти печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, особенно принимая во вниманіе необычайную трудность и отвлеченность предмета. Поразительная поспѣшность окончательной работы отразилась конечно на слогѣ: въ «Критикѣ чистаго разума» нѣтъ той ясности и простоты, какую мы найдемъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ Канта. Кантъ сознавалъ этотъ недостатокъ своего главнаго труда; но онъ не искалъ легкой популярности. «Немногіе такъ счастливы,—писалъ онъ Мендельсону, чтобы думать въ одно и то-же время и за себя, и за другихъ... Есть только *одинъ* Мендельсонъ».

Окончательная работа была исполнена Кантомъ въ концѣ 1780 года. Въ октябрѣ этого года рижскій издатель Гартknохъ предложилъ Канту издать его трудъ; въ декабрѣ началось печатаніе. 6 апрѣля 1781 г. Кантъ прислалъ Гаманну—мыслителю весьма оригинальному, хотя и не глубокому,—первые 30 листовъ, которые Гаманнъ «прочелъ въ одинъ день». Слѣдующіе 18 листовъ Гаманнъ получилъ лишь 6 мая, но всѣ эти 48 листовъ были лишь серединой; конецъ и начало все еще не печатались, потому что Кантъ кое-что передѣлывалъ. Временемъ появленія «Критики чистаго разума» слѣдуетъ считать лишь іюль 1781 года.

Интересно впечатлѣніе, вынесенное первымъ читателемъ Канта — Гаманномъ. «Такая объемистая книга,—писалъ онъ Гердеру, не соотвѣтствуетъ ни росту автора (мы знаемъ, что Кантъ былъ малъ ростомъ), ни понятію чистаго разума, который противопоставляется имъ гнилому—моему разуму». Затѣмъ Гаманнъ выдаетъ Канту аттестатъ, назвавъ его «прусскимъ Юмомъ».

Насколько самъ Кантъ сознавалъ, что его трудъ не отличается общедоступностью, видно главнымъ образомъ изъ того, что онъ самъ взялся написать популярную передѣлку, нѣчто среднее между комментаріемъ и краткимъ изложеніемъ. Такимъ образомъ появилась въ 1782 г. книга, озаглавленная: «Предисловіе ко всякой будущей метафизикѣ, которая будетъ въ состояніи выступить, какъ наука»,

Появленіе этого сочиненія было вполнѣ своевременнымъ. Оно на первыхъ же порахъ должно было устранить недоразумѣнія, вызванныя непониманіемъ «Критики чистаго разума».

Всего нелѣпѣе конечно то мнѣніе, которое, при помощи искусственныхъ натяжекъ и явныхъ подтасовокъ, пытается превратить систему Канта въ родъ *мистической* философіи. Ничто не было болѣе чуждо натурѣ Канта, чѣмъ всякаго рода «таинственность и вдохновенность свыше», однимъ словомъ—все, изъ чего слагается мистическое міросозерцаніе. Въ бесѣдѣ съ Яхманномъ Кантъ однажды сказалъ вполнѣ категорически: «Въ моихъ сочиненіяхъ напрасно ищутъ какихъ бы то ни было слѣдовъ мистицизма. *Ни одно мое слово, ни одно выраженіе не можетъ и не должно быть истолковываемо въ мистическомъ смыслѣ»*. Но и безъ этого автобіографическаго показанія смыслъ ученія Канта вполнѣ ясенъ для всѣхъ, кто способенъ уразумѣть его.

Въ непонимающихъ никогда не было недостатка. Желая разсѣять всякія недоразумѣнія, Кантъ сѣлъ писать свое «Предисловіе къ Метафизикѣ» (Prolegomena). Трудъ этотъ былъ еще не оконченъ, когда (19 января 1782 г.) въ «Геттингенскихъ Ученыхъ извѣстіяхъ» появилась первая рецензія о «Критикѣ чистаго разума». Рецензія была написана Гарвэ, философомъ, впослѣдствіи высоко чтившимъ Канта и сознавшимъ крайнюю недостаточность, односторонность и неправильность своей рецензіи.

Рецензія, написанная Гарвэ и передѣланная до неузнаваемости редакторомъ Федеромъ, измѣнила первоначальный планъ кантовскаго «Предисловія къ Метафизикѣ». Кантъ счелъ необходимымъ отвѣтить своимъ противникамъ, и приписалъ цѣлую главу, которую назвалъ «Опытомъ сужденія о критикѣ, забѣгающей впередъ изслѣдованія». Здѣсь Кантъ уничтожаетъ доводы рецензента, который строитъ всѣ свои сужденія, исходя изъ утвержденія, что философія Канта есть «система высшаго идеализма». Въ отвѣтъ на упрекъ въ «идеализмѣ» Кантъ возражаетъ:

«Основное положеніе всѣхъ истинныхъ идеалистовъ, начиная съ элеатской школы и кончая епископомъ Беркли, сводится къ слѣдующей формулѣ: всякое познаніе посредствомъ чувствъ и опыта есть не что иное, какъ чистая призрачность (Schein), и только въ идеяхъ чистаго разсудка и разума заключается истина. Основное положеніе, господствующее всюду въ моемъ идеализмѣ и опредѣляющее его, сводится къ слѣдующему: *всякое познаніе вещей только изъ чистаго разсудка или изъ чистаго разума есть не что иное, какъ чистая призрачность, и только въ опытѣ заключается истина»*.

Но это положеніе Канта есть не что иное, какъ основной прин-

ципъ философскаго реализма. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его является, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, признаніе *независимаго* отъ нашей личности существованія внѣшняго міра, а это признаніе и отличаетъ реализмъ отъ всѣхъ идеалистическихъ системъ. Но идеалисты, по недоразумѣнію или по непониманію, ухватились за ученіе Канта объ «идеальности» пространства и времени, толкуя это ученіе совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой ему придалъ самимъ Кантомъ.

«Пространство и время,—пишетъ Кантъ въ своихъ «Prolegomena»,—включая все, въ нихъ содержащееся, суть не вещи и не свойства вещей самихъ въ себѣ, но принадлежать исключительно къ явленіямъ вещей: до этого пункта я одного исповѣданія съ идеалистами. Но эти послѣдніе, и въ особенности Берклі, считали пространство простымъ эмпирическимъ представленіемъ... Я, наоборотъ, впервые показываю, что пространство, со всѣми его апріорными опредѣленіями, можетъ быть познаваемо нами потому, что оно (какъ и время) присуще намъ до всякаго воспріятія и опыта, какъ чистая форма нашей чувственности». «Мой такъ называемый (собственно критическій) идеализмъ стало быть совершенно особаго рода, а именно таковъ, что онъ ниспровергаетъ обыкновенный идеализмъ, и въ то-же время только онъ придаетъ объективную реальность всякому апріорному познанію, даже геометріи. При такомъ положеніи дѣлъ, я желалъ, во избѣжаніе недоразумѣній, совсѣмъ избѣжать названія (идеализма): но едва ли это удобно. Поэтому,—заключаетъ Кантъ,—да будетъ мнѣ позволено впредь называть мой идеализмъ *формальнымъ* или, еще лучше, *критическимъ*».

Тутъ же Кантъ поясняетъ, что настоящій идеализмъ имѣетъ всегда мечтательную цѣль и не можетъ имѣть иной: мой идеализмъ, наоборотъ, служитъ лишь къ тому, чтобы понять возможность апріорнаго познанія предметовъ опыта. Это задача не только не разрѣшенная, но и не поставленная до сихъ поръ. Рѣшеніе ея ниспровергаетъ весь мечтательный идеализмъ, который всегда заключалъ отъ нашихъ апріорныхъ познаній ко всякому созерцанію, исключая чувственнаго: никому не приходило на умъ, что чувства также должны созерцать апріори».

Здѣсь мы касаемся центральнаго пункта ученія Канта объ апріорномъ познаніи. Весь недостатокъ кантовской теоріи, по нашему мнѣнію, заключается не въ недостаткѣ реализма, а въ томъ, что Кантъ беретъ готовую уже организацію зрѣлаго ума, ни мало не задаваясь вопросомъ о генезисѣ душевныхъ свойствъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, конечно придется допустить, вмѣстѣ съ Кантомъ, «апріорныя» формы чувственности, но эта апріорность есть не что иное, какъ накопленный опытъ, частью нашъ личный, частью унаслѣдованный отъ предковъ. Несомнѣнно, что для зрѣлаго ума пространство и время являются, какъ то и утверждаетъ Кантъ, апріорными формами, другими словами: развитый умъ представляетъ предметы внѣшняго міра не иначе, какъ протяженными въ трехмѣрномъ

пространствѣ и т. д. Но наблюденія надъ малыми дѣтьми, надъ людьми, прозрѣвшими послѣ снятія бѣльма и т. п., показываютъ, что перспективное представленіе пространства вырабатывается путемъ опыта. Новорожденный повидимому лишь смутно сознаетъ образы различно освѣщенныхъ поверхностей, совершенно не умѣя оцѣнить ни разстояній, ни направленій. Сравнительная психологія человѣка и животныхъ еще болѣе освѣтила этотъ вопросъ и убѣдила въ томъ, что всѣ пространственныя отношенія являются продуктами опыта, находясь въ зависимости отъ нервной и психической организаціи субъекта. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ пространство дѣйствительно является формою субъекта, формою его чувственности, но Кантъ не правъ, придавая этой формѣ характеръ *абсолютной* трансцендентальности, т. е. утверждая, что форма *всегда* предшествуетъ опыту. Это справедливо лишь въ томъ *относительномъ* смыслѣ, что мы рождаемся на свѣтъ съ готовыми уже душевными предрасположеніями, конечно не съ «врожденными идеями», какъ думали нѣкоторые философы, но съ унаслѣдованными душевными свойствами. Для своего обнаруженія и развитія эти душевныя качества нуждаются однако въ упражненіи, въ опытѣ. Опытное происхожденіе пространственныхъ формъ (точно такъ-же, какъ и сознаніе времени) доказывается многими фактами: напр. при значительномъ измѣненіи условій опыта, сознаніе пространства и времени существенно извращается. Такъ, подъ вліяніемъ гашиша, морфія и другихъ наркотическихъ веществъ время чрезвычайно удлиняется, малая комната кажется обширнымъ дворцомъ и т. п. Даже здоровый умъ при нѣсколько необычайныхъ условіяхъ даетъ пространству и времени совершенно иную оцѣнку, чѣмъ въ обыденныхъ случаяхъ, въ чемъ относительно пространства убѣждается всякій, впервые побывавъ на Альпахъ или при плаваніи на аэростатѣ. Что касается времени, всякій знаетъ, какъ вліяютъ на сознаніе времени сильные аффекты, напр. любовь, нетерпѣніе, страхъ, отчаяніе. Однимъ словомъ, ни мало не отвергая относительной апріорности пространства и времени, какъ формъ, въ которыя укладывается весь нашъ опытъ—внѣшній и внутренній—мы утверждаемъ только, что этотъ умственный капиталъ есть не что иное, какъ накопленный трудъ, т. е. прошлый опытъ, личный или унаслѣдованный.

Въ «Критикѣ чистаго разума» и въ своихъ «Prolegomena» Кантъ изслѣдовалъ исключительно одну область разума, которую онъ назвалъ теоретической. Втеченіи пятилѣтія съ 1785 по 1790 годъ Кантъ написалъ рядъ крупныхъ произведеній, которыя, взя-

тыя въ совокупности, образуютъ полную систему чистаго разума, или систему критической философіи. Въ «Метафизическихъ основаніяхъ естествознанія» Кантъ указалъ философскія основы механики, физики и другихъ естественныхъ наукъ; въ «Метафизикѣ нравовъ» и «Критикѣ практическаго разума» (1788) изслѣдованы основные вопросы этики, въ «Критикѣ силы сужденія» (1790) изложены основанія эстетики и разобраны телеологические вопросы.

Въ концѣ своей философской дѣятельности Кантъ обратился къ вопросамъ религіи. Въ 1793 году онъ издалъ сочиненіе, озаглавленное» Религія въ границахъ чистаго разума»; послѣднимъ его трудомъ былъ «Споръ между факультетами» (1798).

Въ предисловіи къ этому послѣднему сочиненію самъ Кантъ изложилъ исторію замѣчательнаго гоненія, возбужденнаго противъ него придворными ханжами, во главѣ которыхъ былъ новый прусскій министръ Велльнеръ.

При Фридрихѣ Великомъ никому не пришло бы въ голову преслѣдовать Канта. Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ монархъ совсѣмъ другого рода, слабохарактерный, способный подчиняться всякимъ вліяніямъ, особенно дурнымъ. Въ первые годы своего правленія онъ благоволилъ къ Канту. Въ 1786 году онъ прибылъ въ Кенигсбергъ для коронаціи, и Кантъ, бывшій въ то время ректоромъ университета, долженъ былъ встрѣтить короля привѣтственной рѣчью. Король благодарилъ и въ своемъ отвѣтѣ упомянулъ о философскихъ заслугахъ Канта. Но склонность короля къ мистицизму дѣлала изъ него скорѣе поклонника С. Жермена или Каліостро, чѣмъ почитателя Канта. Духовидцы и прорицатели, гадатели и маги были тогда въ модѣ; эта мода вполнѣ соотвѣтствовала духу политической и церковной реакціи, который сталъ свирѣпствовать съ удвоенной силой, когда во Франціи вспыхнула революція, грозившая подорвать монархическій принципъ во всей западной Европѣ. Во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ принимались чрезвычайныя мѣры для предохраненія добрыхъ нѣмцевъ отъ якобинской заразы.

Насколько измѣнились времена, видно изъ слѣдующаго. Въ 1781 году Кантъ посвятилъ свою «Критику чистаго разума» прусскому государственному министру фонъ Цедлицу, одному изъ своихъ ревностныхъ почитателей. Этотъ Цедлицъ доставалъ тетрадки съ записанными лекціями Канта и писалъ Канту, что, находясь за сотни верстъ, считаетъ себя въ числѣ его слушателей. Черезъ два года по восшествіи на престолъ Фридриха-Фельгельма II министерство Цедлица пало и мѣсто Цедлица занялъ честолюбивый богословъ.

бившій проповѣдникъ Велльнеръ, обскурантъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его поддерживали многіе придворные, особенно королевскій генералъ-адъютантъ, извѣстный ханжа фонъ-Бишофсвердеръ. Не успѣлъ новый министръ забрать въ руки бразды правленія, какъ начались всякаго рода стѣсненія свободы печати, свободы преподаванія, даже свободы проповѣди. 9 іюля 1788 года, въ то время, когда Кантъ работалъ надъ своей «Критикой практическаго разума», Велльнеръ издалъ пресловутый религіозный эдиктъ, въ которомъ всѣмъ учителямъ и священникамъ было повелѣно строго держаться оффиціальнаго катехизиса. Всякое уклоненіе отъ буквы правовѣрнаго протестантизма влекло за собою потерю должности и другія кары. 19 декабря того же 1788-го года была отмѣнена свобода печати. Внутренняя печать была подчинена предварительной цензурѣ, иностранныя книги стали подвергаться строжайшему пересмотру. Это произошло наканунѣ французской революціи. Два года спустя были придуманы еще болѣе суровыя мѣры: учрежденъ особый комитетъ изъ трехъ совѣтниковъ оберъ-консисторіи, надзиравшій за печатью, церковью и школой. Тріумвиратъ этотъ состоялъ изъ Гермеса, Вольтерсдорфа и Гилльнера, людей честолюбивыхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Имъ были предоставлены широчайшія полномочія относительно всѣхъ церковныхъ и школьныхъ должностей, всѣ кандидаты на учительскія и проповѣдническія каѳедры подвергались въ этомъ комитетѣ особому экзамену, съ цѣлью удостовѣриться въ ихъ совершенной благонадежности. Тріумвиры объѣзжали провинціи, указывали методъ преподаванія и учебники, которые писали сами или поручали писать людямъ особо благонадежнымъ. Всѣ подозрительные люди получали клички враговъ религіи, атеистовъ, якобинцевъ и демократовъ; даже слово «просвѣтитель» стало бранною кличкой въ устахъ этихъ обскурантовъ. Однимъ словомъ, это была своего рода инквизиція.

Въ то время философія Канта уже получила значительное распространеніе въ Германіи: кое-гдѣ ее стали преподавать даже съ каѳедръ. Рано или поздно реакціонное теченіе должно было столкнуться съ разрушительной критикой, посягнувшей на святыни школьной метафизики. Вѣдь не даромъ эта метафизика считалась опорою оффиціальной религіи. Въ самомъ началѣ царствованія Фридриха-Вильгельма II одинъ изъ тріумвировъ, Вольтерсдорфъ, подалъ королю докладную записку, въ которой содержалось неслыханное въ исторіи нѣмецкой философіи предложеніе: жалкій невѣжда требовалъ, чтобы первому философу Германіи было вовсе запрещено

писать. Это показалось неумѣстнымъ даже королю и его главному министру, и въ 1788 году былъ посланъ въ Кёнигсбергъ на счетъ короля Кизеветтеръ съ цѣлью ближе ознакомиться съ философіей Канта. Быть можетъ прусское правительство при этой миссіи руководствовалось задними мыслями, но Кизеветтеръ возвратился изъ Кёнигсберга горячимъ поклонникомъ Канта и далъ о его ученіи самый лестный отзывъ. 3 марта 1789 года Кантъ получилъ подписанный Вёлльнеромъ королевскій декретъ, въ которомъ содержались лестныя выраженія по адресу философа, его жалованье было увеличено, онъ названъ «пріятнымъ, безкорыстнымъ, искуснымъ и прямодушнымъ мужемъ».

Но это милостивое настроеніе короля и Вёлльнера было вскорѣ поколеблено. Въ Берлинѣ издавался ежемѣсячный журналъ, куда Кантъ прислалъ статью «О радикально зломъ началѣ въ человѣческой натурѣ» (1792). Кантъ въ особомъ письмѣ просилъ издателя, чтобы тотъ послалъ его статью берлинскимъ цензорамъ, хотя издатель, Бистеръ, печатавшій свой журналъ въ Іенѣ, имѣлъ право обратиться къ болѣе снисходительной іенской цензурѣ. Кантъ очевидно не желалъ подвести издателя. По его собственнымъ словамъ, онъ не хотѣлъ подать и вида, что занимается литературной контрабандой, избѣгая берлинской цензуры и высказывая такъ называемыя смѣлыя мнѣнія изъ-за угла, а не съ открытымъ забраломъ. Статья попала въ руки одного изъ тріумвировъ—Гилльмера. Этотъ цензоръ возвратилъ ее издателю безъ помарокъ, но съ поясненіемъ: «разрѣшается печатать, такъ какъ только глубокомысленные ученые читаютъ сочиненія Канта». Статья была напечатана.

Вскорѣ послѣ этого Кантъ прислалъ въ Берлинъ вторую статью (о борьбѣ добраго начала съ злымъ) и предложилъ издателю продѣлать и съ этой статьей ту же процедуру. Издатель неохотно подчинился, и вскорѣ послѣ того писалъ Канту: «Я никогда не могъ понять, почему вы, мой уважаемый другъ, во чтобы то ни стало напирали на здѣшнюю цензуру. Я повиновался вамъ и послалъ рукопись Гилльмеру. Къ немалому моему изумленію, онъ отвѣтилъ мнѣ, что такъ какъ ваша статья ниспровергаетъ всю библейскую теологію, онъ, слѣдуя своимъ инструкціямъ, перечиталъ ее сообща съ своимъ коллегою Гермесомъ, и такъ какъ этотъ послѣдній отказался подписать, то и онъ присоединился къ его мнѣнію». Издатель пытался поладить съ Гермесомъ, но получилъ отвѣтъ, что цензура руководствуется религіознымъ эдиктомъ и что разсуждать тутъ нечего.

Кантъ былъ крайне разогорченъ и раздосадованъ этою неудачей. У него были приготовлены еще три статьи. Кантъ вовсе не желалъ уступить безъ сопротивленія. Первою его мыслью было послать свои статьи въ Гёттингенъ тамошнему богословскому факультету. Не смотря на дерзость реакціи, она не осмѣливалась посягнуть на привиллегіи университетовъ, сохранившихъ право печатать безъ цензуры одобренныя ими сочиненія. Но вскорѣ Канта взяло раздумье: случай, происшедшій съ Фихте, послужилъ для него предостереженіемъ.

Незадолго передъ тѣмъ въ Кёнигсбергъ прибылъ молодой человѣкъ, сильно нуждавшійся въ средствахъ, но привлеченный желаніемъ слышать и видѣть Канта. Это былъ прославившійся впослѣдствіи философъ Фихте.

Во время пребыванія въ Лейпцигѣ, Фихте впервые предался изученію «Критики чистаго разума» и, по его словамъ, «обрѣлъ истинное средство противъ всѣхъ своихъ страданій.»

Еще сильнѣйшее впечатлѣніе произвела на Фихте «Критика практическаго разума». Фихте говоритъ: «Невозможно описать то вліяніе, которое оказала эта философія на все мое мышленіе... Теперь я вѣрю всею душою въ свободу воли, и только при этомъ условіи для меня мыслимы долгъ, добродѣтель и нравственность».

Вскорѣ послѣ этого Фихте отправился въ Кёнигсбергъ. Вмѣсто рекомендательнаго письма, онъ вручилъ Канту рукопись своего сочиненія: «Критика всевозможнаго откровенія». Матеріальное положеніе Фихте было отчаяннымъ. «Если я рѣшусь сказать объ этомъ кому-либо, то только самому Канту,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Быть можетъ у Канта я займу небольшую сумму денегъ на дорогу. Я отправился сегодня къ нему ради этого, но мужество мое пропало. Я рѣшилъ написать ему». 3 сентября Фихте пишетъ: «Получилъ отъ Канта приглашеніе обѣдать. Онъ принялъ меня съ свойственной ему сердечностью, но сообщилъ, что для него рѣшительно невозможно удовлетворить мою просьбу ранѣе истеченія второй половины мѣсяца. Какая милая откровенность!».

Но Кантъ сдѣлалъ болѣе того, что обѣщалъ. Прочитавъ рукопись Фихте, онъ пришелъ въ восторгъ и посовѣтовалъ молодому философу послать рукопись книгопродавцу Гартунгу, обѣщая свою рекомендацію. Рукопись была первоначально послана въ Галле и, чтобы избавиться отъ возни съ цензурой, обратились за одобреніемъ къ богословскому факультету. Но деканъ Шульце отказалъ наотрѣзъ. Книга была потомъ напечатана помимо университета.

Этотъ эпизодъ заставилъ Канта сильно призадуматься относительно своей собственной рукописи. Хотя въ Галле были также люди свободомыслящіе, какъ Нимейеръ и Кнаппъ, большіе почитатели Канта, одного сопротивленія Шульце было достаточно, чтобы внушить опасенія. Сверхъ того Кантъ не хотѣлъ столкновеній между факультетами и тріумвиратомъ, не желая жертвовать чужими интересами въ интересахъ своего дѣла. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ тому рѣшенію, которое, казалось, должно было раньше всего представиться его уму. Онъ переговорилъ съ своими кёнигсбергскими коллегами. Богословскій факультетъ университета единогласно высказался въ пользу Канта и заявилъ, что беретъ на себя отвѣтственность за послѣдствія. Послѣ нѣкотораго колебанія Кантъ представилъ факультету всѣ четыре статьи, давъ имъ общее заглавіе: «Религія въ границахъ чистаго разума»; деканъ подписалъ разрѣшеніе печатать и книга была издана книгопродавцемъ Николовіусомъ.

Въ письмѣ къ гёттингенскому профессору Штейдлину Кантъ говоритъ о цензурномъ эпизодѣ, причемъ иронизируетъ надъ цензорами. «Не понимаю,—пишетъ онъ,—почему въ первой статьѣ не нашли ничего противнаго библейскому богословію, тогда какъ вторая показалась опасной.» Кантъ совѣтуетъ своимъ преслѣдователямъ опровергать его «доводами разума, а не молніями, сверкающими изъ тучъ, поднявшихся въ придворной атмосферѣ». Это онъ открыто высказываетъ и въ предисловіи къ самому сочиненію, которое, по свободомыслію и смѣлости, далеко оставляетъ за собою сочиненія Лессинга и Реймаруса. Это рѣшительное отрицаніе всей догматической теологіи, и притомъ не въ отвлеченной формѣ (какъ въ «Критикѣ чистаго разума»), а въ видѣ популярнаго, краснорѣчиваго трактата. Безъ сомнѣнія, не столько идея, сколько форма этого произведенія испугала берлинскихъ церберовъ.

Кантъ отлично сознавалъ, что, издавая свое сочиненіе наперекоръ прусскому правительству, онъ тѣмъ самымъ подвергаетъ себя довольно серьезной опасности. Не смотря на свои весьма преклонныя лѣта, на громкую славу, которою онъ пользовался, на свое высокое положеніе въ университетѣ, Кантъ ежеминутно могъ ожидать, что ему велятъ подать въ отставку.

Однако у прусскаго правительства нашлось еще довольно стыда, чтобы не прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ. Но и то, что было предпринято противъ Канта, покрываетъ правительство Фридриха-Вильгельма II вѣчнымъ позоромъ. Замѣтивъ необычайный успѣхъ

сочиненія Канта, вышедшаго вскорѣ вторымъ изданіемъ. Вёлльнеръ прислалъ Канту королевскій кабинетскій указъ (1794), въ которомъ «достойному, высокоученому и преданному» (какъ онъ названъ въ указѣ) Канту было прочитано отеческое внушеніе. «Съ величайшимъ неудовольствіемъ мы замѣтили,—сказано въ этомъ указѣ, — что вы злоупотребляете вашей философіей для искаженія и униженія многихъ основныхъ ученій св. Писанія и христіанской вѣры. Мы были о васъ лучшаго мнѣнія; вы сами должны понять, какъ безотвѣтственно дѣйствуете вы противъ вашего долга, какъ учителя юношества, и противъ нашихъ, вамъ отлично извѣстныхъ, отеческихъ попеченій о странѣ.» Затѣмъ была высказана угроза, что если Кантъ осмѣлится сдѣлать нѣчто подобное впредь, онъ подвергнется «самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ». Указъ подписанъ такъ: «По всемилостивѣйшему спеціальному приказанію короля. Веллльнеръ».

Канту было въ то время семьдесятъ лѣтъ. Возрастъ и характеръ, въ связи съ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ законамъ страны, дѣлали его неспособнымъ къ дальнѣйшей открытой борьбѣ; но онъ не могъ и безусловно подчиниться. Кантъ избралъ средній путь, указанный благоразуміемъ. Онъ рѣшилъ подчиниться этому приказу, но не связывать себя безусловно. Несомнѣнно однако, что это рѣшеніе было принято Кантомъ послѣ внутренней борьбы. Въ бумагахъ его найдена записка, въ которой выраженъ результатъ этой борьбы. «Отреченіе отъ своего внутренняго убѣжденія,—пишетъ Кантъ,— есть низость, но молчаніе въ случаѣ, подобномъ настоящему, есть долгъ подданнаго. Все, что говорится, должно быть правдой, но нельзя считать обязанностью говорить каждую истину публично.»

Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ на королевскій указъ, содержаніе котораго скрылъ отъ всѣхъ, исключая одного близкаго друга. Въ своемъ отвѣтѣ Кантъ заявилъ, что упреки, обращенные къ нему, неосновательны, но обѣщалъ на будущее время молчать. «Какъ вѣрноподданный вашего величества,— писалъ Кантъ.—я торжественно заявляю, что впредь совершенно воздержусь отъ всѣхъ публичныхъ лекцій о религіи.» Кантъ считалъ однако себя связаннымъ этимъ обѣщаніемъ лишь по отношенію къ Фридриху-Вильгельму II. Какъ только король умеръ и на престолъ вступилъ болѣе либеральный Фридрихъ-Вильгельмъ III, Кантъ издалъ «Споръ факультетовъ», въ которомъ между прочимъ изложилъ весь свой эпизодъ съ Веллльнеромъ (1798).

Названное сочиненіе было послѣднимъ произведеніемъ Канта.

*

Достигнувъ 75-тилѣтняго возраста, Кантъ сталъ быстро слабѣть. Сначала физическія, затѣмъ и умственныя силы все болѣе оставляли его. Еще въ 1797 году Кантъ прекратилъ чтеніе всякихъ лекцій; съ 1798 года онъ не принималъ болѣе чичьихъ приглашеній и у себя дома принималъ лишь самыхъ близкихъ друзей. Съ 1799 года онъ вынужденъ былъ отказаться даже отъ прогулокъ.

Несмотря на то, Кантъ все еще пытался работать умственно. Онъ пробовалъ написать «Систему чистой философіи во всей ея совокупности», но силы Канта были уже исчерпаны. Еще въ 1792 году Фихте, благоговѣвшій передъ Кантомъ, нашелъ его лекціи «снотворными». За тридцать лѣтъ до этого Гердеръ писалъ о пламенномъ краснорѣчіи Канта. Въ 1798 году Кантъ въ своемъ «Спорѣ факультетовъ» писалъ между прочимъ о возможности побѣждать болѣзни одною силою духа. Но изъ всѣхъ болѣзней онъ не предусмотрѣлъ одной — старческаго безсилія и истощенія жизненной энергіи. Послѣдняя, оставшаяся неоконченною, работа Канта («Система чистой философіи») долгое время считалась утерянной. Въ 1858 году были изданы отрывки; работа эта оказалась лишь слабымъ повтореніемъ прежнихъ мыслей Канта. Яхманнъ въ своей біографіи Канта поразительно описываетъ упадокъ силъ этого великаго человѣка. Это была не болѣзнь, а маразмъ (упадокъ силъ) въ полномъ смыслѣ слова. Мускульная сила утрачивалась. Кантъ всегда былъ сухощавъ,—въ первые годы нашего столѣтія онъ сталъ походить на скелетъ, обтянутый кожей. Давленіе на голову — хроническое страданіе Канта — все болѣе чувствовалось. Кантъ сердился, когда ему говорили, что это приливъ крови, и приписывалъ все электричеству воздуха. Внѣшнія чувства ослабѣвали; лѣвый глазъ давно пересталъ видѣть, теперь и правый сталъ измѣнять. Память отказывалась служить: Кантъ былъ вынужденъ записывать всякія мелочи, чтобы не забыть ихъ черезъ какой-нибудь часъ. Наконецъ походка его стала шаткою, онъ волочилъ ноги, спотыкался, пересталъ узнавать знакомыхъ. Когда Яхманнъ вошелъ къ Канту и, растроганный до слезъ видомъ угасающаго генія, бросился на шею Канту, тотъ съ удивленнымъ видомъ спросилъ: «Послушайте, кто—вы собственно такой?» Никакія напоминанія не повліяли на него. Самая младшая изъ сестеръ Канта и бывшій ученикъ его Васянскій приняли на себя попеченіе о старикѣ. Въ 1803 г. Кантъ записалъ на памятномъ листкѣ библейскія слова: «жизнь человѣка длится 70 лѣтъ, много 80». Ему было въ то время 79 л. Въ октябрѣ 1803 г. съ Кантомъ произошелъ припадокъ. Съ тѣхъ поръ силы его быстро упадали, онъ не могъ болѣе подписать своего

имени, забывалъ самыя обыкновенныя слова. 12 февраля 1804 г. Кантъ тихо скончался. Послѣднія слова его были: «Это хорошо».

Вскорѣ послѣ смерти Канта пришло извѣстіе, что онъ избранъ членомъ Парижской Академіи. Онъ уже числился членомъ академій Берлинской, Петербургской и Сіенской.

Прежде чѣмъ разстаться съ личностью Канта, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о его умственныхъ и нравственныхъ особенностяхъ, собственно съ цѣлью опровергнуть нѣкоторыя одностороннія мнѣнія о немъ. Канта иногда упрекали къ сухости сердца, педантизмѣ и резонерствѣ. Утверждали, будто онъ былъ чрезвычайно грубъ съ своимъ старымъ слугою, черствъ по отношенію къ сестрамъ, съ которыми втеченіи 25 лѣтъ ни о чемъ не переписывался и даже едвали видѣлся и т. п. Все это не болѣе, какъ намѣренное извращеніе истины. Старый слуга Канта, Лампе, какъ мы уже разъ замѣтили, иногда выводилъ философа изъ терпѣнія; Лампе былъ грубъ, капризенъ, необычайно высокаго о себѣ мнѣнія и ко всему этому нечестенъ. Тѣмъ не менѣе Кантъ, разсчитавъ Лампе, былъ сильно опечаленъ и даже записалъ для себя на памятномъ листкѣ правило: «Не думать болѣе о Лампе», такъ какъ эти думы долго не давали ему покоя. Что касается сестеръ Канта, трудно было бы ожидать обширной корреспонденціи между философомъ и женами простыхъ ремесленниковъ; но утвержденіе, будто Кантъ не любилъ своихъ родныхъ, конечно неосновательно. Гдѣ могъ и какъ могъ, Кантъ помогалъ своимъ роднымъ, хотя собственные заработки его были весьма скромны; за свои капитальные философскіе труды Кантъ получалъ весьма незначительные гонорары. Послѣднія свои работы онъ сдалъ молодому книгопродавцу Николавіусу, своему бывшему слушателю. Когда Николавіусъ открылъ книжную торговлю, Кантъ обѣщалъ ему поддержку, и дѣйствительно, никакія соблазнительныя предложенія болѣе богатыхъ издателей не заставили Канта продать имъ свои послѣднія рукописи.

По смерти Канта оказалось, что у него осталось деньгами около 20,000 талеровъ. Состояніе это едва ли покажется большимъ, если принять во вниманіе чрезвычайно скромный образъ жизни Канта, его аккуратность и бережливость. Едва ли необходимо предполагать, какъ думали иные, что другъ Канта, купецъ Гринъ, оставилъ ему наслѣдство.

Объ умственныхъ особенностяхъ Канта также нерѣдко приводились довольно легкомысленныя мнѣнія. Даже близкій пріятель Канта, Яхманнъ, увѣряетъ, что эстетическій вкусъ и вообще

то, что Кантъ называлъ силой сужденія (Urtheilskraft) было у него развито мало по сравненію съ разумомъ и разсудкомъ. Едва ли это основательно. Болѣе правъ Шопенгауэръ, который изумляется тому, какимъ образомъ Кантъ, проведшій всю жизнь въ Кенигсбергѣ, не видѣвшій ни картинъ величайшихъ мастеровъ, ни лучшихъ архитектурныхъ произведеній, не знавшій иной природы, кромѣ полей и лѣсовъ въ окрестностяхъ Кенигсберга, тѣмъ не менѣе могъ высказать много цѣнныхъ мыслей объ эстетикѣ.

Всѣ признаютъ, что Кантъ обладалъ чрезвычайно сильною памятью и рѣдкой способностью представлять себѣ вещи по одному описанію или съ чужихъ словъ. О памяти Канта можно судить по тому, что онъ зналъ почти наизусть своихъ любимыхъ поэтовъ — Галлера, Попа, Бюргера и Хагедорна. О способности его «внутренняго созерцанія» можно судить по тому, что Кантъ поразительно умѣлъ описывать страны, въ которыхъ никогда не бывалъ. Однажды Кантъ разговорился съ однимъ англичаниномъ объ Уэстминстерскомъ мостѣ, и обнаружилъ такое знаніе подробностей, что англичанинъ счелъ его архитекторомъ или инженеромъ, долгое время проживавшимъ въ Лондонѣ. Въ другой разъ Кантъ говорилъ объ Италіи, и собесѣдникъ вообразилъ, что онъ много путешествовалъ на югѣ. Никогда не сдѣлавъ ни одного химическаго опыта, Кантъ зналъ всѣ подробности химическихъ манипуляцій въ такомъ совершенствѣ, что разъ, бесѣдуя за столомъ съ знаменитымъ химикомъ, д-ромъ Хагеномъ, привелъ того въ совершенное изумленіе. «Никогда бы я не повѣрилъ,—сказалъ Хагенъ,— что можно знать такъ практическую химію, не имѣвъ никакой практики».

Но безспорно, что всего сильнѣе была развита у Канта способность анализировать и систематизировать понятія. По силѣ и глубинѣ философскаго анализа, Кантъ не имѣетъ себѣ равнаго между новыми философами; изъ древнихъ онъ можетъ соперничать съ Аристотелемъ. По построительной способности, «архитектоникѣ», Кантъ не уступаетъ Платону. Многіе, какъ напр. Шопенгауэръ, полагаютъ даже, что «архитектоника» Канта, его стремленіе къ симметріи и правильности философскихъ построеній и подраздѣленій переходятъ границы должнаго: такъ, у Канта почти всегда находимъ трихотомію, т. е. подраздѣленіе на *три* отдѣла. Въ этомъ упрекали Канта еще его первые рецензенты, но онъ отвѣтилъ на упрекъ указаніемъ на причины, побудившія его принять такія подраздѣленія. Невѣрно понятое объясненіе Канта послужило чуть ли не главнымъ источникомъ для пресловутаго діалектическаго метода Гегеля.

VIII.

Характеръ и значеніе философіи Канта. Синтетическія апріорныя сужденія.—Апріорныя формы чувственности: пространство и время. — Различія между трансцендентальнымъ и трансцендентнымъ.—Феномены и нумены.—Антиномія.—Свобода воли.—Нравственность и религія чистаго разума.

Предѣлы нашего труда дозволяютъ намъ лишь самый бѣглый очеркъ философіи Канта. Цѣль этого очерка, какъ по преимуществу біографическаго, состоитъ не въ ознакомленіи съ ученіемъ Канта, а единственно въ указаніи на его историческую роль, его связь съ предшествующими и послѣдующими философскими ученіями.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что при составленіи своей системы Кантъ опирался на все предыдущее развитіе философіи и что, въ свою очередь, его система стала исходнымъ началомъ всѣхъ главныхъ позднѣйшихъ системъ; причемъ разумѣется не было недостатка въ ученіяхъ, въ конецъ извратившихъ смыслъ кантовскаго критическаго идеализма.

Что касается связи философіи Канта съ главными предшествующими системами, достаточно указать на слѣдующія безспорныя положенія, принятыя всѣми историками философіи и подтверждаемыя прямыми показаніями самого Канта. Несомнѣнно, что въ философіи Канта соединились начала самыхъ разнообразныхъ философскихъ теченій. Такъ, у Аристотеля Кантъ заимствовалъ, преобразовавъ его, ученіе о категоріяхъ или основныхъ понятіяхъ разсудка; у Платона и другихъ идеалистовъ взяты — и опять таки совершенно переработаны—основныя начала теоріи идей разума. Греческая философія дала Канту его основное различеніе между явленіями (феноменами) и вещами въ себѣ (нуменами); и снова мы видимъ, что Кантъ расширяетъ эти понятія, придавая имъ болѣе глубокое значеніе. Точно также еще древніе не разъ задавались вопросомъ о неразрѣшенныхъ противорѣчіяхъ (антиноміяхъ) нашего разума. Однѣ изъ древнихъ школъ утверждали, напр., что міръ конеченъ: другія, наоборотъ, доказывали, что онъ безконеченъ; однѣ признавали, другія отрицали пустоту въ природѣ и т. д. Кантъ точнѣе опредѣлилъ эти антиноміи, далъ подробныя доказательства за и противъ каждаго положенія, но не съ софистической цѣлью запутать умъ, а, наоборотъ, съ цѣлью найти источникъ противорѣчія. И онъ дѣйствительно удачно разрѣшилъ эту задачу. Остается потому изумляться смѣлости тѣхъ критиковъ Канта, которые до сихъ

поръ утверждаютъ, будто самъ Кантъ считалъ свои антиноміи «неразрѣшимыми» и будто эти антиноміи побудили Канта признать—теоретически имъ отвергнутый—«мистическій элементъ». На это можно отвѣтить, что когда при жизни Канта явились подобныя сужденія, Кантъ, чувствуя себя уже слишкомъ старымъ для полемики, поручилъ одному изъ своихъ друзей (Яхманну) написать опроверженіе, а самъ написалъ лишь предисловіе, въ которомъ отзывался о всякомъ мистицизмѣ, какъ о лже-философіи (Afterphilosophie), подобно тому, какъ въ своемъ послѣднемъ крупномъ трудѣ («Религія въ предѣлахъ чистаго разума») написалъ цѣлую главу о лжеслуженіи Богу (Afterdienst Gottes), считая добродѣтельную жизнь настоящимъ служеніемъ.

Выше было уже выяснено вліяніе, оказанное на Канта его ближайшими предшественниками, съ одной стороны Лейбницемъ и Вольфомъ, съ другой—Юмомъ и Руссо. Критика Канта дѣйствительно занимаетъ среднее положеніе между всеобъясняющимъ раціонализмомъ Лейбница и эмпирическимъ скептицизмомъ Юма, между примиряющей, сухой философіей Вольфа и страстнымъ протестомъ Руссо.

Ученіе Канта, въ крупныхъ чертахъ, распадается на три части: критику теоретическаго разума, критику практическаго разума (или ученіе о нравственности) и критику эстетическаго сужденія. Другими словами, метафизика, *понимаемая, какъ отрицаніе старой метафизики*, этика и эстетика—таково содержаніе философской системы Канта. Теологія не является у него отдѣльной, самостоятельной областью, такъ какъ вся основана на морали.

Приведемъ основныя положенія «метафизическаго» ученія Канта, воздерживаясь на этотъ разъ отъ подробныхъ критическихъ замѣчаній: главное изъ нихъ, а именно въ пользу опытнаго происхожденія и относительнаго характера апріорныхъ формъ Канта (пространства и времени), было уже нами сдѣлано [1]).

Въ началѣ своего изслѣдованія Кантъ задается вопросомъ: возможна ли такая наука, какъ метафизика? и замѣчаетъ, что до него этотъ вопросъ почти не былъ поставленъ. Серьезнѣйшей попыткой постановки болѣе частнаго вопроса, входящаго въ этотъ об-

[1]) При изложеніи системы Канта мы будемъ, безъ особыхъ цитатъ, приводить разныя выраженія изъ его главныхъ сочиненій, а именно изъ «Критики чистаго разума», изъ «Prolegomena», изъ «Критики практическаго разума» и др. сочиненій 1781—1798 годовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, всѣ эти труды составляютъ одно неразрывное цѣлое.

цій, была скептическая система Юма. Вмѣсто общаго вопроса о возможности метафизики, Юмъ задался цѣлью узнать: возможно ли доказать существованіе необходимой связи между причиною и слѣдствіемъ? Это конечно одинъ изъ капитальнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, отъ котораго зависитъ взглядъ на то или иное значеніе всѣхъ истинъ физическихъ наукъ, не могущихъ сдѣлать ни шага безъ понятія о причинѣ явленія. Юмъ, какъ извѣстно, рѣшилъ вопросъ въ скептическомъ смыслѣ. По какому праву разумъ мыслитъ, что нѣчто, именуемое причиной, обладаетъ такими свойствами, что разъ оно дано, этимъ самымъ необходимо дается другое, разъ дано *А* (причина), то необходимо дано и *Б* (слѣдствіе). Почему существованіе *А* *необходимо* влечетъ за собою существованіе *Б*? Юмъ рѣшилъ, что тутъ кроется просто иллюзія, обманъ воображенія. Воображеніе связываетъ между собою явленія *А* и *Б*, руководствуясь часто повторяющимся опытомъ; ассоціація (сочетаніе) представленіи, т. е. чисто субъективная необходимость или *привычка*, ложно принимается нами за нѣчто объективное, находящееся въ самой причинѣ и въ самомъ слѣдствіи. Другими словами, по мнѣнію Юма, никакой необходимой связи между явленіями нѣтъ и она является лишь иллюзіей нашего разума.

«Сознаюсь, — открыто пишетъ Кантъ, — что ученіе Юма прежде всего прервало мою догматическую дремоту и дало совершенно новое направленіе моимъ изслѣдованіямъ... Я былъ далекъ отъ того, чтобы принять выводы Юма, вытекавшіе лишь изъ того, что Юмъ не представилъ себѣ задачи во всей ея совокупности». Вмѣсто того, чтобы, подобно Юму, ограничиться изученіемъ идеи причинной связи, Кантъ поставилъ гораздо болѣе общій вопросъ: какимъ образомъ вообще нашъ разсудокъ можетъ составлять апріорныя, т. е. предшествующія опыту сужденія? Кантъ заранѣе исключилъ такъ называемыя аналитическія сужденія, составляющія лишь простое расчлененіе и объясненіе даннаго понятія, и занялся сужденіями синтетическими, т. е. такими, которыя прибавляютъ къ данному понятію новое содержаніе. Если я говорю: всѣ тѣла протяженны, то этимъ я ни мало не расширяю понятія о тѣлѣ, но лишь объясняю его, такъ какъ понятіе о протяженіи уже входитъ въ понятіе тѣла. Такія объяснительныя сужденія называются аналитическими, и они разумѣется не требуютъ опыта. Было бы нелѣпо провѣрять опытомъ относительно каждаго тѣла свойство протяженности, безъ котораго самое тѣло немыслимо. Иное дѣло сужденіе: «Всѣ тѣла тяжелы». Тяжесть не есть необходимое свойство тѣла, вытекающее

изъ самаго понятія о тѣлѣ. Тѣло не можетъ быть болѣе или менѣе протяженнымъ, но тѣла бываютъ болѣе или менѣе тяжелыми, и умъ легко допускаетъ существованіе тѣлъ совсѣмъ не тяжелыхъ, невѣсомыхъ. Если я говорю: «Нѣкоторыя тѣла тяжелы», то это уже синтетическое сужденіе, потому что къ понятію тѣла я прибавляю новое содержаніе, приписывая ему свойство быть тяжелымъ. Спрашивается, какимъ образомъ подобное сужденіе можетъ быть апріорнымъ, т. е. предшествовать опыту? Что убѣждаетъ меня въ томъ, что всѣ тѣла въ природѣ *необходимо* тяжелы? Аналитическое сужденіе апріорно даже въ томъ случаѣ, если составляющія его понятія эмпиричны. Если я говорю: «Золото—желтый металлъ», то не требуется никакого повѣрочнаго опыта, это есть лишь расчлененіе понятія о золотѣ. Всѣ чисто опытныя сужденія, наоборотъ, синтетичны, потому что расширяютъ содержаніе понятія. Но, спрашивается, слѣдуетъ-ли сказать, наоборотъ, что всѣ синтетичныя сужденія опытны, какъ думаетъ Юмъ относительно сужденій о причинной связи?

По мнѣнію Канта, ничего нѣтъ легче, какъ указать на такія синтетическія сужденія, которыя вполнѣ апріорны. Таковы, по его словамъ, всѣ математическія сужденія. Возьмемъ, напримѣръ, сужденіе $7+5=12$. На первый взглядъ кажется, что оно имѣетъ аналитическій характеръ, т. е., что понятіе суммы $7+5$ уже содержитъ въ себѣ понятіе 12. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это не такъ просто. Сколько бы я ни анализировалъ понятія семи и пяти, соединенныхъ въ одну сумму, я до тѣхъ поръ не получу понятія двѣнадцати, пока не прибѣгну къ наглядности или къ созерцанію. Я долженъ напримѣръ взять на помощь свои пальцы или намѣтить 7 точекъ и еще 5 точекъ и, соединивъ ихъ вмѣстѣ, сосчитать всѣ подъ-рядъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякое ариѳметическое сложеніе есть не анализъ слагаемыхъ, а синтезъ, т. е. къ понятію о взятыхъ вмѣстѣ слагаемыхъ прибавляется новое содержаніе посредствомъ самаго акта сложенія или замѣняющаго его дѣйствія—построенія суммы помощью пальцевъ, точекъ или шаровъ на счетахъ. Такимъ же синтетическимъ характеромъ отличаются всѣ геометрическія и алгебраическія сужденія, исключая тожествъ и аксіомъ; да и эти послѣднія не строго аналитичны, но требуютъ нагляднаго построенія. Мы напримѣръ наглядно убѣждаемся въ томъ, что цѣлое больше своей части. Предложеніе: прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, есть синтетическое сужденіе, потому что понятіе о прямой, т. е. линіи съ неизмѣннымъ на-

правленіемъ, вовсе не включаетъ въ себѣ понятія о величинѣ разстоянія: это послѣднее присоединяется лишь путемъ наглядности, посредствомъ дѣйствительнаго построенія прямой линіи.

Итакъ, существованіе синтетичныхъ и въ то же время апріорныхъ сужденій, по мнѣнію Канта, доказывается уже самымъ существованіемъ математики, какъ науки, состоящей изъ сужденій апріорныхъ и въ то же время очевидно расширяющихъ содержаніе понятій.

Замѣтимъ, что то, что Кантъ считаетъ въ математикѣ абсолютно апріорнымъ, есть не что иное, какъ накопленный опытъ. Личный и унаслѣдованный опытъ убѣждаетъ насъ сотни разъ въ томъ, что напримѣръ прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками на плоскости и, вслѣдствіе глубокаго источника этого опыта, результаты его кажутся намъ интуитивными (наглядными), т. е. представляющимися уму непосредственно, безъ всякаго опыта и безъ всякихъ умозаключеній. Очевидно, что даже животнымъ съ сколько-нибудь сложной организаціей важна экономія времени и что они стремятся напримѣръ поймать добычу или убѣжать отъ опаснаго врага, избирая самый краткій путь; такимъ образомъ создается прочная ассоціація представленій о кратчайшемъ пути и о прямой линіи. Точно также образуются и другія основныя понятія, изъ которыхъ исходятъ ариѳметика, геометрія и другія отрасли математики. Кантъ правъ, считая математическія сужденія апріорными, но онъ совсѣмъ упускаетъ изъ виду ихъ первоначальный генезисъ, а поэтому считаетъ апріорность чѣмъ-то абсолютнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это понятіе въ высшей степени относительное. То же слѣдуетъ сказать и о наглядности, на которую ссылается Кантъ. Наглядность далеко не для всѣхъ одинакова. Математику кажутся наглядными такія предложенія, которыя для школьника требуютъ доказательствъ, иногда превышающихъ его способность пониманія.

Открытіе апріорныхъ синтетическихъ сужденій Кантъ считалъ одною изъ главныхъ заслугъ своей философской критики. Какъ онъ самъ замѣчаетъ, школа Лейбница и Вольфа не имѣла ни малѣйшаго представленія о такихъ сужденіяхъ. Вольфъ и Баумгартенъ пытались напримѣръ основать законъ о «достаточномъ основаніи» на законѣ логическаго противорѣчія; но посредствомъ этого послѣдняго могутъ быть добыты лишь аналитическія сужденія. Такія сужденія, какъ А=А и всѣ подобныя тавтологіи, служатъ для связи цѣпи доказательствъ, но не могутъ дать ни единаго новаго принципа.

Если бы Фихте, Гегель и многіе другіе «эпигоны» Канта поняли смыслъ этой стороны ученія Канта, они могли бы избавить и себя. и своихъ сторонниковъ отъ множества безсодержательныхъ тавтологическихъ или, что еще хуже того, самопротиворѣчивыхъ формулъ. Какъ замѣтилъ самъ Кантъ, Локкъ и его школа были всѣхъ ближе къ постиженію синтетическихъ сужденій. Но даже Юмъ не далъ полнаго рѣшенія задачи, а потому онъ и могъ усомниться въ самомъ существованіи апріорности и отвергъ объективный законъ причинной связи, замѣнивъ его субъективной необходимостью (ассоціацией представленій).

Отъ общаго вопроса о возможности апріорныхъ сужденій Кантъ переходитъ къ частнымъ вопросамъ о возможности сужденій математическихъ. естественно-научныхъ и метафизическихъ.

Что математика и естествознаніе *возможны*, не требуетъ доказательства, такъ какъ эти науки существуютъ. Но для Канта важно рѣшить вопросъ: *какимъ образомъ* онѣ возможны. Это вопросы *теоріи познанія*,—науки, основанной Кантомъ и получившей значительное развитіе со времени возникновенія такъ называемаго ново-кантіанства, т. е. съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Всѣ метафизическія системы, а также системы мнимыхъ продолжателей Канта, вродѣ Гегеля, совершенно игнорировали вопросъ о возможности того или другого познанія и о томъ, гдѣ источники этой возможности.

Изслѣдуя вопросъ о характерѣ *математическихъ* сужденій, Кантъ говоритъ слѣдующее. Всѣ математическія предложенія имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости; стало быть, они не основаны на опытѣ, который можетъ доставить лишь относительную, а не абсолютную общность и необходимость.

Кантъ выяснилъ, что апріорный синтезъ основанъ на предшествующемъ опыту созерцаніи (Anschauung). Созерцаніе есть не что иное, какъ наглядное представленіе. т. е. такое, которое получается непосредственно. Является новый вопросъ: какимъ образомъ возможно «созерцать» что-либо, т. е. наглядно себѣ представить апріори, т. е. раньше опыта? На первый взглядъ это кажется невозможнымъ. На это Кантъ возражаетъ: «Если бы наше созерцаніе всегда должно было представлять предметы или вещи таковыми, каковы они *сами въ себѣ*, т. е. независимо отъ нашей мыслительной способности, то очевидно, что всякое созерцаніе было бы эмпирическимъ, такъ какъ оно обусловливалось бы необходимымъ присутствіемъ созерцаемаго предмета: свойства этого предмета не могли

бы «переселиться» въ мою способность представленія, и даже если бы предметъ могъ сообщить мнѣ свои свойства, то все-таки я не могъ бы познать его, каковъ онъ самъ въ себѣ, независимо отъ меня, какъ пріемника его свойствъ. Если дѣйствительно возможно апріорное созерцаніе, то необходимо допустить, что оно предшествуетъ присутствію всякаго созерцаемаго предмета. Но если выбросить изъ созерцанія всякіе предметы, то что останется? Очевидно, можетъ остаться лишь то, что придаетъ моимъ представленіямъ не содержаніе, а лишь извѣстный порядокъ, извѣстную *форму*». Такимъ образомъ Кантъ приходитъ къ замѣчательному выводу: апріорное созерцаніе (а вмѣстѣ съ нимъ и вся математика) возможно лишь такимъ образомъ, что оно содержитъ лишь *форму* чувственности, находящуюся не въ объектахъ, а въ моемъ субъектѣ, и предшествующую всѣмъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ. Для математики такими апріорными формами чувственнаго созерцанія являются *пространство* и *время*. Но разъ это только *формы*, а не объекты, то очевидно, что сами по себѣ какъ пространство, такъ и время лишены содержанія. Лишь благодаря *опыту*, онѣ наполняются содержаніемъ; опытъ этотъ дается ощущеніемъ (Empfindung) посредствомъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ.

Но разъ формы чувственности—пространство и время—находятся въ субъектѣ, а содержаніе дается опытомъ, посредствомъ ощущеній, то отсюда прямо слѣдуетъ, что все наше познаніе, какъ апріорное, такъ и эмпирическое, примѣнимо лишь къ предметамъ опыта и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сверхчувственнымъ, сверхъопытнымъ или, по Канту, *трансцендентнымъ*. Прежде всего очевидно, что мы познаемъ не вещи въ самихъ себѣ, а только явленія. Дѣйствительно, разъ содержаніе нашихъ представленій дается ощущеніями, а форма существуетъ въ субъектѣ, то на долю «вещи въ себѣ» не остается ровно ничего, кромѣ нашей увѣренности въ ея существованіи: *форма* оказывается чисто субъективной, а *содержаніе*—результатомъ воздѣйствія объекта на субъектъ; *чисто же объективнаго* мы ничего познать не можемъ, хотя мы увѣрены въ существованіи независимыхъ отъ насъ объектовъ, какъ источниковъ нашихъ ощущеній.

Весь такъ называемый «идеализмъ» Канта сводится поэтому къ признанію *субъективныхъ формъ, хотя и предшествующихъ опыту, но помимо опыта лишенныхъ всякаго содержанія и, стало быть, примѣнимыхъ исключительно къ предметамъ опыта*, къ явленіямъ, а не къ трансцендентнымъ реально-

стямъ. Въ этомъ—огромный шагъ впередъ, сдѣланный Кантомъ. Онъ первый объяснилъ вполнѣ, почему абсолютное познаніе невозможно. И до него догадывались объ этомъ, но въ прежнее время слишкомъ часто считали человѣческое знаніе подобнымъ сновидѣнію; Кантъ, наоборотъ, показалъ, что относительность знанія вполнѣ совмѣстима съ его достовѣрностью, что мы вовсе не вращаемся въ мірѣ смутныхъ призраковъ и безсвязныхъ сновидѣній, а просто мыслимъ сообразно съ законами нашей чувственности, ни мало насъ не обманывающей, но и не сулящей намъ мнимаго познанія. Призраками и сновидѣніями оказались, наоборотъ, какъ разъ тѣ абсолюты и трансцендентныя реальности, которыми тѣшились метафизическія системы.

Ударъ, нанесенный Кантомъ всѣмъ догматическимъ, метафизическимъ системамъ, былъ смертельный. Единственные пути, которые оставались еще открытыми метафизикѣ, состояли либо въ произвольной передѣлкѣ ученія Канта, либо въ изобрѣтеніи системъ, основанныхъ на непризнаніи элементарныхъ законовъ логики и на грубомъ смѣшеніи понятій, раздѣленныхъ Кантомъ. Всѣ подобныя системы были не развитіемъ ученія Канта, а движеніемъ вспять.

По нашему мнѣнію, Кантъ сокрушилъ догматическую метафизику не только своимъ ученіемъ о непознаваемости «вещей въ себѣ», но и рѣшеніемъ своихъ такъ называемыхъ *антиномій*.

Кантъ не принялъ ученія сенсуалистовъ о чувственности, какъ общемъ источникѣ всякой душевной дѣятельности. Сенсуалисты, отцомъ которыхъ (въ новѣйшей философіи) считается Локкъ, сводили всякое мышленіе на ощущеніе. Самъ Локкъ, правда, различалъ ощущеніе отъ «размышленія», но его взгляды по этому вопросу были нѣсколько сбивчивы. Поэтому Кантъ противополагалъ сенсуалиста Локка—«интеллектуалисту» Лейбницу: послѣдній считалъ не чувства, а умъ основою мыслительныхъ способностей человѣка. Кантъ не послѣдовалъ ни за Лейбницемъ, ни за Локкомъ. Онъ считалъ чувства и умъ двумя независимыми источниками мысли: безъ ума чувства слѣпы, они даютъ лишь безсвязный матеріалъ: безъ чувствъ умъ пустъ, его понятія лишены содержанія. Новѣйшіе успѣхи психологіи показываютъ, что и въ этомъ случаѣ эмпирики и сенсуалисты были правы, если рѣчь идетъ о *происхожденіи* сложныхъ душевныхъ способностей, которыя возникаютъ изъ простѣйшихъ чувствованій; но Кантъ правъ относительно развитого организма, въ которомъ есть несомнѣнно извѣстное подраздѣленіе функ-

ціи, соотвѣтствующее дифференцированію нервной системы на центральный и периферическій аппаратъ. Едва ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что въ психологіи необходимо отличать умъ отъ чувствъ. Не довольствуясь этимъ, Кантъ раздѣляетъ умственную дѣятельность на разсудокъ, силу сужденія (Urtheilskraft) и разумъ—раздѣленіе сложное и искусственное.

Въ противоположность пассивной воспріимчивости чувствъ, разсудокъ есть, по Канту, активная способность, связывающая понятія и образующія правила. Тѣмъ не менѣе, «всѣ сужденія и правила разсудка могутъ имѣть исключительно опытное примѣненіе, т. е. относятся исключительно къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ». Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить, что разъ понятіе не относится ни къ какому предмету возможнаго опыта, оно безсодержательно и является чисто логической функціей, которая ни на шагъ не расширяетъ области нашего познанія. Таково напр. понятіе о «случайности», если подъ нею подразумѣвать «безпричинность». Анализируя это понятіе, легко убѣдиться, что у насъ нѣтъ никакого критерія для сужденія объ отсутствіи причинъ явленія, а поэтому сказать, что явленіе «случайно», —значитъ просто заявить, что мы не успѣли изучить его причины, но вовсе не значитъ доказать, что никакихъ причинъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Подъ *разумомъ* Кантъ подразумѣваетъ способность составлять принципы и образовать идеи. Принципы образуются изъ объединенія правилъ, идеи—изъ обобщенія понятій. Разсудокъ доставляетъ намъ знаніе, разумъ—пониманіе. Разумъ работаетъ не надъ данными опыта, а надъ понятіями. Въ этомъ смыслѣ онъ превосходитъ возможный опытъ и доставляетъ идеи — понятія, стоящія выше опыта. Не слѣдуетъ однако думать, что разумъ можетъ освободить насъ отъ условій чувственности и опыта на столько, чтобы помощью его мы могли познать «вещи въ себѣ». Представимъ себѣ умозаключеніе отъ чего-либо извѣстнаго къ другому, о чемъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, но чему мы, поддаваясь иллюзіи, приписываемъ объективную реальность. Полученный выводъ будетъ обманомъ разума или, какъ выражается Кантъ, *разумничаньемъ*. Кантъ различаетъ три рода «разумничанья»—паралогизмы, антиноміи и теоретическіе идеалы. Остановимся на самомъ характерномъ изъ нихъ — антиноміяхъ. Антиномія есть противоположеніе двухъ утвержденій, изъ которыхъ каждое повидимому можетъ быть одинаково убѣдительно доказано. Примѣромъ можетъ служить начавшійся еще въ древности споръ о величинѣ и продолжительно-

сти существованія міра. Кантъ ставитъ «тезисъ»: міръ имѣетъ начало во времени и въ пространствѣ, и «антитезисъ»: міръ безграниченъ и безконеченъ въ пространствѣ и во времени, и показываетъ, что каждое изъ этихъ предложеній имѣетъ за себя доводы, повидимому весьма сильные. Спрашивается, гдѣ же истина? Кантъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Противорѣчія, говоритъ онъ, бываютъ двоякаго рода: аналитическія (логическія) и діалектическія. Изъ логически противорѣчащихъ другъ другу сужденій одно должно быть ложнымъ. Если я говорю: люди смертны, а кто-либо утверждаетъ, что люди безсмертны, то очевидно, что я правъ, если только смерть подразумѣвать въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Иное дѣло, если я скажу: «всякое тѣло пахнетъ либо хорошо, либо не хорошо», можетъ случиться, что для даннаго тѣла оба эти утвержденія ложны, а именно, что тѣло вовсе не имѣетъ запаха. Такого рода всѣ діалектическія противорѣчія. Если я утверждаю: міръ *въ пространствѣ* безконеченъ, а мнѣ говорятъ, что міръ конеченъ, то мы оба говоримъ о мірѣ явленій, потому что пространство есть субъективная форма (форма чувственности). Но при этомъ я въ сущности утверждаю лишь одно, а именно, что *пространство* безконечно, и этимъ вовсе не доказываю, что эта сама по себѣ пустая форма наполнена какимъ-либо содержаніемъ. Мой противникъ, утверждающій, что міръ конеченъ, не можетъ доказать конечности пространства, но его утвержденіе, что міръ явленій имѣетъ предѣлы въ пространствѣ, также произвольно, потому что ни онъ, ни я не знаемъ этихъ предѣловъ. На самомъ дѣлѣ, при всѣхъ подобныхъ утвержденіяхъ, обѣ стороны воображаютъ, что имѣютъ дѣло не съ міромъ явленій, а съ міромъ, какъ *вещью въ себѣ*, независимымъ отъ нашего способа познаванія. Если отбросить эту иллюзію, то окажется, что міръ есть не что иное, какъ эмпирическое восхожденіе нашей мысли въ ряду явленій. Очевидно, что міръ—величина вполнѣ неопредѣленная—никогда не можетъ быть намъ данъ въ цѣлости, а поэтому одинаково нелѣпо утверждать, что «міръ, какъ цѣлое», конеченъ или безконеченъ. Міръ самъ въ себѣ намъ вовсе неизвѣстенъ, а міръ, какъ рядъ явленій, есть *величина неопредѣленная*, постоянно колеблющаяся въ зависимости отъ суммы опыта, стало быть не конечная, но и не безконечная, ибо никакого мѣрила «величины міра» у насъ не существуетъ.

Но точно такъ-же разрѣшается и знаменитая антиномія, противополагающая между собою идеи *необходимости* и *свободы*. Суще-

ствуетъ ли свобода воли, свобода человѣческихъ дѣйствій, или же человѣкъ, подобно камню, подчиняется лишь закону необходимости? Кантъ отвѣчаетъ на это: *свобода вовсе не противорѣчитъ необходимости:* человѣкъ въ одно и то-же время и свободенъ, и подчиненъ естественнымъ законамъ. Въ мірѣ явленій все подчинено закону причинной связи. Но понятіе свободы не относится къ явленію. Свобода есть способность самостоятельнаго начинанія, т. е. не требуетъ никакой другой причины, кромѣ себя самой: очевидно, что свобода относится не къ явленію, а къ «вещи самой въ себѣ». Поэтому безъ всякаго противорѣчія можно признать, что одна и та-же вещь сразу и свободна (какъ вещь въ себѣ), и не свободна (какъ явленіе). Разумное существо, дѣйствующее по законамъ разума, т. е. на основаніи присущихъ ему идей, свободно, но въ то-же время оно подчинено и естественнымъ законамъ, напр. падаетъ при извѣстномъ положеніи центра тяжести, подобно всякому неустойчивому тѣлу. Весь споръ о свободѣ воли основанъ на недоразумѣніяхъ, на смѣшеніи явленія съ «вещью въ себѣ». Дѣйствія *свободны* единственно по отношенію къ разумному субъекту, сознающему свою способность дѣйствовать по основаніямъ разума; они *необходимы* по отношенію къ внѣшнимъ причинамъ явленія. Если бы можно было научно изучить всѣ причины, побуждающія меня дѣйствовать такъ, а не иначе, то и это не превратитъ меня въ безсознательнаго автомата, не лишитъ меня сознанія моей свободы, какъ разумнаго существа.

На это можно было бы возразить Канту, что о «вещахъ въ самихъ себѣ» мы не имѣемъ никакого познанія, исключая того, что онѣ существуютъ, т. е. служатъ подкладкой явленій; откуда же мы можемъ знать, что какая либо «вещь въ себѣ» опредѣляется закономъ свободы? Кантъ предвидѣлъ это возраженіе. Онъ утверждаетъ, что хотя мы и не знаемъ вообще о «вещахъ въ себѣ» каковы ихъ свойства, но одно ихъ свойство намъ извѣстно, а именно мы знаемъ, что постигаются онѣ умомъ, а не чувствами; поэтому и характеръ у нихъ долженъ быть «умопостигаемый», а не чувственный, слѣдовательно къ нимъ «неприложимо отвлеченное отъ чувственныхъ предметовъ понятіе естественнаго закона или необходимости». Понятіе о необходимой причинной связи всегда включаетъ въ себѣ понятіе *времени* (дѣйствіе всегда слѣдуетъ за причиной, а не предшествуетъ ей). Но *время*, какъ уже показалъ Кантъ, присуще не «вещамъ въ себѣ», а явленіямъ, потому что оно есть лишь форма нашей чувственности, которая наполняется содержаніемъ, взятымъ

исключительно изъ міра явленій. Изъ этого уже ясно, что въ мірѣ «вещей въ себѣ» (нуменѣ) о времени не можетъ быть рѣчи, стало быть нѣтъ и слѣдованія событій, но есть лишь безусловное самоопредѣленіе, т. е. полная независимость отъ всего предшествующаго, а это и есть понятіе свободы. Однимъ словомъ, понятіе причины обязательно включаетъ понятіе времени, а гдѣ нѣтъ времени (въ мірѣ нуменовъ), тамъ не можетъ быть и рѣчи о причинной связи.

Результатомъ всей критики теоретическаго разума является поэтому слѣдующее положеніе: «Разумъ, при посредствѣ всѣхъ своихъ апріорныхъ принциповъ, не можетъ намъ дать ничего сверхъ того, что доставляютъ намъ предметы возможнаго опыта»; но это *ограниченіе* нашей познавательной способности тѣмъ самымъ признаетъ существованіе *объективной границы* опыта, не подлежащей законамъ чувственнаго міра, въ томъ числѣ и закону необходимости. «Трансцендентальныя идеи, —говоритъ Кантъ,—хотя и не научаютъ насъ ничему положительному, однако уничтожаютъ дерзкія и съуживающія умственное поле утвержденія матеріализма, натурализма и фатализма и тѣмъ самымъ даютъ просторъ моральнымъ идеямъ за предѣлами умозрѣнія».

Такимъ образомъ Кантъ, нисколько не отвергая детерминизма въ мірѣ явленій, отбрасываетъ его въ мірѣ нуменовъ, и тѣмъ подготовляетъ почву для своего нравственнаго ученія, сразу устраняя возраженія относительно несовмѣстимости законовъ природы съ законами нравственности. Такимъ путемъ мы наконецъ проникаемъ въ область *практическаго* разума.

Переходъ отъ теоріи къ практикѣ происходитъ въ философіи Канта самымъ естественнымъ путемъ, исходя изъ того же закона причинности.

Кантъ задается вопросомъ, почему, примѣняя такія понятія, каково напр. понятіе причины, умъ нашъ не довольствуется предметами опыта, но стремится проникнуть и дальше, въ область нуменовъ? Ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что не теоретическія, а практическія цѣли необходимымъ образомъ побуждаютъ насъ къ этому. Въ области умозрительной (теоретической) мы убѣждаемся, что бездна между чувственно-обусловленнымъ и сверхчувственнымъ совершенно незаполнима. Иное дѣло область практики, область нашей дѣятельности, проистекающей отъ нашей воли. Воля въ самомъ своемъ понятіи скрываетъ уже понятіе причинности, но совсѣмъ иного рода, чѣмъ причинность по естественнымъ законамъ: причинность воли соединена съ свободою, т. е. съ созна-

ніемъ, что *она опредѣляется непосредственно нравственнымъ закономъ*. Кантъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что нравственное значеніе поступка зависитъ именно отъ *непосредственнаго воздѣйствія разума* (дающаго законъ) *на волю*. Этимъ теорія Канта существенно отличается отъ большей части этическихъ системъ. «Если опредѣленіе воли—говоритъ Кантъ—совершается даже *сообразно* съ нравственнымъ закономъ, но не непосредственно, а лишь чрезъ посредство чувства, каково бы оно ни было, то поступокъ будетъ легальнымъ (т. е. сообразнымъ съ нравственнымъ закономъ), но не моральнымъ».

Чтобы понять это, представимъ себѣ, что кто-либо совершаетъ поступокъ, имѣющій внѣшній видъ нравственности, ради страха или изъ честолюбія. Такой поступокъ очевидно нельзя еще назвать нравственнымъ. Но Кантъ идетъ еще дальше. По его мнѣнію, если руководившее нами чувство было даже, какъ говорятъ, хорошимъ (напр. симпатія), и мы подчинили нашу волю не нравственному закону, а велѣнію этого чувства, то нашъ поступокъ еще не можетъ считаться моральнымъ. Если я дѣлаю добро только потому, что мнѣ это доставляетъ удовольствіе, мой поступокъ также еще не можетъ считаться нравственнымъ. Эта сторона ученія Канта вызвала сильный отпоръ и даже насмѣшки. Многіе утверждали, будто Кантъ требовалъ, чтобы всякій нравственный поступокъ совершался не съ удовольствіемъ, а съ отвращеніемъ. Даже поэтъ Шиллеръ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей Канта, полагалъ, что Кантъ оставилъ слишкомъ мало на долю чувства и что его требованія черезчуръ суровы.

Кантъ возразилъ на это слѣдующимъ образомъ: «Я дѣйствительно признаю, что въ понятіи нравственнаго долга, именно ради его достоинства, не можетъ быть *привлекательности*. Величіе закона внушаетъ почтеніе, чуждое и отталкивающаго страха, и интимной привлекательности. Но *добродѣтель*, т. е. прочное настроеніе, побуждающее къ точному исполненію долга, въ своихъ послѣдствіяхъ благодѣтельна болѣе, нежели природа и искусство; и прекрасное зрѣлище человѣчества въ этомъ образѣ добродѣтели конечно допускаетъ присутствіе грацій, которыя однако держатся въ почтительномъ отдаленіи, пока рѣчь идетъ единственно о долгѣ». «Но если спросятъ, каковъ эстетическій характеръ и каковъ темпераментъ добродѣтели, бодрый, стало быть веселый, или же тревожно-униженный и забитый? то едва ли это требуетъ отвѣта. Это послѣднее рабское настроеніе духа не можетъ появиться безъ скры-

той ненависти къ нравственному закону, и радостное сердце, слѣдующее своему долгу, есть признакъ подлинности добродѣтельнаго настроенія.»

Кантъ не только училъ, но и жилъ такимъ образомъ, какъ описано въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ. Мрачный аскетизмъ и преувеличенная суровость были совершенно чужды его натурѣ и его ученію.

О Кантѣ, какъ и о Сократѣ, можно сказать, что онъ былъ не только философъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но мудрецъ, жившій въ мірѣ и для міра. Онъ самъ опредѣлилъ всю свою дѣятельность, сказавъ, что двѣ вещи въ мірѣ наполняютъ его священнымъ трепетомъ: созерцаніе звѣзднаго неба и сознаніе нравственнаго долга. Въ своей «Естественной исторіи неба» онъ положилъ начало самымъ широкимъ обобщеніямъ относительно міра явленій; въ своемъ сочиненіи о религіи Кантъ провозгласилъ принципъ: нравственная жизнь, и только она одна, есть истинное служеніе божеству. «Все, исключая добродѣтельной жизни, что человѣкъ думаетъ сдѣлать, чтобы угодить Богу, есть просто суевѣріе и лжеслуженіе (Afterdienst) божеству». Если о какомъ-либо философѣ можно сказать, что для него религія была моралью, и наоборотъ мораль—религіей, то такимъ философомъ былъ конечно Кантъ. Онъ имѣлъ полное право сказать, что его ученіе есть религія чистаго разума.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ

Ж. Тарда.

Переводъ съ французскаго. 370 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Всеобщность повторенія. — II. Соціальныя сходства и подражаніе. — III. Что такое общество — IV. Что такое исторія. — V. Логическіе законы подражанія. — VI. Внѣ-логическія вліянія. — VII. Внѣ-логическія вліянія (обычай и мода). — VIII. Общія соображенія и выводы.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ

Д-ра А. Кюллера.

Переводъ съ французскаго. 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: ГЛАВА I. *Сумасшествіе. — Наслѣдственность. — Умственное и нравственное вырожденіе.* — 1) Природа и происхожденіе сумасшествія. — 2) Границы сумасшествія. — Физическіе, умственные и нравственные признаки наслѣдственнаго вырожденія. — ГЛАВА II. *Субъекты, одержимые навязчивыми идеями.* — 1) Боязнь пространства. — 2) Бредъ сомнѣнія. — 3) Боязнь прикосновенія. — 4) Различныя другія навязчивыя представленія. — ГЛАВА III. *Субъекты съ болъзненными импульсами.* — 1) Влеченіе къ самоубійству и убійству. — 2) Запой (дипсоманія). — 3) Неодолимыя влеченія къ воровству, покупкамъ и игрѣ. — 4) Пироманія. — ГЛАВА IV. *Чудаки.* — 1) Тронутые, непосѣды, авантюристы. — 2) Сумасброды, скареды. — 3) Гордецы, расточители. — 4) Изобрѣтатели, мечтатели, утописты. — ГЛАВА V. *Бредъ преслѣдованія.* — 1) Преслѣдуемые-преслѣдователи. — 2) Сутяги. — 3) Ревнивцы. — ГЛАВА VI. *Мистики.* — 1) Собственно мистики. — 2) Фанатики. — 3) Эротоманы. — ГЛАВА VII. *Извращенные.* — 1) Истеричные. — 2) Лгуны. — 3) Притворщики. — 4) Преступники. — ГЛАВА VIII. *Душевнобольные съ половыми разстройствами.* — 1) Аномалія полового чувства. — 2) Извращенія полового чувства. — 3) Другія половыя разстройства. — ГЛАВА IX. *Вопросы судебной медицины.* — 1) Преступность и сумасшествіе. — 2) Дифференціальный діагнозъ. — 3) Отвѣтственность. — ГЛАВА X. *Сумасшествіе и цивилизація.* — 1) Психозы въ исторіи. — 2) Сумасшествіе, талантъ и геніальность. — 3) Патологическая психологія въ литературѣ и искусствѣ.

УСТАЛОСТЬ

Анджело Моссо,

профессора физіологіи въ Туринскомъ университетѣ.

Переводъ съ 3-го итальянскаго изданія

М. М. Манасенной.

Съ 30 рис. въ текстѣ. 312 стр. Ц. 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Перелеты птицъ и почтовые голуби. — II. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи ученія о движеніи животныхъ.— III. Откуда берется сила мышцъ и мозга. — IV. Общія и частныя характеристичныя черты усталости.—V. О веществахъ, образующихся подъ вліяніемъ усталости.—VI. Контрактура и окоченѣніе мышцъ. — VII. Законъ истощенія.—VIII. Вниманіе и его физическія условія. — IX. Умственная усталость.—X. Лекціи и экзамены.— XI. Способы умственной работы.—XII. Переутомленіе мозга.

МІРЪ ГРЁЗЪ

Д-ра **Симона.**

Переводъ съ французскаго. 248 стр. Цѣна 1 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Общая характеристика сновидѣній. — II. Сновидѣнія и чувства.—III. Сновидѣніе и организмъ. — IV. Сновидѣніе и умственная дѣятельность. — V. Зрительная галлюцинація. Физіологическая теорія этой же галлюцинаціи. — VI. Невидимки и голоса.—Новый взглядъ на психическія галлюцинаціи и маніакальную безсвязность рѣчи.—VII. Галлюцинаціи общаго чувства, обонянія и вкуса. — Галлюцинаціи въ области полового чувства. — Упыри.—VIII. Физіологическія галлюцинаціи. — IX. Гипнагогическія галлюцинаціи.—X. Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе.—XI. Экстазъ.—XII. Гипнотизмъ.—XIII. Иллюзіи.—XIV. Искусственный рай. — XV. Рагль, или галлюцинація пустыни. — XVI. Мозгъ и грезы.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ

ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ.

А. Секки.

2-е пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе, съ 63 гравюрами, портретомъ автора и приложеніемъ публичной лекціи Тиндаля «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ».

IX + 428 + 19 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе къ 1-му и 2-му изданіямъ. Введеніе къ предыдущему и настоящему изданіямъ. ОТДѢЛЪ I. Теплота. — ОТДѢЛЪ II. Свѣтъ. — ОТДѢЛЪ III. Электричество. — ОТДѢЛЪ IV. Строеніе матеріи.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА

П. Мантегацца.

Профессора антропологіи во Флоренціи.

Переводъ д-ра Н. Лейненберга. 242 + 132 стр. Ц. **1** р. **50** к.

СОДЕРЖАНІЕ: **Часть I.** I. Что такое экстазъ. — II. Классификація экстазовъ. — III. Экстазы у животныхъ. — IV. Аффективные экстазы. — V. Экстазы дружбы и братской любви. — VI. Экстазы материнской любви. — VII. Экстазы дѣтской любви. — VIII. Экстазы платонической любви. — IX. Религіозные экстазы. — X. Католическая святая Тереза. — XI. Экстазы другихъ подвижницъ и подвижниковъ. **Часть II.** I. Экстазы любви къ отечеству. — II. Смѣшанные экстазы. — III. Эстетическіе экстазы. — IV. Экстазы, вызываемые природой. — V. Дѣйствіе цвѣтовъ. — VI. Музыкальные экстазы. — VII. Экстазы мысли. — VIII. Экстазы фантазіи. — IX. Экстазы краснорѣчія. — X. Экстазы борьбы и могущества. — XI. Экстазы творчества.

Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращ. изложеніи Г. Коллинса. Пер. Н. Мальвскаго Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р
Берегите легк'я! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц. 2 р
Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *Н. Павилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц. 40 к
Записки желудка. Перев. съ 10 англ. изд. Ц. 50 к
Физіологія души. *А. Герцена.* Ц. 1 р
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р 50 к
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣнен'я *Майера* и *Прейса.* Съ 203 рис. Ц. 2 р. 50 к

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Реньо.* Съ 76 рис. Ц. 1 р 25 к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц. 1 р 50 коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р
Электрическіе звонки. *Коновина* Съ прат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсена* Съ 43 рис. Ц. 80 к
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. 10 к.
Воздушное садоводство *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима.* Пер. *Н. Корфа.* Ц. 75 к
Гигіена семьи. *Гебера.* Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниман'я.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астроном'я.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. 50 к. 15) **Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка.** *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 августа 1893 года.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.
Курсъ начальной механики. *Н. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к.
Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.
Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.
Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова,* 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. 2 р.
Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.
Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
Учебникъ химіи. *Альмедингена* съ 96 рис. Ц. 2 р.
Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
Практическій курсъ физіологіи. *Бурдона Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.
Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.
Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.
Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *Н. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.
Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к.
Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд., 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **Къ „Родному слову"** Ушинскаго (400 рис.) 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова"** (460 рис.) 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис.). 4) **Къ „Русской азбукѣ"** Водовозова (470 рис.). 5) **„Общія наглядно-звуковыя прописи"** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц. 15 к.

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.
Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 50 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к.
Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.
Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.
Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тырнавскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.
Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.
Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.
Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ. Ц. 1 р.
Руководство къ „Рус. слову". *Его-же.* Ц. 60 к.
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.
Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 90 рис. Ц. 50 к.
Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
Очерки новѣйшей исторіи. *Н. Н. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.
Крат. курсъ ботаники. *Сизова.* 116 рис. Ц. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 60 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллерс.* Ц. 1 р. 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. 50 к. 15) **Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка.** *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Беконъ, Беранже,** Клодъ-Бернаръ, **Берне, Бетховенъ,** Бисмаркъ, **Боккачіо,** Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ,** Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи,** Вирховъ, Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей,** Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,** Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ,** Декартъ, **Дефо, Дженнеръ,** Дидро, **Диккенсъ,** Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ,** Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ,** Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйелль, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ** Лессепсъ, **Лессингъ,** Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ,** Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, **Мейерберъ,** Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль,** Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ,** Мольтке, **Монтескье, Т. Моръ. Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ, Оуэнъ,** Парнель, **Паскаль,** Пастеръ, **Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье,** Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Сакіа-Муни, (Будда), Свифтъ,** Сервантесъ, **В. Скоттъ,** А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли, Стефенсонъ и Фультонъ, Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли,** Цицеронъ и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ** и **Морзе, Дж. Эліотъ,** Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ** и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, Богданъ Хмельницкій, **Боткинъ,** Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ, Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь,** Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ,** Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ, Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, Канкринъ,** Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ,** Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ,** Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ, Новиковъ,** Островскій, **Перовъ,** Петръ Великій, **Пироговъ,** Писемскій, Писаревъ, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій, Струве,** Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Щепкинъ.** А. Н. Энгельгардтъ, **Ѳедотовъ** и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка,** *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 сентября 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб., Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 іюля 1893 года.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ИВАНЪ IV ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева

Съ портретомъ Ивана IV-го, воспроизведеннымъ по статуѣ Антокольскаго

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Бол. Подъяческая, № 39.

1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцова.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— 1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—18?1 г.) *Н. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназіи и книга для домашн. чтенія. *Девткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 руб.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэръ.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *Н. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горянской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

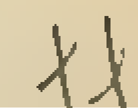
Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 8 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 8 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 8 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Дозв. ценз. СПб. 20 августа 1893 г. Тип. т-ва „Общ. Польза“ Б. Подъяч., 39

Іоаннъ Грозный.

с 752

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Іоанна Грознаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 1 Іюля 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ:

1. *Карамзинъ*. «Исторія Государства Россійскаго». Т. VIII и IX.
2. *Соловьевъ*. VI-ой томъ «Исторіи Россіи».
3. *Костомаровъ*. «Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ». Т. I.
4. Статьи:
    1) Погодина.
    2) Кавелина.
    3) К. Аксакова.
    4) Ю. Самарина.
    5) Н. К. Михайловскаго.
5. *Ключевскій*. «Боярская дума».
6. *Е. Бѣловъ*. «Дворянство на Руси».
7. *Бѣляевъ*. «Исторія крестьянъ».

I.

Московская традиція.—Дѣтство и юность Іоанна Грознаго.

«Геній—оригиналенъ. Въ оригинальности скрывается тайна его вліянія, его успѣховъ, его заслугъ передъ человѣчествомъ. Нѣтъ генія, который не развертывалъ-бы новаго знамени, нѣтъ геніальной дѣятельности, не указавшей новыхъ путей. Оригинальность и традиція — вотъ двѣ вѣчно борящіяся другъ съ другомъ силы, и различныя перипетіи этой борьбы составляютъ главнѣйшее содержаніе исторіи».

Я нарочно началъ этой цитатой біографію Іоанна Грознаго. Ниже изъ обзора литературы читатель увидитъ, какіе ожесточенные споры происходятъ еще о величіи и ничтожествѣ Грознаго, какъ личности и какъ государя. «Предшественникъ Петра Великаго, предвосхитившій планы преобразователя на цѣлыхъ сто пятьдесятъ лѣтъ» — таковъ Іоаннъ для однихъ. «Мелкая душа, подъяческій умъ»—таковъ Іоаннъ для другихъ. Гдѣ-же истина? Привыкшій къ робкимъ точкамъ зрѣнія, читатель навѣрное подумаетъ, что «истина въ срединѣ». — Средина — нѣчто спасительное, безопасное, вродѣ спокойной бухты, куда такъ пріятно въѣхать послѣ «бурнаго плаванія по волнамъ историческаго изслѣдованія». Мнѣ думается однако, что срединная точка зрѣнія мало приложима къ характеристикѣ Грознаго. Какъ бы не судили мы его, онъ несомнѣнно яркая и рѣзко-очерченная личность, которую очень трудно усадить сразу на двухъ стульяхъ. Но «яркость и рѣзкость» еще не означаютъ величія.

Чтобы быть великимъ, надо быть оригинальнымъ. Былъ-ли такимъ Грозный въ своей государственной дѣятельности?

Разумѣется, вся наша біографія должна служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но является возможность въ самомъ началѣ подготовить его разрѣшеніе. Для этого прежде всего необходимо опредѣлить *традиціи* московскаго государства, а затѣмъ уже самъ читатель легко увидитъ, какъ далеко отошелъ отъ нихъ Грозный и что новаго внесъ онъ въ жизнь.

Московская Русь сложилась и оформилась уже въ княженіе Ивана III. Сынъ его Василій мало прибавилъ къ дѣлу отца и, уничтоживъ вольность Пскова, онъ лишь завершилъ давно начатую и въ главномъ законченную уже борьбу съ вольностью вообще. Иванъ III и Василій—уже государи въ полномъ значеніи этого слова, самодержцы. Эпоха ихъ правленія создала и какъ нельзя яснѣе оформулировала устои московской Руси.

Намъ надо посмотрѣть на эти устои.

Первымъ, важнѣйшимъ устоемъ является великокняжеская власть, гордая, абсолютная, не знавшая никакихъ стѣсненій и ограниченій. Всѣ иностранцы въ одинъ голосъ утверждаютъ, что московскіе монархи превосходятъ своею властью всѣхъ правителей Европы, кромѣ только турецкаго султана. Возросши подъ охраной и даже прямо подъ покровительствомъ татарскихъ хановъ, великокняжеская власть сосредоточила постепенно въ себѣ весь ореолъ, всю безмѣрность власти ханской. Сначала скромная, какъ-бы скрывающаяся, она уже при Иванѣ III начинаетъ окружать себя придворнымъ блескомъ и этикетомъ. Это не мысль, это внѣшнее выраженіе закончившагося процессомъ развитія абсолютизма. Является обычай «цѣлованія княжеской руки», учреждаются придворныя должности, до той поры неизвѣстныя. Великій князь — центръ, глава и представитель всего государства, а не только своего удѣла, какъ раньше. Онъ дѣйствуетъ за всю Русь, отвѣчаетъ за ея счастье и несчастье, ведетъ народную жизнь по тому пути, который кажется ему наилучшимъ.

Удѣльные князья закончили свое самостоятельное существованіе уже при Иванѣ III. Та же участь постигла и Великій Новгородъ съ его вѣчемъ и духомъ народовластной старины. При Василіѣ отвезли въ Москву вѣчевой колоколъ Пскова.

Во что обратилась дружина? Собственно говоря, въ московскомъ государствѣ никакой выдающейся роли она не играла. Іоаннъ Калита и его потомки не были воителями, не любили войнъ и походовъ, храбростью и мужествомъ не отличались и держали себя скромно и тихо, какъ князья-помѣщики, князья-хозяева. Войнамъ они предпо-

читали дипломатическіе переговоры, покупку—иногда предательства. Ихъ заботой было сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше земель и денегъ.

Дружина возлѣ нихъ неминуемо должна была утерять свой воинственный характеръ, такъ какъ условія жизни не благопріятствовали развитію доблести и мужества. Но дружина, особенно старшая — боярство, не только воевала, раньше она играла еще роль княжескаго совѣтника. Эту роль она играла и въ Москвѣ. Но уже въ XV вѣкѣ князья значительно съузили ее. Иванъ III больше совѣтовался съ своей женой и дьяками, чѣмъ съ боярами; сынъ его выказывалъ къ совѣтамъ бояръ обидное пренебреженіе. При немъ дѣла рѣшались въ сторонѣ отъ думы.

Всѣ приведенные факты пріобрѣтутъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣнность, если мы припомнимъ, какъ медленно и постепенно проводились они въ жизнь. Принципы дома Калиты не поражаютъ насъ ни глубиной, ни шириной своего размаха, — а скорѣе даже узостью. Но въ концѣ концовъ они восторжествовали надъ всѣми остальными. Случайности исторіи много виноваты въ этомъ, но еще больше виноваты та настойчивость и упорство, съ какими московскіе князья стояли на своемъ, на ловкости, съ какой они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свою власть и предѣлы.

Традиція крѣпла, а въ XV вѣкѣ торжествовала уже.

Иванъ Калита, его личность и политика — прототипъ московскихъ князей вплоть до самаго Грознаго. Ничего великаго, выдающагося, ничего блестящаго. Природа поскупилась на краски, создавая этого князя-хозяина и князя-помѣщика, скупого, медленнаго, хитраго, неуклонно стремящагося къ разъ поставленной цѣли. О невозможномъ онъ не мечталъ, какъ не мечталъ о геройскихъ подвигахъ и славѣ. Каждая копѣйка у него на счету. Разъ что пріобрѣтено имъ, пріобрѣтено на вѣки. Какъ настоящій практикъ, человѣкъ маленькой дѣйствительности, онъ пользуется всякой ошибкой ближняго, идетъ на униженія, когда это нужно, неумолимъ и непреклоненъ, разъ сила на его сторонѣ. Его борьба съ тверскимъ княземъ не только не говоритъ намъ о благородствѣ его души, а прямо наоборотъ. Зато дипломатической тонкости сколько угодно. Бѣдный Александръ и не замѣтилъ, какъ ловко разставили вокругъ него сѣти и какъ неожиданно и безъисходно попался онъ въ нихъ.

Всѣ московскіе Іоанны и Василіи похожи на своего предка. Въ общемъ и Грозный похожъ на него, но греческая и латинская кровь,

текшая въ его жилахъ, наградила его болѣе горячимъ и страстнымъ воображеніемъ.

Московская традиція носитъ на себѣ ясный отпечатокъ характера московскихъ князей. «Помѣстье» Калиты разрослось и стало государствомъ, но во главѣ государства встали тѣ же разсчетливые, скопидомные хозяева, которые раньше заправляли помѣстьемъ. Не станетъ же хозяинъ терпѣть, чтобы кто нибудь вмѣшивался въ его распоряженія. Не станетъ терпѣть этого и государь московскій. Когда это нужно, онъ пользуется и боярскимъ совѣтомъ, и симпатіями духовенства, но только *когда это нужно*. Вообще же онъ предпочитаетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Полнота самостоятельности возможна лишь при всеобщемъ нивеллированіи, уравненіи.

Къ этому и сводится московская традиція.

Абсолютная власть при своемъ возникновеніи прежде всего должна была встрѣтить противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ элементовъ—удѣльныхъ князей, вѣча, дружинъ. Въ каждомъ монастырѣ былъ свой уставъ, освященный вѣками. Новый уставъ, вводившійся московскими князьями, далеко не всегда согласовался съ прежними. Припомнимъ хотя-бы борьбу съ Новгородомъ.

Московскіе князья, распространяя на всю Россію принципы, которыми управлялось ихъ маленькое помѣстье, по необходимости нивеллировали. Они старательно уничтожали всѣ мѣстные уставы, всѣ мѣстныя особенности. Для этого они пользовались между прочимъ однимъ характернымъ пріемомъ: переселеніемъ. Оттуда, гдѣ мѣстный духъ былъ особенно силенъ и упоренъ, они выводили десятки и сотни семействъ въ Москву, а москвичей перемѣщали на новыя мѣста. Москвичи — люди, уже привыкшіе къ дисциплинѣ, опасаться ихъ нечего, а переселенцы, находясь подъ постояннымъ хозяйскимъ глазомъ, одинаково не позволятъ себѣ чего нибудь лишняго.

Такимъ медленнымъ и вѣрнымъ путемъ были уничтожены всѣ мѣстные уставы. Вѣче исчезло, дружина обратилась въ придворныхъ слугъ, во всемъ зависѣвшихъ отъ личнаго расположенія князя. Самъ князь и его власть поднялись на недосягаемую высоту, и величіе этой власти бросалось въ глаза каждому, ибо вокругъ было *ровное поле*.

Іоаннъ III уже настойчиво выдвигаетъ на сцену «мизинныхъ людей». Василій III прямо предпочитаетъ ихъ боярамъ. Что же, они были демократами? По моему нисколько. Мизинные люди, во всемъ ему обязанные, во всемъ отъ него зависѣвшіе, безъ воспоминаній о прошломъ, всего лучше поддавались дисциплинѣ. Какихъ бы

то ни было протестовъ и претензій ждать отъ нихъ было нечего. Стремясь къ абсолютизму и сразу постигнувъ, что онъ можетъ восторжествовать лишь при отсутствіи большихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ,—московскіе князья ни одному сословію не давали подняться выше другого. Они боролись противъ всякой вольности—боярской, вольности духовенства, одной властью своей замѣняли всякую власть, единымъ закономъ—разнобразіе мѣстныхъ обычаевъ.

На ровномъ полѣ Руси высоко подымался великокняжескій дворецъ уже задолго до Ивана IV-го.

Незамѣтно для самого Грознаго московская традиція руководила имъ. Но эта традиція, преломившись черезъ призму его больного мозга, приняла и болѣзненную форму. Молчаливая и покорная стояла дружина у трона его отца и дѣда, но Грозный продолжалъ преслѣдовать ее съ необузданной жестокостью. Давно уже палъ Великій Новгородъ. Грозный захотѣлъ стереть его съ лица земли.

Онъ добился своего. Всю жизнь, всѣ свои силы потратилъ онъ на то, чтобы доставить полное торжество московской традиціи. Гдѣ же новые мѣхи, новое вино? Ихъ нѣтъ. Тѣни прежнихъ московскихъ князей носятся надъ эпохой Грознаго, вдохновляютъ его, указываютъ путь, по которому онъ идетъ слѣпо, не спрашивая даже себя, да нужно ли съ такимъ ожесточеніемъ ломиться въ давно уже открытую дверь?

Боярство—мой врагъ. Это его излюбленная фраза. Но съ одинаковымъ ожесточеніемъ набрасывается онъ и на народъ, и на духовенство, разъ замѣчаетъ или разъ ему кажется, что онъ замѣчаетъ въ нихъ попытку приподнять свою голову съ ровнаго поля, давно уже усѣяннаго мертвыми костьми прежнихъ вольностей.

Всякая вольность—врагъ мой... Боярство—мой врагъ по преимуществу. Это спеціальное добавленіе Грознаго, сдѣланное имъ по воспоминаніямъ дѣтства.

Это дѣтство общеизвѣстно, и я не имѣю ни малѣйшаго желанія подробно останавливаться на немъ.

Грозному было нѣсколько мѣсяцевъ, когда умеръ его отецъ, и съ небольшимъ три года, когда умерла или была отравлена его мать Елена Глинская, супруга Василія III-го. Ребенокъ остался безъ надзора и руководительства. Все дѣлалось его именемъ, все *могло* дѣлаться его именемъ. Это было соблазнительно для честолюбцевъ. И честолюбіе открытое, наглое, безудержное разыгралось вокругъ

трона, по блеску и обаянію власти своей равнаго лишь трону восточныхъ деспотовъ.

Послѣ переворота, низвергшаго Елену и ея любимца Телепнева, власть перешла въ руки Василія Шуйскаго. Ослѣпленный гордостью, онъ хотѣлъ утвердить себя на высшей ступени свойствомъ съ Государемъ и, будучи вдовцомъ лѣтъ 50-ти, женился на сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, казанскаго царевича. Иванъ Бѣльскій попробовалъ свергнуть его, но неудачно, и отъ тираніи Шуйскаго спасла Россію лишь смерть его. Его мѣсто занялъ тоже Шуйскій, но Иванъ, про котораго самъ Грозный пишетъ впослѣдствіи Курбскому:

«Отъ юности единое воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а К. Ив. Вас. Шуйской сѣдитъ на лавѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ къ намъ... И таковой гордыни кто можетъ понести?... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша, и въ той нашей казнѣ исковаша себѣ сосуди златы и сребрены, и имена на нихъ родителей своихъ подписаша; а всѣмъ людемъ вѣдомо, при матери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы шуба перемѣнити».

Иванъ Шуйскій былъ грубъ, спѣсивъ, деспотъ. Корыстолюбіе его несомнѣнно, съ государственной и царской казной онъ не стѣснялся, еще меньше стѣснялись его клевреты. Такъ, бояринъ А. М. Шуйскій и князь Оболенскій, будучи намѣстниками въ Псковѣ, свирѣпствовали *какъ львы*, по выраженію современниковъ; не только угнетали земледѣльцевъ и граждан беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли правыхъ доносителей—но и грабили самые монастыри. Жители пригородовъ не смѣли ѣздить въ Псковъ; многіе бѣжали въ чужія земли.

Партія Шуйскихъ была свергнута партіей Бѣльскихъ, но ненадолго однако, до слѣдующаго заговора. А онъ себя ждать не заставилъ. Иванъ Шуйскій опять захватилъ власть въ свои руки.

Такова фактическая сторона дѣла вплоть до 1543 года, когда Грозному исполнилось уже 13 лѣтъ.

Что дѣлалъ Грозный все это время? Быть можетъ, исторія и освѣтитъ когда нибудь юношескіе годы его царствованія, намъ же остается лишь догадываться, опираясь на немногіе, къ счастью несомнѣнные факты.

Грозный рано сталъ пристально вглядываться въ окружающее и понимать его. Многіе факты этихъ дѣтскихъ лѣтъ навѣки запали въ его душу и ничто не могло искоренить ихъ оттуда. Черезъ 20 лѣтъ

онъ вспоминаетъ наглость Шуйскаго, развалившагося на кровати отца. Очевидно эта наглость глубоко обидѣла его. Не было недостатка и въ окружающихъ, которые постоянно нашептывали Іоанну про величіе власти его, про ея униженіе. Эти нашептыванія падали на подготовленную почву. Наслѣдственное властолюбіе проявлялось уже и въ ребенкѣ; его быстрый, дѣятельный умъ прекрасно подмѣчалъ тѣ противорѣчія, которыми такъ богато его дѣтство. Все дѣлается его именемъ, всѣ выказываютъ полную покорность ему, а между тѣмъ самъ онъ лично ничего не знаетъ. Это мучило и обижало его. Онъ читалъ книги, гдѣ говорилось о величіи царской власти, читалъ запоемъ, страстно выискивая въ нихъ аргументы въ защиту своихъ правъ. Онъ находилъ эти аргументы и въ книгахъ, и въ рѣчахъ такихъ царедворцевъ, какъ Бѣльскій.

До поры до времени онъ по необходимости долженъ былъ молчать и смиряться. Обстоятельства были противъ него и на сторонѣ Шуйскихъ. Заговоръ Бѣльскаго не удался: человѣкъ, котораго онъ считалъ своимъ другомъ, опять очутился въ темницѣ.

Шуйскіе торжествовали въ Москвѣ, гдѣ у нихъ была большая партія, въ провинціи, которой они управляли черезъ своихъ клевретовъ. Ихъ торжество было, повторяю, спѣсивымъ и наглымъ, безконечно оскорбительнымъ для тщеславной натуры Ивана.

Знаменитая формула: «бояре—мои враги по преимуществу» не могла не сложиться въ этой странной обстановкѣ.

Мнѣ думается, что у насъ нѣтъ основанія совершенно отрицать политическія претензіи бояръ, но эти претензіи скрывались скорѣе въ отдѣльныхъ честолюбивыхъ личностяхъ, чѣмъ въ классѣ. Сущность всѣхъ только что разсказанныхъ перипетій очень недурно выражается поговоркой: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ». Такими капралами были то Шуйскіе, то Бѣльскій, смотря по удачѣ, и каждый изъ нихъ, взявши палку, немедленно же разыгрывалъ изъ себя самодержца, продолжая этимъ самымъ традицію московскаго абсолютизма. Но мы не знаемъ ни одной попытки закрѣпить за жизнью боярскія политическія претензіи и создать для нихъ устои въ новыхъ формахъ государственной жизни. Есть смутное извѣстіе, будто извѣстная часть боярства имѣла политическую программу и мечтала править Русью вмѣстѣ съ царемъ, совѣщаясь въ то же время со «всенародными человѣками», т. е. выборными всей земли. Извѣстіе это однако настолько смутно, что положиться на него нельзя. Оставивъ же его въ сторонѣ, мы увидимъ, что боярства, какъ класса, не было; передъ нами служилое сословіе, а не аристократія, отдѣльныя

честолюбивыя личности, а не предводители партій. Эти честолюбцы были проникнуты родовыми, а не сословными симпатіями и, добившись власти, немедленно выдвигали на сцену всю жадную компанію своихъ родичей, награждая ихъ доходными мѣстами и т. д. По одушевлявшему ее узко-эгоистическому принципу эпоха боярскаго правленія не могла внести въ жизнь Россіи ни одного новаго элемента, и, достигши совершеннолѣтія, Іоаннъ увидѣлъ передъ собою ту же прежнюю Русь, созданную отцомъ его и дѣдомъ, разграбленную и истощенную, но готовую безпрекословно идти, куда ей будетъ указано свыше.

Въ 1543 году наглость Шуйскихъ достигла своего предѣла. Ненавидя новаго любимца Іоаннова — князя Воронцова, они въ одинъ несчастный для нихъ день дерзко ворвались въ покои Государя, набросились на Воронцова, выволокли его въ другую комнату, били, мучили и хотѣли даже умертвить. Царь просилъ митрополита спасти любимца, и Шуйскіе согласились *изъ милости* оставить ему жизнь, но все же отправили его въ ссылку. Изображая наглость вельможъ, лѣтописецъ разсказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ Ѳома Головинъ въ спорѣ съ митрополитомъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее въ знакъ презрѣнія. Но всѣ эти безобразія и дѣлали развязку близкой. Іоанну исполнилось уже тринадцать лѣтъ, въ немъ говорила уже гордость, сознаніе собственнаго достоинства и величія. Шуйскіе на свою голову пріучили его къ полной невоздержности и поощряли всѣ дурныя проявленія наслѣдственности. Въ тринадцати-лѣтнемъ Іоаннѣ уже сказывался будущій Грозный, въ меньшемъ масштабѣ, разумѣется. Напр., любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ звѣрей, но и мучилъ домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю. А бояре говорили: «пусть Державный тѣшится». Окруживъ «державнаго» толпою сверстниковъ, они смѣялись, когда онъ скакалъ по улицамъ и давилъ прохожихъ, испуская дикіе крики. Бояре хвалили въ немъ смѣлость и мужество, проворство. Поупражнявшись такимъ образомъ, Іоаннъ, подчиняясь совѣтамъ родственниковъ своихъ по матери Глинскихъ, толковавшихъ ему, что онъ — царь, а Шуйскіе — узурпаторы, наконецъ проявилъ свой гнѣвъ и свою самостоятельность. Неожиданно послѣ рождественскихъ праздниковъ 1543 года созвалъ онъ къ себѣ бояръ и впервые явился передъ ними «повелительнымъ, грознымъ». Съ твердостью объявилъ онъ имъ, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей и грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ лишь главаря и зачинщика—

князя Андрея Шуйскаго. Его взяли и предали въ жертву псамъ, которые тутъ же на улицѣ и истерзали его. «Съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя»; во главѣ же правленія стали Глинскіе, отчего положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось къ лучшему.

Прежде всего разумѣется расправились съ Шуйскими и со всѣми, кто былъ преданъ имъ или пользовался ихъ расположеніемъ. Преслѣдуя враговъ своихъ, Глинскіе выказали большую жестокость и ни малѣйшаго государственнаго смысла. Царь же попрежнему предавался своимъ развлеченіямъ, среди которыхъ не по днямъ, а по часамъ росли его необузданность и жестокость. Глинскіе не только не удерживали его, но и поощряли всякое проявленія разврата и злой воли. Юноша-царь не признавалъ состраданія и милости, и въ эти годы онъ является передъ нами порывистымъ и гнѣвнымъ, неспособнымъ сдерживать себя ни на іоту, развѣ изъ страха. Однажды онъ, выѣхавъ по обыкновенію на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какую-то жалобу. Іоаннъ не слушалъ ихъ, а велѣлъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы противились, началась битва, которая и послужила достаточнымъ основаніемъ для разслѣдованія примерещившагося царю заговора. Послѣдовали пытки и казни. Еще характеренъ слѣдующій эпизодъ, относящійся правда къ позднѣйшему времени. Изъ него видно, какъ занимался царь дѣлами.

«Граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 году), жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ: кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большого колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу и бѣдные Псковитяне остались живы».

Но мы нарушили хронологическую послѣдовательность разсказа. Намъ надо вернуться назадъ и разсказать объ одномъ изъ крупныхъ событій XVI-го вѣка — вѣнчаніи Іоанна на царство. Кому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ? Едва-ли духовенству, едва-ли боярамъ, хотя быть можетъ духовенство, пропитанное своими византійскими взглядами, и причастно нѣсколько къ этому. Никто однако не мѣшаетъ намъ допустить, что главнымъ инициаторомъ въ этомъ случаѣ былъ самъ Іоаннъ. Онъ любилъ парады, пышность, торжественность, любилъ показывать

себя многочисленной толпѣ, всякій блескъ привлекалъ его. Въ прочитанныхъ имъ книгахъ онъ навѣрное не разъ встрѣчалъ описанія царскихъ и императорскихъ вѣнчаній. Они льстили его тщеславію. Онъ задумалъ устроить то же самое и у себя въ Москвѣ. Мало того, проникнутый мыслью о собственномъ величіи, причемъ его пылкое воображеніе рисовало ему полученную имъ власть самыми неумѣренными красками, онъ въ громкомъ титулѣ царя искалъ внѣшняго выраженія своихъ претензій. Какъ бы то ни было, 17 декабря 1546 г. было приказано собраться двору. Митрополитъ, бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ:

«Уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, отче (митрополитъ), благослови меня. Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ Царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ-ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и по твоему благословенію». Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго». Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на Царство*».

16-го января новаго года съ особой торжественностью совершилось царское вѣнчаніе, а черезъ мѣсяцъ Іоаннъ женился на Анастасіи.

Пословица русская утверждаетъ: «женится—перемѣнится». Съ Іоанномъ этого однако не случилось. Казалось, все должно-бы настраивать его на добродушный ладъ, и внѣшніе успѣхи, и привязанность къ молодой красавицѣ-женѣ, и только что совершившееся пышное вѣнчаніе, по поводу котораго такъ много и искренно ликовалъ народъ. Но обычная психологія тутъ не приложима. Женатый царь велъ прежній холостой образъ жизни. Предоставивъ правленіе Глинскимъ, онъ лишь изрѣдка вмѣшивался въ государственныя дѣла, предпочитая имъ охоту, игры, поѣздки по монастырямъ и свои буйныя забавы. Глинскіе дѣлали, что хотѣли, а Іоаннъ только любилъ показывать себя царемъ почти исключительно въ наказаніяхъ и необузданности прихотей. Онъ *игралъ* милостями и опалами, своевольствовалъ, чтобы доказать свою независимость. Доступъ къ нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Онъ не желалъ выслушивать жалобъ, гнѣвался и приходилъ въ дикую ярость, когда его отрывали

отъ развлеченій, пыталъ и казнилъ тѣхъ, кто осмѣливался говорить ему правду. Намѣстники и воеводы, клевреты Глинскихъ, грабили и разоряли ввѣренныя имъ въ управленіе области. Негдѣ было найти суда и правды, а «державный» въ это время забавлялся во дворцѣ съ шутами и скоморохами и слушалъ, какъ льстецы восхваляютъ его мудрость.

Замѣчу мимоходомъ, какъ напрасно и неосновательно преувеличиваютъ историки вліяніе на Грознаго царицы Анастасіи. Вѣдь она была возлѣ него и до появленія Сильвестра и Адашева, однако даже въ медовый мѣсяцъ не могла удержать мужа хотя бы отъ разврата.

Будущее не предвѣщало ничего хорошаго, если бы не нѣкоторыя неожиданныя обстоятельства, совершенно измѣнившія ходъ событій.

II.

Перемѣна въ Іоаннѣ. — Сильвестръ и Адашевъ. — Счастливые 13 лѣтъ царствованія Іоанна IV.

Для исправленія Іоаннова, пишетъ Карамзинъ, надлежало сгорѣть Москвѣ. Москва дѣйствительно сгорѣла, но Іоаннъ, какъ мы увидимъ ниже, не исправился. За то съ нимъ случилось нѣчто другое, еще болѣе странное.

12 апрѣля 1547 года начался знаменитый московскій пожаръ. То пріостанавливаясь, то возрождаясь съ еще большей силой, онъ длился болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Особенно памятенъ день 21-го іюня. Огонь лился рѣкою и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай-городъ, Большой посадъ. Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густого дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло, какъ въ горнилѣ. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени были заглушаемы взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и другихъ частяхъ города. Отъ удушья дымомъ едва не погибъ митрополитъ, молившійся въ храмѣ Успенія. Бѣдствіе было настолько велико, что смиренный лѣтописецъ восклицаетъ: «счастливъ, кто, умиляясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Больше помощи ждать было неоткуда. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево какъ бы для того, чтобы не видать и не слыхать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить кремлевскій дворецъ; богатые также строились: о бѣдныхъ не думали. Это вызвало злобу изстрадавшагося народа, «почерпавшаго силу отчаянія и ненависти при взглядѣ на обугленныя

развалины домовъ». Враги Глинскихъ, воспользовавшись этимъ, составили заговоръ, а ожесточенный народъ охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Была распущена басня о томъ, что княгиня Анна Глинская «вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала ихъ въ воду и кропила всѣ улицы Москвы». Это и толковалось какъ причина пожара. Умные люди, не вѣрившіе въ басню, молчали: ненависть къ Глинскимъ была настолько велика и всеобща, что въ ихъ защиту не нашлось ни одного голоса въ эту критическую минуту. Глинскій, дядя царя, былъ убитъ въ церкви, народъ искалъ другихъ жертвъ, а царь, малодушный и испуганный, сидѣлъ въ воробьевскомъ дворцѣ, не зная, что дѣлать.

Въ это ужасное время, разсказываетъ Курбскій, держась психологической, а не исторической истины, явился во дворецъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода, приблизился къ Іоанну съ поднятымъ угрожающимъ перстомъ и возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ головою Царя, легкомысленнаго и злострастнаго. «И аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не вѣйдите истинныя или токмо ужасновенія передающе ради буйства, но и дѣтскихъ неистовыхъ нравовъ умыслилъ было себѣ сіе, яко многожде и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами». Мы знаемъ теперь, что первое появленіе Сильвестра относится не къ 1547, а къ 1541, но все же психологическая правда соблюдена въ разсказѣ Курбскаго. Въ знаменательный и страшный день, когда «не было правительства», а царь, растерявшись, не зналъ, что предпринять,—Сильвестръ могъ принять на себя роль древняго пророка, посланца Божія, и ужаснуть царя, истолковавши, что пожаръ московскій—наказаніе за его грѣхи и распутство. Какъ бы то ни было, на цѣлыхъ 6—7 лѣтъ Сильвестру удалось овладѣть умомъ и воображеніемъ Іоанна, дѣйствуя на него *страхомъ*. Въ отношеніи къ Іоанну онъ былъ *магнетизеромъ*,—гипнотизеромъ, сказали-бы мы. Ему удалось внушить царю ту мысль, что одинъ онъ слабъ и безпомощенъ и что, лишь слушая благіе совѣты, можетъ онъ разсчитывать на долголѣтнее и безпечальное царствованіе. Дѣйствовалъ ли Сильвестръ самъ отъ себя или, какъ выражается г. Михайловскій, онъ былъ лишь точкой приложенія коллективной силы—силы «избранной рады»—мы не знаемъ. Но это безразлично: во всей опредѣленности выступаетъ передъ нами тотъ лишь фактъ, что Іоаннъ дѣйствительно подчинился Сильвестру и что страхъ, мистическій даже страхъ, внушаемый царю, игралъ тутъ большую, быть можетъ даже первенствующую роль...

Эпизодъ удивительный!.. чудо, какъ выражается Карамзинъ, и что другое онъ могъ сказать въ 20-хъ годахъ? Едва-ли и современная психологія возьмется разъяснить это «чудо» во всѣхъ его подробностяхъ, но самый фактъ возможности подчиненія слабовольнаго человѣку сильному волей и убѣжденіемъ она согласится признать какъ естественный и часто повторяющійся. Главное, замѣтимъ, что Іоаннъ растерялся, утерялъ совѣтниковъ своихъ Глинскихъ, и почва для новой ферулы была расчищена. А ферула была нужна ему, и онъ охотно подчинялся ей, пока не *замѣчалъ*. Позволю себѣ по этому поводу небольшое отступленіе въ область психологіи: «слабая воля инстинктивно ищетъ руководительства, боясь отвѣтственности за поступки свои и тяготясь этой отвѣтственностью. Она соглашается подчиниться другой, болѣе сильной, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно протестуетъ противъ этого подчиненія. Тщеславіе и претензія на полную самостоятельность являются неотъемлемыми признаками слабоволія, оттого-то всегда имъ легче управлять *физіологически*, чѣмъ *психологически*, т. е. путемъ *внушенія*, но не *убѣжденія*. Нуженъ, словомъ, элементъ непонятнаго для объекта вліянія: иначе тщеславіе немедленно возмутится и, какъ чувство наиболѣе близкое къ рефлексу, проявится въ какой-нибудь рѣзкой вспышкѣ, тѣмъ болѣе рѣзкой, чѣмъ сильнѣе была предшествующая кабала. Мы знаемъ, что загипнотизированный субъектъ всегда *боится* того, кто загипнотизировалъ его, и всегда *борется* съ нимъ, даже *ненавидитъ*, но подчиняется. Гипнотизеръ внушаетъ *страхъ* и въ этомъ страхѣ его сила». Мы сейчасъ увидимъ, какъ это психологическое соображеніе подходитъ къ характеру отношеній Грознаго и Сильвестра. Разница будетъ лишь въ *степени*, но степень сама по себѣ вещь второстепенная.

Благодаря вмѣшательству Сильвестра и близкихъ ему, порядокъ былъ скоро возстановленъ. Народъ успокоился, Грозный какъ-бы переродился. «Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ, о чемъ наканунѣ, онъ и не думалъ совсѣмъ. Были приняты мѣры, чтобы никто не остался безъ крова и хлѣба. Виновники бунта наказаны не были; самъ царь, «умиленный», чтобы торжественно утвердить перемѣну въ Правленіи, уединился на нѣсколько дней для поста и молитвы. Онъ созвалъ святителей, каялся въ грѣхахъ своихъ и, успокоенный духовенствомъ въ дѣлахъ совѣсти, причастился Святыхъ Тайнъ. Мало того: было приказано, чтобы со всѣхъ городовъ Россіи прислали въ Москву людей выборныхъ, всякаго чина и собранія для важнаго дѣла государственнаго.»

Они собралися—и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ: «Святый Владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли, неправдою тѣснили народъ,—и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда Небеснаго!»... Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію Христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ». — Въ тотъ-же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій! ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія».

Жизнь двора рѣзко перемѣнилась. Замолкли шуты и льстецы. Опираясь на избранную раду и подчиняясь ей, Іоаннъ водворялъ порядокъ въ своемъ царствѣ. Опять мы не знаемъ, изъ кого собственно состояла избранная рада; довѣряясь-же Курбскому, можемъ сказать, что во главѣ ея стояли Сильвестръ и Адашевъ, принявшіе въ свой союзъ не только митрополита, но и много другихъ мужей опытныхъ и добродѣтельныхъ. Избранная рада вѣроятно и управляла государствомъ. Почему-же не самъ Іоаннъ?

Прежде всего спросимъ себя, гдѣ могъ онъ научиться дѣламъ правленія? Ему было только 17 лѣтъ, и раньше государственными дѣлами онъ никогда не занимался. Почему было знать ему, что тамъ-то худо, тамъ-то слѣдуетъ исправить? Когда, по старо-русской привычкѣ въ предшествующій періодъ, къ нему явились съ жалобами и просьбами, онъ сердился, выходилъ изъ себя и страшно наказывалъ дерзновенныхъ, осмѣлившихся обращаться къ нему лично. Допустить, что онъ вдругъ, по наитію, постигъ всѣ тайны управленія государствомъ,—дѣло мудреное и маловѣроятное, тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи Іоаннъ

особой прозорливостью не отличался, а дѣйствовалъ наугадъ; нельзя одинаково приписывать слишкомъ большую роль и Анастасіи. Имя ея Карамзинъ постоянно украшаетъ эпитетомъ добродѣтельной. Но между добродѣтелью личной, выражавшейся въ томъ, что царица раздавала милостыню, разъѣзжала по монастырямъ и усердно молилась мощамъ и святителямъ, и добродѣтелью государственной, какъ заботѣ о благѣ общемъ, какъ защитѣ интерессовъ меньшаго и униженнаго—разница не малая. Предположить въ московской боярышнѣ государственную мудрость—значитъ сдѣлать вещь очень рискованную. Самое-же важное то, что до появленія на сцену Сильвестра и избранной рады Анастасія ровно никакой роли не играла. Ни ея благочестіе, ни ея добродѣтель не оказывали на Грознаго ни малѣйшаго вліянія, и началось-то оно вмѣстѣ съ вліяніемъ избранной рады. Это слишкомъ существенный фактъ, чтобы упускать его изъ виду.

Поэтому, не опасаясь крупной исторической ошибки, можемъ сказать, что тринадцать лѣтъ царствованія Іоанна (1547—1560) носятъ лишь имя его.

Что же сдѣлала избранная рада?

Отмѣчаю кротость правленія, миръ и любовь среди царскаго семейства. Женивъ брата своего Юрія, царь избралъ супругу и для Владиміра Старицкаго; жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему, въ государственныхъ дѣлахъ писалъ: «Мы уложили съ братьями и *боярами*». Въ 1550 г. вышелъ «Судебникъ», вторая «Русская Правда», вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ. Но особенно характерно обузданіе мѣстничества. Мы знаемъ, что во вторую половину своего царствованія Іоаннъ не только не обуздывалъ мѣстничества, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, такъ противорѣчившимъ его обычной раздражительности, разбирался въ мѣстническихъ спорахъ и дрязгахъ своихъ слугъ, какъ бы даже покровительствуя и питая вниманіемъ своимъ эти споры и дрязги. Но подчиняясь радѣ, Государь запретилъ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ считаться родомъ съ воеводами, ввелъ и другія ограниченія, прокладывая такимъ образомъ дорогу великой, хотя и единственной реформѣ, сына своего Ѳеодора, совершенно упразднившаго мѣстничество. Въ 1551 г. обратили вниманіе и на дѣла духовныя.

«Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и 23 Февраля дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники перво-

степенные сидѣли въ молчаніи, устремивъ взоръ на Царя-юношу, который говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царства отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной, упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. «Тогда— сказалъ онъ — ужаснулась душа моя и кости во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго наставленія, Пастыри Христіанъ, учители Царей и Вельможъ, достойные Святители Церкви! Не щадите меня въ преступленіяхъ; смѣло упрекайте мою слабость; гремите Словомъ Божіимъ, да жива будетъ душа моя». Далѣе, Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ; а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ. Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

«Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ міранамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Запретили затѣмъ тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго, ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли-бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ».

Были попытки «просвѣтить Русь» западнымъ образованіемъ; хотѣли вывезти изъ Европы ремесленниковъ, художниковъ, аптекарей, типографовъ,—даже богослововъ. Отчасти исполнился и этотъ планъ.

Но главное событіе—это походъ на Казань. Казань къ этому времени, какъ и другія татарскія ханства, обратилась въ настоящее разбойничье гнѣздо, постоянно тревожившее Русь своими набѣгами.

Побѣды надъ разбойничьими шайками и отрядами мало помогли дѣлу: надо было искоренить зло въ самомъ корнѣ. Не буду разсказывать подробно всей исторіи завоеванія Казани: несомнѣнно, что велось дѣло тонко и проницательно. Вмѣшательство во внутреннія смуты казанцевъ, основаніе Свіяжска, благовременность выбраннаго для рѣшительнаго нападенія момента—все говоритъ намъ объ участіи въ правленіи людей опытныхъ и осторожныхъ. Перехожу прямо къ рѣшительному моменту, потому что описаніе его ясно покажетъ, какъ мало значила личная воля Іоанна и какъ многое совершалось даже на перекоръ ей. Несомнѣнно прежде всего, что Царь самъ не хотѣлъ встать во главѣ войска и покинуть Анастасію, беременную въ первый разъ, въ Москвѣ. Онъ самъ говоритъ, что его принудили, и 16-го іюня государь простился съ супругою, а 3-го іюля все войско двинулось изъ Коломны. Надо замѣтить, что Царь проявлялъ большую дѣятельность, постоянно говорилъ рѣчи, умиротворялъ безпокойный духъ войска и т. д. 19-го августа русскіе увидѣли передъ собою Казань и стали въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые «подобно зеленому лугу» разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными палатами и дворцомъ. При самой осадѣ никакого геройства Іоаннъ не выказалъ — единственный фактъ, любопытный для насъ во всей этой исторіи. Напротивъ даже, онъ проявлялъ малодушіе, и позднѣйшія его письма доказываютъ, какъ непріятно было ему пребываніе подъ Казанью и какъ глубоко засѣло въ душѣ его это непріятное чувство, но онъ на время какъ бы отрѣшился отъ себя и дѣйствовалъ по чужимъ указаніямъ.

Любопытенъ маленькій эпизодъ, передаваемый Курбскимъ и относящійся къ послѣднему моменту взятія осажденнаго города:

«...Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались чрезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. Съ нимъ были великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ: они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей».

За то во всѣхъ парадныхъ и торжественныхъ случаяхъ Іоаннъ держалъ себя съ полнымъ сознаніемъ царскаго достоинства, выказывая въ то же время особую почтительность къ церкви и религіи:

«Въ то-же время проявлялъ онъ кротость къ плѣннымъ и побѣжденнымъ. По взятіи города, Князь Палецкій представилъ ему Едигера; безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства Казанцевъ?» Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости. Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея, Вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ;* велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани; увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: «Избавитель! ты вывелъ насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ.»

Послѣ взятія Казани Іоаннъ, слѣдуя совѣтамъ братьевъ царицы, поспѣшилъ отправиться въ Москву. Отмѣчаю этотъ фактъ потому, что въ немъ впервые проявилось столкновеніе Іоанна съ избранной радой или мудрѣйшими, какъ выражается Курбскій. Эти послѣдніе хотѣли замедлить отъѣздъ царя, но онъ поступилъ наперекоръ имъ и даже самолично отправилъ конницу назадъ въ Москву по такой скверной дорогѣ, что большая часть ея погибла въ пути. Успѣхъ вскружилъ голову Іоанну, и онъ сталъ понемногу возвращать себѣ прежнюю самостоятельность. На самомъ дѣлѣ торжество его было велико и счастье во всемъ шло ему навстрѣчу. Казань была взята, родился сынъ наслѣдникъ, москвичи устроили торжественную и сердечную встрѣчу:

Приближаясь къ любезной ему столицѣ, царь увидѣлъ на берегу Яузы безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны, а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: «многая лѣта, Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!»

Больше даже:

«Вся Россія была въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лицо Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады, о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россіянъ, и

возвышались сердцемъ, повторяя: «мы завоевали Царство! что скажутъ въ свѣтѣ?»

Интересный психологическій феноменъ о вліяніи Сильвестра и рады на Грознаго заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія: первая эффектная сцена встрѣчи Сильвестра съ царемъ являлась какъ-бы программой дальнѣйшаго. Курбскій говоритъ объ «ужасаніи», самъ Іоаннъ сознается, что его захватили врасплохъ въ минуту страха, навѣявшаго пожаромъ. Въ рѣчи 1551, обращаясь къ духовенству, онъ говоритъ: «отъ сего убо (т. е. пожара) вниде страхъ въ душу мою и припадохъ къ твоему (митрополита) первосвятительству и ко всѣмъ еже съ тобою Святителямъ, съ истиннымъ покаяніемъ прося прощенія еже зло содѣяхъ». Воспользовавшись этимъ первымъ удобнымъ моментомъ, избранная среда, дѣйствуя черезъ посредство Сильвестра, а можетъ быть и Адашева, какъ лица приближеннаго, распоряжалась въ дальнѣйшемъ очень умно. Она постаралась забрать Іоанна исключительно въ свои руки, тщательно оберегая его отъ всякаго посторонняго, нежелательнаго для нихъ, вліянія. Въ доказательство этого можно привести извѣстный эпизодъ изъ поѣздки Іоанна по монастырямъ уже послѣ возвращенія въ Москву изъ-подъ Казани. Привожу документальный разсказъ Карамзина:

«Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. «Государь! сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: — пристойно-ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ Небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло Царское!» Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичъ Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и

возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына; предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ.—Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго, *Кирилловскаго ѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя: говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: «Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться; повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ». Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!*»

Рада прекрасно знала, какой совѣтъ могъ дать бывшій епископъ Вассіанъ, этотъ безусловный защитникъ абсолютной свѣтской власти, и какъ, мы видимъ, употребила всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы предотвратить встрѣчу. Убѣжденіе не подѣйствовало, прибѣгли къ угрозамъ и пророчеству. Въ роли пророка выступаетъ Максимъ Грекъ, все равно какъ въ воробьевскомъ дворцѣ выступалъ Сильвестръ. Хотѣли подѣйствовать на суевѣріе Іоанна и возбудить въ немъ страхъ, предсказывая смерть единственнаго сына наслѣдника. Но теперь уже эти мѣры не удавались, какъ раньше: Царь и такъ сознавалъ зависимость свою.

Но долгое время его держали въ полномъ повиновеніи, унизительномъ даже для взрослаго человѣка. Сильвестръ вмѣшивался во всѣ мелочи царскаго обихода, въ супружескія отношенія и пр. Быть можетъ, только при постоянной и строгой дисциплинѣ можно было сдерживать необузданную натуру Іоанна. Объ этой строгой дисциплинѣ одинаково говорятъ намъ и Курбскій, и самъ царь:

«Повелѣвающе тебѣ,—пишетъ Курбскій о Сильвестрѣ Іоанну,—въ *мѣру* ясти и пити и со Царицею жити». Любопытно и самоличное признаніе Царя. Онъ говоритъ:

«Ради спасенія души моей»—пишетъ Царь —приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Царствомъ *безъ Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольствъ въ Бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости;*

сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по святымъ Обителямъ, не дозволяютъ карать Нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ инаго Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? Новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали Князю Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное на Царство лукавымъ Попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?» и проч.

«Намъ-же, какъ младенцамъ пребывающимъ», говоритъ Іоаннъ о своемъ дѣтствѣ. Дѣло очевидно доходило до полнаго и мелочнаго даже контроля надъ каждымъ шагомъ Царя. Ему не позволяли разъѣзжать по монастырямъ, до чего онъ былъ большой охотникъ, не позволяли лечиться безъ нужды, требовали, чтобъ онъ ѣлъ и пилъ въ мѣру. Свою покорность Іоаннъ объясняетъ впослѣдствіи: «младенческимъ разумомъ своимъ» и прибавляетъ, что его постоянно *пугали*. «Не считай меня больше,—пишетъ онъ Курбскому, — младенцемъ по разуму, какъ выставляли меня Сильвестръ и Адашевъ, и не думай, что можно устрашить меня дѣтскими страхами, какъ прежде». Образчикъ этихъ «дѣтскихъ страховъ» мы уже видѣли, передавая угрозу Максима Грека.

Если-же самъ Іоаннъ такъ откровенно говоритъ о своемъ полномъ подчиненіи Сильвестру и Адашеву и даже логически разъясняетъ это, указывая на «дѣтскія стращанья», — то намъ-то зачѣмъ оспаривать это и защищать его самостоятельность?

Успѣхъ подъ Казанью вскружилъ Іоанну голову, и, опираясь на него, онъ сталъ постепенно освобождаться отъ зависимости въ своихъ отношеніяхъ къ избранной радѣ. Вернулся онъ въ Москву раньше, чѣмъ ему совѣтовали, конницу отправилъ по собственному усмотрѣнію и такой дорогою, что большая часть ея погибла въ пустынѣ, и т. д. Но сразу сбросить съ себя иго онъ не рѣшался: слишкомъ много было въ немъ трусости, слишкомъ велико вліяніе приближенныхъ. Зависимыя отношенія продолжаются еще, какъ мы сейчасъ увидимъ, цѣлыхъ 7 лѣтъ.

Важнѣйшимъ эпизодомъ этого періода была болѣзнь Царя. Простудившись какъ-то, онъ занемогъ сильною горячкою, такъ что дворъ, Москва и Россія въ одно время узнали о его болѣзни и безнадежности къ выздоровленію. Іоаннъ былъ въ памяти. Царскій дьякъ Михайловъ, подойдя къ постели, сказалъ ему, что время подумать о духовной. Іоаннъ велѣлъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявилъ сына своего Димитрія наслѣдникомъ престола. Бумагу приготовили и затѣмъ утвердили ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ. Ихъ собрали въ Царской столовой комнатѣ. Неожиданно однако начался споръ, шумъ, мятежъ. Многіе отказывались присягать и, между прочимъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ позвалъ къ себѣ ослушныхъ бояръ и спросилъ у нихъ: «кого-же думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя моего сына?.. Не имѣю силъ говорить много—но Димитрій и въ колыбели есть для Васъ самодержецъ законный... Если не имѣете совѣсти, будете отвѣчать Богу». Бояре однако не укротились, и отецъ Адашева откровенно сказалъ Царю:

«Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ что страшитъ насъ! А мы, до твоего возраста, уже испили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго правленія». Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи.

Бояре вели себя безобразно: бранились, чуть не дрались даже въ комнатѣ больного, забывая не только о почтительности Царю, но и о простомъ уваженіи къ человѣку. Истощая послѣднія силы, Государь хотѣлъ видѣть князя Владиміра и такъ называемою цѣловальною запискою обязать его къ вѣрности. Князь отказался. Съ удивительной кротостью Царь сказалъ ему: «Вижу твое намѣреніе. Боися Всевышняго», а боярамъ, давшимъ клятву: «Я слабѣю, оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести». Сильвестръ, замѣтимъ, былъ на сторонѣ Владиміра. На слѣдующій день Государь вторично созвалъ вельможъ и сказалъ имъ:

«Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести Царевича; спасите его, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь!.. А вы, Захарьины чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ: вы будете *первыми мертвецами*. И такъ, явите мужество; умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!»

Волю Царя исполнили, многіе однако нехотя, разсчитывая при

первой же возможности отказаться отъ присяги и поступить по своему. Но неожиданно для всѣхъ Іоаннъ выздоровѣлъ.

Несомнѣнно, что разсказанный здѣсь эпизодъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, котораго онъ не могъ забыть всю жизнь. Онъ увидѣлъ явное непослушаніе, ненависть къ ослушникамъ глубоко запала въ его душу и впослѣдствіи онъ страшно отомстилъ имъ.

Но можно ли толковать этотъ эпизодъ, какъ стремленіе бояръ къ самовластію? Казалось, малолѣтство Димитрія обѣщало имъ полную свободу дѣйствія, но они сами отказываются отъ такой перспективы и хотятъ присягать Владиміру, какъ *самодержцу*. Ослушаніе съ ихъ стороны было, но не было измѣны, которую хотѣлъ видѣть Іоаннъ. Ни объ ограниченіи царской власти, ни о какой бы то ни было конституціи, хотя самой незначительной, бояре не мечтали. Причиной этого было не только ихъ малое политическое развитіе, но и—что еще важнѣе—полное отсутствіе какого бы то ни было единства въ ихъ средѣ. Каждый дѣйствовалъ за себя: одни боялись господства Захарьиныхъ, другіе по самолюбію не хотѣли подчиниться имъ. Въ общемъ боярство XVI-го вѣка представляется намъ средой въ значительной степени разъединенной, неспособной ни къ дружному натиску, ни къ дружной защитѣ. Управлять этой средой было очень нетрудно, особенно при помощи знаменитаго древне-римскаго принципа «divide et impero». Разумѣется, были и выдающіеся умы съ широкимъ политическимъ горизонтомъ и героическіе характеры, но тона они не задавали. Боярство рѣзко и замѣтно, не теряя, такъ сказать, ни одного дня, переходило на положеніе придворной аристократіи и гораздо больше занималось своими мѣстническими спорами и тяжбами, чѣмъ конституціонными проектами или мятежами и измѣнами.

Какъ бы то ни было, болѣзнь и сцена, разыгравшаяся у его постели, произвели на Іоанна сильное впечатлѣніе. Здѣсь онъ убѣдился, что ему, хотя бы умирающему, могутъ оказать явное противорѣчіе. Это навело его и на другія размышленія, въ результатѣ которыхъ онъ сталъ сознавать свою зависимость отъ совѣтниковъ и тяготиться ею. Онъ находилъ уже удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по своему. Описанное выше свиданіе съ Вассіаномъ было новымъ опредѣляющимъ моментомъ въ томъ же направленіи. Но явно онъ долгое время не измѣнялся: вліяніе окружающихъ на слабую волю было слишкомъ сильно, чтобы можно было сразу отдѣлаться отъ него.

Какъ затѣмъ были усмирены казанскіе мятежи и присоединено

царство астраханское, разсказывать не буду: это общеизвѣстно. Пропускаю дѣла крымскія и шведскія, какъ мало характерныя для біографіи, тѣмъ болѣе, что вопросъ о личной инициативѣ Царя за все это время исторически неразрѣшимъ. Гораздо важнѣе, что начиналась ливонская война.

Извѣстно, что историки толкуютъ ее очень различно. Для многихъ желаніе Іоанна завоевать Ливонію, разгромить впослѣдствіи Литву и Польшу, занять самому польскій престолъ является доказательствомъ его великой государственной мудрости. Въ дѣлѣ сближенія Россіи и Европы въ немъ видятъ предшественника Петра. Я уже упоминалъ выше о столкновеніи съ ливонскимъ орденомъ, не желавшимъ пропустить въ Россію художниковъ и ремесленниковъ изъ-заграницы. По этому поводу орденскіе чиновники писали императору:

«Уже Россія такъ опасна, что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Государи уклоняютъ главу предъ сл Вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ. Благоразумно-ли будетъ умножать силы природнаго врага нашего сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ устремится туда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливоніею и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію».

Основываясь на этомъ, историки и приписываютъ Іоанну важнѣйшіе, по выраженію Карамзина, планы. Однако уже самъ Карамзинъ не рѣшается присоединиться къ такому мнѣнію и лишь упоминаетъ о немъ. Вопросъ опять очень трудный. Дѣйствовалъ ли Іоаннъ по геніально задуманному плану, или по капризу? Съ точки зрѣнія психологической, послѣднее вѣроятнѣе, и вотъ почему. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно, чтобы Іоаннъ вообще намѣревался, какъ Петръ Великій, передѣлать Россію по западному образцу. Его идеаломъ была скорѣе азіатская деспотія или византійская имперія, но никакъ не западно-европейское государство. Правда, Европы онъ не чуждался, но можно ли утверждать, что онъ цѣнилъ ее или преклонялся передъ ней, какъ его славный преемникъ. Онъ сносился съ Австріей, съ Англіей и проч., но эти сношенія имѣли по преимуществу характеръ личный, а не государственный. Такъ напр., англійская торговля служила лишь къ выгодѣ двора, посольства къ Елизаветѣ имѣли свою особенную, спеціальную цѣль—найти убѣжище въ Англіи на случай мятежа. Въ Австріи царь искалъ себѣ невѣсту, чтобы, породнившись съ правящимъ домомъ, еще возвыситься надъ

земнородными. И такъ далѣе. Съ капризной, полной противорѣчія и непослѣдовательности натурой Іоанна просто не мирится такой дальновидный планъ, предвосхитившій на цѣлый вѣкъ замыслы Петра Великаго. Если это правда, то Іоаннъ не просто уже геній, а прозорливецъ, не имѣющій себѣ равнаго въ исторіи. До Петра были и Алексѣй Михайловичъ, и царевна Софія. Іоаннъ же мысль о сближеніи съ Европой долженъ былъ создать, такъ сказать, изъ ничего—предположеніе, которое не можетъ не показаться невѣроятнымъ для всякаго маломальски знакомаго съ исторіей. Если бы у меня было больше времени и мѣста, я показалъ бы читателю, какъ стихійно и незамѣтно втянулся Іоаннъ въ войну, принесшую для него столько бѣдъ. Здѣсь же ограничусь лишь тѣмъ, что, думая о завоеваніяхъ, о побѣдахъ и проч., думая о томъ, какъ бы унизить враговъ своихъ, самъ Іоаннъ *нигдѣ* и *никогда* не упоминаетъ о приписываемыхъ ему замыслахъ. Очевидно, онъ не сознавалъ ихъ. Началъ же войну онъ по всей вѣроятности по духу противорѣчія. Рада требовала уничтоженія разбойничьяго гнѣзда, но Царь, начинавшій уже находить удовольствіе въ непослушаніи и противорѣчіи, избралъ войну Ливонскую. Это было въ 1558 г., и первые три года, благодаря мужеству воеводъ, прекрасной сравнительно организаціи войска, наши дѣла шли какъ нельзя больше успѣшно.

«Въ то время,—разсказываетъ Карамзинъ,—какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

«Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Ѳеодора, и дочь Евдокію, цвѣла юностію и здравіемъ: но въ іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ. Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостью возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными. Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и къ отчаянію супруга, Анастасія 7 августа, въ пятомъ часу дня, преставилась...

«Іоаннъ шелъ за гробомъ: братья: Князья Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался; одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина... Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!..

«Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели...»

III.

Опричина и Земщина.

Такъ долго подготовлявшаяся перемѣна въ Іоаннѣ проявилась рѣзко и быстро. Вѣрнѣе: это была не перемѣна, а лишь возвращеніе къ старому, возвращеніе, ставшее неизбѣжнымъ, какъ только исчезло сдерживающее вліяніе супруги и рады. А еще почти накануне восторженно отзывались о немъ и русскіе, и иностранцы. «Іоаннъ,—пишетъ Никвицъ—затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью. Литва, Польша, Швеція. Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ, онъ удивительно снисходителенъ и привѣтливъ; любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ и, несмотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ... Нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе русскихъ преданнаго своему Государю, котораго они одинаково страшатся и любятъ». Но... «умершей убо царицѣ Анастасіи — говоритъ лѣтописецъ - нача Царь быти яръ и прилюбодѣйствіемъ зѣло . Ярость и прелюбодѣйствіе проявились сразу, что мы отмѣтимъ для будущаго.

Для насъ однако такая перемѣна не является неожиданной. Дѣло въ томъ, что еще весною 1560 г. холодность Государя къ Сильвестру и Адашеву обнаружилась такъ ясно, что они увидѣли необходимость удалиться отъ двора. Адашевъ принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію, а Сильвестръ скромно заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Непріятели рады восторжествовали и говорили царю: «нынѣ ты ужъ истинный Самодержецъ, помазанникъ Божій; *единъ управляешь землею*, открывъ свои очи, и зришь свободно на все царство». Ясно изъ этихъ словъ, на какой струнѣ разыгрывали новые совѣтники царя. Дѣйствовала вѣроятно цѣлая клика, хотя мы и не знаемъ именъ ея членовъ. Въ ея интересахъ было прежде всего обезопасить себя отъ возможности возвращенія Сильвестра и Адашева. Обоихъ ихъ обвиняли въ чародѣйствѣ, въ томъ, что они извели царицу,—и осудили заочно. Сильвестра заключили въ Соловецкій монастырь, Адашева—въ Деритъ, гдѣ черезъ два мѣсяца онъ заболѣлъ горячкою и умеръ, избѣгнувъ худшаго. Послѣдовало затѣмъ истребленіе духа Адашевскаго, что мы сейчасъ увидимъ. Пока-же отмѣтимъ слѣдующую любопытную черту характера царя. Спросимъ себя, любилъ ли онъ Анастасію? Повидимому, да; но

крайней мѣрѣ онъ самъ такъ много говоритъ о своей любви и всю жизнь вспоминаетъ о первой женѣ. Однако, когда черезъ *восемь* дней послѣ ея смерти бояре торжественно предложили ему искать невѣсту, онъ выслушалъ ихъ безъ гнѣва, а 18-го августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ короля Польскаго.

«Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣріемъ. Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову».

Царь окружилъ себя новыми любимцами, Басмановыми, Вяземскимъ, Малютой Скуратовымъ, готовыми на все, чтобы удовлетворить своимъ развратнымъ наклонностямъ или честолюбію. Они сговорились съ двумя или тремя монахами, заслужившими довѣренность царя, людьми хитрыми и лукавыми, «которымъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ-бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его». Женолюбіе проявилось полностью. «Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе и, въ ожиданіи новой супруги, искалъ временныхъ предметовъ къ удовлетворенію грубымъ вожделѣніямъ чувственнымъ». Штатъ его гарема состоялъ изъ пятидесяти дѣвушекъ.

Очевидно, что такое поведеніе царя, нарушавшее даже приличіе, не могло нравиться всѣмъ. Карамзинъ говоритъ о печальныхъ лицахъ старыхъ бояръ, оттѣсненныхъ отъ престола голодной стаей новыхъ любимцевъ, и на нихъ указывали, какъ на измѣнниковъ, какъ на друзей Адашева. Сначала стали гнать всѣхъ ближнихъ Адашева: ихъ лишали собственности или отправляли въ дальнюю ссылку. На первыхъ порахъ это не обходилось безъ протестовъ. Такъ, князь Оболенскій, оскорбленный однажды наглостью Басманова, сказалъ ему: «мы служимъ царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами содомскими». Басмановъ пожаловался царю, который за обѣдомъ, «въ изступленіи гнѣва», вонзилъ несчастному князю ножъ въ сердце. Бояринъ князь Рѣпнинъ, видя, что Царь, напившись меду, пляшетъ съ своими любимцами въ маскахъ, заплакалъ отъ стыда и горя. Іоаннъ хотѣлъ надѣть маску и на него, но Рѣпнинъ вырвалъ ее,

растопталъ ее ногами и сказалъ: «Государю-ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, безумствовать не могу». Царь приказалъ умертвить его. Въ угоду Іоанну появилась толпа доносчиковъ. Подслушивали разговоры въ семействахъ или между друзьями, иногда прямо клеветали и выдумывали преступленія, что было не трудно, такъ какъ уликъ не требовалось и охотно вѣрили каждому мерзавцу. Протесты не останавливали царя, а лишь раздражали его: бунтъ, мятежъ, измѣну онъ видѣлъ въ каждомъ смѣломъ словѣ и боролся съ протестующими своими обычными жестокими средствами. Трудно сказать, какой идеалъ носился передъ его разгоряченнымъ болѣзнью, виномъ и развратомъ воображеніемъ, повидимому онъ хотѣлъ не только того, чтобы каждое его слово встрѣчало повиновеніе, но и гораздо большаго—*чтобы его одобряли, восторгались, хвалили его за каждый поступокъ, какимъ-бы онъ ни былъ.* Онъ требовалъ даже, чтобы это одобреніе, похвалы, восторги были-бы искренны, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ былъ достаточно чутокъ. Правда, его можно было обманывать грубой лестью, потворствомъ, но это лишь до поры до времени. Такая фантазія могла зародиться лишь въ головѣ деспота, и ниже, говоря объ опричнинѣ, мы увидимъ попытку осуществить ее. Но самодовольства у него не было.

«Любопытно видѣть,—говоритъ Карамзинъ,—какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ»...

Война съ Ливоніей между тѣмъ продолжалась, и наконецъ въ 1561 г. орденъ, окончательно стѣсненный русскими, долженъ былъ прекратить свое самостоятельное существованіе и присоединиться къ Польшѣ. Предстояла теперь война съ этой послѣдней, но предварительно Іоаннъ и не думалъ о ней, а напротивъ, какъ мы говорили, мечталъ о женитьбѣ на сестрѣ короля Сигизмунда. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили о мирѣ и желаніи русскаго царя породниться съ польскимъ королевскимъ домомъ. Имъ поручено было выбрать одну изъ двухъ сестеръ, Анну или Екатерину, смотря по ихъ красотѣ, здоровью и дородству. Бракъ однако не удался. Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости борьбы за Ливо-

нію, считалъ безполезнымъ родство съ Іоанномъ, и война продолжалась уже въ болѣе широкомъ масштабѣ. Іоаннъ-же, рѣшительно оставивъ мысль сдѣлаться зятемъ Сигизмунда, искалъ себѣ другой невѣсты уже въ азіатскихъ мѣстахъ. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ черкесскихъ князей Темгрюкъ имѣетъ прелестную дочь. Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, «полюбилъ» и велѣлъ учить закону. Бракъ совершился 21-го августа 1561 г., «но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о королевнѣ, по крайней мѣрѣ досадовалъ, готовясь мстить королю и за Ливонію, и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха».

Второй бракъ Іоанна нисчуть не обновилъ его. Онъ увлекся лишь красотою невѣсты, и любовь его, или прихоть, скоро исчезла. Сходили со сцены и послѣдніе дѣятели избранной рады. Въ концѣ 1563 года умеръ въ глубокой старости и митрополитъ Макарій, личность быть можетъ не самостоятельная и не особенно выдающаяся, но съ воспоминаніемъ о которой связано воспоминаніе о лучшихъ дняхъ царствованія Іоанна. Эти дни больше уже не возвращались; напротивъ, злоба и жестокость царя росли, какъ бы стремясь къ какому-то недостижимому предѣлу, когда человѣкъ, «уподоблясь звѣрю, самъ рветъ зубами своего противника и упивается его кровью».

Пытки, казни, неожиданно обрушивавшіяся на правыхъ и виновныхъ, вызвали бѣгство въ южныя края многихъ знатныхъ лицъ. Примѣръ показалъ князь Димитрій Вишневецкій, предавшійся Сигизмунду; за нимъ ушли два брата Черкасскіе, которымъ грозила опала. Особенно извѣстенъ отъѣздъ князя Андрея Курбскаго, знаменитаго обличителя Грознаго.

Случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Курбскій былъ сподвижникомъ всѣхъ блестящихъ завоеваній царя, нѣкогда—его любимцемъ и другомъ. Но онъ зналъ, что послѣ опалы, постигшей Адашевыхъ, добраго ему ничего уже ждать нельзя. Какъ могъ уцѣлѣть онъ, пріятель «собаки Алексѣя» и «попа Сильвестра», членъ избранной рады, когда всѣ, кто имѣлъ какое бы то ни было отношеніе къ дѣятелямъ счастливаго тринадцатилѣтняго періода царствованія Іоанна, подвергались гоненію. Забывъ дружбу, Іоаннъ уже мстилъ ему. Начальствуя въ Дерптѣ, Курбскій сносилъ выговоры и разныя оскорбленія и узналъ наконецъ, что ему готовится гибель. Тогда онъ спросилъ у жены, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго передъ собой, или разстаться на вѣки? Княгиня выбрала послѣднее, и Курбскій ночью тайно вышелъ изъ дома, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, гдѣ уже стояли приготовленныя

лошади, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго литовцами. Сигизмундъ встрѣтилъ его съ почетомъ. Личныя оскорбленія и обиды заставили Курбскаго объясниться съ Іоанномъ, и вотъ резюме перваго письма, написаннаго имъ Царю.

Царю нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному, нынѣ-же по грѣхамъ нашимъ огорченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными Владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты Сильныхъ во Израилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ пролілъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ Царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, Христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни Германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для Царя?... Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя излiянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ, и въ тайныхъ помышленіяхъ: вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе Святыхъ и праотца моего, Князя Ѳеодора Ярославскаго. Мы разстались съ тобою навѣки: не увидишь лица моего до дни суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола Его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства: не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву!—Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь.»

Письмо это Курбскій доставилъ царю съ вѣрнымъ слугой своимъ Василіемъ Шибановымъ. Шибановъ подалъ запечатанную бумагу въ руки самому Государю, сказавъ: «отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Царь, вспыливъ, ударилъ его въ ногу своимъ острымъ жезломъ: кровь лилась изъ раны: Шибановъ молчалъ. Іоаннъ оперся рукою на жезлъ и приказалъ читать письмо вслухъ. Несомнѣнно, что онъ понялъ героизмъ вѣрнаго холопа, безмолвно стоявшаго предъ нимъ... и заставилъ его подвергнуть жесточайшимъ мукамъ въ застѣнкѣ.—Грозный отвѣчалъ Курбскому, самъ-ли или при помощи дьяковъ сво-

ихъ, но все-же интересно будетъ привести самыя характерныя стороны отвѣта:

«Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ. Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего-же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго Владыки, и наслѣдовать вѣнецъ мученическій? Что жизнь, что богатство и слава міра—все суета и тѣнь; блаженъ, кто смертью пріобрѣтаетъ душевное спасеніе»... Аргументъ, надо согласиться, не лишенъ остроумія и схоластически тонокъ. Царь продолжаетъ: «устыдися раба своего Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе передъ царемъ и народомъ: давъ господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему при вратахъ смерти»... Дальше Іоаннъ перечисляетъ свои заслуги передъ Курбскимъ. Указываетъ на свою ласку и милость и старается унизить князя, попрекая его незначительнымъ происхожденіемъ («отецъ твой служилъ въ боярахъ у князя Михаила Курбскаго!») и подводя къ нулю его воинскіе подвиги. Самъ-же себя онъ, разумѣется, возвеличиваетъ: «Что, спрашиваетъ онъ, было отечество въ ваше царствованіе и въ мое малолѣтство? Пустынею отъ Востока и Запада, *и мы*, унявъ васъ (т. е. бояръ), *устроили села и грады тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри.* Горе дому, коимъ владѣетъ жена, горе царству, коимъ правятъ многіе». Слѣдуютъ примѣры изъ исторіи, затѣмъ клеветы на Сильвестра и Адашева и наконецъ слѣдующее характерное умозаключеніе.

«Безстыдная ложь, что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израилѣ*; ихъ кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: *сильные*, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ—и гдѣ же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, святый Князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, сколько убилъ Христіанъ въ Смоленскѣ. Много опалъ горестныхъ для моего сердца: но еще болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣстныхъ. Спроси у купцовъ чужеземныхъ, пріѣзжающихъ въ наше Государство: они скажутъ тебѣ, что твои *предстатели* суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Русская. И что такое *предстатели отечества*? Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпитеры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе были вольны, независимы, жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета. Такъ и будетъ! Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ Угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Хвала Всевышнему: Россія благоденствуетъ; Бояре мои живутъ въ любви и согласіи; одни друзья, совѣтники ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ.—Угрожаешь мнѣ судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ Господня Держава, и въ сей, и въ будущей жизни.—Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица твоего *Эѳіопскаго*: горе мнѣ! какое бѣдствіе!—Престолъ

Всевышняго окружаешь ты убіенными мною: вотъ новая ересь! Никто, по слову Апостола, не можетъ видѣть Бога.—Положи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ докажешь, что и послѣдняя искра Христіанства въ тебѣ угасла: ибо Христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою.—Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій городъ Вольмаръ областію Короля Сигизмунда и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего законнаго, Богомъ даннаго тебѣ Властителя. Ты избралъ себѣ Государя лучшаго! Великій Король твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными: таковъ ты дѣйствительно.—Писано нашея Великія Россіи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта мірозданія 7072, Іюля мѣсяца въ 5 день».

Письмо, несомнѣнно, написано съ большимъ искусствомъ. Оно уснащено массою цитатъ изъ исторіи и священнаго писанія и отъ начала до конца проникнуто тонкимъ схоластическимъ духомъ. Но гдѣ—то мѣсто, гдѣ та фраза, которыя говорили-бы намъ о величіи души, гдѣ благородство мыслей, выраженій чувства? Насмѣшки грубы, ложь и самовосхваленіе беззастѣнчивы. Особенно поучительна эта язвительность, это желаніе во что-бы то ни стало уколоть противника, эти упреки въ незначительности происхожденія. Говоря о Сильвестрѣ и Адашевѣ, царь то просто ругается, то старается очернить ихъ всевозможными клеветническими хитросплетеніями. За собой, на бумагѣ по крайней мѣрѣ, не видитъ никакой вины и громогласно объявляетъ всѣ свои жестокости и казни проявленіемъ высшей справедливости. Блескъ ума, повторяю, виденъ, но благородство отсутствуетъ, нѣтъ и признаковъ его. Характерно то, что отвѣтъ Іоанна Курбскому разросся въ цѣлую книгу. Очевидно, онъ долго обдумывался, долго подбирались цитаты и слова язвительныя, долго обсуждалось достоинство того или другого аргумента. Собственно царь не оправдывается: онъ пишетъ себѣ самый беззастѣнчивый панегирикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражняется въ стилѣ. Искусственный характеръ аргументаціи не позволяетъ въ этомъ усомниться. Царь столько-же заботился объ убѣдительности, сколько и о томъ, чтобы тѣ, которымъ придется читать его произведеніе, пришли въ восторгъ отъ его учености, остроумія, его краснорѣчія... Курбскій презрительно отвѣтилъ ему, упрекая между прочимъ въ «жалкомъ суесловіи». Съ этимъ упрекомъ трудно не согласиться.

Въ началѣ зимы 1564 г. Москва неожиданно узнала, что Царь ѣдетъ куда-то съ ближними своими дворянами, приказными и воинскими людьми, поименно созванными для этого изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. 3-го декабря рано

утромъ явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ Дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, одежду и деньги. Духовенство, бояре ждали въ это время Царя въ церкви Успенія; онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе, милостиво далъ цѣловать свою руку боярамъ, чиновникамъ, купцамъ, затѣмъ сѣлъ въ сани съ Царицею, двумя сыновьями, своими любимцами-боярами и, провожаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское. Здѣсь за распутьемъ онъ прожилъ около двухъ недѣль, никому ничего не разъясняя изъ дальнѣйшихъ своихъ плановъ. Изъ Коломенскаго царь перебрался въ село Тайнинское и наконецъ въ Александровскую Слободу, гдѣ и остановился окончательно. Въ Москвѣ между тѣмъ никто не зналъ, что думать о таинственномъ путешествіи государя; всѣ ждали чего нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, нерадостнаго. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Наконецъ 3-го января 1565 г. посланцы вручили митрополиту грамоту Іоанна. Въ ней, какъ бы повторяя свою рѣчь на Красной площади, государь описывалъ всѣ мятежи, неустройства и беззаконія боярскаго правленія во время его малолѣтства, доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли и помѣстья, исключительно радѣя о своемъ благѣ, и что духъ этотъ теперь въ нихъ нисколько не измѣнился. Воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ и нѣмцамъ терзать Россію; а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновниковъ, грубятъ и надоѣдаютъ ему. «И Царь—заканчиваетъ Іоаннъ свою грамоту—отъ великой жалости сердца, не желая терпѣть ихъ (т. е. бояръ и чиновниковъ) многихъ измѣнныхъ дѣлъ, оставилъ государство свое и уѣхалъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ укажетъ ему Богъ».

Эта новая театральная выходка произвела въ Москвѣ большое волненіе. Митрополитъ и бояре испугались, не допуская даже и мысли, чтобы Царь могъ серьезно оставить государство, тѣмъ болѣе, что ни объ отреченіи отъ престола, ни о выборѣ преемника въ грамотѣ не говорилось ни слова; купцы-же и мѣщане изъявляли сами готовность истреблять измѣнниковъ, лишь бы Царь указалъ ихъ. Во всякомъ случаѣ оставаться долѣе въ томительномъ недоумѣніи не хотѣлось никому, и съ общаго согласія торжественное посольство, состоявшее изъ духовенства, бояръ и горожанъ, направилось къ

Іоанну. Цѣлью посольства было ударить челомъ Государю и плакаться.

5-го января предстало оно передъ царскія очи и умильно плакалось. Духовенство просило снять съ него опалу и вернуть милость, о томъ же просили сановники. На рѣчи пришедшихъ Іоаннъ отвѣчалъ съ обычнымъ своимъ многорѣчіемъ и высокопарностью, повторилъ боярамъ всегдашніе свои упреки въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи и строптивости; ссылался на исторію, доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія на Руси, а также врагами державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли извести Царя, супругу, сыновей его.—Бояре молчали. «Но,—продолжалъ Царь,—для отца моего Митрополита Афанасія, для васъ богомольцевъ нашихъ, Архіепископовъ и Епископовъ, соглашаюсь пока взять Государства свои; а на какихъ условіяхъ—вы узнаете!»

Во втеченіи цѣлаго мѣсяца эти условія оставались тайной. Только 2-го февраля Іоаннъ торжественно возвратился въ Москву и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, глаза были тусклы, а на головѣ и въ бородѣ не было почти ни волоса. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ объ обязанности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ и необходимости брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни и затѣмъ предложилъ уставъ «опричины», сущность котораго сводилась къ тому, что Царь избиралъ себѣ тысячу тѣлохранителей и объявлялъ своею личною собственностью нѣсколько (около 20-ти) богатыхъ городовъ, а также и улицъ въ Москвѣ. Эта часть Россіи и Москвы, какъ отдѣльная собственность Царя, находясь надъ непосредственнымъ его вѣдомствомъ, была названа *Опричиною*, а все остальное, т. е. все Государство, *Земщиною*, которую Іоаннъ поручилъ земскимъ боярамъ. Въ важнѣйшихъ, особенно-же ратныхъ дѣлахъ, позволялось обращаться къ Государю.

Объявивъ эту новую конституцію, Іоаннъ потребовалъ прежде всего отъ земщины 100,000 р. за издержки по путешествію отъ Москвы до слободы Александровской, а затѣмъ принялся за осуществленіе программы и искорененіе измѣнниковъ.

Найти какое нибудь разумное объясненіе новой выдумкѣ Іоанновой очень трудно, едва-ли даже возможно. Даже въ рѣчахъ своихъ Царь никакихъ мотивовъ государственнаго характера не привелъ, а о слѣдовавшихъ за учрежденіемъ Опричины поступкахъ нечего

и говоритъ: все отъ начала до конца говоритъ о разгулѣ личной страсти, рѣшившейся отрѣшиться отъ какихъ-бы то ни было стѣсненій. Въ этихъ послѣднихъ словахъ и заключается кажется вся разгадка. Несомнѣнно, что, живя въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, окруженный боярами, которые хотя и молчали, но далеко не всему сочувствовали, Іоаннъ стѣснялся вести ту жизнь, которая была наиболѣе по нраву ему, и эти стѣсненія, какъ ни малы были они, въ концѣ концовъ надоѣли ему. Надоѣло, что митрополитъ является просить за опальныхъ, что надо присутствовать въ думѣ и такъ или иначе заниматься государственными дѣлами, надоѣла быть можетъ вся эта обстановка, такъ живо напоминавшая о ненавистныхъ Сильвестрѣ и Адашевѣ. Въ Москвѣ Царь былъ слишкомъ на глазахъ, слишкомъ доступенъ, а этого-то Іоанну и не хотѣлось. Онъ задумалъ спрятаться отъ народа, бояръ и духовенства и, не стѣсняясь никѣмъ, предаться разгулу мести и сладострастія. Оттого-то въ рѣчахъ своихъ онъ и возвращается такъ настойчиво къ тому, что его «стужаютъ», т. е. тревожатъ его непрошеннымъ вмѣшательствомъ какъ въ личную его жизнь, такъ и въ распоряженія по части казней и пытокъ. Москва, Кремль годились быть можетъ для умѣреннаго разгула и звѣрства, но они были стѣснительны для новой жизни, давно уже вырисовавшейся передъ разстроеннымъ воображеніемъ Царя. Онъ дѣлалъ попытки осуществить ее въ юности до брака съ Анастасіей и до появленія Сильвестра, но обстоятельства не позволили: теперь уже препятствій не было никакихъ, даже со стороны царицы, которую, какъ мы видѣли, лѣтописцы характеризуютъ очень неважно. Но какъ добиться этого, какъ чувствовать себя совершенно свободнымъ и въ то-же время совершенно безопаснымъ? Страхъ и подозрительность попрежнему, быть можетъ сильнѣе еще, мучили душу Царя, призракъ измѣны тѣмъ настойчивѣе стоялъ передъ его глазами, что Курбскій только что предался королю, и злой-ли человѣкъ подсказалъ, самъ-ли Царь выдумалъ, но, какъ бы то ни было, исходъ былъ найденъ.

Нелюбившій усиленныхъ занятій, Царь передалъ большую часть дѣлъ земскимъ боярамъ. Это давало полный просторъ его лѣни. Болѣзненно подозрительный, онъ окружилъ себя громаднымъ отрядомъ тѣлохранителей. Чтобы еще больше обезопасить себя, онъ изъ «опричныхъ» земель и улицъ выселилъ всѣхъ земскихъ людей. Здѣсь, въ Александровской слободѣ или въ своемъ новомъ московскомъ дворцѣ, онъ чувствовалъ себя, какъ въ крѣпости. Онъ сидѣлъ за высокими стѣнами, скрытый отъ всѣхъ глазъ, имѣя возмож-

ность дѣлать рѣшительно все, что было угодно, не приводя оправданій, не надѣвая никакой маски. Опричнина была настоящей крѣпостью, откуда Іоаннъ управлялъ всей Россіей, вѣрнѣе дѣлалъ набѣги на всю Россію.

Предварительно занялся онъ устройствомъ дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Басмановъ-сынъ, Вяземскій, Малюта Скуратовъ и другіе избранные любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ, уже раньше отличившихся распутствомъ, удальствомъ и готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ, друзьяхъ, покровителяхъ; требовалось, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность и даже низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6000 и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрой и правдой, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими, не водить съ ними хлѣба соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это Іоаннъ давалъ имъ не только земли, но и дворы и движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя помѣстья. Крестьяне одинаково являлись жертвами: новые владѣльцы, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, имѣя постоянную нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами и трудами. Деревни быстро разорялись. Но это зло было лишь началомъ дальнѣйшихъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предастъ всю Россію въ жертву своимъ опричникамъ: они были всегда правы во всемъ. Опричникъ могъ безопасно тѣснить и грабить сосѣда и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Установился еще и такой обычай: слуга опричника, исполняя волю господина, прятался съ какими-нибудь вещами въ домѣ намѣченнаго купца или дворянина; господинъ, заявляя мнимую кражу и мнимое бѣгство слуги, требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пятьсотъ, тысячу и болѣе рублей за укрывательство. Иногда опричникъ самъ подбрасывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ и за будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду... Изобрѣтательны были опричники, а люди земскіе были безгласны и безотвѣтны передъ ними. Іоаннъ поощрялъ жестокость и преступность своей дружины, ибо чѣмъ больше государство ненавидѣло

опричниковъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности. Замѣтимъ еще, что «затѣйливый» умъ царя изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ знаменіе того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и выметаютъ измѣну изъ земли русской.

Посмотримъ, какую жизнь велъ Іоаннъ. Хотя новый московскій дворецъ и былъ похожъ на крѣпость, но Іоаннъ не считалъ себя безопаснымъ и въ немъ: не взлюбивъ Москвы, онъ большую часть времени проводилъ въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украсилась домами, церквами и каменными лавками. Царь жилъ въ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные и воинскіе чиновники—въ особыхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу, купцы—также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать изъ слободы безъ вѣдома Іоанна, для чего была установлена воинская стража. Здѣсь-то за стѣнами крѣпости, окруженной темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностью успокоивать душу. Онъ захотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а своихъ любимцевъ—въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ самыхъ лютыхъ, назвалъ ихъ братіею, себя—игуменомъ, князя Вяземскаго—келаремъ, Малюту — параклесіархомъ; далъ имъ тафьи, или скуфейки, и черныя рясы, подъ которыми носили они богатые, золотомъ шитые кафтаны съ собольей опушкой, сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи его. Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и Малютою благовѣстить къ заутрени; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали восьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до 6—7 часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ иноки ѣли и пили до сыта; всякій день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ, т. е. царь, обѣдалъ послѣ, бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ, дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что это ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ, разговаривалъ веселѣе

обыкновеннаго. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ одинъ за другимъ разсказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ, и день его начинался молитвою. Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени и обѣдни. Однообразіе своей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми объѣздами; посѣщалъ монастыри и ближніе, и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, любилъ въ особенности медвѣжью травлю: между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами, ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда въ Россію пріѣзжали знатные иноземные послы, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой кремлевской палатѣ, являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко.

Все это время одна и та же мысль, гвоздемъ засѣвшая въ головѣ его, не давала ему покоя. Надо было искоренить боярство. Объ этомъ часто говорилъ онъ въ дружескихъ разговорахъ съ приближенными ему иностранцами. Онъ жаловался имъ на бояръ, на духовенство, не скрывалъ своихъ мстительныхъ замысловъ противъ первыхъ, чтобы имѣть возможность царствовать свободнѣе и безопаснѣе съ дворянствомъ новымъ или опричниною, ему преданною. По словамъ царя, опричина видѣла въ немъ отца и благодѣтеля, а бояре жалѣли и вздыхали о временахъ Адашевскихъ, когда имъ было свободно, а ему, царю,—неволя. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, государь исполнялъ свою программу. Многихъ бояръ казнилъ онъ лютою смертью, другихъ постригалъ въ монахи, третьихъ отправлялъ въ тяжелую ссылку, съ остальныхъ бралъ записи за поручительствомъ ихъ друзей: въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели должны были вносить въ казну «знатную» сумму денегъ: напр., за князя Серебрянаго 25,000 рублей, или около полумилліона нынѣшнихъ.

Постепенно развивалась и идея царскаго величія, принимая странныя, утрированныя формы. Чтобы возвыситься надъ другими, царь уже отказывался быть русскимъ. Однажды, по разсказу Флетчера, Іоаннъ велѣлъ одному англійскому мастеру сдѣлать для него блюдо и хорошенько взвѣсить отданный ему слитокъ металла, промолвивъ: «не вѣрь моимъ русскимъ: они всѣ воры». Англичанинъ улыбнулся: царь захотѣлъ узнать причину. «Если угодно вашему

величеству, — сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, — то не скрою отъ васъ мысли своей: называя всѣхъ русскихъ ворами, забываете, что и сами вы принадлежите къ ихъ числу». «Нѣтъ, — отвѣчалъ Іоаннъ:—я не русскій: мои предки были нѣмцы». Онъ хотѣлъ въ это время жениться на нѣмкѣ, а дочь свою выдать за нѣмецкаго князя.

Въ общемъ жизнь царя въ Александровской свободѣ представляетъ много любопытнаго. Внимательный читатель не могъ не обратить прежде всего вниманіе на невѣроятно повышенную и напряженную нервную дѣятельность Іоанна. Царь несомнѣнно страдалъ безсонницей; по свидѣтельству современниковъ, онъ не спалъ почти, а лишь дремалъ изрѣдка и то въ общей сложности не больше 2 — 3 часовъ въ сутки. Цѣлыя ночи онъ проводилъ въ церкви, кладя земные поклоны до кровавыхъ пятенъ на лбу, днемъ или кутилъ, или пыталъ несчастныхъ, или занимался государственными дѣлами. Повидимому онъ не зналъ усталости и, отдаваясь своей похотливой натурѣ, не чувствовалъ даже необходимости въ отдыхѣ. Тѣло его истощалось. Пробывъ всего одинъ мѣсяцъ въ слободѣ и вернувшись затѣмъ въ Москву, онъ настолько измѣнился, что трудно было узнать его: глаза потускнѣли, волоса на головѣ и бородѣ вылѣзли почти до единаго, но повышенная нервная дѣятельность не падала. Она выражалась въ безпрестанномъ безпокойствѣ, въ постоянной необходимости раздражать себя пирами или пытками. И послѣ этихъ пытокъ Царь чувствовалъ себя особенно веселымъ и даже благодушно настроеннымъ! Если-же это такъ, то жестокость Іоанна была не прихотью, не капризомъ, не тиранствомъ, какъ постоянно выражается Карамзинъ, а необходимостью его натуры, которой онъ долженъ былъ служить, какъ пьяница долженъ пить водку. Онъ радовался и веселился духомъ, видя передъ собой корчившагося на угольяхъ человѣка; эти страданія удовлетворяли его потребность къ мучительству, уменьшали то постоянное тревожное безпокойство, которое онъ день и ночь ощущалъ въ себѣ. Отъ него-то уйти онъ не могъ, и только застѣнокъ давалъ ему минутные отдыхи. Для меня по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что это непрестанное тревожное настроеніе, эта безсонница, эта неугомонная нервная дѣятельность говорятъ о глубокомъ разстройствѣ душевнаго организма, особенно-же безсонница, какъ явленіе чисто физіологическое. И мы увидимъ дальше, какъ это разстройство достигло наконецъ кульминаціоннаго пункта, какъ принимало оно все болѣе и болѣе буйныя формы.

Пока же будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Въ это время (1566) предстоялъ выборъ митрополита. Сначала

выборъ палъ на Германа. Но тотъ, однажды бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, захотѣлъ попытать его сердце; началъ говорить съ нимъ, какъ должно первосвятителю, о грѣхахъ, о христіанскомъ покаяніи, тихо и скромно, одпакоже съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался: ему опять надоѣдали, опять принялись за «стуженіе», которое лишь раздражало его. Онъ вышелъ отъ митрополита съ лицомъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Германа и спросилъ, что они думаютъ. «Думаемъ, Государь,—отвѣчалъ А. Басмановъ,—что Германъ желаетъ быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ твое воображеніе и лицемѣритъ въ надеждѣ овладѣть тобою. Но спаси насъ и себя отъ такого Архипастыря». Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другого первосвятителя. Трудно сказать почему, но вниманіе его остановилось на Филиппѣ, игуменѣ Соловецкаго монастыря, который славился своимъ благочестіемъ; но зачѣмъ понадобилось оно Государю! Какъ бы то ни было, Филиппъ, вызванный въ Москву Царскою милостивою грамотою, явился туда, былъ принятъ Царемъ съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Несмотря на всѣ отговорки Филиппа, Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ сказалъ: «Повинуюсь волѣ твоей; но умири-же совѣсть мою: да не будетъ опричины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по Глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословить тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ сдержалъ гнѣвъ свой и тихо отвѣтилъ: «развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня? что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» — и доказывалъ необходимость опричины, но, скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестьемъ, но ошиблись: быть можетъ, Царь не оставлялъ еще надежды сдѣлать его хотя бы молчаливымъ соучастникомъ своего правленія *), и первый шагъ Филиппа какъ бы оправдывалъ его разсчеты. Была написана грамота, въ которой сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступаться въ опричину Государеву и не оставлять митрополію подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться

*) Еще вѣроятнѣе, что Іоаннъ избраніемъ Филиппа просто хотѣлъ удивить всѣхъ, такъ какъ никому и въ голову ничего подобнаго не приходило. Эффектъ получился почти театральный.

въ дѣла мірскія. Святители утвердили эту хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричины, былъ немедленно возведенъ въ митрополиты. Первое-же слово, сказанное имъ по принятіи сана, было исполнено величія. Онъ говорилъ о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы и порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земного величія, о невооруженной любви, которая пріобрѣтается государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ словамъ Филиппа, и первые мѣсяцы послѣ избранія его прожили въ мирѣ. Затихли жалобы на кромѣшниковъ, Царь ласкалъ митрополита... Чувствовалъ-ли онъ угрызенія совѣсти или притворялся?—недоумѣваетъ Карамзинъ. По нашему ни то, ни другое: это былъ лишь короткій періодъ реакціи, необходимый во всякой болѣзни.

Но скоро начались новыя убійства и казни—третья эпоха ихъ по счету историковъ. Характеръ его нѣсколько иной, почему и остановимся на ней подробнѣе.

Прежде всего главнымъ боярамъ московскимъ тайно вручили грамоты, подписанныя Сигизмундомъ и Хоткѣвичемъ: король и гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщая удѣлы. Бояре, представивъ эти грамоты Іоанну, отвѣчали королю, что склонять къ измѣнѣ вѣрныхъ подданныхъ есть дѣло безчестное, что они умрутъ за Царя добраго, ужаснаго лишь для злодѣевъ,—словомъ, доказали свои вѣрноподданническія чувства какъ нельзя лучше. Іоаннъ самъ взялся доставить эти грамоты королю, но доставилъ-ли ихъ—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, планъ его, довольно хитро задуманный, не удался. Онъ обратился къ мѣрамъ болѣе грубымъ. Старый бояринъ Ѳедоровъ былъ обвиненъ въ томъ, что желаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіей. Іоаннъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ этой клеветѣ: въ присутствіи всего двора надѣлъ на Ѳедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «Здравъ буди, великій Царь земли Русской. Се пріялъ ты отъ меня честь тобою желаемую. Но, имѣя власть сдѣлать тебя Царемъ, могу и низвергнуть съ Престола». Съ этими словами онъ ударилъ старика ножомъ въ сердце; опричники дорѣзали его, выволокли обезображенное тѣло изъ дворца и бросили на съѣденіе псамъ. Умерщвлена была также и престарѣлая жена

боярина и многіе его «единомышленники». Погибъ скоро и князь Ростовскій, воеводствовавшій въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда опричники привезли Іоанну его отрѣзанную голову, онъ, оттолкнувъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что покойный князь, любивъ обагряться кровью непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и своею собственной. Въ эти минуты обыкновенно сумрачный Царь расходился и острилъ. Убиты были и многіе другіе знатные люди. Буйство достигло размѣровъ еще невиданныхъ. Опричники, вооруженные длинными ножами и сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, всенародно убивали человѣкъ по десяти, по двадцати въ день. Трупы лежали на улицахъ и площадяхъ, и никто не могъ убирать ихъ. Граждане боялись выходить изъ домовъ. «Въ безмолвіи Москвы тѣмъ свирѣпѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ».

Молчалъ и митрополитъ, котораго Царь избѣгалъ и отказывался видѣть; но это до поры до времени.

«Однажды, въ воскресенье, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, сопровождаемый боярами и множествомъ опричниковъ, вошелъ въ церковь Успенія: Царь и вся дружина были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Филиппъ стоялъ въ церкви на высокомъ мѣстѣ. Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый Владыко! Се Государь: благослови его!» Взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣчалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя Православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Царства... Благочестивый, кому поревновалъ, сицевымъ образомъ доброту лица своего измѣнивши. Отколь солнце на небеси начало сіяти, не было слыхано, чтобы Цари благочестивые свою державу возмущали. О Царю! Мы приносимъ здѣсь жертву Богу, а за алтаремъ неповинная кровь льется. Въ невѣрныхъ языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ. Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и совершаются именемъ Царя! Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь ты на судъ Его? Самые камни вопіютъ о мести подъ ногами твоими! Государь! Вѣщаю яко пастырь душъ. Боюсь Бога единаго». Іоаннъ задрожалъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ: «Чернецъ, до сихъ поръ излишне щадилъ я васъ, измѣнниковъ: отнынѣ буду, каковымъ вы меня нарицаете!» Грозный вышелъ вонъ изъ церкви.

Буйство продолжалось. Царь превосходилъ жестокостью даже

опричниковъ своихъ. Ссылаясь на Геника, Курбскій прибавляетъ, что два брата, вмѣстѣ съ другими служа Іоанну палачами въ истребленіи, не могли убить одного прекраснаго младенца, найденнаго ими въ колыбели, и принесли его Царю. Іоаннъ взялъ его, *поцѣловалъ* и выбросилъ въ окно на съѣденіе медвѣдямъ, а двухъ упомянутыхъ братьевъ велѣлъ изрубить саблями за ихъ жалость. Жестокости принимали характеръ грубаго разбоя. Въ іюлѣ 1568 г. въ полночь любимцы Іоанна вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывозили изъ города. Вслѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный опричниками. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, казнилъ ихъ слугъ, *даже истреблялъ скотъ*. Возвратясь въ Москву, велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ страха и горя.

28-го іюля произошло новое столкновеніе съ Филиппомъ. Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ: тутъ были и Царь съ опричниками, изъ которыхъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Увидавъ это, митрополитъ остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Царю, но опричникъ уже спряталъ тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ государовыхъ любимцевъ. Забывши всякую пристойность, Іоаннъ громко ругалъ Филиппа, называлъ его лжецомъ, мошенникомъ, клялся, что уличитъ его въ измѣнѣ.

Съ этой минуты участь митрополита была рѣшена. Онъ былъ позванъ на судъ. Царь, бояре и епископы сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на Филиппа съ дерзостью человѣка, стремившагося занять его мѣсто. Не оправдываясь, митрополитъ обратился къ Царю и сказалъ: «Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, чѣмъ въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно!» Какъ бы надсмѣхаясь надъ нимъ, Іоаннъ приказалъ ему еще служить обѣдню въ полномъ облаченіи. Филиппъ повиновался. Во время службы въ церковь явился Басмановъ съ опричниками, держа въ рукахъ свитокъ, и велѣлъ прочесть его. Въ свиткѣ значилось, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана. Тогда воины, войдя въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ монастырь. Вскорѣ онъ былъ задушенъ.

«Тиранство,—говоритъ Карамзинъ,—созрѣло въ эту эпоху, но конецъ былъ далекъ». Жестокость обрушивалась уже на массы. Въ Торжкѣ, въ день ярмарки, опричники завели ссору и драку съ жителями. Царь объявилъ ихъ бунтовщиками, велѣлъ ихъ мучить и топить въ рѣкѣ. То же произошло и въ Коломнѣ. Не остановили Царя просьбы и укоры митрополита, не могли остановить его и бѣдствія народныя. А ихъ было много. Въ іюлѣ 1566 г. по сѣверо-западу пошло моровое повѣтріе: люди умирами скоропостижно «знаменіемъ», какъ сказано въ лѣтописяхъ. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: люди тысячами гибли отъ голоду. На это Царь не обращалъ вниманія, онъ думалъ лишь о своихъ казняхъ и внѣшнихъ дѣлахъ, которыя всегда сильно интересовали его. Съ этими внѣшними дѣлами связанъ одинъ эпизодъ изъ политической жизни Россіи, который необходимо разсказать подробнѣе.

Въ 1566 г., въ іюлѣ, Іоаннъ призвалъ въ земскую думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничихъ дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ, отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ. Въ собраніи находилось 399 человѣкъ. Всѣ отвѣчали, что государю безъ вреда для Россіи нельзя быть «снисходительнѣе», что Рига и Венденъ необходимы намъ для защиты Новгорода и Пскова, иначе затворится торговля новогородская. Воины изъявили готовность пролить кровь свою, граждане—отдать деньги. Былъ ли этотъ соборъ испытаніемъ вѣрности, или новымъ театральнымъ зрѣлищемъ, на которомъ Царь хотѣлъ явиться въ полной торжественности,—мы не знаемъ, но частью какой бы то ни было политической программы считать его нельзя: такой программы у Іоанна никогда не имѣлось, и единственнымъ результатомъ собора было то, что Россія рѣшительнѣе стала продолжать войну. Самъ Царь отправился на мѣсто дѣйствія, но, охлажденный неудачами и опасностями, скоро вернулся въ столицу. Тогда обѣ стороны, утомленныя борьбой, заключили временное перемиріе.

Изъ внѣшнихъ же сношеній любопытно посольство дворянина Андрея Савина къ Елизаветѣ. Посольство было съ тайнымъ дѣломъ, о которомъ мы узнаемъ только по отвѣту Елизаветину, хранящемуся въ нашемъ иностранномъ архивѣ. Какъ оказывается, Іоаннъ, недавній побѣдитель Польши, не имѣвшій рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ вѣрноподданническихъ чувствахъ народа своего, только и думалъ что о бунтахъ, объ изгнаніи и даже о своей

собственной казни! Ему мерещились мятежи и возстанія, онъ писалъ объ этомъ Елизаветѣ и просилъ убѣжища въ ея землѣ на случай чего нибудь подобнаго. Королева отвѣчала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, если, вслѣдствіе тайнаго заговора, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ угодно въ Англіи *), наблюдать въ богослуженіи всѣ обряды вѣры греческой, имѣть своихъ слугъ и право свободнаго выѣзда, куда угодно. «Все это,—заканчивала Елизавета,—мы обѣщаемъ какъ этимъ нашимъ письмомъ, такъ и словомъ христіанскаго государя». Слѣдуютъ подписи Елизаветы и ея приближенныхъ.

Манія преслѣдованія очевидно разыгрывалась, но, какъ и все у Іоанна, и эта манія проявлялась пока припадками, не принимая еще хроническаго характера. Въ одинъ изъ этихъ припадковъ и было вѣроятно написано письмо къ Елизаветѣ. Замѣтимъ, что прямого повода къ нему не было рѣшительно никакого. Оно явилось какъ бы по капризу разстроеннаго воображенія, которому мерещились всякіе ужасы. Передъ Іоанномъ носились картины мятежа и возстанія, какъ носились и картины страшнаго суда. Отъ первыхъ онъ хотѣлъ бѣжать въ Англію,—куда было бѣжать отъ вторыхъ?

—

1-го сентября 1569 года умерла царица Марія. Россія облеклась въ трауръ, дѣла остановились, бояре и приказные люди надѣли смиренное платье, во всѣхъ городахъ служили панихиды и раздавали милостыню. Самъ Іоаннъ, едвали опечаленный смертью жены, уѣхалъ изъ Москвы въ слободу, гдѣ принялся за обычное свое времяпрепровожденіе.

Первой «крупной» жертвой его на этотъ разъ былъ князь Владиміръ Андреевичъ. *Шестнадцать лѣтъ* уже таилъ на него Іоаннъ злобу свою, и наконецъ она разразилась. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній черезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его съ крестами и хлѣбомъ и солью, изъявляя любовь свою. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ привести костромскихъ начальниковъ въ Москву и казнить ихъ. Брата онъ ласково пригласилъ къ себѣ. Владиміръ направился къ нему съ женою и дѣтьми и, остановившись въ трехъ верстахъ

*) Елизавета прибавляетъ: «upon your own charge» — «на вашъ собственный счетъ»... Разсчетливая была особа.

отъ слободы, въ деревнѣ Слотичъ, далъ знать о своемъ пріѣздѣ Іоанну. Вдругъ видитъ онъ полкъ всадниковъ, скачущихъ во весь опоръ съ обнаженными мечами. Всадники окружили деревню, схватили князя и повели его вмѣстѣ съ семействомъ къ Іоанну, сидѣвшему въ избѣ. «Вы хотѣли умертвить меня — сказалъ Іоаннъ — ядомъ, пейте его сами!» Подали отраву. Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ, то же сдѣлала жена его и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать. Іоаннъ все время смотрѣлъ на ихъ агонію. И здѣсь уже не жестокость просто, здѣсь мучительство и наслажденіе имъ. Но особенно любопытно, что Іоаннъ ждалъ мести своей цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ. Это можетъ сбить съ толку всякаго, кто склоненъ видѣть въ грозномъ царѣ болѣзненное разстройство. Такое долготерпѣніе какъ-то не вяжется съ обычнымъ представленіемъ объ Іоаннѣ, любившемъ немедленно же удовлетворять каждую прихоть свою, каждое волненіе похоти. А тутъ цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, и какихъ еще лѣтъ! За все это время Царь ласкалъ брата, ухаживалъ за нимъ, чествовалъ всякими способами и почти накануне казни ввѣрилъ ему войско для защиты Астрахани. Такая выдержанность, повторяю, свидѣтельствуетъ повидимому объ умѣ здравомъ. Но это лишь *повидимому*. Психологія доказываетъ, что и сильно разстроенные люди очень долго могутъ таить свои намѣренія и даже искусно прятать ихъ подъ любою маской. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ: для казни Владиміра приключился поводъ — именно вниманіе къ нему костромичей. Этого уже Іоаннъ стерпѣть не могъ, онъ слишкомъ ревниво относился къ власти своей. Она должна быть абсолютной и нераздѣльной, всякое ничтожное даже посягновеніе на нее наказывается смертью. Передъ Царемъ пусть все падетъ въ прахъ, пусть все *сравняется*.

Не могъ не сравняться и Новгородъ Великій, и здѣсь мы подошли къ одной изъ самыхъ пропитанныхъ кровью страницъ царствованія Іоанна.

Новгородъ, униженный и обезличенный еще при дѣдѣ Грознаго, «сохранялъ еще нѣкоторую величавость», основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ гражданскомъ устройствѣ. Это безпокоило Царя. Весною 1569 г. онъ вывелъ изъ города 150 семействъ и переселилъ ихъ въ Москву. Это не предвѣщало ничего хорошаго. Гроза дѣйствительно скоро разразилась.

Въ декабрѣ царь съ старшимъ сыномъ, дружиною, со всѣмъ дворомъ выступилъ изъ слободы, миновалъ Москву и пришелъ въ

Клинъ. Здѣсь, на первомъ этапѣ, онъ велѣлъ своимъ воинамъ начать войну, убійство и грабежъ, хотя клиничане не подавали ни малѣйшаго повода, чтобы ихъ могли счесть за враговъ тайныхъ или явныхъ. Дома и улицы наполнились трупами, не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни дорога усыпалась трупами *«всѣхъ встрѣчныхъ»*; подъѣхавъ къ Твери, Царь вспомнилъ, что здѣсь въ монастырѣ сидитъ заключенный бывшій митрополитъ Филиппъ. Онъ послалъ Скуратова задушить его. Дальше были разорены и ограблены Тверь, Мѣдный, Торжокъ, Вышній-Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя. Наконецъ, 2-го января, передовая многочисленная дружина государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ спастись бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и окрестностяхъ, связали иноковъ и священниковъ, взыскивали съ каждаго изъ нихъ по 20 руб., а кто не могъ заплатить, того ставили на правежъ, т. е. всенародно били и сѣкли съ утра до вечера. Опечатали также дворы всѣхъ богатыхъ гражданъ; гостей, купцовъ, приказныхъ людей оковали цѣпями, женъ и дѣтей стерегли въ домахъ. Ждали прибытія Государя. Онъ прибылъ 6-го, и началось нѣчто невообразимое. На другой же день избили палицами всѣхъ монаховъ, бывшихъ на правежѣ. 8-го Царь вступилъ въ самый Новгородъ. На великомъ мосту его встрѣтилъ архіепископъ. Іоаннъ отказался принять благословеніе, грозно укорялъ его, но все же *выслушалъ литургію*, усердно молился и затѣмъ отправился въ палаты архіепископа, гдѣ и сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ боярами. Вдругъ Царь завопилъ «гласомъ великимъ яростью». Это былъ условный знакъ: архіепископа схватили, дворъ и казну его разграбили.

Начался судъ надъ новгородцами.

Ежедневно приводили къ Іоанну, возсѣдавшему на тронѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, отъ пятисотъ до 1000 и болѣе новгородцевъ, били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, тащили на берегъ Волхова въ то мѣсто, гдѣ рѣка не замерзала зимой, и бросали съ моста въ воду цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами. Воины московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами: кто изъ брошенныхъ въ воду выплывалъ, того кололи или разсѣкали на части. Убійства продолжались пять недѣль и заключились общимъ грабежомъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ монастыри вокругъ города, захватывая повсюду казну, велѣлъ опустошить дворы и келіи, истребить скотъ, хлѣбъ, лома-

дей; предалъ также и весь Новгородъ грабежу и, самъ разъѣзжая по улицамъ, наблюдалъ за ходомъ всеобщаго разрушенія. Толпы опричниковъ и воиновъ были посланы и въ пятины новгородскія, чтобы губить достояніе и жизнь людей безъ разбора и отвѣта. «Сіе— сказано въ лѣтописи—неисповѣдимое колебаніе, паденіе и разрушеніе Великаго Новгорода продолжалось около шести недѣль. Наконецъ, 12-го февраля, на разсвѣтѣ государь призвалъ къ себѣ именитыхъ новгородцевъ изъ каждой улицы по одному человѣку, *воззрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ* и сказалъ: «мужи новгородскіе, молите Господа о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да побѣждаемъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Суди Богъ измѣннику моему Пимену и злымъ его совѣтникамъ. На нихъ взыщется кровь, здѣсь изліянная! Да умолкнетъ плачъ и рыданіе, да утѣшится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте въ градѣ семъ...» Въ видѣ эпилога къ кровавой драмѣ архіепископа посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою и бубнами въ рукахъ, какъ шута или скомороха, возили изъ улицы въ улицу и затѣмъ отправили подъ стражею въ Москву.

Говорятъ, что въ Новгородѣ за 6 недѣль погибло около 60,000 человѣкъ. Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро, и болѣзни довершили казнь царскую, такъ что священники втеченіи 6 или 7 мѣсяцевъ, не успѣвая погребать мертвыхъ, бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ...

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ, готовя ему ту же участь. Случилось однако нѣчто неожиданное. Услышавъ о приближеніи Царя, псковитяне готовились къ смерти, прощались съ жизнью и другъ съ другомъ. Въ полночь наканунѣ дня, назначеннаго для казней, въ городѣ никто не спалъ, молились въ церквахъ, и изъ ближняго монастыря, гдѣ Царь остановился, неожиданно послышался благовѣстъ и звонъ. Сердце его, пишутъ современники, чудесно умилилось. Въ непривычномъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ воеводамъ своимъ: «притупите мечи о камень! да перестанутъ убійства!» Вступивъ на другой день въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ передъ домами столы съ изготовленными яствами: граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли и привѣтствовали царя. Эта покорность усмирила Царя. Онъ выслушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу св. Всеволода и зашелъ въ келію къ старцу Николѣ. Пишутъ,

что послѣдній предложилъ въ даръ Царю кусокъ сырого мяса. «Я христіанинъ,—сказалъ Іоаннъ,—и не ѣмъ мяса въ великій постъ». «Ты дѣлаешь хуже: питаешься человѣческою плотью и кровью, забывая не только постъ, но и Бога», отвѣчалъ старецъ.

Гроза миновала Псковъ, но собиралась надъ Москвой.

Тамъ уже производилось слѣдствіе надъ соучастниками архіепископа Пимена. Каждая клевета и доносъ принимались во вниманіе. Заключали въ Москву многихъ знатныхъ бояръ и даже нѣкоторыхъ любимцевъ Іоанна—Басмановыхъ и самого князя Вяземскаго, который, казалось, пользовался полнымъ довѣріемъ Царя, который изъ его рукъ принималъ лекарства, только ему довѣрялъ всѣ тайные планы свои. Вяземскаго обвинили, что онъ будто бы предувѣдомилъ новгородцевъ о готовившемся побоищѣ. Царь повѣрилъ, или сдѣлалъ видъ, что вѣритъ, нѣсколько времени молчалъ и вдругъ призвалъ Вяземскаго къ себѣ и, разсуждая съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ. Возвращаясь домой, князь увидѣлъ ихъ трупы и, не показывая ни изумленія, ни жалости, прошелъ мимо, въ надеждѣ этимъ доказательствомъ своей преданности обезоружить гнѣвъ Іоанна. Надежда не оправдалась: его заключили въ тюрьму, пытали, а потомъ казнили.

Страшная была казнь! Необходимо показать, какъ *изощрялся* Іоаннъ въ мучительствѣ—единственная причина, почему приводимъ слѣдующее ужасное описаніе.

«25 іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокій костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся и, не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Народъ, увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ-ли судъ

мой?» Всѣ отвѣтствовали велегласно: «Да живетъ многія лѣта Государь Великій! да погибнутъ измѣнники!» Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ прочли обвинительный актъ и вызвали Висковатаго. Онъ хотѣлъ оправдываться, но Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу. Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ-же измѣнахъ и столь-же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: «Се кланяюся тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по дѣламъ своимъ!» Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою; онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухсотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами, стали предъ Царемъ, восклицая: *гайда! гайда!* и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами, еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести».

Князь Вяземскій умеръ во время пытокъ. Конецъ Алексѣя Басманова кажется еще болѣе невѣроятнымъ. Пишутъ, будто бы Іоаннъ принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить своего отца! Ѳедоръ убилъ на глазахъ царя, но не спасся отъ казни.

Еще нѣсколько фактовъ. Михайловскій воевода Казариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки. Царь послалъ за нимъ опричниковъ и велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ *шутку*, что схимники—ангелы и должны летѣть на небо. —Висловъ имѣлъ красавицу-жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову. Случалось, что самъ Іоаннъ принималъ роль палача, что мы видѣли и раньше. Когда жертва по какимъ-то ни было причинамъ ускользала изъ его рукъ, онъ мстилъ его семьѣ и родственникамъ. Малолѣтнія дѣти князя Оленкина были заморены въ тюрьмѣ.

«Но смерть--говоритъ Карамзинъ—казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ: сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками на двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины»...

«Царь въ это время *веселился*. Изъ Новгорода и другихъ областей при-

сылали ему шутовъ и скомороховъ вмѣстѣ съ медвѣдями. Послѣдними онъ травилъ людей въ гнѣвѣ и въ забаву; видя иногда близь дворца толпу народа всегда мирнаго и тихаго, приказывалъ выпускать нѣсколько медвѣдей и громко смѣялся воплю и бѣгству устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе. Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою-то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ... обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцѣли слугу моего добраго,—сказалъ Царь:—я поигралъ съ нимъ неосторожно». *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія.* Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему воевода старицкій, Борисъ Титовъ,—поклонился до земли и величалъ его, какъ обыкновенно. Царь сказалъ: будь здравъ, любимый мой Воевода: ты достоинъ нашего жалованья» — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ не изъявилъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо!—Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гайда! гайда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу».

«Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились голодъ и моръ, опустошавшіе Россію вплоть до 1572 г.»

Невольно, послѣ подобнаго описанія, вырывается у Карамзина вопросъ: «кому больше слѣдуетъ удивляться: Царю ли, разрушающему собственное царство, или подданнымъ, смиренно выносившимъ всѣ бѣды, всѣ муки, всяческую жестокость и издѣвательство?» Обѣ стороны заслуживаютъ удивленія, но теперь меня интересуетъ лишь первая—самъ Іоаннъ Грозный.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа я не намѣренъ уже подробно описывать казни и истязанія: слишкомъ много ихъ, и простое перечисленіе заняло бы страницы. Довольно сказаннаго, такъ какъ и на

основаніи приводенныхъ данныхъ возможно уже отмѣтить *специальный*, *болѣзненный* характеръ мучительства Іоаннова. Зло привлекало его къ себѣ и привлекало неотразимо. Какъ пьяница чувствуетъ себя совершенно разстроеннымъ и безсильнымъ, отданнымъ во власть тоски, тѣмъ болѣе гнетущей, что у ней нѣтъ «предмета».—такъ чувствовалъ себя Іоаннъ, не видя долго пытокъ и агоніи умирающихъ. Это вѣроятно самый существенный фактъ его духовной жизни. По мѣрѣ того, какъ разстраивалось его воображеніе, какъ возрастало предсердечное томленіе (вещь, въ медицинѣ извѣстная), тѣмъ большей необходимостью являлось мучительство. Потребность мучить, дѣлать зло, оскорблять или унижать, потребность издѣваться и злорадствовать есть въ каждомъ изъ насъ. Это почти безспорный фактъ, но у нормальнаго человѣка такая потребность нейтрализуется благожелательными побужденіями и лишь изрѣдка выступаетъ на сцену властно и повелительно. При извѣстныхъ же формахъ умственнаго разстройства — особенно же такого, которое находится въ связи съ половымъ изступленіемъ—такая потребность является доминирующей: она безконтрольно овладѣваетъ сознаніемъ и настойчиво требуетъ удовлетворенія. Больному на самомъ дѣлѣ *легче*, когда онъ причинитъ кому нибудь страданіе, услышитъ стоны и крики, увидитъ кровь. Ему нужно все это, необходимо нужно, и онъ оживляется, становится веселъ, шутливъ, разговорчивъ. Мрачные больные, страдающіе безпредметной тоской, особенно склонны къ буйнымъ выходкамъ. Эти выходки являются какъ бы клапаномъ тоски, какъ бы струей свѣжаго воздуха, очищающаго атмосферу, наполненную газомъ. Странна здѣсь необходимость потребности, но она-то вмѣстѣ съ тѣмъ и указываетъ на разстройство. До казни, до пытокъ Іоаннъ бывалъ обыкновенно особенно мраченъ, желаніе казнить и пытать являлось въ немъ сразу, вдругъ, и онъ бросался, какъ мы видѣли, изъ-за неоконченной трапезы, чтобы бѣжать въ застѣнокъ. Это *вдругъ* тоже характерно, говоря объ острыхъ приступахъ тоски и раздраженія.

Эротическое изступленіе Іоанна почти несомнѣнно. Онъ самъ постоянно говоритъ о своемъ «распутствѣ». «А мнѣ,—пишетъ онъ Курбскому,—псу смердящему, кого учити, и чему наказать, и чѣмъ просвѣтити? Самъ бо всегда въ пьянствѣ, и въ блудѣ и въ прелюбодѣйствѣ обрѣтаюсь». Онъ повторяетъ то же признаніе въ завѣщаніи 1572 г. О томъ же говоритъ Курбскій и единогласно всѣ современники, какъ русскіе, такъ и иностранные. Напр., датскій посолъ Ульфельдъ пишетъ: «habet (Іоаннъ), ut aiunt in ginecaeo suo 50

virgines, et illustri familia oriandas eque Livonia abductas quas secum, quo se confert ducit, iis loco uxoris, cum ipse uxoratus non sit, utens». «Женъ и дщерей блудомъ оскверни», свидѣтельствуетъ Кубасовъ. О его отношеніяхъ къ Ѳедору Басманову извѣстно достаточно. Женатый 6 разъ, онъ передъ смертью замышлялъ 7-й бракъ и, лежа на постели, наканунѣ кончины, такъ испугалъ любострастными поползновеніями свою невѣстку, что та съ омерзеніемъ убѣжала отъ него. Фактовъ для выводовъ довольно, и всякій, даже поверхностно знакомый съ психопатологіей, знаетъ, что ненормальное сладострастіе и жестокость идутъ всегда вмѣстѣ.

По мѣрѣ развитія недуга возрастала потребность мучительства. Іоаннъ уже не удовлетворяется, какъ въ юности, случайными жертвами, ему не нужно больше поводовъ для жестокости. Этотъ поводъ не только при немъ всегда, но и всегда въ немъ самомъ. Ему мало единичнаго убійства, онъ устраиваетъ цѣлыя бойни, послѣ которыхъ, какъ въ Новгородѣ, является съ лицомъ просвѣтленнымъ и даже кроткимъ... Вырабатывается рядомъ съ этимъ и артистичность. Іоаннъ сладострастно-жестокъ, онъ смакуетъ пытку, убиваетъ на самый различный маперъ. Онъ наслаждается муками и, какъ человѣкъ уже пресыщенный, любитъ смаковать агонію. Простого убійства мало. Убійство, которое больше всего привлекало Грознаго, отличается тонкостью и изощренностью. Въ немъ нѣсколько моментовъ. Іоаннъ любитъ прежде всего неожиданность нападенія, которая вызываетъ испугъ. Намѣтивъ жертву, онъ становился особенно ласковъ съ нею, внимателенъ и льстивъ. Упившись испугомъ и найдя новый еще неиспытанный видъ казни, Царь упивается агоніей, и чѣмъ продолжительнѣе она —тѣмъ ему пріятнѣе. Въ этой области онъ—артистъ, художникъ, и никто, даже изысканный въ жестокости Людовикъ XI, не сравнится съ нимъ. Формулы Калигулы «я хотѣлъ бы, чтобы у римлянъ была одна голова» — Іоаннъ не принялъ бы: слишкомъ скоро можно отрубить *одну* голову. Надо напугать, надо издѣваться, надо мучить...

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Іоаннъ былъ хронически боленъ. Его болѣзнь перемежающаяся и даже такая, которая окончательно сломить его могучаго организма не могла. Находили періоды «жестокой мрачности» и исчезали, оставивъ за собою полосу крови и отвратительный запахъ поджаривавшихся на угольяхъ живыхъ тѣлъ. Казни и пытки обновляли духъ его, и чѣмъ дальше, тѣмъ все на менѣе и менѣе короткое время.

А государственный характеръ казни? —спроситъ читатель. Раз-

умѣется, былъ и онъ и отрицать его нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Борьба съ боярскимъ произволомъ — не пустая фраза въ устахъ Грознаго, не пустая фраза и вольность новгородская. Въ немъ крѣпко засѣли московскія традиціи, установленныя его отцомъ, дѣдомъ и раньше. Это — традиціи всеобщаго уравненія какимъ бы то ни было путемъ во имя возвеличенія царской власти. Но эта государственная идея, воспринятая больнымъ духомъ, приняла дикую и страшную форму. Казни гораздо меньше вызывались потребностью (хотя бы призрачной) жизни, тѣмъ царской натуры. Онѣ были искусствомъ для искусства, онѣ были вѣчно неудачной, вѣчно возраждавшейся попыткой удовлетворять страсть мучительства. Но эта страсть не знаетъ удовлетворенія, за то слишкомъ хорошо знаетъ пресыщеніе, которое всегда и во всемъ заставляетъ изощряться.

И Грозный изощрялся.

—

Будемъ продолжать нашъ разсказъ, отмѣтивъ предварительно одинъ любопытный документъ, относящійся къ 1572 году. Документъ этотъ — завѣщаніе Іоанна, написанное имъ въ ожиданіи смерти. Какъ мы не разъ уже видѣли, Грозный любилъ упражняться въ добродѣтели на словахъ или бумагѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Начинается со строкъ, полныхъ самоуничиженія:

«Се азъ, худый рабъ Божій Іоаннъ, пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ, но разума не сустою одержимъ есмь и отъ убогаго дому ума моего не могохъ представити трапезы, иищи Ангельскихъ словесъ неполненны, понеже умъ убо острупися, тѣло изнеможе, струпи тѣлесны и душевны умножишась, и не сущу врачу исцѣляющу мя; ждахъ, иже со мною поскорбитъ, и не бѣ; утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая возъ благая и ненависть за возлюбленіе мое. Душею убо оскверненъ есмь и тѣломъ окаляхъ, яко же убо отъ Іерусалимскихъ Божественныхъ заповѣдей къ Іерихонскимъ страстемъ пришедъ и прельстихся міра сего мимотекущею красотою... багряницею свѣтлости и злата блещаніемъ, и въ разбойники впадохъ, мысленные и чувственные; помысломъ и дѣломъ усменія благодати совлеченъ быхъ одѣянія, и ранами исполумертвъ оставленъ. Аще и живъ есмь, по Богу скаредными свои дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій, его-же Іерей видѣвъ не внятъ и Левитъ возгнушався премину: понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ. Сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Каиново убійство прешедъ. Ламеху уподобихся, первому убійцѣ; Исаву послѣдовахъ сквернымъ невоздержаніемъ: Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, — и инымъ многимъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія... Разумомъ растлѣненъ быхъ и скошенъ умомъ, понеже убо самую главу оскверпихъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и блуда и всякаго злаго дѣланія, языкъ срамословіемъ, выю и перси гордостію и чаяніемъ высокоглаголиваго разума, руцѣ осязаніемъ неподобныхъ, и грабленіемъ, и убій-

ствомъ, внутренняя помыслы всякими скверными, объяденіемъ и піянствомъ, чресла чрезъ естественнымъ грѣхомъ и опоясаніемъ на всяко дѣло зло... и иными неподобными глумленіями».

Дальше идутъ совѣты дѣтямъ, изъ которыхъ видно, что Іоаннъ прекрасно понималъ, что значитъ быть хорошимъ государемъ. «Заповѣдаю вамъ,—говоритъ онъ,—да любите другъ друга и Богъ мира да будетъ съ вами. Аще бо сія сохраните, и вся благая достигнете». И дальше въ отношеніи къ приближеннымъ:

«А какъ людей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бы тому навыкли же; а людей бы есте, которые вамъ прямо служатъ, жаловали и любили, и ото всѣхъ берегли, чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и они прямѣе служатъ: а которыя лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, но по разсужденію, не яростію.»

Затѣмъ онъ совѣтуетъ навыкать всякому дѣлу и божественному, и священническому, и воинскому, и судейскому, и житейскому всякому обиходу, и «какъ которые чины ведутся здѣсь и *въ иныхъ государствахъ*... какъ кто живетъ и какъ кому пригоже быти». Онъ заключаетъ слѣдующимъ изреченіемъ: «подобаетъ убо царю три сія вещи имѣти: яко Богу не гнѣватися и яко смертну не возноситися и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ». Чего лучше?

Почему Іоаннъ готовился къ смерти въ 1572 г., мы не знаемъ: ему послѣ завѣщанія пришлось прожить еще цѣлыхъ 12 лѣтъ и вынести всѣ муки униженнаго самолюбія. Пока дѣла шли блестяще. Литовскіе послы не разъ просили мира, Швеція была унижена. Больше всего безпокойствъ и горя доставляли крымцы, но въ этомъ виноватъ былъ самъ Царь, не желавшій дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно. Напротивъ, въ крымскихъ дѣлахъ онъ постоянно проявлялъ малодушіе и готовность идти на уступки.

Весною 1572 г. случилось нашествіе хана Девлетъ-Гирея.

«Обойдя высланные противъ него войска, ханъ другимъ путемъ приближался къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ Опричиною. Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ... въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы, и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства, а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ!»

На другой день Москва была сожжена. Къ счастію, что Девлетъ-Гирей, напуганный ложными слухами о приближеніи Магнуса, повернулъ назадъ, но все же произведенное имъ разореніе надолго осталось въ памяти народа. Въ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ Іоаннъ выказалъ характерную особенность своего характера. Гру-

бый и заносчивый, разъ на его долю выпадалъ успѣхъ, онъ совершенно не умѣлъ поддерживать своего достоинства въ бѣдствіяхъ. Такъ было и на этотъ разъ.

Черезъ своихъ пословъ ханъ обратился къ нему съ гордыми словами:

«*Такъ говоритъ тебѣ Царь нашъ*: Мы назывались друзьями, нынѣ стали непріятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: тогда усердно пойду на враговъ твоихъ». Сказавъ, гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: «Девлетъ-Гирей носилъ его на бедрѣ своей: носи и ты, Государь мой; еще хотѣлъ послать тебѣ коня, но кони наши утомились въ землѣ твоей». Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россію (писалъ Ханъ) единственно за Казань и Астрахань, а богатство и деньги *применяю* къ праху. Я вездѣ искалъ тебя, въ Серпуховѣ и въ самой Москвѣ; хотѣлъ вѣнца и головы твоей, но ты бѣжалъ изъ Серпухова, бѣжалъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться своимъ Царскимъ величіемъ, не имѣя ни мужества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути Государства твоего: снова буду къ тебѣ, если не освободишь Посла моего, безполезно томимаго неволею въ Россіи; если не сдѣлаешь, чего требую, и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя, за дѣтей и внучатъ своихъ».

Въ отвѣтъ на это Іоаннъ билъ челомъ хану, обѣщалъ уступить Астрахань и, что особенно позорно, выдалъ татарамъ одного знатнаго крымскаго плѣнника, добровольно принявшаго православіе, на позоръ и муки...

Въ эти же дни неслыханныхъ бѣдствій Царь задумалъ жениться въ третій разъ и выбралъ боярышню Сабурову. Но невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть: сказали, что она испорчена злодѣями, и подозрѣніе пало на близкихъ родственниковъ умершихъ царицъ Анастасіи и Маріи. Начались розыски, пытки и казни, «пятая эпоха душегубства», какъ выражается Карамзинъ. Князь Михайло Темгрюковичъ былъ посаженъ на колъ, хотя только что получилъ назначеніе быть воеводой; вельможу Яковлева засѣкли. Но что особенно ужасно — это женитьба царя на больной невѣстѣ, которая черезъ 2 недѣли скончалась.

Онъ думалъ о четвертомъ бракѣ и дѣйствительно совершилъ это «церковное беззаконіе», обвѣнчавшись на Аннѣ Колтовской. Любопытно, что разрѣшеніе на бракъ онъ потребовалъ уже послѣ, какъ бы усовѣстившись соблазна, и, созвавъ епископовъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Злые люди чародѣйствомъ извели первую супругу мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и въ мукахъ, въ терзаніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не мало времени и рѣшился на третій бракъ, отчасти для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, еще не достигшихъ совершеннаго возраста: юность ихъ претила мнѣ оста-

вить міръ; а жить въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благословенный Митрополитомъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда погубили Мароу, только именемъ Царицу: еще въ невѣстахъ она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣли супружества преставилась дѣвою. Въ отчаяніи, въ горести я хотѣлъ посвятить себя житію Иноческому; но, видя опять жалкую младость сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дерзнулъ на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ умиленіемъ, молю Святителей о разрѣшеніи и благословеніи».

Епископы положили на царя незначительную эпитемію и признали бракъ законнымъ.

IV.

Послѣдніе годы.

Мы дошли до важнаго 1572 года. Духъ Іоанна какъ бы просвѣтлѣлъ, впрочемъ не надолго. Царь вдругъ уничтожилъ опричину. Почему? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ опричина просто надоѣла ему; быть можетъ, ожидая смерти, онъ на самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать что нибудь хорошее. При отсутствіи документовъ можно рѣшать вопросъ такъ или иначе, и любое объясненіе представится вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, съ этого года исчезаетъ гнусное слово «опричина», и опальная земщина получаетъ прежнее имя Россіи. Неожиданно началось и преслѣдованіе враговъ задушеннаго митрополита Филиппа. Царь объявилъ ихъ «наглыми клеветниками», иныхъ отправилъ въ ссылку, иныхъ лишилъ сана и своей милости. Оставался нетронутымъ лишь главный — Малюта-Скуратовъ. Но Іоаннъ чувствовалъ къ нему какую-то особенную, неизмѣнную привязанность и не измѣнилъ ей до самой смерти Малюты. Была ли это любовь или дружба? Едва ли. Малютѣ единственному удалось убѣдить Царя въ своей неизмѣнной привязанности. Онъ былъ идеальнымъ опричникомъ, всегда готовымъ на всякое зло безъ малѣйшаго колебанія. Іоаннъ вѣрилъ, что Малюта не измѣнитъ ему, и тотъ оставался въ прежней милости, несмотря на гибель Вяземскаго, Басмановыхъ и т. д. Чтобы покончить съ Малютой, скажемъ, что онъ умеръ въ 1573 году при взятіи Виттенштейна, умеръ «честною смертью воина», сложивъ свою голову во время приступа. Узнавъ объ этомъ, «Іоаннъ изъявилъ не жалость, а гнѣвъ и злобу: пославъ тѣло Малюты въ монастырь Іосифа Волоцкаго, онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, шведовъ и нѣмцевъ».

Успѣхи въ ливонской войнѣ продолжались. Въ воображеніи царя уже рисовалась полная побѣда надъ врагами и, разгоряченный удачами, онъ проявлялъ свойственную ему наглость и самомнѣніе. При-

вожу, какъ образчикъ, его ругательное письмо къ королю шведскому, относящееся какъ разъ къ описываемому времени:

«Казнимъ тебя и Швецію,—пишетъ онъ.—правые всегда торжествуютъ. Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ единственно для того, чтобы отдать Королю Польскому, а за нее безъ кровопролитія взять Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ ли она войны? Польскіе королевны бывали и за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто былъ Войдило при Ягайлѣ? не дорогъ мнѣ и Король Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой? Какъ звали вашего дѣда? Пришли намъ свою родословную; уличи насъ въ заблужденіи: ибо мы доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго племени. О какихъ *древнихъ Короляхъ Шведскихъ* ты писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у васъ одинъ Король Магнусъ, и то самозванецъ; ибо ему надлежало бы именоваться *Княземъ*. Мы хотѣли имѣть печать твою и титло *Государя Шведскаго* не даромъ, а за честь, коей ты отъ насъ требовалъ: за честь сноситься прямо со мною, мимо Новогородскихъ Намѣстниковъ. Избирай любое: или имѣй дѣло съ ними, какъ всегда бывало, или намъ поддайся. Народъ вашъ искони служилъ моимъ предкамъ: въ старыхъ лѣтописяхъ упоминается о Варягахъ, которые находились въ войскѣ Самодержца Ярослава-Георгія: а Варяги были Шведы, слѣдственно его подданные. Ты писалъ, что мы употребляемъ печать Римскаго Царства: нѣтъ, собственную нашу, прародительскую. Впрочемъ и Римская не есть для насъ чуждая: ибо мы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не хвалимся и тебя не хулимъ, а говоримъ истину, да образумишься. Хочешь-ли мира? да явятся Послы твои предъ нами!»

Въ то же время Іоаннъ усиленно добивался польскаго престола. Мы знаемъ, что онъ потерпѣлъ въ этомъ неудачу и вмѣсто него былъ избранъ знаменитый князь Седмиградскій Стефанъ Баторій - человѣкъ, отъ котораго пришлось вынести Іоанну столько униженій. Послѣ этого избранія, прекратившаго внутреннія распри и неурядицы въ Польшѣ, надежды на завладѣніе Ливоніей должны были значительно ослабѣть. Но Іоаннъ не разставался съ ними и рѣшился дѣйствовать еще энергичнѣе, чѣмъ прежде. Но тутъ-то и начался рядъ неудачъ, упомянуть о которыхъ намъ необходимо. Прежде всего русскимъ не удалось взять Ревеля, что значительно ободрило непріятеля. Возстали даже эстонскіе крестьяне и «истребляли русскихъ безъ счету». Царь собралъ громадное, еще невиданное войско, и всѣ думали, что онъ идетъ на Ревель. Неожиданно однако онъ вступилъ въ предѣлы Польши. Это было 25-го іюля 1576 г., — день, когда и началась знаменитая война съ Баторіемъ. Іоаннъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и, принявши смиренный видъ, изъ подъ котораго однако сквозила сатанинская гордость и тщеславіе, писалъ Курбскому слѣдующее:

«Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія лишь милосердію Божію: оно спасетъ меня по слову Евангельскому, что Господь радуется о единомъ кающемся грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ грѣхи мучителя и блудника!... Нѣтъ, не хвалюся честію: честь не моя, а Божія... Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго. Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли владѣть Государствомъ.. и гдѣ же нынѣ? Вы, сверженные правосудіемъ, кипя яростію, вопили, что не осталось мужей въ Россіи, что она безъ васъ уже безсильна и беззащитна; но васъ нѣтъ, а тверди Нѣмецкія пали предъ силою Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ вы не бывали... Нѣтъ, ты былъ здѣсь, но не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣгства, думая, что ты уже далеко отъ Россіи, въ убѣжищѣ безопасномъ для измѣны, недоступномъ для ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на Царя своего; но здѣсь нынѣ Царь, здѣсь Россія!.. Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы ли, отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались истинными виновниками моихъ человѣческихъ слабостей? Говорите о лютости Царя, хотѣвъ лишить его и престола, и жизни! Войною ли, кровію ли пріобрѣлъ я Государство, бывъ Государемъ еще въ колыбели? И Князь Владиміръ, любезный вамъ измѣнникамъ, имѣлъ ли право на Державу, не только по своему роду, но и по личному достоинству, Князь равно безсмысленный и неблагодарный, вашими отцами вверженный въ темницу и мною освобожденный? Я стоялъ за себя: остервененіе злодѣевъ требовало суда неумолимаго. . Но не хочу многословія, довольно и сказаннаго. Дивися промыслу Небесному: войди въ себя; разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ мнѣ писать тебѣ, а любовь христіанская, да воспоминаніемъ исправишься и да спасется душа твоя».

Курбскій не отвѣчалъ ничего: онъ ждалъ момента, который былъ близокъ. Разумѣется смиреніе Іоанна не обмануло его. И кого могло обмануть оно? Продолжались по прежнему казни и пытки, погибъ въ застѣнкѣ лучшій воевода Воротынскій, погибли сотни другихъ, и правыхъ, и виновныхъ. Царь тѣшилъ себя пытками и *свадьбами*.

Вотъ разсказъ Карамзина объ этомъ:

«Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новый соблазнъ въ преступленіи святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно потому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ, и названная въ монашествѣ или въ схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года; а Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой. Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго;* не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою—или: какъ пишутъ, *женишемъ*—была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева. Онъ, безъ всякихъ иныхъ священныхъ обрядовъ, *взялъ только молитву*

для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы Царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи!»

Мнѣ надо разсказывать теперь объ успѣхахъ Баторія. Напрасно первое время по восшествіи на престолъ старался онъ примириться съ Іоанномъ и устранить грозившее кровопролитіе. Іоаннъ стоялъ на своемъ: «Ты,—писалъ онъ Баторію,—король, но не Ливонскій». Очевидно, королемъ ливонскимъ считалъ онъ самого себя. Въ 1578 г. опять прибыли въ Москву послы Баторія, но и ихъ переговоры о мирѣ были безъ успѣха. Королю пришлось энергично приняться за дѣло. Выступивъ съ войскомъ хотя немногочисленнымъ, но прекрасно организованнымъ, изъ Свора, онъ издалъ манифестъ къ русскому народу, объявляя, что воюетъ противъ Царя Московскаго, а не мирныхъ жителей. Въ началѣ августа онъ осадилъ Полоцкъ и скоро взялъ его. За Полоцкомъ пали Соколъ, Красный, Козьянъ, Ситна и пр. А Царь, ничего не предпринимая и какъ бы дивясь успѣхамъ врага, стоялъ въ Псковѣ. Чѣмъ объяснить удачи Баторія? Это была удача талантливаго полководца въ борьбѣ съ деспотомъ, систематически истреблявшимъ въ своей землѣ все славное и выдающееся. Лучшіе «мужи» давно уже погибли въ застѣнкахъ или на плахѣ. Іоаннъ дѣйствовалъ черезъ своихъ клевретовъ и льстецовъ. Могъ ли онъ разсчитывать на успѣхъ? Это обстоятельство прекрасно разъясняетъ Курбскій въ своемъ третьемъ письмѣ къ Іоанну:

«Гдѣ твои побѣды?—говорилъ онъ:—въ могилѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ Святой Руси, истребленныхъ тобою. Король съ малыми тысячами, единственно мужествомъ его сильными, въ твоемъ Государствѣ, беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя; а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣсами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, даннаго тебѣ лже-святителемъ Вассіаномъ! Единъ царствуешь безъ *мудрыхъ* совѣтниковъ; единъ воюешь безъ *гордыхъ* Воеводъ—и что же? вмѣсто любви и благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто славы ратной, стыдомъ упиваешься: ибо нѣтъ добраго царствованія безъ добрыхъ Вельможъ, и несмѣтное войско безъ искуснаго Полководца есть стадо овецъ, разгоняемое шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ листьевъ. *Ласкатели не Синклиты, и карлы, убогіе духомъ, не суть Воеводы.* Не явно ли совершился судъ Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, мечъ варваровъ, пепелъ столицы и—что всего ужаснѣе—позоръ, позоръ для Вѣнценосца, нѣкогда столь знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готовили ревностною, кровавою службою нашему древнему отечеству?..»

Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дома и словами: «кладу перстъ на уста, изумляюся и плачу!..»

Замѣтимъ, что это—*послѣднее* смѣлое и честное слово, услышанное Грознымъ въ жизни. Оно могло дойти до него только отъ изгнанника, потому что Россія молчала. Царь дѣлалъ, что хотѣлъ, и доказательство этому духовный соборъ 1588 г., когда по его настоянію немалая часть монастырскихъ имѣній отошла въ казну, доказательство этому—безчисленныя, все продолжавшіяся казни. Несмотря на бѣдствія Россіи, онъ продолжаетъ обычный образъ жизни и, достигнп 50-ти лѣтняго возраста, въ седьмой уже разъ женился на Маріи Нагой, тѣша свое сладострастіе. Пиры и придворныя празднества развлекали его и давали ему возможность разсѣивать свое мрачное настроеніе. А оно должно было быть ужаснымъ. Баторій не хотѣлъ слушать никакихъ переговоровъ о мирѣ, не шелъ ни на какіе компромиссы. Новая уступчивость Іоанна вызывала лишь новыя требованія. Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ еще городовъ сѣверныхъ, Смоленска, Пензы, даже Новгорода, хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 тысячъ венгерскихъ золотыхъ и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Іоаннъ наконецъ разсердился и отправилъ ему письмо, гдѣ съ обычной ему мелочностью упрекалъ Баторія за то, что онъ «выбранный», а не Богомъ поставленный Государь. Вотъ что писалъ онъ:

«Мы, смиренный Государь всея Россіи, *Божіею, а не человѣческою многомятежною волею*... Когда Польша и Литва имѣли также Вѣнценосцевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они ужасались кровопролитія: нынѣ нѣтъ у васъ Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ не нарушали перемирія: а ты, заключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и другими; взялъ Полоцкъ измѣною, и торжественнымъ Манифестомъ обольщаешь народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти и Богу! Воюешь не мечемъ, а предательствомъ, и съ какимъ лютымъ звѣрствомъ! Воины твои рѣжутъ мертвыхъ... *Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки калеными ядрами* (изобрѣтеніемъ новымъ, безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою о дружбѣ и любви, а ты губишь, истребляешь! Какъ Христіанинъ, я могъ бы отдать тебѣ Ливонію: но будешь ли доволенъ ею? Слышу, что ты клялся Вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ согласиться? Хочу мира, хочешь убійства: уступаю, требуешь болѣе, и неслыханнаго: требуешь отъ меня золота за то, что ты беззаконно, безсовѣстно разоряешь мою землю!... Мужъ кровей! вспомни Бога!»

Странно слышать такіе упреки отъ Іоанна, если это на самомъ дѣлѣ были упреки, а не упражненіе въ краснорѣчіи! Онъ искалъ уже посредниковъ, обращался къ императору, папѣ... Но у него не достаетъ героизма встать во главѣ войска и дать рѣшительную битву. Какъ всѣ московскіе государи, онъ больше дипломатъ, чѣмъ воинъ. Іоанна выручилъ героизмъ псковитянъ. Псковъ отражалъ

всѣ приступы Баторія и не сдавался, несмотря на все упрямство короля. Волей-неволей пришлось заключить перемиріе. «Такъ,—говоритъ Карамзинъ,—кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва-ли не безчестный даже, и если сохранили еще прежнія свои границы, то честь этого принадлежитъ Пскову».

Раздражительность и мрачность, такъ давно уже появившіяся въ характерѣ Грознаго, достигли апогея послѣ неудачъ Ливонской войны. Іоаннъ дошелъ до того, что въ припадкѣ гнѣва убилъ старшаго своего сына—моментъ его жизни, такъ дивно изображенный на знаменитой картинѣ Рѣпина. Ближайшаго повода къ убійству мы не знаемъ. Одни говорятъ, что царевичъ настаивалъ на продолженіи войны съ Баторіемъ и этимъ вывелъ изъ себя Грознаго. Другіе говорятъ другое. Несомнѣненъ самый фактъ, что Царь сильно ударилъ сына жезломъ въ високъ и уложилъ его почти на мѣстѣ: промучавшись нѣсколько дней, царевичъ скончался.

Тоска и уныніе воцарились во дворцѣ.

Іоаннъ снялъ съ себя всѣ знаки своего достоинства, «бился о гробъ и землю съ пронзительнымъ воплемъ», нѣсколько ночей онъ не спалъ, вскакивалъ съ постели, валялся среди комнаты, рыдалъ и стоналъ. Онъ не хотѣлъ никого видѣть и отказывался принимать пищу.

У него зародилась даже мысль отречься отъ престола.

Созвавши бояръ, онъ сказалъ имъ торжественно, что ему, такъ жестоко наказанному Богомъ, остается лишь кончить дни свои въ монастырскомъ уединеніи, что меньшій сынъ его Ѳеодоръ неспособенъ управлять Россіей и не могъ бы царствовать долго, что бояре должны избрать Государя достойнаго, которому онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ царство.

Такъ какъ подобная сцена разыгрывалась не первый уже разъ, и бояре не знали, испытываетъ ли Грозный ихъ преданность, или дѣйствительно задумываетъ оставить царство, то естественно, что они единогласно просили Царя остаться на тронѣ.

Іоаннъ какъ бы нехотя согласился, но удалилъ съ глазъ своихъ все, что напоминало ему о прежнемъ величіи, богатствѣ и пышности, перестал носить корону и скипетръ, надѣлъ на себя траурную

одежду. «Я нашелъ Царя, — пишетъ іезуитъ Посеевинъ, посѣтившіи Грознаго въ это время, — въ глубокомъ унынiи. Его пышный нѣкогда дворъ казался смиренной обителью иноковъ, говоря чернымъ цвѣтомъ одежды о мрачности души Іоанна».

Но исчезли ли казни и пытки? Нѣтъ. Только по ночамъ страшная гостья, совѣсть, все чаще стала навѣдываться къ Царю. Тѣни убитыхъ и казненныхъ имъ являлись къ нему и требовали отчета. Онъ доходилъ до галлюцинацій, не могъ спать одинъ въ комнатѣ. бродилъ, какъ тѣнь, по обширнымъ палатамъ дворца своего. Заря разгоняла призраки.

Начинались новые пиры, новыя пытки.

Упомянувъ о войнѣ и перемиріи со Швеціей (1582—83), о завоеваніи Сибири, о бунтахъ казанскихъ народностей и оставивъ въ сторонѣ эти факты, находящіеся въ любомъ учебникѣ, мы можемъ перейти къ описанію послѣднихъ дней жизни Іоанна.

Они были мрачны.

— —

Іоаннъ не любилъ Марію и ничуть не дорожилъ ею. Онъ взялъ ее себѣ въ *седьмыя* жены больше для поддержанія достоинства, чѣмъ для чего-нибудь другого. И зачѣмъ собственно нужна была ему эта «мягкая», плаксивая и добродушная женщина? Имѣть на него какого бы то ни было вліянія она не могла, а вспышка сладострастія исчезла такъ же быстро, какъ и появилась. Но Марія была беременна, и Іоаннъ зналъ это. Однако какъ разъ во время первой беременности жены онъ заводитъ переговоры съ англійской королевой Елизаветою о новомъ бракѣ на какой-нибудь ея родственницѣ. Новый бракъ долженъ былъ заключиться по разсчету, и, отправляя въ Лондонъ дворянина Писемскаго съ порученіемъ устроить бракъ, Царь прежде всего требуетъ, чтобы посолъ условился о тѣсномъ государственномъ союзѣ между Англіею и Россіею. Невѣста была намѣчена, именно тридцатилѣтняя племянница королевы — Марія Гатлингсъ. Выдвигая однако на первый планъ свои политическіе планы, Іоаннъ не забываетъ и похотливыхъ видовъ, во имя которыхъ онъ строго на строго наказываетъ Писемскому самолично убѣдиться, высока ли тридцатилѣтняя миссъ, дородна ли, бѣла ли? Иной впрочемъ царица по представленію того времени и быть не могла. Предвидя со стороны Елизаветы возраженія, что «онъ уже женатъ», Іоаннъ приказалъ объяснить: «правда, но настоящая жена его не Царевна, не Княжна Владѣтельная, ему не угодна и будетъ оставлена для племянницы Государевой». Какъ сильно хотѣлось Іоанну пород-

ниться съ англійскимъ королевскимъ домомъ, видно между прочимъ изъ того пункта набросаннаго брачнаго контракта, въ которомъ Царь говоритъ, что «наслѣдникомъ Государства будетъ царевичъ Ѳеодоръ, а сыновьямъ княжны Англійской дадутся *особыя частныя владѣнія или Удѣлы*, какъ издревле водилось въ Россіи». Іоаннъ очевидно измѣняетъ традиціямъ московскихъ князей и жертвуетъ даже цѣлостью и единствомъ государства, которыя онъ всегда съ такою жестокостью защищалъ. Посольства Писемскаго подробно описывать мнѣ незачѣмъ. Остановлюсь на самомъ характерномъ.

Преслѣдуя свои торговые интересы, англійскіе министры не только ничего не имѣли противъ союза съ Россіей, но и очень радовались ему, а при заключеніи его заботились исключительно о томъ, чтобы побольше выторговать на пользу и благо своихъ купцовъ. Іоаннъ, по заявленію Писемскаго, «издавна жалуя англичанъ, какъ своихъ людей, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елизаветою, дабы имѣть съ ней однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться, что королева можетъ ему содѣйствовать если не оружіемъ, то деньгами, что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній россійскихъ, требуетъ отъ нея снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинцу и всего нужнаго для войны». Этого хотѣлъ Іоаннъ, не менѣе хотѣлъ онъ и женитьбы на Маріи Гаплингсъ, разъ она окажется въ должной степени дородной и бѣлой. Писемскому устроили свиданіе съ принцессой, и онъ разсматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, насколько разумѣется допускалъ скромный костюмъ ея. Впечатлѣніе, произведенное Маріей на посла, было повидимому въ ея пользу. Елизавета желала брака: дѣло улаживалось и разстроилось лишь потому, что невѣста, услышавъ «о свирѣпости вѣнценоснаго жениха, убѣдила королеву избавить ее отъ этой чести». Сватовство на Маріи не удалось. Не удался и союзъ съ Англіей—эта любимая мечта послѣднихъ дней жизни Іоанна. Смерть его приближалась, неожиданная какъ для него самого, такъ и для окружающихъ.

Вплоть до зимы 1584 г. Іоаннъ крѣпился и чувствовалъ себя почти здоровымъ. Его могучій организмъ выносилъ развратъ и пьянство, выносилъ и муки самолюбія, обиженнаго неудачами войны. Царь, перешагнувъ за пятидесятилѣтній возрастъ, ни въ чемъ не думалъ мѣнять обычнаго своего времяпрепровожденія. Какъ и раньше, развлекался онъ казнями, какъ и раньше, служилъ онъ

своему сладострастію. Духъ его не угомонился; то же обострившееся, даже тревожное безпокойство не давало спать ему по ночамъ, заставляя бродить цѣлыми часами по мрачнымъ комнатамъ дворца.

Зимою 1584 г. между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія появилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ. Царь, узнавъ объ этомъ, вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружавшимъ: «вотъ знаменіе смерти моей». Предчувствіе не обмануло его. Желая разсѣять тревогу, онъ созвалъ въ свой дворецъ астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, разыскавъ ихъ и въ Россіи, и Лапландіи, въ общей сложности до 60-ти человѣкъ, ежедневно посылалъ къ нимъ Бѣльскаго толковать съ ними о кометѣ, и скоро опасно занемогъ: вся внутренность его стала гнить, а тѣло—пухнуть. Астрологи предсказали ему смерть на 18-е марта; Іоаннъ приказалъ имъ молчать объ этомъ, угрожая въ случаѣ нескромности сожженіемъ. Февраль мѣсяцъ онъ перемогался еще, въ мартѣ ему уже пришлось отказаться отъ пріема литовскаго посла. Тогда же онъ приказалъ составить завѣщаніе и объявилъ Ѳеодора наслѣдникомъ, назначивъ на помощь ему совѣтъ изъ бояръ. Что-то доброе промелькнуло въ его сердцѣ въ эту торжественную минуту...

«Онъ изъявилъ благодарность всѣмъ Боярамъ и Воеводамъ; называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи Царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Ливонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султаномъ; убѣждалъ Ѳеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію*: совѣтывалъ ему и пяти главнымъ Вельможамъ удаляться отъ войны съ Христіанскими Державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и Шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ—отрезвился душею, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій».

Но это только «казалось», только «промелькнуло». Даже смерть, такъ ясно заявлявшая о своемъ приближеніи трупнымъ запахомъ разлагавшагося, хотя еще живого Царя, не могла справиться съ его неукротимой натурой. Разсказываютъ, что невѣстка, супруга Ѳеодора, подошла къ его постели и должна была убѣжать съ омерзѣніемъ отъ любострастнаго безстыдства Іоанна! Продолжались и казни.

17-го марта Іоанну стало лучше, и онъ, уже воспрянувъ духомъ, назначилъ день для пріема посла. Мало того, онъ заявилъ Бѣль-

скому: «объяви казнь лжецамъ астрологамъ: вышѣ по ихъ баснямъ я долженъ умереть, но я чувствую себя гораздо бодрѣе». Бодрость оказалась однако послѣдней судорогой уходившей жизни. Пробывши нѣсколько часовъ въ ваннѣ, Царь легъ на кровать, потомъ всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки, приглашая Бѣльскаго играть съ нимъ. Вдругъ онъ упалъ, чтобы больше не подниматься.

V.

Литература объ Іоаннѣ Грозномъ.

Мало въ русской исторіи личностей, которыя привлекали къ себѣ такое дружное вниманіе со стороны людей самыхъ различныхъ профессій, какъ личность Царя и великаго князя московскаго Іоанна IV-го Васильевича Грознаго. Ею занимались спеціалисты-историки, публицисты, драматурги, поэты, беллетристы, художники и скульпторы. Еще недавно И. Рѣпинъ написалъ свою знаменитую картину, гдѣ изобразилъ царя въ моментъ убіенія имъ старшаго сына. На виду у всѣхъ одна изъ лучшихъ статуй Антокольскаго—«Иванъ Грозный». драма Островскаго «Василиса Мелентьева»—хотя не часто, но все же дается на императорской сценѣ. Есть значитъ въ личности Грознаго что-то притягательное, способное возбуждать художественное воображеніе у лицъ самыхъ различныхъ наклонностей и темпераментовъ. Ради Грознаго Костомаровъ бросилъ даже тонъ и форму историка и перешелъ на беллетристику, въ результатѣ чего и появился всѣмъ извѣстный, хотя и неудачный «Кудеяръ». А сколько полемики возбуждалъ Грозный—это даже перечислить трудно. Что же, знаемъ ли мы его въ концѣ-концовъ, или нѣтъ? Казалось бы, странно даже ставить такой вопросъ. Работы такихъ историковъ, какъ Карамзинъ, Полевой, Костомаровъ. Кавелинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, находятся передъ нами, но, какъ пошутилъ кто-то, «Грознаго все же нѣтъ, а есть Грозный Костомаровскій, Соловьевскій и т. д.». Разсматривая характеристики Грознаго, говоритъ Н. К. Михайловскій, совершенно независимо отъ большей или меньшей степени мастерства, съ которой онѣ написаны, вы поражаетесь ихъ разнообразіемъ: однѣ и тѣ же внѣшнія черты, однѣ и тѣ же рамки и при всемъ томъ совершенно такія разныя лица—то «падшій ангелъ», то просто злодѣй, то возвышенный и проницательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то само-

стоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдующій великія цѣли, то какая-то утлая ладья. безъ руля и безъ вѣтровъ, то личность, недосягаемо высоко стоявшая надъ всей Русью, то, напротивъ, низменная натура, чуждая всѣмъ лучшимъ стремленіямъ своего вѣка. Нѣсколько разъ, именно послѣ появленія характеристики Аксакова и Соловьева, компетентные люди провозглашали, что «отнынѣ конецъ разногласіямъ въ оцѣнкѣ личности и дѣятельности Грознаго». Однако другіе, неменѣе компетентные люди немедленно же возставали противъ такихъ побѣдныхъ возгласовъ и выставляли вѣскія опроверженія и ограниченія. Въ результатѣ сумбуръ—въ большей или меньшей степени блестящій и остроумный, но все же ставящій внимательнаго читателя въ самое искреннее недоумѣніе.

Будетъ полезно напомнить главнѣйшія характеристики Грознаго, такъ какъ въ каждой изъ нихъ заключается доза истины.

Начнемъ съ князя *Щербатова*. Это историкъ XVIII вѣка. «Иванъ Грозный,—говоритъ онъ,—именитый въ земныхъ владыкахъ, по разумомъ, узаконеніями, честолюбіемъ, завоеваніями, потерями, гордостью, въ столь разныхъ видахъ представляется, что часто не единымъ человѣкомъ является». Въ этихъ словахъ прекрасно указана сложность натуры Грознаго, казнившаго послѣ молитвы и молившагося послѣ казни. Щербатовъ ставитъ Царя высоко, видитъ въ немъ «великій и проницательный разумъ», называетъ узаконенія «мудрыми», но рядомъ съ этимъ отмѣчаетъ другую черту «*низость сердца*». Эту низость сердца Іоаннъ сдерживалъ въ себѣ въ юности, но, утвердившись на престолѣ и утерявъ первую супругу Анастасію, далъ ей свободу, и передъ нами—всѣ ужасы второй половины его царствованія.

Честнѣе (въ научномъ смыслѣ слова, разумѣется) другихъ историковъ отнесся къ Грозному Карамзинъ. Не пускаясь въ мудрствованія лукавыя, оградивъ свои выводы стройнымъ рядомъ окоповъ изъ всѣхъ доступныхъ ему документовъ,—Карамзинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не понималъ, прямо и откровенно сознавался въ этомъ. Въ общемъ характеристика его сводится къ слѣдующему:

Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ не имѣлъ «мудраго пестуна», а попалъ въ руки развратителей. Такое воспитаніе привело къ нему пороки, встрѣчавшіе со стороны окружающихъ лишь низкое поощреніе. Такъ росъ и выросъ Иванъ IV и, достигши возмужалости, женился. Мало что предвѣщало въ немъ мудраго царя, и даже бракъ на добродѣтельной Анаста-

сіи нисколько не урезонилъ его: продолжались прежнія буйства и прежнее нерадѣніе въ дѣлахъ государственныхъ. Насталъ однако 1547 годъ. Страшный погромъ истребилъ большую часть Москвы, измученная страданіями чернь взбунтовалась, перебила царскихъ родственниковъ. «Въ сіе ужасное время, когда Іоаннъ трепеталъ въ воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода... Сильвестръ потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ юноши и произвелъ *чудо:* Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ». Начинается счастливый періодъ его царствованія, ознаменованный рѣчью на Лобномъ мѣстѣ, изданіемъ «Судебника» и т. д. Но «счастье не продолжительно». Въ 1560 г. умерла Анастасія, а вмѣстѣ съ нею исчезла и добродѣтель Іоаннова. «Здѣсь,—говоритъ Карамзинъ, —конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи, ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели». Онъ превращается въ тирана, и порою Карамзинъ не находитъ даже словъ, чтобы заклеймить его жестокости. Въ «тиранствѣ» Грозный пребываетъ до самой смерти.

Несомнѣнно, что для Карамзина Грозный—неразрѣшимая психологическая задача, странная смѣсь добра и зла, тиранъ, поражающій его то своею жестокостью, то малодушіемъ, то проницательностью, то полнымъ затмѣніемъ мысли. *Полной* и стройной характеристики Карамзинъ не далъ; различныя формы, черезъ которыя проходитъ личность Іоанна, охарактеризованы имъ великолѣпно, но органически эти формы не связаны между собою: переходы отъ распутства къ добродѣтели и обратно не выяснены, случайны и даже чудесны. Но все-же для изученія Грознаго Карамзинъ сдѣлалъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой, и его искреннее «не понимаю» равняется многимъ блестящимъ характеристикамъ. Не понимать многаго изъ жизни и дѣятельности приходится и теперь,—въ чемъ прямо и непосредственно виновата русская исторія, какъ наука.

Полевой выдвигаетъ на сцену факторъ наслѣдственности: «Соображая жизнь, дѣла, слова Іоанна,—говоритъ онъ,—видимъ, что сынъ Василія и внукъ Іоанна III *имѣлъ всѣ недостатки отца и дѣда* (вспыльчивость, жестокость, трусливость и пр.), уступая послѣднему въ самобытности характера и обширномъ умѣ, не имѣя нѣжности душевной, свойственной послѣднему. Вспомнимъ жестокость, суровость Іоанна III, склонность къ забавамъ и нѣголюбіе Василія. Въ Іоаннѣ IV соединилось то и другое. И такой характеръ былъ испорченъ несчастнымъ воспитаніемъ, пріучившимъ его

къ двумъ противоположностямъ: своеволію и самовластію и въ то же время къ послушанію людямъ, превосходившимъ его умомъ, дарованіемъ, хитростью, умѣвшимъ искусно завладѣть имъ. Такъ, въ юности своей Іоаннъ подчинялся Глинскимъ, казня Шуйскихъ; покорствовалъ впослѣдствіи клевретамъ своимъ, казня доблестныхъ совѣтниковъ; унижался передъ Баторіемъ, терзая Магнуса и Ливонію. Привыкая повиноваться, онъ готовъ былъ страшно мстить своему повелителю, когда сознавалъ свою зависимость. Самая любовь его къ Анастасіи не походила ли болѣе на привычку повиноваться волѣ человѣка, котораго достоинства умѣлъ онъ оцѣнить... Послѣ смерти Анастасіи, разрыва съ Сильвестромъ и Адашевымъ и свиданія съ Вассіаномъ—инокомъ, рекомендовавшимъ ему не держать возлѣ себя совѣтниковъ умнѣе себя, «поступки Іоанна постепенно становились самовластительнѣе, мало по малу отвыкалъ онъ отъ послушанія совѣтамъ другихъ, противился предпріятію правителей противъ Крыма и вопреки всѣмъ увѣщаніямъ началъ Ливонскую войну. Онъ увѣрился въ себѣ, пересталъ вѣрить имъ. Оставалось ударить роковому часу перелома и душой Іоанна овладѣть пороку и страстямъ. Насталъ сей часъ, и тогда все погибло въ одно мгновеніе: счастіе, слава Іоанна, Адашева и Сильвестра. Но слѣды сего находимъ далеко прежде». Полевой смотритъ на Іоанна прежде всего какъ на человѣка слабаго, несамостоятельнаго.

Апологія Грознаго, какъ это ни странно, началась лишь со времени *Бѣлинскаго.* «Таковъ Іоаннъ,—пишетъ послѣдній,—эта была душа энергическая, глубокая, титаническая. *Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы убѣдиться въ этомъ*». И дальше: *Іоаннъ былъ падшій ангелъ*, который и въ паденіи своемъ по временамъ обнаруживаетъ и силу характера желѣзнаго, и «силу ума высокаго». На оцѣнку Бѣлинскаго положиться очень трудно, совершенно даже невозможно: нашъ знаменитый критикъ мало былъ знакомъ съ исторіей и личное иногда минутное настроеніе слишкомъ много значило въ его рецензіяхъ и характеристикахъ.

Кавелинъ пошелъ еще дальше. Бѣлинскій удивляется силѣ Іоанна, Кавелинъ — его государственной мудрости и чуть ли не впервые сравниваетъ Іоанна съ Петромъ: «Оба,—говоритъ Кавелинъ,—равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими и достойнѣйшими ея представителями. Но Іоаннъ сознавалъ ее, какъ поэтъ, Петръ—какъ человѣкъ попреимуществу практическій. У перваго преобладаетъ *воображеніе*, у втораго—*воля*. Время и усло-

вія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, чѣмъ преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать, борясь съ ней на смерть много лѣтъ, и не видя ея результатовъ, не находя отзыва, онъ утерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Кавелинъ доходитъ до оправданія опричины.

Не знаю, что видитъ читатель въ фразахъ Кавелина, но я въ нихъ ничего не вижу, кромѣ громкихъ словъ. Любопытно однако, что̀ собственно заставило Кавелина такъ ласково и почтительно отнестись къ Грозному? «Кто знаетъ,—говоритъ Кавелинъ,—любовь Грознаго къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ не скажетъ, что опричина—зло. Опричина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество: на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства». Что Іоаннъ выдвигалъ на сцену мизинныхъ людей—это несомнѣнно. Но чтобы такова была программа его царствованія, сомнѣваться въ этомъ не только можно, но и должно. Особенно любопытно, что Кавелинъ во всемъ винитъ *среду*, которая-де и погубила Іоанна. Насколько эта среда была лучше при Петрѣ послѣ всѣхъ ужасовъ XVII-го вѣка? Подобнаго сравненія Кавелинъ однако не дѣлаетъ, отчего вся его аргументація оказывается на воздухѣ. Неужели среда съ Адашевымъ, Курбскимъ, митрополитомъ Филиппомъ, всенародными человѣками, собиравшимися на земскихъ соборахъ, была такъ губительна? Неужели она не руководительствовала Іоанномъ, не возставала противъ жестокостей его, не указывала вѣрнаго пути? Но что Іоаннъ *презиралъ* и *ненавидѣлъ среду, въ которой онъ жилъ*,—въ этомъ г. Кавелинъ правъ, и это мы запомнимъ.

Въ VI-мъ томѣ своей знаменитой «Исторіи» Соловьевъ выставляетъ Грознаго представителемъ чистой государственной идеи. Признавая, что Грозный былъ испорченъ воспитаніемъ, Соловьевъ старается однако по возможности обѣлить и возвысить его: «Голова ребенка,—говоритъ историкъ, была постоянно занята мыслью о

борьбѣ съ боярами, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. *Пытливый* умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучалъ церковную исторію, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцовъ. Но во всемъ, что ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбой, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, и доказательствъ своей власти противъ беззаконныхъ мѣръ, отнимавшихъ ее у него. Испорченный въ дѣтствѣ, онъ прежде всего проявилъ свои права жестокою казнью Шуйскаго. Мало того, желая разъединить боярство и народъ, союзъ котораго выразился въ бунтѣ черни противъ Глинскихъ, онъ созвалъ знаменитый соборъ, на которомъ объявилъ бояръ, какъ собственными врагами, такъ и врагами государства. Признавая вліяніе Сильвестра, Соловьевъ отводитъ ему второстепенную роль, стараясь выгородить самостоятельность Царя, которой отличался «сильной не по лѣтамъ степенью развитія ума и воли». Изданіе—Судебника», «Стоглава», Казанскій походъ—все это, по крайней мѣрѣ иниціативу всего этого, Соловьевъ приписываетъ Іоанну. Почему-же послѣдній вдругъ такъ рѣзко измѣнился?—Онъ извѣрился въ преданность совѣтниковъ, а также и въ ихъ проницательность. Когда онъ замышлялъ походъ на Ливонію, или требовалъ похода на Крымъ, и бояре противились тому и другому, не понимая его замысловъ, предвосхитившихъ замыслы Петра,— это доказало ему ихъ непроницательность; во время болѣзни, такъ какъ многіе изъ рады отказались присягнуть сыну его Дмитрію, — они, по мнѣнію Іоанна, доказали неискренность своей привязанности. Душа Царя омрачилась. Начались казни. Но и эти казни все-же служили цѣли, поставленной себѣ Іоанномъ. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы дать торжество государству и государственному началу, сломить и уничтожать вольныи боярскій и дружинный духъ, искоренить послѣдніе слѣды мѣстной независимости или даже самую тѣнь ея.

По Соловьеву, Грозный является передъ нами исторической личностью, предшественникомъ Петра въ своихъ замыслахъ сблизиться съ Европой, человѣкомъ проницательнаго ума и сильной воли, котораго однако не оцѣнили и не поняли среда и приближенные. Жестокость объясняется какъ результатъ дурного воспитанія: не смотря на нее, заслуги Грознаго громадны. Строй дружинной удѣльной Руси далъ въ царствованіе Грознаго послѣднюю отчаян-

ную битву крѣпнувшей монархической власти, и эта послѣдняя побѣдила. Грозный создалъ единое, нераздѣльное государство, родовое начало было уничтожено, всѣ были объявлены слугами государства.

Соловьеву отвѣчали Погодинъ и Аксаковъ.

Погодинъ считаетъ планы Грознаго неоригинальными. Онъ шелъ лишь по дорогѣ, указанной его дѣдомъ, который сдѣлалъ гораздо больше; Грозный затѣмъ стремился не къ торжеству монархіи, а слѣпого, личнаго произвола. Вообще же о мѣрахъ Іоанна Погодинъ отзывается такъ: «Что есть въ нихъ высокаго, благороднаго, прозорливаго, государственнаго? Злодѣй, звѣрь, говорунъ-начетчикъ съ подъяческимъ умомъ и только. Надо же вѣдь, чтобы такое существо, какъ Іоаннъ, потерявшее даже образъ человѣческій, не только высокій ликъ царскій, нашло себѣ прославителей!»

Аксаковъ охарактеризовалъ личность Грознаго въ высшей степени оригинально: «Бояре, по Аксакову, даже и не боролись съ царемъ, а противоставляли ему одно терпѣніе. Всѣ жестокости истекали изъ личной натуры царя. Что же это была за натура? Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали своей внѣшней красотой; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшной картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей для души человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго или хотя имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ напр. плачетъ умильными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, а въ то-же время мучаетъ и терзаетъ ближняго; и онъ не обманываетъ: эти слезы непритворны, но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны, а одно это еще ничего не значитъ и на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро для него само по себѣ вещь слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло, самое добро ему не нужно

и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно, хорошо и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ-же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откладываетъ, тотъ едва-ли можетъ исправиться. Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту въ самомъ дикомъ и низкомъ явленіи. Аксаковъ впрочемъ оговаривается, что конечно не одна эта художественность опредѣляла поступки Іоанна IV, что были въ его душѣ и другіе двигатели, но художественность играла все таки большую роль. Жестокій уже въ дѣтствѣ, Іоаннъ подавлялъ свою страстную натуру при Сильвестрѣ и Адашевѣ, хотя никогда не былъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, а затѣмъ онъ избавился отъ своихъ совѣтниковъ, сбросивъ съ себя нравственную узду стыда. Званіе царя слилось въ его понятіи съ произволомъ, и этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ, ибо отсутствіе воли и необузданная воля—это все равно.

Не считаю нужнымъ останавливаться на взглядахъ Костомарова, который въ данномъ случаѣ явился продолжателемъ Карамзина. Его характеристика однако строже и выдержаннѣе и, если можно такъ выразиться, еще болѣе уничижительна. Грозный—труслив, малодушенъ; всякій, кому не лѣнь, руководитъ имъ; никакихъ государственныхъ замысловъ и программъ въ его головѣ нѣтъ, есть лишь прихоти и капризы безумной, жестокой натуры, любящей театральные эффекты и т. д. Пропускаю и мнѣніе Бестужева-Рюмина, какъ близко примыкающее къ мнѣнію С. Соловьева.

Итакъ, не правъ-ли Щербатовъ, говоря, что «Грозный въ толь разныхъ видахъ представляется, что часто не умнымъ человѣкомъ является!» И такъ, не только въ жизни, но и въ литературѣ, гдѣ рядъ такихъ остроумнѣйшихъ характеристикъ мало выясняетъ дѣло, а иногда просто запутываетъ его.

Читатель, полагаю, замѣтилъ, что главныя пререканія между историками сосредоточились возлѣ двухъ крутыхъ вопросовъ: «была-ли у Іоанна самостоятельная воля и можно-ли считать его дѣятельность проникнутой государственной идеей?» Очевидно, что характеристика Грознаго можетъ быть дана лишь послѣ того, какъ оба эти вопроса будутъ досконально вырѣшены. Но разсчитывать, что это можетъ быть сдѣлано сейчасъ-же, невозможно и неосно-

вательно. Что, напр., знаемъ мы о Сильвестрѣ, Адашевѣ и избранной радѣ? Кое-что мы разумѣется знаемъ, но это «кое-что» незначительно. Одинаково трудно опредѣлить, къ чему сводилось вліяніе Анастасіи и какимъ образомъ вліяніе это дѣйствовало въ томъ же направленіи, какъ и избранной рады, хотя царица не долюбливала ея и даже враждовала съ нею? По поводу боярскихъ притязаній въ XVI-мъ вѣкѣ еще и теперь идутъ серьезнѣйшія пререканія; одни эти притязанія отрицаютъ, другіе преувеличиваютъ ихъ до такой степени, что русское боярство оказывается чуть-ли не англійской аристократіей! Если же мы такъ плохо знаемъ исторію той эпохи, среди которой жилъ и дѣйствовалъ Грозный, то, на время по крайней мѣрѣ, мы принуждены отказаться отъ претензій на полную и истинную его характеристику. Но если такая характеристика является идеаломъ, то все, что содѣйствуетъ ей, все, что открываетъ въ характерѣ Грознаго новыя незамѣченныя еще стороны, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Позволю себѣ поэтому привести характеристику Н. К. Михайловскаго, очень оригинальную и дѣлающую несомнѣнно большой шагъ впередъ въ интересующемъ насъ вопросѣ.

«Одинъ изъ предковъ Ивана IV, великій князь Василій Дмитріевичъ, хорошо выразилъ программу всѣхъ владыкъ московскихъ въ словахъ, сказанныхъ имъ митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любви учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися». Иванъ IV лишь придалъ особенную, правово-безумную цвѣтистость этой программѣ. Въ немъ дѣйствительно билась отмѣченная К. Аксаковымъ художественная жилка, отвлеченно художественная, лишенная всякой нравственной основы и часто «имѣніе собирати и возноситися» ему было мало. Нужны были еще блескъ, картинность, художественное упоеніе величія Но главнымъ опредѣляющимъ факторомъ жизни и дѣятельности Грознаго была все-таки не художественность натуры, а несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомѣрной властью, недаромъ пугавшею современниковъ». И дальше: русскій *психіатръ*, который пожелалъ бы заняться, нашелъ бы прежде всего въ его повидимому врожденной кровожадности (еще ребенкомъ онъ занимался мучительствомъ животныхъ), въ несомнѣнномъ слабоуміи его брата Юрія, въ жестокости его старшаго, убитаго имъ, сына Іоанна, въ скудоуміи его другого сына Ѳедора—намекъ на *отягченную психопатическую наслѣдственность*. Затѣмъ хотя историки-апологеты ищутъ и находятъ оправданіе подозрительно-

сти Іоанна въ поведеніи и настроеніи бояръ, но нѣкоторыя его выдумки въ этомъ отношеніи отмѣчены уже несомнѣнною печатью безумія. Таково, напр., его намѣреніе бѣжать въ Англію, для чего онъ даже вступалъ въ спеціальные переговоры съ королевою Елизаветою, жалуясь на измѣны и заговоры, не дающіе ему спокойно жить въ Россіи. Таково его завѣщаніе 1579 г. Только что разгромивъ Новгородъ и Псковъ, совершивъ казни въ Москвѣ, Грозный пишетъ въ завѣщаніи: «изгнанъ я отъ бояръ ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ». Это не простая ложь, это *явная манія преслѣдованія.* Вообще въ цѣломъ рядѣ поступковъ Ивана IV, въ которыхъ историки-апологеты старательно разыскиваютъ слѣды великихъ государственныхъ плановъ,— спеціалистъ-психіатръ, я увѣренъ, найдетъ лишь слѣды разстроеннаго духа.

Дальше г. Михайловскій говоритъ о томъ, что слабая голова Іоанна не выдержала величія власти и помрачилась. Ходъ психологическаго развитія Грознаго характеризуютъ такимъ образомъ: «Грозный былъ великимъ княземъ, хотя и номинальнымъ, съ трехъ лѣтъ. Бояре, правда, дѣлали что хотѣли, но и ему предоставляли дѣлать, что онъ хочетъ, поощряя его повидимому отъ природы дурныя наклонности и тѣмъ окончательно разслабляя его и такъ уже слабую волю. Митрополиту Макарію, Сильвестру, избранной радѣ удалось погнуть эту слабую волю въ добрую сторону, внушивъ Ивану высокое понятіе объ обязанностяхъ христіанскаго государя—предоставивъ его несомнѣннымъ ораторскимъ дарованіямъ блестящее поприще на Лобномъ мѣстѣ передъ боярами, на Стоглавомъ соборѣ, подъ Казанью. Иванъ тѣшился этой ролью: Русь крѣпла, росла, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и непомѣрная гордость Іоанна. Вознесенный удачами, лестью, собственными аппетитами превыше всѣхъ земнородныхъ, сравниваемый то съ Августомъ, то съ Константиномъ Великимъ, Иванъ въ одинъ несчастный для Россіи день понялъ, что не онъ былъ иниціаторомъ совершившихся высокихъ дѣлъ, что онъ совершилъ ихъ по указкѣ попа Сильвестра и «собаки-Адашева» съ братіей. Понятны страшные взрывы его гнѣва. Конечно онъ тотчасъ же попалъ подъ другія вліянія. Эти вліянія уже не звали его къ великимъ дѣламъ, но не мѣшали ему лично возноситься надъ несчастной Русью. Въ его развинченной душѣ не осталось ничего, кромѣ идеи, и даже не идеи, а ощущенія всемогущества, которому онъ приносилъ въ жертву все. Каждая мелькнувшая въ головѣ мысль или внушенная какимъ-нибудь Басмановымъ,

превращалась Грознымъ немедленно въ дѣйствіе, минуя всякіе задерживающіе центры. Гнѣвъ на сына въ ту же минуту разрѣшается убійственнымъ ударомъ костыля. Дикая фантазія посадить на престолъ всея Руси татарина Симеона Бекбулатовича тотчасъ же осуществляется. Взглядъ на красивую женщину—и она становится его второю, третьею, пятою, седьмою женой. Польза и нужды молодого, объединеннаго государства не существуютъ. Девлетъ-Гирей сожигаетъ Москву, Баторій наноситъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ, а Царь хлопочетъ только о томъ, чтобы уколоть Баторія его малымъ королевскимъ достоинствомъ, добиваетъ недобитыхъ воеводъ и совѣтниковъ, замѣняя ихъ шпіонами, грабителями и кровопійцами. Добиваетъ же онъ не потому, что они измѣнники, даже не по той причинѣ, по которой онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему въ подарокъ отъ шаха слона. Слонъ пострадалъ за то, что заупрямился встать передъ русскимъ Царемъ на колѣна, а бояре и народъ дѣлали это охотно. Доставалось отъ Грознаго сѣрому народу, но боярамъ доставалось дѣйствительно больше, единственно однако потому, что *они были видны, цвѣтные*, все равно какъ Калигула ненавидѣлъ высокихъ людей: они просто бросались въ глаза. Если же Грозный создалъ легенду о принципіальной борьбѣ съ боярами, то извѣстно, что маньяки иногда подъискиваютъ чрезвычайно замысловатыя объясненія для своихъ поступковъ, совершенно безсмысленныхъ... Есть однако и важное различіе между римскимъ тираномъ и Иваномъ. Исторія не оставила намъ никакихъ слѣдовъ тому, чтобы Каллигула или Неронъ угрызались когда-нибудь совѣстью. Грознаго же эта страшная гостья посѣщала. Наглотавшись крови и чувственныхъ наслажденій, Грозный временами каялся, надѣвалъ смиренную одежду, молился за убіенныхъ. Можетъ быть здѣсь была извѣстная доза лицемѣрія или все той же душевной развинченности... Какъ бы то ни было. Грозный шатался изъ стороны въ сторону, отъ грѣха—къ покаянію.

VI.

Заключеніе.

Г. Михайловскій поставилъ вопросъ о личности Грознаго на новую и оригинальную почву. Онъ разсматриваетъ Ивана прежде всего какъ болѣзненную натуру, какъ маньяка, какъ человѣка безъ воли, который страдаетъ отсутствіемъ задерживающаго начала внутри

себя. Однако аргументація г. Михайловскаго особенной полнотой не отличается, и болѣе точный психіатрическій анализъ необходимъ. Въ ожиданіи его со стороны людей свѣдущихъ позволю собрать во едино разбросанныя по книгѣ замѣчанія и обрисовать личность Грознаго, насколько я ее понимаю.

Полевой, замѣчательная исторія котораго, кстати сказать, такъ блистательно забыта нами, первый заговорилъ о наслѣдственныхъ элементахъ въ характерѣ Грознаго. Жестокость дѣда, безъ его сильнаго ума, нѣга и сластолюбіе отца — таковы, по мнѣнію Полевого, опредѣляющіе элементы наслѣдственности. Мнѣ бы хотѣлось прибавить къ этому блестящую, но не глубокую и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкую натуру матери, о которой, правда, мы знаемъ маловато, но кое-что все же знаемъ. Въ Еленѣ Глинской было много лоску, легкомыслія, много женственности наконецъ, уживавшейся однако съ извѣстной сухостью сердца. Быть можетъ ей обязанъ Грозный подвижностью ума, игривой и быстро возбуждающейся фантазіей, что дѣлаетъ его такъ непохожимъ на мало подвижныхъ и тяжелыхъ даже князей-хозяевъ московскихъ. Эти качества отличали Грознаго не только отъ его предковъ, но и отъ современниковъ, которыхъ онъ и презиралъ за ихъ глупость, вѣрнѣе за ихъ умственную сонливость. Грозный былъ краснорѣчивъ, трудно сомнѣваться, что у него былъ настоящій ораторскій и діалектическій талантъ, немало остроумія, остроумія однако поверхностного и дѣлавшагося страшнымъ лишь въ припадкахъ гнѣва. Гораздо важнѣе отмѣтить, что наслѣдственность Ивана IV была болѣзненной. Не знаю, возможно ли это оспаривать? Кто же не знаетъ, что братъ его Юрій «слабоуменъ бысть», а всѣ дѣти—Іоаннъ, Ѳедоръ, царевичъ Димитрій, страдавшій вѣроятно эпилептическими припадками,—ненормальными. Іоаннъ отличался жестокостью и сладострастіемъ; Ѳедоръ управленію государствомъ предпочиталъ занятія пономаря; Димитрій часто падалъ въ судорогахъ съ пѣной у рта. Такого факта психіатръ не можетъ оставить безъ вниманія. И трудно на самомъ дѣлѣ всю жестокость Грознаго выводить изъ воспитанія и только однимъ имъ объяснять ее. Она проявилась слишкомъ рано, сначала въ мучительствѣ надъ животными, потомъ—надъ людьми. Мерзость воспитанія, полученнаго Грознымъ, упала на готовую почву и, соединившись съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, создала невиданную свирѣпость палача-художника, пытавшаго и казнившаго, какъ артистъ и любитель. Оттого ничто не могло успокоить Іоанна, ничто не могло умиротворить его. Но жестокость—далеко не единственный признакъ болѣзни. Къ ней

надо прибавить указанное выше эротическое изступленіе, что идетъ обыкновенно рука объ руку. Напоминать ли читателю Нерона и Каллигулу, Геліогабала и Караколлу, этихъ всѣмъ извѣстныхъ мучителей и сластолюбцевъ; напоминать ли ему героевъ Достоевскаго, у которыхъ сладострастіе и жестокость всегда такъ тѣсно связаны между собою? Насколько я знакомъ съ психопатологіей (а я не спеціалистъ), то для меня очевидно, что и эротическія аномаліи, и жестокость находятся между собою въ непосредственной причинной зависимости. Ее можно было бы подтвердить многочисленными примѣрами, но всѣ эти примѣры настолько грязны, что я предпочитаю этого не дѣлать и отошлю читателя или къ спеціальнымъ сочиненіямъ по психіатріи или, что проще еще, къ «Братьямъ Карамазовымъ» Достоевскаго, гдѣ близкій союзъ этихъ обоихъ противоестественныхъ качествъ, указанъ въ яркихъ художественныхъ образахъ. Какъ это ни странно, но теперь какъ разъ будетъ умѣстно задать себѣ вопросъ о религіозности царя Ивана. Религіозность религіозности рознь. Передъ одной мы преклоняемся, затрудняясь найти болѣе высокое проявленіе человѣческаго духа, другая вызываетъ въ насъ и не можетъ не вызвать самаго искренняго отвращенія, иногда жалость. Въ религіозности Грознаго я не сомнѣваюсь и думаю, что бывали минуты, когда онъ какъ нельзя болѣе искренно клалъ земные поклоны до синяковъ и ранъ на лбу, подавалъ поминаніе о душахъ усопшихъ и убіенныхъ, наивно предоставляя Господу Богу сосчитать ихъ и самъ отказываясь отъ такой мудреной задачи. Да, были такія минуты, какъ бывали минуты покаянія и угрызеній совѣсти. Правда, въ религіозности Грознаго много формализма. Эта черта тонко подмѣчена еще Карамзинымъ, который пишетъ: «Платонъ говоритъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ въ существованіе боговъ, другіе воображаютъ ихъ безпечными и равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ, третьи думаютъ, что ихъ всегда можно умилостивить легкими жертвами или обрядами благочестія.—Іоаннъ и Людовикъ принадлежали къ сему послѣднему разряду безбожниковъ». Думаю, что не только *это*, хотя въ защиту мнѣнія Карамзина можно привести достаточное число фактовъ, напримѣръ, убивъ сына, Грозный прежде всего отправилъ 10,000 рублей въ Константинополь, чтобы греческіе монахи во главѣ съ патріархомъ замолили грѣхъ его, самъ онъ во время пребыванія въ Александровской слободѣ почти безвыходно находился въ церкви. Все это такъ; но во-первыхъ благочестіе XVI-го вѣка неразрывно соединено съ формой, а во-вторыхъ, какъ бы грубо ни понималъ Грозный Божество, отрицать

мистическихъ эмоцій въ его душѣ у насъ нѣтъ никакого основанія. Напротивъ, у насъ есть полное основаніе признавать ихъ. Изъ психопатологіи извѣстно, что эротическія аномаліи и мистическій *ужасъ* сродни другъ другу, и это опять таки драгоцѣнное указаніе науки. Не буду объяснять, *какъ* и *почему* сродни, достаточно привести фактъ, если и не общепризнанный, то все же не разъ констатированный самыми остроумными авторитетами. Разумѣется, *такая* религіозность нисколько не мѣшала жестокости Грознаго, ему случалось давать свирѣпыя распоряженія въ самой церкви, во время службы; его казни начинались обыкновенно молебнами и заканчивались панихидами. Но вѣдь такая религіозность порывистая, экзальтированная и мѣшать-то ничему не можетъ, какъ не можетъ мѣшать жестокости *пониманіе* того, что хорошо, что дурно, если въ душѣ человѣка нѣтъ нравственнаго чувства любви и сострадавія къ ближнему. Отсутствіе такого нравственнаго чувства у Грознаго несомнѣнно. Видя передъ собой Шибанова, вполнѣ признавая благородство и героизмъ его поступка, Грозный однако отправляетъ его въ застѣнокъ и подвергаетъ всѣмъ ужасамъ муки. Ни прощать, ни миловать Грозный не умѣлъ, хотя разумѣется могъ бы по поводу милости произнести блестящую рѣчь, подкрѣпивъ ее многочисленными цитатами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Всего естественнѣе предположить, что источникомъ всѣхъ этихъ указанныхъ аномалій характера, прекрасно уживавшихся съ остротой и проницательностью ума, является та форма душевнаго разстройства, которая извѣстна въ наукѣ подъ именемъ «moral insanity» — «нравственная» болѣзнь. Достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы ознакомить съ нею читателя. Каждому приходилось сталкиваться съ людьми, которые въ умственномъ отношеніи представляются совершенно здоровыми, прекрасно понимаютъ, что хорошо и что дурно, и вмѣстѣ съ тѣмъ способны совершить рядъ самыхъ безнравственныхъ поступковъ. Пониманіе добра и зла является въ этомъ случаѣ такимъ же чисто умственнымъ процессомъ, какъ рѣшеніе геометрической задачи. Этотъ процессъ совершается правильно, иногда—даже блестяще, по всѣмъ законамъ логики, но онъ нисколько не захватываетъ ни чувства, ни нравственныхъ инстинктовъ. Въ этомъ-то все и горе, такъ какъ процессъ, являясь чисто формальнымъ, не можетъ тѣмъ самымъ оказывать ни малѣйшаго вниманія на поступки человѣка. Онъ весь сосредоточенъ въ области мысли, разсужденія. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что даже мотивъ безнравственнаго поведенія является непонятнымъ, опредѣляющимъ моментомъ является случайно промелькнувшій капризъ или при-

хоть. Впервые такого рода нравственное помѣшательство было научно констатировано въ началѣ нынѣшняго вѣка Пинеломъ, который и назвалъ его «manie sans délire»—манія безъ галлюцинацій, хотя въ осложненной формѣ галлюцинаціи могутъ и быть. Ричардсъ, англичанинъ, опредѣлилъ эту психическую болѣзнь терминомъ «moral insanity». Въ пятидесятыхъ годахъ французскій ученый Морель впервые заговорилъ о вырожденіи, дегенераціи и цѣлымъ рядомъ наблюденій показалъ, что люди, страдающіе нравственнымъ помѣшательствомъ, представляютъ собою одинъ изъ характерныхъ видовъ вырожденія. Благодаря этому элементу наслѣдственности, нравственное помѣшательство можно наблюдать уже въ раннемъ возрастѣ: дѣти, страдающія имъ, отличаются удивительной жестокостью, мучаютъ животныхъ, не питаютъ ни къ кому привязанности въ лучшемъ случаѣ привычку — и доставляютъ много тяжелыхъ минутъ окружающимъ. Въ школьномъ возрастѣ они обыкновенно плохо ведутъ себя и плохо учатся. *Но особенно опасны они, когда наступаетъ время половой зрѣлости.* Тутъ такого рода юноши сплошь и рядомъ совершаютъ цѣлый рядъ проступковъ, а иногда и преступленій. Они живутъ для одной цѣли — доставить себѣ наслажденіе, а какими средствами достигнуть ее—имъ это безразлично. Оно и понятно: «moral insanity» по своимъ проявленіямъ является возвратомъ къ чисто животному эгоизму. Мнѣ думается, что портретъ больного, нарисованный наукой, довольно точно совпадаетъ съ портретомъ Грознаго, нарисованнымъ исторіей. На лицо у насъ всѣ нужные элементы. Напомню читателю еще разъ невѣроятную повышенную нервную энергію Грознаго, которая одна бы могла убѣдить насъ въ болѣзненномъ разстройствѣ его души. Муки пресыщенія Грозный зналъ, но онъ зналъ и муки неудовлетворенности, то безпокойное, вѣчно тревожное состояніе духа, которое такъ хорошо извѣстно всѣмъ внимательно наблюдавшимъ душевнобольныхъ. Это предсердечная тоска — страшная вещь, человѣкъ мечется озлобленный, раздраженный, не зная, какъ утишить безпокойство своего духа, какъ забыться. Грозный утѣшался пытками.

Но онъ находился еще и въ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ былъ царь, превосходившій объемомъ своей власти всѣхъ монарховъ Европы, кромѣ развѣ турецкаго султана, и это также необходимо отмѣтить, чтобы объяснить его ультра-жестокости. Какъ могла вліять на него среда? Въ дѣтствѣ она систематически развращала его. Онъ попалъ въ обстановку, гдѣ было гораздо больше самаго откровеннаго и безцеремоннаго холопства, чѣмъ героизма и

строгости. Прославлявшіеся когда-то нравы XVI-го вѣка отличались, какъ это теперь извѣстно, большой распущенностью и сластолюбіемъ. Зло окружало Грознаго; слѣдуя предрасположенію, онъ впитывалъ его въ себя, какъ воду губка, и останавливался въ служеніи ему никогда неудовлетворенный, иногда лишь пресыщенный. Ему все покорствовало, какъ азіатскому деспоту. «If he bid any of his Dukes goe they woll run» — «если онъ приказываетъ комунибудь изъ бояръ идти, они бѣгутъ», какъ картинно выражается *Hakuyt*. Іоаннъ пользовался въ Россіи властью большей, чѣмъ какой-нибудь изъ современныхъ ему правителей. На любовь, преданность, страхъ, лицемѣріе и холопство онъ отвѣчалъ однимъ презрѣніемъ. Это тѣмъ естественнѣе, что «moral insanity» всегда сопровождается маніей величія — «mania grandiosa», даже у обыкновенныхъ смертныхъ, что же говорить о смертныхъ необыкновенныхъ, поставленныхъ, благодаря своему происхожденію, въ совершенно исключительныя условія? Я упоминалъ уже о той искусственности даже, съ какой Грозный хотѣлъ возвысить себя надъ окружающей его русской средой. Вѣроятно искренно производилъ онъ свою власть отъ Августа, свой родъ — отъ выходцевъ римскаго императорскаго дома въ Пруссіи. Иногда онъ называлъ себя нѣмцемъ.

Во всѣхъ этихъ странностяхъ виновато не только особенное, неумѣренно высокое представленіе Іоанна о собственной власти, но и отличительныя черты его характера. Замѣтимъ мимоходомъ, что Неронъ, римскіе цезари также чувствовали большое презрѣніе къ средѣ; особенно оно было ясно у Нерона, у котораго также была артистическая натура. Грозный и въ этомъ похожъ на него. Не глубокій, но проницательный умъ, ловкій, иногда остроумный діалектикъ, человѣкъ, обладавшій большой памятью — Грозный, видя передъ собой бояръ тяжелыхъ умомъ и малоповоротливыхъ, легко проникая въ мелкія души, что и вообще-то нетрудно, ощущалъ постоянные приливы тщеславія, гордости, презрѣнія. Его слабая голова не выдержала ни величія власти, ни внѣшняго блеска собственной натуры, ни удачъ, такъ щедро сыпавшихся на него въ юности; онъ обоготворилъ себя, по крайней мѣрѣ въ собственномъ воображеніи. Это боготвореніе должно было постоянно проявляться. Оно и проявлялось между прочимъ и въ той тяжелой мрачной подозрительности, которая подъ конецъ жизни Грознаго превратилась въ постоянную, назойливую мысль о мятежахъ, измѣнѣ, преслѣдованіяхъ. Для этого больному уму совсѣмъ не надо было многихъ фактовъ, достаточно было *нѣкоторыхъ*, а они случались. Припо-

мнимъ бунтъ черни, измѣну и бѣгство Курбскаго и Вишневецкаго, братьевъ Черкасовыхъ. Грозный боялся и постоянно экспериментировалъ надъ преданностью окружающихъ.

Признавши «moral insanity», мы тѣмъ самымъ устраняемъ отъ себя трудный вопросъ о силѣ и слабости воли Грознаго. Воля — первое, что атрофируется при самыхъ разнообразныхъ формахъ душевнаго разстройства. Она необходимо слаба, хотя бы и являлась «необузданной». Аксаковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что необузданная воля и отсутствіе воли — то же самое, и различіе между первой и второй половиной царствованія Грознаго сводится къ различію между Сильвестромъ и Малютой Скуратовымъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о государственномъ значеніи царствованія Грознаго. Его внѣшней политикѣ нельзя отказать въ ширинѣ размаха и блескѣ замысловъ. Но я отказываюсь видѣть въ дѣятельности Грознаго программу Петра Великаго, о чемъ мнѣ пришлось уже говорить раньше. Главнымъ мотивомъ было честолюбіе, заставлявшее Грознаго добиваться польскаго престола, — честолюбіе, которому льстили побѣды и связанное съ ними униженіе враговъ. Грозный хотѣлъ играть роль въ Европѣ, хотѣлъ, чтобы его признали великимъ и славнымъ, но о томъ, чтобы обновить Русь черезъ сближеніе съ Западомъ, онъ не думалъ. Такъ-же мало онъ былъ демократомъ. Въ его царствованіе крѣпостное право сдѣлало грандіозные успѣхи, а всѣ демократическія мѣры припадлежать тринадцатилѣтнему періоду его правленія, когда Сильвестръ и Адашевъ значили все, а самъ Грозный ничего не значилъ. Даже въ борьбѣ съ боярствомъ, въ своемъ стремленіи къ всеобщему нивеллированію онъ не добился успѣховъ. Послѣ его смерти боярство подняло голову и даже выше, чѣмъ до него. Конечно завоеваніе Казани, изданіе «Судебника», присоединеніе Сибири — навсегда останутся блестящими страницами русской исторіи, но Грозный повиненъ въ нихъ какъ Царь, именемъ котораго все совершалось, а не какъ геній, котораго мы можемъ восхвалять за прозорливость. Чтобы ни говорили намъ о блескѣ его правленія, мы никогда не должны забывать о главномъ результатѣ его. Этотъ результатъ — развращеніе народа.

Я согласенъ съ тѣмъ, что Іоаннъ IV — центральная фигура русской жизни XVI вѣка и вровень ему не идетъ ни нѣголюбивый отецъ его Василій III, ни малодушный сынъ Ѳеодоръ, съ особеннымъ усердіемъ исполнявшій пономарскія обязанности, во всемъ остальномъ положившись на Годунова. Царствованіе Грознаго — это буря,

пронесшаяся надъ русской землей съ громомъ и молніей, но буря не освѣжающая, не такая, послѣ которой долженъ начаться расцвѣтъ новой жизни,—а губительная, закончившаяся тяжелой эпохой смутнаго времени. Личность царя и его эпоха исполнены драматизма, знакомясь съ которымъ нельзя не чувствовать невольнаго трепета. Прежніе русскіе люди смотрѣли на невиданныя и неслыханныя до той поры казни и жестокости, совершавшіяся то въ глухихъ застѣнкахъ, то открыто передъ всей землей, какъ на испытаніе, посланное Богомъ за ихъ грѣхи. Русь это испытаніе вынесла, но вышла изъ него не мощной и сильной, а развращенной въ самомъ сердцѣ своемъ. Ужасы монгольскаго ига, выработавшіе въ русскомъ характерѣ такую приниженность, забитость, привычку пассивно отражать всѣ бѣды,—были доведены Грознымъ до крайности. Умирая, онъ могъ гордиться, что добился-таки своего. Все молчало, все несло на себѣ лицемѣрную или искреннюю маску смиренія, все напоминало собою «пустыню духовную», гдѣ не смѣло раздаться горячее, честное слово, не смѣло проявиться горячее, честное чувство. Но за этой покорностью таились дурныя страсти: пшеница была вырвана, остались плевелы. И эти-то дурныя страсти, выработанныя въ школѣ Грознаго, открыто проявились въ ту эпоху, когда тушинскіе и иные воры разорили Русь. Какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе: онъ развратилъ народъ, уничтожая въ немъ все выдающееся, героическое, славное.

Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса.* Пер. *Н. Мокіевскаго.* Ц. **2** р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. **1** р. **25** к.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. **1** р **50** к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. **60** коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я. Ц. каждой **50** к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р.
Берегите легк'я! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. **40** к
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна **1** р. **25** к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. **60** к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц. **2** р
Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. **1** р
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. **4** р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. **60** к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц. **30** к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц. **40** к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. **50** к
Физіологія души. *А. Герцена.* Ц. **1** р
М'ръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. **1** р.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. **1** р. **50** к. Въ папкѣ **1** р. **75** к. Въ пер.—**2** р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. **1** р **50** к
V **Умственныя эпидеміи.** Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис. Ц. **1** р. **75** к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. **30** к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. **1** р.
Телефонъ и его практическія примѣнен'я *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц. **2** р. **50** к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. **2** р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц. **1** р **25** к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. **2** р. **50** к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* **30** к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. **25** к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц. **1** р **50** коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. **2** р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. **2** р **50** к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. **2** р
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ 114 рис. Ц. **1** р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. **75** к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. **1** р
Социальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. **2** р **50** к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. **2** р. **50** к
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. **2** р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. **1** р. **50** к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. **1** р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. **80** к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. **50** к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. **10** к.
Воздушное садоводство *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна **60** коп
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго.* Ц. **20** к
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клина.* Пер. *Н. Корфъ.* Ц. **75** к
Гигіена семьи. *Гебера.* Ц. **50** к.
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. **40** к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. **1** р. **50** к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. **40** к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. **1** р. **50** к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. **1** р. **25** к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1** р; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. **1** р; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60** к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. **1** р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. **1** р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. **1** р. **50** к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. **1** р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. **1** р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. **50** к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1893 года.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40 к.** Въ папкѣ **50 к.**, въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3 р. 25 к.**

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 16 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

Дѣтскій маскарадъ. *Авбелева.* Съ 16 рис. Ц. **20 к.**

Блуждающие огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной.* Съ 44 рисунками. Ц. **1 р.** Въ папкѣ—**1 р. 25 к.** Въ переплетѣ—**1 р. 60 к.**

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис. Ц. **60 к.**, въ папкѣ **75 к.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 50 к.**, въ переплетѣ **3 р.**

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ **1 р. 50 к.** Въ переплетѣ **2 р.**

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна **1 р.**, въ папкѣ **1 р. 25 к.**, въ переп. **1 р. 60 к.**

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **2 р.**

Послушаемъ! Дѣт. разсказы. *Нольде.* Съ 28 рис. въ папкѣ **1 р.**, въ перепл. **1 р. 35 к.**

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.) Ц. **1 р.** „Объясненіе“ къ нимъ **5 к.**

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30 к.**, въ папкѣ **40 к.** въ переп., **60 к.**

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каждаго романа **40 к.**, въ папкѣ **50 к.**, въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2 р. 80 к**

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна **2 р.**, въ перепл. **2 р. 75 коп.**

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц. **40 к.**

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. **1 р.** въ переп. **1 р. 75 к.**

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами Ц. **1 р.**

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофера.* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ переп. **2 р. 25 к.**

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р.** въ папкѣ **2 р. 25 к.** въ переп. **2 р. 75 к.**

Сказочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.** въ переплетѣ **2 р. 75 к.**

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Цѣна **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ переплетѣ **2 р. 25 к.**

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. **1 р 25 к.** Въ переплетѣ **2 р.**

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1 р 25 к.** въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **2 р.**

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова.* 3-е изд., съ 353 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ—**2 р. 25 к.**

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна **1 р. 25 к.** въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **1 р. 75 к.**

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галузиева.* Съ 40 рис. Ц. **1 р. 25 к.** въ папкѣ—**1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. каждой книжкѣ по **35 к**

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ. **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р.**

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рисун Ц. **25 к.**

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50 рис. Ц. **1 р. 50 к.** въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ пер **2 р.**

Приключенія сверчка. *Э. Кандева.* Съ 67 рис. Ц. **2 р.** въ пап. **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 50 к.**

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. Ц. **75 к.**, въ пап. **1 р.**, въ пер. **1 р 30 к.**

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. Ц. **50 к.** Въ папкѣ **75 к.** Въ переп.—**1 р.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6 к.**—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. **10 к.**—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. **4 к.**—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. **3 к.**—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. **4 к.**—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. **2 к.**—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. **4 к.**—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. **25 к.**—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8 к.**—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. **12 к.**—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц **3 к.**—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. **10 к.**—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. **10 к.**—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. **2 к.**—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ Съ 5 рис. Ц. **8 к.**—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. **8 к.**—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. **8 к.**—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. **5 к.**—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. **5 к.**—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. **7 к**

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Беконъ, Беранже,** Клодъ-Бернаръ, **Берне, Бетховенъ,** Бисмаркъ, **Боккачіо,** Боклъ, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни). Р. Вагнеръ,** Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи,** Вирховъ, Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей,** Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,** Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггеръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ,** Декартъ, **Дефо, Дженнеръ,** Дидро, **Диккенсъ,** Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ,** Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ,** Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйель, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ,** Лессепсъ, **Лессингъ,** Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ,** Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, **Маколей, Мейерберъ,** Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль,** Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ,** Мольтке, **Монтескье, Т. Моръ, Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I. **Ньютонъ,** Оуэнъ, Парнель, **Паскаль,** Пастеръ, **Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье,** Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Сакіа-Муни (Будда), Свифтъ,** Сервантесъ, **В. Скоттъ,** А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли, Стефенсонъ** и **Фультонъ, Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли,** Цицеронъ и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ** и **Морзе, Дж. Эліотъ,** Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ,** и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, **Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ,** Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ, Волковъ** (основатель русскаго татра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь,** Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ,** Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ, Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, Канкринъ,** Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ,** Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ,** Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ, Новиковъ,** Островскій, Перовъ, Петръ Великій, **Пироговъ,** Писемскій, Писаревъ, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій, Струве,** Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Щепкинъ,** А. Н. Энгельгардтъ, Ѳедотовъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка,** *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 іюля 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 29 іюля 1893 года.

